

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

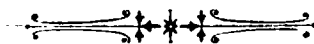
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанекаго

Выпускъ III

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

1903

ОТДѢЛЪ I.

Къ вопросу о племенныхъ отношеніяхъ въ Угорской Руси ¹.

Въ настоящей статьѣ представляется нѣсколько замѣчаній и соображеній по поводу выхода въ свѣтъ двухъ новыхъ западнославянскихъ сочиненій, посвященныхъ угрословенской этнографіи и діалектологіи, причемъ обращается особое вниманіе на тѣ ихъ стороны, которыя относятся къ спорному донныѣ вопросу о разграниченіи племенъ угрословенскаго и угрорусскаго.

Первое изъ этихъ сочиненій принадлежитъ извѣстному чешскому этнографу и археологу д-ру Любору Нидерле и озаглавлено: «*Národopisná Mapa uherských Slováků na základě sčítání lidu z roku 1900*» (Praha, 1903), второе же—угрословенскому языковѣду д-ру Само Цамбелю, подъ заглавіемъ: «*Slováci a ich reč*» (Budapešť, 1903).

Задачей г. Нидерле было представить картографическую обработку тѣхъ данныхъ, какія были собраны въ 1900 г., при переписи населенія, венгерскимъ правительствомъ и изданы въ 1902 г. подъ редакціей д-ра Vargha Gyula, подъ заглавіемъ: «*A népesség általános leírása községenkint*» (Budapest). Но такъ какъ г. Нидерле пожелалъ нанести на карту не одніѣ границы угрословенскаго населенія, но до нѣкоторой степени и процентное отношеніе его къ инородцамъ въ отдѣльныхъ городахъ и селеніяхъ данной территоріи, то автору пришлось включить въ свои картограммы до трехъ тысячъ названій такихъ поселеній. Для этого оказалось необходимымъ, сверхъ общей карты «Словенской области въ Венгріи», представить еще цѣлый десятокъ особыхъ картъ для отдѣльныхъ столицъ или жупаній. Особымъ способомъ обозначены на этихъ картахъ какъ тѣ области, гдѣ словаки составляютъ болѣе 50% населенія, такъ и тѣ, гдѣ ихъ менѣе половины, или гдѣ словаки говорятъ смѣшаннымъ словенско-польскимъ или словенско-русскимъ говоромъ. Наконецъ, отмѣчено особою краскою и нѣсколько такихъ мѣстностей, гдѣ по официальнымъ даннымъ числится словаковъ менѣе 10%, но гдѣ на дѣлѣ, по достовернымъ частнымъ даннымъ, ихъ болѣе 10%. Чтобы доставить изслѣдователямъ возможность провѣрки нанесенныхъ на карты данныхъ, издатель приложилъ къ своей книгѣ подробный перечень, по столицамъ, всѣхъ обозначенныхъ на картахъ городовъ и селеній, съ ихъ мадьярскими и словенскими наименованіями, а равно съ обозначеніемъ какъ общаго числа жителей для

¹ Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Имп. Русскаго Географическаго Общества 24 окт. 1903 года.

каждаго селенія, такъ и числа словаковъ—абсолютнаго и процентнаго. Сверхъ того, въ текстѣ имѣются для каждой стѣлицы указанія на географическое распредѣленіе словаковъ и на ихъ числовое отношеніе къ прочимъ народностямъ территоріи, съ нѣкоторыми библиографическими справками.

Нечего и говорить, что эти данныя очень важны для статистики угрословенскаго населенія. Особенно же цѣнно установленіе славянскаго облика именъ нѣсколькихъ тысячъ угрословецкихъ селеній, означаемыхъ нынѣ въ официальныхъ изданіяхъ, на основаніи особаго закона, въ мадыарскомъ искаженіи.

Что касается полученнаго этимъ путемъ этнографическаго вывода, то онъ заключается въ томъ, что нынѣ словакамъ принадлежать, по большинству населенія, не только издревле словенскія стѣлицы: Пресбургская, Нитранская, Тренчанская, Оравская, Тековская, Турчанская, Зволенская, а равно отчасти примыкающія къ нимъ Гонтянская, Новоградская и Гемерская, но и большая часть считавшихся раньше русскими стѣлицъ: Спшская, Шаршская, Зенплинская, Абауй - Торнянская и даже значительная часть Ужгородской. Такимъ образомъ, по этимъ картамъ, остается для угрорусскаго населенія, кромѣ незначительныхъ островковъ въ этихъ послѣднихъ стѣлицахъ, всего три комитата на подкарпатскихъ побережьяхъ верхней Тисы: Берегъ, Угоча, Мармарошъ. Слѣдовательно, западный рубежъ Руси опредѣляется здѣсь долиной Лаборца или даже Унга.

Совершенно въ другомъ видѣ представляется намъ закарпатскій рубежъ русской народности, если мы примемъ въ соображеніе данныя, собранныя, хотя и не разработанныя подробно, во второмъ изъ названныхъ сочиненій, а именно въ книгѣ др-а Цамбеля: «Словаки и ихъ рѣчь». Книга эта заслуживаетъ въ данномъ случаѣ тѣмъ большаго вниманія, что она писана природнымъ словакомъ (изъ липтовской стѣлицы) и, притомъ, хорошимъ филологомъ,—однимъ изъ лучшихъ между нынѣшними словаками, какъ это уже раньше было признано компетентными судьями, на основаніи его же сочиненій: «Slovenský pravopis (Budap. 1890), «Rukovät spisovnéj reči slovenskéj» (T. Sv. Mart. 1901), «O spisovnéj reči slovenskéj» (Slov. Pohl. 1901), «A cseh-tót nemzetseg multja, jelene és jövője» (T. S. Mart. 1902) и н. др.

Основные воззрѣнія, развитыя авторомъ въ новѣйшемъ его изданіи, формулированы имъ самимъ (стр. 246) такъ:

1. словаки—обломокъ племени, слившагося (въ долину средняго Дуная) съ народомъ мадыарскимъ и принадлежавшаго, по языку, къ группѣ юго-западныхъ славянъ;

2. во второй половинѣ IV в. этотъ юго-славянскій обломокъ былъ заброшенъ въ область, уже населенную съ сѣвера вѣтвями польскаго племени;

3. въ періодъ татарскаго нашествія (XIII в.) этотъ обломокъ сильно ослабѣлъ, а потому пополнялся, затѣмъ, наслоеніями различнаго этнографическаго происхожденія;

4. гипотеза чешско-словенская можетъ быть защищаема лишь на основѣ очевиднаго письменнаго языка словаковъ, который подчинилъ себѣ всѣ ихъ образованные слои въ теченіе 500 лѣтъ, когда онъ считался у словаковъ образцовымъ, и который при содѣйствіи этихъ слоевъ очевивалъ и очевиваетъ и рѣчь словенскаго простонародья;

5. словаки представляют самостоятельное этнографическое цѣлое, которое прежде не принадлежало къ той вѣтви славянскихъ языковъ, къ которой относятся языкъ чешскій;

6. словенчина приняла въ себя съ VI в. много стихій не славянскихъ; она должна бы нынѣ въ литературномъ употребленіи приближаться къ просторѣчьямъ.

Очень возможно, что выраженная въ этихъ положеніяхъ тенденція новѣйшей работы г. Цамбеля, заключающаяся, гл. обр., въ попыткѣ доказать, что угрословенскій языкъ, по своему происхожденію, не имѣетъ ничего общаго съ чешско-моравскимъ, отъ котораго онъ очень далеко отстоитъ-де и по своимъ діалектическимъ особенностямъ,—не выдерживаетъ строгой научной критики, какъ это отчасти было показано уже г. Шкультети въ «Народн. Новинахъ» (лѣтомъ 1903). Но насъ занимаетъ въ настоящее время не эта словенско-сепаратистическая тенденція автора, а его соображенія о русскомъ происхожденіи и характерѣ тѣхъ словенско-русскихъ говоровъ, которые разбросаны въ восточныхъ стѣнахъ верхней Угріи (Гемеръ, Спигъ, Шаригъ, Абауй-Торна, Земплингъ, Унгъ) и многими—въ томъ числѣ г. Нидерле на его картѣ—причисляются къ говорамъ восточно-словенскимъ.

Соображенія эти, при общемъ сводѣ относящихся сюда замѣчаній, заключаются въ нижеслѣдующемъ:

Указавъ на тотъ общезвѣстный фактъ, что въ періодъ Великоморавскаго государства словаки жили значительно западнѣе нынѣшняго, по сю и по ту стороны Дуная, и что древнее Нитранское княжество врядъ-ли простиралось на востокъ далѣе Погонья, Цамбель высказываетъ мысль, что лежащая къ востоку отъ Матранскихъ горъ область Верхней Угріи была обитаема встарь не словаками, а другимъ народомъ, именно русскими. Въ этомъ отношеніи словенскій ученый присоединяется къ мнѣніямъ словенскихъ же ученыхъ Гостинскаго, Заборскаго, Мишика и мораванина Пастернака, которые установили значительную разницу въ типѣ населенія, правахъ, особенностяхъ говора, вѣроисповѣдныхъ отношеніяхъ и историческихъ преданій обитателей притисскихъ комитатовъ (по системѣ Тисы и впадающихъ въ нее рѣкъ Шаявы, Гернада, Бодрога, Ондавы и др.), по сравненію съ населеніемъ коренныхъ словенскихъ жупаній, расположенныхъ по теченію впадающихъ въ Дунай (а не Тису) рѣкъ Опола, Нитры, Грона, Вага и даже Моравы. Въ основѣ такъ называемыхъ восточно-словенскихъ говоровъ, особенно спигскихъ, шаригскихъ, земплинскихъ, безспорно лежитъ-де подпочва русская. Это слѣдуетъ сказать даже о тѣхъ епископахъ, шариганахъ, земплинцахъ и т. д., которые держатся нынѣ латинскаго богослуженія, а потому и зовутъ себя словаками. Русское же происхожденіе мѣстныхъ униатовъ даже не составляетъ вопроса: за послѣднее 500-лѣтіе неизвѣстны-де случаи, чтобы какой-либо католическій храмъ обратился въ православный или униатскій. Напротивъ, извѣстно множество случаевъ совращенія чрезъ унию въ латинство мѣстныхъ славянскихъ храмовъ. Этого рода вліяніемъ слѣдуетъ-де объяснять и тотъ безспорный фактъ, что закарпатскіе русняки не рѣдко скрываютъ въ бесѣдѣ съ панами свой родной говоръ, а ломаютъ кое-какъ по-словенски; по этой же причинѣ многіе изъ русняковъ выдаютъ себя при переписяхъ за словаковъ, почему при разграниченіи этихъ двухъ народ-

ностей надежнѣе-де руководиться церковными схематизмами, чѣмъ государственными переписями (стр. 42—49).

Не лишено значенія, что къ подобнаго рода выводамъ въ послѣднее время стали приходить и лучшіе изъ мадьярскихъ ученыхъ, какъ напр. цитируемый г. Цамбелемъ мадьярскій этнологъ П. Балогъ (въ сочиненіи «*A pérfa jok Magyarorszagon*». Budar. 1902). Разсматривая въ этнографическомъ отношеніи Верхнюю Угрію, онъ признаетъ необходимымъ подраздѣленіе ея на три пояса:

А. Словенскій, между рр. Моравою и Грономъ, въ столицахъ: Пожунъ, Нитра, Тековъ, Туроць, Тренчинъ, Орава, Липтовъ и Зволенъ;

Б. Половецкій, между Грономъ и Гернадомъ, въ столицахъ: Остригомъ, Гонтъ, Новградъ, Гевешъ, Боршодъ, Гемеръ и Абауй-Торна;

В. Словенско-русскій, въ столицахъ: Спишъ, Шарисъ, Земплинъ, Унгъ и Берегъ.

Балогъ, подобно Гостинскому и другимъ словенскимъ ученымъ, допускаетъ, что русскіе жили раньше и въ половецкомъ поясѣ, но нынѣ сохранились тутъ всего на одномъ островѣ Боршодской столицы (стр. 49).

Хотя Цамбель, такимъ образомъ, не высказывается прямо за русскій характеръ рѣчи славянъ Спишскихъ, Шарисскихъ, Земплинскихъ и т. д., однако изъ сопоставленія приводимыхъ имъ данныхъ видно, что онъ вовсе не считаетъ этихъ славянъ словаками, а развѣ ославачиваемою Русью. Такой же выводъ стоитъ, очевидно, въ полномъ противорѣчій со взглядомъ на этотъ предметъ г. Нидерле, нашедшимъ картографическое выраженіе въ упомянутомъ его сочиненіи.

Не останавливаясь здѣсь ближе на выясненіи генеалогіи этихъ двухъ воззрѣній на русско-словенскій рубежъ нашей племенной области, такъ какъ въ нашей литературѣ уже имѣется по этому предмету библиографическіе своды, а отчасти и критическіе отзывы въ трудахъ профф. Грота, Петрова, Францева, Филевича и н. др., я постараюсь выяснитъ источникъ и значеніе столь существенныхъ разногласій по этому предмету между двумя названными учеными.

Г. Нидерле, будучи въ прочихъ своихъ трудахъ (особенно въ его «*Slov. Starožitnosti*») этнографомъ-историкомъ, а не этнографомъ-статистикомъ, тѣмъ не менѣе въ данномъ картографическомъ сочиненіи призналъ возможнымъ совершенно отрѣшиться отъ историческаго метода и довольствоваться указаніями статистики, притомъ статистики мадьярской, относительно которой онъ самъ говоритъ (ст. 3), что она не совсѣмъ исправна, такъ что словенскіе патриоты жалуются-де на ущербъ, нанесенный при послѣдней переписи словакамъ въ пользу мадьяръ по меньшей мѣрѣ на 200.000 душъ (ib.). Онъ полагаетъ, правда, что эти неисправности не отразятся замѣтно на картѣ, гдѣ отмѣчаются не детали цифръ, а лишь извѣстныя процентныя категоріи, напр., отъ 25—50%, отъ 50—75%, отъ 75—90% и т. п. Сверхъ того, издатель обращался-де къ нѣкоторымъ словенскимъ специалистамъ съ просьбою о просмотрѣ спорныхъ частей карты, указаніями которыхъ и воспользовался, затѣмъ, въ нужныхъ случаяхъ.

Допуская нѣкоторое значеніе такихъ оговорокъ и поправокъ, я полагаю-однако, что онѣ никакъ не могли существенно измѣнить основныхъ, неточностей официальной угорской переписи. Если, положимъ, счетчики измѣнили въ пользу или вредъ словакамъ цифры только на 1—2%, то и тогда его карта словенскаго большинства (свыше 50%) могла существенно измѣниться. А что это

случалось съ угорскими счетчиками и, притомъ вовсе нерѣдко, было указано по изданіи матеріаловъ переписи 1900 г. въ словенскихъ журналахъ и газетахъ по отношенію къ цѣлымъ десяткамъ словенскихъ городовъ и селеній. Да и самъ г. Нидерле допускаетъ обсчетъ при переписи 1900 г. словаковъ на 200.000, т. е. на 10% (изъ 2 мвл.).

И мнѣ лично бросается въ глаза явная неточность нѣкоторыхъ изъ данныхъ переписи по отношенію къ непосредственно мнѣ знакомымъ мѣстностямъ, а именно: селеніямъ Чертежному, Дричнѣ, Владычей и Сухой на границахъ Земплинскаго и Шаршскаго комитатовъ. Всѣ эти селенія имѣютъ совершенно однородное русское и уніатское населеніе. Между тѣмъ, по переписи значатся: чертежнѣяне русскими, а дричнѣяне, владычане, сущане—словаками (стр. 73, 81—82, 103, 126, 127; ср. карты). Такую же неточность составляетъ въ моихъ глазахъ указаніе г. Нидерле (стр. 74), будто въ с. Чертежномъ <довольно нѣмцевъ>: ни одного нѣмца тамъ нѣтъ, если подъ нѣмцами не разумѣть переселившихся изъ Галиціи евреевъ.

Странно и увѣреніе мадьярскихъ статистиковъ, переданное г. Нидерле (стр. 69), будто въ Боршодской стѣлицѣ живутъ, сверхъ мадьяръ, «чехи, поляки и словинцы». Подъ ними и здѣсь, безспорно, разумѣются католическіе или уніатскіе угроруссы, какъ это видно изъ примѣчанія на той же страницѣ, гдѣ сказано, что жители нѣкоторыхъ боршодскихъ селеній по происхожденію русскіе и держатся, отчасти, уніатскаго исповѣданія.

То же относится къ чехамъ и полякамъ Абауй - Торнянской стѣлицы (стр. 70), гдѣ русскіе опять опущены, и къ полякамъ Земплинской стѣлицы (стр. 74)—здѣсь ихъ вовсе нѣтъ, и т. д.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что относительно разграниченія русскихъ и словаковъ въ Земплинской и смежныхъ стѣлицахъ самъ г. Нидерле призналъ, что «для этнографа, принимающаго въ соображеніе не языкъ только, но и вѣроисповѣданіе, политическое (?) настроеніе, нравы, покрой платья и т. п. донинѣ весьма тяжело, даже невозможно провести границу между русскими и словаками. Тутъ есть-до много областей съ говорами переходнаго характера, образованія вторичнаго, а сверхъ того отражается вліяніе польскаго языка (напр., въ удареніи); есть общины, гдѣ жители говорятъ, положимъ, по-словенски, но вѣры уніатской, или такіа, гдѣ одежда и весь бытъ болѣе русскій, но сознаніе въ противорѣчій съ языкомъ и т. п. (стр. 74). Если это такъ, то къ чему же закрѣплять на картѣ подобныя фиктивныя границы между мнимыми русскими и мнимыми словаками?

Мало заслуживаютъ довѣрія очевидно поспѣшныя и приводимые г. Нидерле (стр. 128 и слѣд.) выводы этностатистика Балоба («A népfajok Magyarországon». Bdp. 1902), который изъ сравненія переписей за 50 л. нашелъ, между прочимъ, что за это время въ Угріи изъ общаго числа сербскихъ селеній: омадьярилось 22, орумынилось 11, онѣмчилось 30 и охорватилось—21, тогда какъ изъ русскихъ селеній: 40-де омадьярилось, 176 ословачилось и 1 онѣмчилось.

Нельзя, конечно, отрицать успѣховъ мадьяризаціи во всей Угріи. Но все же она совершается не съ такою головокружительною быстротою, какая выходятъ изъ цифръ г. Балоба, по которымъ, напр., въ Турчанскомъ комитатѣ изъ 2,7% мадьярскаго населенія въ 1890 г. стало къ 1900 г.,

т. е. въ 10-лѣтіе, 4,2%, или въ Зволени изъ 4% — 7,2%, въ Спини изъ 3,1% — 6,2%, въ Шариш изъ 3,4% — 6,1%, и т. д. (стр. 121). Что же касается отнѣченнаго Балогомъ перехода 21 сербскихъ общинъ въ хорватскія, а 176 русскихъ — въ словенскія, то это объясняется не какими-нибудь народными передвиженіями или переворотами, каковыхъ здѣсь вовсе не бывало въ это десятилѣтіе, а единственно неудачностью пріемовъ официальной переписи.

Въ самомъ дѣлѣ, рубрика переписей о «материнскомъ языкѣ» не даетъ еще сама по себѣ надежнаго матеріала для этнографическихъ выводовъ. Такъ, не можетъ же этнографъ угорскихъ евреевъ, которыхъ перепись сплошь причисляетъ то къ мадярамъ, то къ нѣмцамъ, признать таковыми единственно потому, что они давно утратили свой племенной (семитскій) языкъ и заимѣли его — даже въ семейномъ употребленіи — нѣмецкимъ жаргономъ, а кое-гдѣ и языкомъ мадярскимъ. Въ этомъ случаѣ этнографъ поступить, конечно, гораздо правильнѣе, если отдѣлить евреевъ и отъ нѣмцевъ и отъ мадяръ, руководствуясь при этомъ вѣроисповѣдной статистикою.

Равнымъ образомъ и по отношенію къ этнологическимъ особямъ — сербы, хорваты, которые, какъ мы уже видѣли, строго разграничены въ угорской официальной статистикѣ — слѣдуетъ руководствоваться не показаніями статистики объ ихъ «материнскомъ языкѣ», который, въ сущности, и не отличается у обитающихъ въ Угріи сербовъ и хорватовъ (такъ называемые шокцы и буневцы говорятъ по-штокавски), а скорѣе данными вѣроисповѣднаго же характера. Вѣдь извѣстно, что въ обществѣ сербами обыкновенно называются православные, а хорватами католики, на общемъ полѣ языка сербо-хорватскаго.

То же приблизительно слѣдуетъ сказать о значеніи въ сѣверо-восточной Угріи въ народномъ употребленіи терминовъ: русскій, словакъ (вѣрнѣе — словякъ). Обыкновенно подъ первымъ наименованіемъ издревле разумѣлся, да и нынѣ разумѣется членъ греко-славянской (нынѣ уніатской) церкви, а подъ вторымъ — католикъ или лютеранинъ. Въ такомъ приблизительно смыслѣ различаются и у насъ въ сѣверо-западной Руси православные бѣлоруссы отъ бѣлоруссовъ-католиковъ условными въ просторѣчій терминами: «русскій», «полякъ», тогда какъ всѣ протестанты (не исключая латышей и финновъ) обыкновенно зовутся у насъ «нѣмцами». Правда, въ послѣднихъ угорскихъ переписяхъ стали принципиально причислять къ словакамъ не только окатоличенныхъ русняковъ въ сѣверо-западныхъ стѣлицахъ, но и уніатовъ, говорящихъ по-сотацки или по-цотацки, — вообще, на говорахъ, смѣшанныхъ изъ элементовъ русскаго, словенскаго и польскаго языковъ. Но при этомъ, очевидно, совершается актъ насилія по отношенію къ «племенному сознанию» такихъ сотаковъ или цотаковъ, которые всегда и безъ изыятія считаютъ себя русскими, если принадлежать къ грекославянской или, какъ тамъ издревле выражаются, русской церкви. Наконецъ, это насиліе усугубляется еще тѣмъ, что во многихъ случаяхъ (напр., въ вышеупомянутыхъ селеніяхъ Дрична и Владыча) къ словакамъ причислены въ переписи, а затѣмъ и на картахъ г. Нидерле, и такія селенія, гдѣ въ рѣчи вовсе нѣтъ ничего ни сотацкаго, ни цотацкаго, а слышится обыкновенная лемковщина, хорошо извѣстная и въ западной Галиціи, гдѣ нѣтъ никакихъ словаковъ.

Вообще, должно замѣтить, что въ мѣстностяхъ съ переходными говорами, напр., на нашентъ Подляшскомъ рубежѣ Руси съ поляками, либо въ Сандецкомъ

округъ Галичины, гдѣ такъ часто и незамѣтно переливается рѣчь лемковско-русская въ горальско-польскую, а равнымъ образомъ въ Спишскомъ, Шаришскомъ, Земплинскомъ и смежныхъ округахъ Угрии, гдѣ угрорусская рѣчь столь же незамѣтно переливается въ рѣчь угрословенскую, по разнымъ ея говорамъ, — рѣшеніе вопроса: говоритъ ли данный субъектъ на одномъ изъ переходныхъ говоровъ языка русскаго или словенскаго, вовсе не такъ легко и очевидно, чтобы могло быть предоставлено усмотрѣнію каждаго опрашиваемаго для переписи поселенина или каждаго заходустнаго нотаря-счетчика. Въѣдъ во многихъ случаяхъ и сами ученые специалисты языковѣднія спорятъ о принадлежности того или другого угрорусскаго говора къ системѣ русской или словенской, причемъ одни ссылаются на отсутствіе, положимъ, въ такомъ говорѣ русскаго полногласія, а другіе — на отсутствіе въ немъ словенской долготы гласныхъ, сонантовъ р, л, и т. п. Если ужъ въ наукѣ подобные вопросы считаются спорными и рѣшаются различно², то какое же значеніе можетъ имѣть для языковѣда и этнолога то или другое рѣшеніе подобнаго вопроса любымъ счетчикомъ? Потому-то и въ западныхъ странахъ вопросы діалектологическаго характера, положимъ разграниченіе верхненѣмецкихъ и нижненѣмецкихъ говоровъ въ Германіи, ойльскихъ и окскихъ во Франціи, каталонскихъ и испанскихъ на Пиренейскомъ полуостровѣ и т. д. рѣшаются экспедиціями ученыхъ обществъ, а не счетчиками переписей.

Въ данномъ случаѣ задача усложняется еще тѣмъ, что Угрія—издревле (со временъ св. Стефана) страна полиглотная, такъ что тамъ и между крестьянами не въ рѣдкость найти лицъ, говорящихъ на двухъ, трехъ и даже четырехъ языкахъ, напр., въ Банатѣ: по-сербски, по-румынски, по-нѣмецки и по-мадярски. Тѣмъ чаще встрѣчаются тамъ селенія, употребляющія два славянскихъ языка, напр., русскій и польскій на Спишѣ, русскій и словенскій въ Шаришѣ и Земплинѣ, и т. д., причемъ одинъ служитъ для сношеній съ панами или сюртучниками, а другой съ лапотниками. Легко ли въ такихъ случаяхъ попытаться до языка «материнскаго»!

Итакъ, едва ли не придется заключить, что картографическая работа г. Нидерле, представляющая попытку рѣшить этнографическій вопросъ (о разграниченіи словаковъ отъ угроруссовъ) на основаніи произвольныхъ данныхъ мадярской переписи, притомъ относящихся не къ происхожденію или національному сознанію объектовъ переписи, а единственно къ ихъ взгляду на діалектологическія особенности своего «материнскаго языка», —вовсе не приближаетъ насъ къ объективно-научному рѣшенію вопроса о закарпатскомъ рубежѣ русской народности.

Не рѣшаютъ, правда, этого вопроса и вышеуказанныя соображенія г. Цамбеля, тѣмъ болѣе, что его выводамъ не достаетъ и болѣе опредѣленной формулировки. Но все же намъ весьма важно знать, что между учеными словаками есть люди, оспаривающіе вѣрность тѣхъ положеній о торискомъ, ондавскомъ или даже унгскомъ рубежѣ русской народности, которыя утвердились между

² Замѣтны въ этомъ отношеніи колебанія и въ статьяхъ г. О. Броха объ угрорусскихъ говорахъ.

западными, особенно чешско-словенскими учеными, съ легкой руки П. І. Шафарика. Опираясь въ данномъ случаѣ на отзывы мѣстныхъ ученыхъ словаковъ, въ родѣ Гостинскаго, Заборскаго, Цамбеля, легче будетъ и намъ—русскимъ постепенно отрѣшиться отъ усвоенныхъ со временъ Шафарика мнѣній о безусловно словенскомъ характерѣ такъ называемыхъ восточныхъ словенскихъ говоровъ, въ томъ числѣ сотацкихъ, цотацкихъ и вообще словенско-русскихъ на Спишѣ, въ Шаришѣ и въ Земплинѣ.

Но еще важнѣе то, что г. Цамбель въ своемъ, хотя и чисто языковѣдномъ трудѣ помѣтилъ для мѣстныхъ ученыхъ методъ, по которому единственно можетъ быть рѣшенъ данный вопросъ. Этотъ методъ можетъ быть названъ историко-синтетическимъ и заключается въ томъ, что при рѣшеніи вопросовъ этнологической области всегда необходимо сравнивать настоящее съ прошедшимъ, изучать явленія не въ поперечномъ лишь, но и въ продольномъ, такъ сказать, разрѣзѣ; что, съ другой стороны, вопросъ о народности того или другого населенія не можетъ быть рѣшаемъ на основаніи однихъ языковѣдныхъ данныхъ, а, напротивъ, путемъ непрерывнаго сопоставленія таковыхъ съ данными антропологическими съ одной стороны, и культурно-историческими—съ другой. Въ самомъ дѣлѣ, понятіе народности по отношенію къ тому или другому историческому народу не исчерпывается его языкомъ, а касается всѣхъ прочихъ врожденныхъ или пріобрѣтенныхъ свойствъ и стремленій какъ физической, такъ и психической его природы. Сюда относится, слѣдовательно, и расовый субстратъ народа, и племенные его черты, и отраженіе ихъ въ полусознательной массовой дѣятельности, въ сферѣ рѣчи, пѣсни, преданій, обряда, обычая, наконецъ, наслоенія культурныя въ областяхъ церковной, государственной, общественно-экономической и научно-художественной...

Понятно, что и по отношенію къ нашей Закарпатской Руси вопросъ о бытіи и распространеніи ея далеко не исчерпывается данными и соображеніями языковѣдными. Для его рѣшенія намъ необходимо еще выяснитъ: каковъ физическій и психическій типъ этого населенія? Какова была площадь его расселенія во времена древнія, среднія и новыя? Какія могутъ быть констатированы въ немъ инородныя примѣсы или напластованія? Въ какихъ чертахъ—бытовыхъ, социальныхъ, этическихъ—выразилась эта вѣтвь русскаго племенного древа? Какъ она—оформилась культурными воздѣйствіями въ областяхъ церковной, политической, экономической, образовательной? Лишь по выясненіи всѣхъ этихъ сторонъ угрорусскаго типа въ его историческомъ развитіи и по сравненіи этого типа съ аналогичными сторонами и особенностями словенского племенного типа, возможно будетъ всесторонне и научно рѣшить вопросъ о крайнемъ западномъ рубежѣ русской народности. Теперь же окончательное рѣшеніе въ этой области было бы преждевременно, при крайне слабой разработкѣ исторической этнографіи всѣхъ угорскихъ народовъ, особенно же самаго заброшеннаго между ними и въ наукѣ и въ жизни—угрорусскаго.

Но все-таки и теперь уже позволительно утверждать, что этотъ рубежъ проходитъ не по Унгу, не по Ондавѣ или Торисѣ, а по линіи отъ Вост. Татры къ Кралевой Голѣ, затѣмъ, по водораздѣлу Гернада и Шаявы вплоть до горъ Токайскихъ или Гедялы и далѣе по рр. Тисѣ и Самошу до Семиградскихъ горъ. Это доказывается не только современностью, но и исторіею.

Если бы, действительно, спишане, шарипане, земплинцы были словаки, то они имели бы такую коренную черту всех словенских (со включением моравских и чешских) говоров, как долгота гласных, каковая звуковая категория давно уже исчезла в русских говорах, в том числе лемковском по сю и по ту стороны Карпат. Равным образом словенская акцентуация везде построена на том же принципе, что чешская (и мадьярская), именно: падает на начальный слог, а не на penultima, как в лемковских говорах Галичины, Спиша, Шарипа, отчасти и Земплина. С точки зрения словенизма спишань, шарипань, земплинцев нельзя объяснить случаев полногласия, хотя не редко скрывающихся в формы: драга, врана, при бесѣдѣ съ людьми образованными или вообще сюртучниками. Лишь при русском, точнѣе малорусскомъ, характерѣ говоровъ Спиша и Шарипа можно понять обиліе въ нихъ перегласовокъ ѿ, ё въ у, ю — и, и, которые отражаются, повидимому, и въ наименованіи этихъ столицъ (Scerusicum—Спишъ; Saros, Sarus—Шарипъ). Да и сотацкое дзяканье, цяканье вовсе не соответствуетъ фонетикѣ словенской, а скорѣе польской, вліяніе которой, действительно, могло проникать по открытому пути отъ Попрада и Подгалья въ долину Гернада, Торисы и Ондавы, особенно въ пору продолжительной принадлежности Спиша къ Польшѣ. Кое-какіе слѣды русской народности сохранились, конечно, и въ Гемерѣ, но вообще этотъ комитатъ, равно какъ и Новоградскій, слѣдуетъ считать прочно ассимилированными со стороны словаковъ, при содѣйствіи отчасти и чешской колонизаціи въ гуситскій вѣкъ.

Языковѣдныя данныя вполне подтверждаются здѣсь и статистикою русскихъ церквей на этой спорной территоріи. Онѣ разбросаны по всему ея протяженію, вплоть до Гемера, гдѣ донинѣ уцѣлѣли три русскія селенія (Шумяцъ, Телгартъ и Вернаръ), которые у г. Нидерле показаны словенскими (стр. 65). Ладиславъ Бартоломейдесъ въ «*Memorabilia provinciae Csetnek*» (Neusohl, 1799) сообщаетъ, что въ его время еще слышалась русская рѣчь и въ с. Кобеляровѣ, гдѣ тогда родился П. І. Шафарикъ...

А. И. Добрянскій, урожденный шарипанинъ, отлично знакомый съ прошлымъ и настоящимъ своей родины, оставилъ о своей народности цѣлый рядъ статей и сочиненій, гдѣ онъ настаиваетъ на исконной принадлежности къ русской народности Спиша, Шарипа и Земплина, вплоть до водораздѣловъ Тисы и Грона. Для болѣе же древняго времени онъ доводитъ границы Закарпатской Руси до Матранскихъ горъ и даже до Дуная, между Остригомъ и Вацовомъ³.

Но А. И. Добрянскаго могутъ заподозрить въ національномъ пристрастіи къ своему угрорусскому роду и племени. Тоже можно бы сказать объ аналогическихъ воззрѣніяхъ угрорусскаго историка Дулишковича и о новѣйшихъ работахъ галицкаго этнографа Гнатюка.

Но есть и очень солидное нѣмецкое сочиненіе, въ которомъ приблизительно въ такомъ же видѣ очерчены старыя и новыя границы Угорской Руси. Это книга инсбрукскаго профессора Германа Игн. Бидермана: «*Die Ungarischen Ruthenen*» (Innsbruck, 1862—1867). Онъ также проводитъ (I, 14—15)

западную границу Угорской Руси по линии от Спичской Магуры (между Попрадомъ и Дунайцемъ близъ Татры) къ Левочѣ, а отсюда къ дорогѣ изъ Левочи въ Рожново (Rosenau) по направленію къ Вондришелю (Wagendrüssel), на верхнемъ Гернадѣ, и внизъ по этой рѣкѣ къ долиинѣ Гельницкой (Göllnitz), далѣе на югъ къ погорью у Аранъ-Идки (Aranu-Idka) въ Абай-Торнянской стóлицѣ, отсюда на юго-востокъ къ Сенѣ (Szinna), Генцу (Göncz), Толчавѣ (Tolcsava) подѣ Гедяльей; далѣе на сѣверъ вдоль Бодрога, гдѣ села Баначка (Kis Bányascka), Тороня (Тороня), Цейковъ (Czéke), къ слиянію рѣкъ Лаборца и Латорицы, гдѣ она направляется, затѣмъ, къ Унгвару, Мукачеву, Сиготу и Верхнему Вышеву (Felső—Vissó). Короче говоря, Бидерманъ, какъ онъ самъ выражается, ограничиваетъ Угорскую Русь на сѣверѣ и востокѣ пограничнымъ между Галичиною и Угріей хребтомъ лѣсистаго Карпата, т. е. Бескидомъ, на западѣ тѣми его отрогами, которые разграничиваютъ теченіе Гернада отъ системы Грона и Шаявы до Гедяли, а съ юга теченіемъ Тисы до ея поворота къ югу (I, 15). При такомъ же ограниченіи въ Уггорурусскую область входятъ почти цѣлкомъ и Спичъ, и Шарипъ, и Земплинъ, не говоря уже объ Унгѣ, Беретѣ, Угочѣ и Мармарошѣ.

Что касается той ословаченной или полuosловаченной Руси, о которой выше была рѣчь, то Бидерманъ такъ выражается объ ней: «Мнѣ думается, что такъ называемые словаки Земплина и Шарипа, за исключеніемъ доказанно переселившихся сюда изъ Словачины, имѣютъ съ настоящими словаками лишь то общее, что и на нихъ лежитъ отблескъ чехизма, обусловленный продолжительнымъ сопребываніемъ ихъ предковъ съ чешскими гуситами XV в., подобно тому, какъ тоже замѣчается и у Гемерскихъ славянъ. До этой инфильтраціи чешскими стихіями и связаннаго съ нею отпаденія отъ восточнаго христіанства жившіе на Топлѣ и Ондавѣ славяне—на сколько они сами не были русскими—все же стояли ближе къ послѣднимъ, какъ своимъ сосѣдямъ и ближайшимъ родичамъ. Потому-то я и называю ихъ ословаченными русняками, а не орусиченными словаками. Не осталась безъ вліянія на образованіе этой группы и польская иммиграція» (II, 81—82).

Это замѣчаніе Бидермана заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что оно явилось результатомъ очень детальнаго изученія уггорурусской исторіи, въ изложеніи разныхъ моментовъ которой имѣется у него подробная мотивировка приведеннаго заключенія. Едва ли мы имѣемъ право игнорировать нынѣ всѣ эти данныя и выводы единственно потому, что они не совпадаютъ съ мнѣніями нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей, особенно католическаго духовенства и мадьярскихъ чиновниковъ, которые предпочитаютъ видѣть въ Спичѣ, Шарипѣ и Земплинѣ скорѣе часть угрословенской области, чѣмъ крайнія западныя вѣтви русской народности. Правда, они ссылаются при этомъ «заклепываніи» въ Карпатскія горы одной-другой сотни тысячъ исконовъ русскихъ людей на авторитетъ Шафарика, голосъ котораго увлекъ въ данномъ случаѣ И. И. Срезневскаго и многихъ другихъ славистовъ. Но не забудемъ, что Шафарикъ былъ тоже словакъ и тоже челоуѣкъ, слѣд. при рѣшеніи этого вопроса могъ увлекаться и своимъ мѣстнымъ (кобеляровскимъ, въ Гемерѣ) патріотизмомъ, какъ увлекаются имъ отчасти и нѣкоторые современные чехо-словенскіе славяновѣды, не исключая и д-ра Нидерле.

Несправедливо видѣть въ процессѣ ословаченія угроруссовъ какъ бы подъемъ послѣднихъ съ низшей культурной ступени на высшую, такъ какъ имѣются фактическія указанія и на отрицательные результаты ословачиванія угроруссовъ. Проф. Бидерманъ въ своей этнографической характеристикѣ сначала угрорусскихъ верховинцевъ, затѣмъ долишнявъ и, наконецъ, «ословаченныхъ русняковъ», между прочимъ, говоритъ о послѣднихъ: «Въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ они стоятъ между угроруссами всего ниже. Костякъ у нихъ слабо развитъ, мускулатура вялая, цвѣтъ лица большею частью поблеклый, ноги искривленные. Ростъ низкій. Туловище какое-то вздутое, словно въ водянкѣ, истощенное, слабосильное... Только въ южныхъ частяхъ этой ословаченной Руси встрѣчается типъ болѣе живой, энергичный и производительный въ духовномъ отношеніи» (I, 91 слѣд.). Конечно, причину указаннаго здѣсь вырожденія типа надо считать не столько словенскую примѣсь въ русской крови, сколько тяжелыя соціально-экономическія условія жизни этой части угрорусскаго племени. Однако, тѣ же условія не произвели столь вреднаго вліянія на угроруссовъ коренныхъ, сохранившихъ славянскую церковь. Очевидно, и въ ней заключаются какія-то условія, болѣе благопріятныя для поддержанія племенного русскаго типа, чѣмъ въ нѣдрахъ словенско-латинской церкви.

Для рѣшенія неясныхъ и неизслѣдованныхъ важныхъ историко-этнологическихъ вопросовъ о сѣверо-западной части первоначальной области Угорской Руси, о времени ея появленія за Карпатами, какъ и о времени принятія ею христіанства, о славянскихъ рукописяхъ (моравскаго или задунайскаго происхожденія, къ ней проникавшихъ), объ архитектурномъ типѣ старѣйшихъ въ ней церквей и проч., о постройкахъ и жилищахъ угроруссовъ, съ ихъ домашнею обстановкою, о народныхъ костюмахъ, вышивкахъ и узорахъ, наконецъ о вліяніяхъ на угроруссовъ, сверхъ словаковъ, еще чеховъ и нѣмцевъ, румынъ, половцевъ (куманъ) и мадьяръ—нужно избрать болѣе сложный и болѣе научный путь, чѣмъ былъ предложенъ Шафарикомъ и Нидерле. Этотъ путь былъ недавно отчасти намѣченъ венгерскимъ ученымъ г. Цамбелемъ и еще раньше Н. И. Надеждинымъ и много лѣтъ спустя послѣ него А. Л. Петровымъ, въ Имп. Русскомъ Географическомъ Обществѣ.

Думается, что выполненіе этой программы могло бы взять на себя Имп. Русское Географическое Общество, столько уже сдѣлавшее для изученія разныхъ частей русской земли и сопредѣльныхъ съ Россіею странъ внутренней Азіи. Мадьяры не жалѣютъ средствъ для изученія тѣхъ странъ, откуда могли нѣкогда выйти Арпады съ ордою ихъ предковъ, такъ что въ послѣднее время гр. Зичи снарядилъ для этой цѣли нѣсколько экспедицій въ Подкавказье, Подуралье и далѣе въ страны Подальтайскія, причеиъ Россія, государство и общество, оказывала мадьярскимъ ученымъ всевозможную, какая требовалась, помощь. Такъ и въ случаѣ предпріятія русскими учеными небольшой экспедиціи въ Угрорусскую область можно смѣло надѣяться на любезную отзывчивость и помощь со стороны Венгерскаго государства и общества.

А. Будиловичъ.

Еще два слова объ изученіи Угорской Руси.

Въ виду возникшаго въ Этнографическомъ Отдѣленіи Имп. Р. Географическаго Общества проекта относительно снаряженія особой экспедиціи для изученія Угорской Руси, считаемъ не безполезнымъ напомнить соображенія, высказанныя нами въ докладѣ, читанномъ въ Этнографическомъ Отдѣленіи 19 ноября 1891 г. и напечатанномъ, затѣмъ, въ Журналѣ М. Н. П. 1892 г. № 2.

«Угорская Русь до сихъ поръ весьма мало изслѣдована какъ въ историческомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ... Между тѣмъ, угорская часть русскаго племени заслуживала бы большаго вниманія.

Загадочная исторія его поселенія за Карпатами тѣсно связана съ вопросомъ о родинѣ и постепенномъ географическомъ распространеніи всего русскаго племени. Изученіе его просвѣщенія христіанской вѣрою и сохраненія у него православія дало бы много важнаго для изслѣдованія судебъ православной церкви въ Австро-Угріи. Кромѣ того, замкнутая въ своихъ горахъ народная масса сохраняла и доселѣ сохранять такіе остатки древности въ языкѣ, вѣрованіяхъ, бытѣ и т. п., которые уже исчезли у другихъ вѣтвей русскаго племени... Такимъ образомъ, было бы очень важно позаботиться о болѣе основательномъ изученіи Угорской Руси и, по возможности, не откладывать дѣла въ долгій ящикъ: съ ходомъ цивилизаціи быстро стираются народныя особенности.

Во первыхъ, могли бы лица, опытыя въ изученіи говоровъ и собраніи приведенія народнаго творчества, предпринимать съ этой цѣлью путешествія по Угорщинѣ.

Во вторыхъ, полезно было бы воспользоваться мѣстными угро-русскими силами, давъ имъ надежащее руководство въ формѣ ясной и доступной программы для собранія особенностей говоровъ, топографической номенклатуры, пѣсень, повѣрій, обычаевъ и т. п.

Наконецъ, слѣдовало бы обратить вниманіе и на документы, хранящіеся въ архивахъ Угорскаго королевства и освѣщающіе прошлую жизнь угро-русовъ. Эти документы важны не только въ историческомъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, въ земскомъ архивѣ въ Будапештѣ хранятся, начиная съ 1553 г., *Conscriptioes portarum*, которыя представляютъ богатый матеріалъ для топографіи Угорской Руси и вообще Угорскаго королевства. Но «*Conscriptioes*» любопытны и въ другомъ отношеніи—именно для опредѣленія границъ распространенія, если не русской народности, то, по крайней мѣрѣ, «русской вѣры», православія: при перечисленіи селъ вездѣ въ православныхъ селахъ упоминаются православные священники, «батьки».—*batykoncs*, *batykoncs*.

Затѣмъ, въ ужгородскомъ столичномъ архивѣ мы просматривали опросы крестьянъ, произведенные при введеніи въ 1772 урбаріальныхъ положеній—*Conscriptioes urbales possessionum* (*Urbéri iratok*). Многіе опросы и отвѣты крестьянъ записаны по-русски и по-словацки, латинскими буквами. Такихъ актовъ въ одномъ ужгородскомъ архивѣ 204, и подобнаго рода документы существуютъ и въ архивахъ другихъ столицъ.

Очевидно, они даютъ богатый матеріалъ какъ для языка, такъ и для характеристикъ положенія крестьянъ, повинности которыхъ, какъ видно изъ отвѣтовъ, были опредѣлены не закономъ, а стародавними обычаями».

Въ 1893 г.¹, сообщая отрывки собранныхъ нами памятниковъ, написанныхъ на Угорской Руси и отражающихъ черты угрорусскихъ говоровъ, мы добавили: «Подобнаго рода памятниковъ довольно много сохранилось на Угорской Руси какъ при церквахъ, монастыряхъ, въ общественныхъ библіотекахъ, такъ и у частныхъ лицъ; но они, къ сожалѣнію, по большей части неизвѣстны и не опубликованы, хотя даютъ довольно цѣнный матеріалъ для исторіи, особенно—церкви, топографіи, правовыхъ и бытовыхъ отношеній, иногда любопытны и по языку... Необходимо также обратить вниманіе на встрѣчающіеся во множествѣ приписки на рукописныхъ и печатныхъ, болѣею частью церковныхъ, книгахъ. По преимуществу—это въ стереотипной формѣ записаніе переписчика или жертвователя въ такую-то церковь. Но и такого рода приписки не лишены значенія для исторіи мѣстныхъ церквей—ради указаній на отношеніе жертвователей къ своей вѣрѣ, ради данныхъ о цѣнѣ книгъ. Наконецъ, несмотря на стараніе писать по-церковнославянски, иногда проскальзываютъ діалектическія особенности въ формахъ и словахъ».

Излишне, конечно, перечислять и выяснять значеніе тѣхъ отдѣльныхъ памятниковъ, которые затронуты нами въ вышеупомянутыхъ статьяхъ. Въ настоящей запискѣ мы ограничимся лишь указаніями на то, какого рода памятники должны быть для экспедиціи предметомъ разысканія и изслѣдованія, и гдѣ можно надѣяться ихъ найти.

I. Рукописи церковнаго характера на церковно-славянскомъ языкѣ, болѣею частью XVI—XVII вв. средне-болгарскаго извода, проникшаго на Угорщину черезъ Молдавію. Кромѣ библіотекъ: епархіальныхъ въ Унгварѣ и Пряшевѣ, унгварской семинаріи, мукачевскаго и, вѣроятно, другихъ монастырей, такіе рукописи находятся въ разныхъ церквахъ (преимущественно сельскихъ) и не только въ предѣлахъ нынѣшней угро-русской территоріи, но, по всему вѣроятно, также среди униатскаго румынскаго и даже мадьярскаго населенія,—можетъ быть далеко на Дольней землѣ (Alföld). У насъ были указанія такого рода, но возможно, конечно, что теперь эти рукописи уже истреблены или пропали.

II. Приписки на рукописяхъ и печатныхъ книгахъ и въ церковныхъ метрикахъ.

III. Памятники разнообразнаго содержанія, отражающіе въ болѣе или меньшей степени угро-русскіе говоры, хранящіеся въ вышеупомянутыхъ библіотекахъ², въ архивахъ епархіальныхъ Унгвара и Пряшева, въ архивахъ столичныхъ (см. выше Urbéri iratok), въ архивѣ Бардѣева, а также въ собранияхъ частныхъ лицъ. Весьма желательно было бы разыскать бумаги двухъ неутомимыхъ собирателей всякаго рода угро-русскихъ древностей, покойныхъ о. А. Кралицкаго (мукачевскій монастырь), С. Силáды, директора гимназій или реальнаго училища въ Марамарошскомъ Сиготѣ, а также о. А. Павловича на Маковидѣ. Не бесполезно было бы пересмотрѣть библіотеку Духновича (краснобродскій монастырь). Все-что собрано д-ромъ А. Годиной (Вѣна) и о. Жатковичемъ (гдѣ?).

По археологій разные матеріалы собирались г. Т. Легоцкимъ въ Мукачевѣ.

IV. Матеріалы—болѣею частью иноязычныя—примущественно для исторіи отношеній церковныхъ (православіе и унія) и социальныхъ находятся также въ вышеупомянутыхъ архивахъ и библіотекахъ³, а кромѣ того: въ Государственномъ архивѣ

¹ Рецензія на кн. Е. Сабова, Угро-русская хрестоматія (Журн. М. Н. П. 1893 г. № 10).

² Очень интересно было бы найти пропавшіе изъ унгварской епископской библіотеки №№ 68, 75, 76, 78—четыре трактата Orosz végegy Michail—contra Latinos et graecocatholicos (Ruthenice). № 68—1672 г., № 75—1681 г., № 76, 78—sine anno.

³ Между прочимъ, Lucskay: Historia Carpatho-Ruthenorum—епископская библіотека въ Унгварѣ; протоколы столичныхъ (комитатскихъ) собраній XVI—XVIII вв. въ разныхъ столицахъ.

въ Будапештѣ, въ Национальномъ музеѣ—тамъ же ⁴; въ архивахъ конвентовъ, игравшихъ роль официальныхъ нотаріатовъ (loci publici, hiteles levéltár), главнымъ образомъ въ Лелесѣ (Lelesz—Земплинская стѣлица) и въ Ясовѣ (Jászó—Абауйварская ст.); въ архивахъ разныхъ старыхъ дворянскихъ семей, напр. Ракоциевъ (часть документовъ въ Государств. архивѣ въ Будапештѣ, часть—въ архивахъ гр. Андраши, напр., въ Красногоркѣ—Гемёрская стѣлица), Другетовъ (теперь гр. Старан)—въ Михайловцахъ и Гуменномъ (Земплинская стѣл.), бароновъ Стойко въ Слатинѣ (Марамарошская ст.).

Хорошо бы проникнуть въ архивы Ягра (Eger, Eglau) и Остригома ⁵ (Gyal), подѣ духовной властью которыхъ долго находились угро-русскіе униаты.

Какія неожиданныя находки могутъ быть сдѣланы въ архивахъ и библіотекахъ Угорщины, доказываетъ каталогъ городской библіотеки въ Лесочѣ, гдѣ, между прочимъ, значится: письма левочскихъ купцовъ изъ Москвы—теперь не помню—XVI или XVII в. Въ виду переборки тогда библіотеки я не могъ отыскать ихъ на мѣстѣ.

Въ заключеніе напомнимъ о необходимости собрать всѣ памятники, нанесчанные доселѣ въ разныхъ изданіяхъ на Угорской Руси и внѣ ея. Члены экспедиціи не должны упускать случая пересмотрѣть угро-русскія изданія, не находящіяся или находящіяся не въ полномъ видѣ въ нашихъ библіотекахъ.

19 ³⁰/_{XI} 03.

А. Петросъ.

⁴ Обратитъ вниманіе на коллекцію Hevenessy и рукописи Матѣя Бея.

⁵ Между прочимъ, часть рукописей М. Бея находится въ Остригомѣ.

Новое явленіе въ крестьянской жизни.

(Переходъ на волоки въ Житомирскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи)

Съ 1894 года мнѣ неоднократно приходилось бывать въ сѣверной части Житомирскаго уѣзда, сначала съ цѣлью собиранія народныхъ пѣсень, затѣмъ, спустя нѣсколько лѣтъ, по служебнымъ обязанностямъ. Во время такихъ разъѣздовъ мнѣ приходилось наблюдать развивавшееся на моихъ глазахъ весьма любопытное явленіе въ экономической жизни крестьянства этого уѣзда—переселеніе на волоки. Переселеніе на волоки заключается въ томъ, что крестьяне раздѣляютъ между собой всѣ, находящіяся въ подворномъ ихъ пользованіи, надѣльныя земли (распредѣлявшіяся до сихъ поръ на три участка въ разныхъ мѣстахъ) на равноцѣнные участки въ одномъ кускѣ и переходятъ къ хуторскому хозяйству, нерѣдко оставляя деревни и переселяясь на свои участки. Явленіе это представляетъ собой результатъ желанія крестьянина довести свое хозяйство до того совершенства, какимъ отличается хозяйство многочисленныхъ въ этой мѣстности нѣмецкихъ колонистовъ, и новыя хозяйства представляютъ собой сколокъ съ хозяйствъ сосѣдей-нѣмцевъ.

Наблюденія мои были весьма поверхностны, во-первыхъ, потому, что, не обладая экономическимъ образованіемъ, я былъ слишкомъ мало подготовленъ къ такого рода наблюденіямъ, во-вторыхъ, потому, что во время первыхъ моихъ поѣздокъ, когда у меня было достаточно времени, чтобы наблюдать народную жизнь, явленіе это было еще въ зародышѣ; впоследствии же другія дѣла поглощали все мое вниманіе. Тѣмъ не менѣе, въ виду отсутствія какихъ бы то ни было печатныхъ свѣдѣній объ этомъ явленіи, я рѣшился подѣлиться моими бѣглыми наблюденіями въ небольшой газетной статьѣ («Сѣв. Курьеръ», 1900 г., № 316). Моя замѣтка обратила на себя вниманіе В. П. Воронцова¹ и, уступая его убѣжденіямъ, сопровождаемымъ сознаніемъ, что, при наличномъ составѣ

¹ В. П. Воронцову я очень признателенъ за руководящія указанія, которыми, къ сожалѣнію, я не вполне могъ воспользоваться. Считаю долгомъ отмѣтить любезное содѣйствіе, оказанное моею работъ мировымъ поср. О. Д. Козловскимъ, помощн. надз. акц. сборовъ Е. И. Бычковымъ и волостнымъ писаремъ Н. П. Жуковымъ, которымъ приношу искреннюю благодарность.

интеллигенціи Волыни, лишенной земскихъ учреждений, некому сдѣлать даже то небольшое, что могу сдѣлать я, въ настоящемъ году я предпринялъ поѣздку въ мѣстности, охваченныя названнымъ движеніемъ и собралъ болѣе подробныя данныя о переселеніи крестьянъ на волоки. Замѣтки эти я и предлагаю вниманію читателя, какъ простое описаніе, сдѣланное случайнымъ наблюдателемъ.

Переселеніе на волоки началось въ Житомирскомъ уѣздѣ со 2-й половины 80-хъ годовъ (первый приговоръ о такомъ переселеніи составленъ Зубринскимъ сельскимъ сходомъ 25 мая 1886 года; фактически, приступить къ переходу на волоки Зубринкѣ удалось только въ 1889 году). Такимъ образомъ, самый старый фактъ перехода на волоки отдѣленъ отъ насъ 13 годами. За этотъ сравнительно короткій промежутокъ движеніе, кореннымъ образомъ измѣняющее формы не только хозяйства крестьянъ, но и всего ихъ быта, успѣло охватить всю сѣверную половину Житомирскаго уѣзда.

Что касается нѣмецкой колонизаціи, то отдѣльныя небольшія нѣмецкія колоніи стали возникать на Волыни издавна. Въ числѣ шляхетскихъ селъ Овручскаго уѣзда, образовавшихъ нѣкогда нѣчто вродѣ военной границы, возникновеніе которыхъ относится къ XVI вѣку, есть село Швабы, образованное выходцами изъ Швабіи. Жители этого села носятъ теперь фамиліи Швабовъ и совершенно обрусѣли. Въ XVIII вѣкѣ поселилось на Волыни нѣсколько колоній менонитовъ. Массовое же переселеніе нѣмецкихъ колонистовъ началось съ 30-хъ и особенно усилилось въ 60-хъ гг. прошлаго вѣка. Нѣмецкіе колонисты на Волыни селились преимущественно по южному краю Полѣсья, гдѣ земля была дешевле, чѣмъ въ южной Волыни, и болѣе плодородна, чѣмъ въ серединномъ Полѣсьи. Колонисты покупали участки лѣса, раскорчевывали ихъ и селились на нихъ, образуя непрерывный рядъ колоній, тянуційся на десятки верстъ. Колонія съ перерывами тянется полосой по направленію отъ Царства Польскаго къ Києву, переходя за предѣлы Волынской губерніи. На Волыни больше всего колоній въ уѣздахъ: Житомирскомъ, Новоградволынскомъ, Ровенскомъ и Луцкомъ; довольно много ихъ въ уѣздахъ: Ковельскомъ, Дубенскомъ, Владимироволынскомъ, есть въ Овручскомъ, Острожскомъ и Заславскомъ. Наибольшее количество ихъ группируется вдоль линіи кіево-брестскаго шоссе. Нѣмецкія колоніи представляютъ собой рядъ разбросанныхъ усадебъ, которыя расположены каждая, по возможности, въ центрѣ своего участка земли; каждая колонія тянется версты, а двѣ-три колоніи — десятки верстъ. При такомъ расселеніи, проѣзжая, вы постоянно натываетесь на колонистскія усадьбы; получается впечатлѣніе, что нѣмцевъ гораздо больше, чѣмъ туземныхъ крестьянъ. И въ самомъ дѣлѣ, число колонистовъ весьма солидно, но ни въ одной волости не превышаетъ числа русскихъ крестьянъ. Нѣмецкіе колонисты ведутъ болѣе рациональное хозяйство, чѣмъ наши крестьяне, и получаютъ съ земли пользы гораздо больше послѣднихъ. Тѣ изъ колонистовъ, которые успѣли купить участки земли въ собственность, живутъ даже богато; арендаторы находятся въ значительно худшемъ положеніи, такъ какъ, во-первыхъ, имъ приходится платить довольно высокую арендную плату; во-вторыхъ, періодическое повышеніе ея

землеуладѣльцами многими изъ арендаторовъ не дасть возможности засиживаться на мѣстѣ.

Но каково бы ни было экономическое положеніе колониста, хозяйство его всегда интенсивнѣе и рациональнѣе хозяйства туземнаго крестьянина, а такъ какъ песчаная и супесчаная почва этой полосы Волыни можетъ давать хорошіе урожаи только при рациональномъ хозяйствѣ и усиленномъ удобреніи, то разница въ результатахъ не могла не быть слишкомъ очевидна, чтобы не бросаться въ глаза самимъ крестьянамъ. Въ прежніе годы уже по внѣшнему виду посѣва можно было безошибочно отличить крестьянское поле отъ колонистскаго. Отсюда естественное стремленіе крестьянъ подражать нѣмцамъ-колонистамъ въ веденіи своего хозяйства. Стремленіе это началось съ мелочей. У крестьянъ стали появляться нѣмецкіе возы на желѣзныхъ осяхъ, нѣмецкіе плужки, наконецъ, мѣстами весь укладъ крестьянскаго хозяйства сталъ передѣлываться на нѣмецкій ладъ. Наиболѣе сильной побудительной причиной для крестьянъ является въ данномъ случаѣ желаніе устранить потерю времени, обусловливаемую отдаленностью каждаго изъ трехъ участковъ какъ другъ отъ друга, такъ и отъ усадьбы. Эта потеря времени и силъ особенно очевидна при уваживаніи полей. Возить навозъ за нѣсколько верстъ было трудно, а такъ какъ, по условіямъ почвы, удобрялось все поле, то естественна у крестьянъ мысль о переходѣ къ нѣмецко-колонистскому хозяйству, при которомъ земля сгруппирована въ одномъ кускѣ. Затруднительностью удобренія при прежнемъ распредѣленіи земель мотивируется желаніе крестьянъ перейти на волоки во всѣхъ приговорахъ сельскихъ сходовъ, которые мнѣ удалось видѣть. Движеніе началось въ д. Зубринкѣ, Горошковской волости, земли которой соприкасаются съ старѣйшими въ уѣздѣ колоніями Неймановской, Кутузовской и Солодырями. Я позволю себѣ привести цѣликомъ первый приговоръ Зубринскаго сельскаго схода о переходѣ на волоки; въ этомъ приговорѣ довольно обстоятельно излагаются мотивы такого перехода.

«25 мая 1886 г. Зубринскій сельскій сходъ, Горошковской волости, 1-го мирового участка Житомирскаго уѣзда, Волынской губерніи, собравшись на сельскій сходъ, на основаніи 47, 48, 51 пунк. 6, 54 пункт. 1, 2, 3 Общ. Положенія о крестьянахъ, въ полномъ составѣ 50 наличныхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, имѣли разсужденіе о невыгодномъ пользованіи земельнымъ надѣломъ, согласно существующей подворной нарѣзкѣ, вслѣдствіе того, что каждый домохозяинъ нашего общества имѣетъ въ своемъ пользованіи земельный наѣлъ не вмѣстѣ, а по десятинамъ въ разныхъ мѣстахъ; кромѣ того, въ нашемъ обществѣ есть около 25 десятинъ земли, которая по настоящее время не раздѣлена между нами на подворные участки, изъ-за чего нерѣдко бываютъ споры. По обсужденіи чего, сельскій сходъ, за исключеніемъ одного домохозяина, Н. Поляченко, не изъявившаго согласія подписаться подъ снѣмъ приговоромъ, единогласно приговорили: въ виду улучшенія своего быта и во избѣжаніе на будущее время ссоръ за общественную землю, просить настоящимъ приговоромъ г. мирового посредника 1-го участка Житомирскаго уѣзда о уничтоженіи нынѣ существующей у насъ подворной нарѣзки и о назначеніи землебра для новой подворной нарѣзки всей общественной земли, которую раздѣлить на 50 (частей) домохозяевъ, поровну каждому, причеиъ участокъ земли долженъ быть вмѣстѣ. Избрать изъ среды своей добросовѣстныхъ крестьянъ NN., которыхъ уполномочиваемъ ходатайствовать по настоящему дѣлу и поручаемъ войти въ согласіе съ тѣмъ землебра, который будетъ назначенъ

г. мировымъ посредникомъ къ наръзкѣ общественной земли на 50 участковъ. За неграмотныхъ насъ на семь приговорѣ доверяемъ росписаться (NN).

49 домохозяевъ оказалось неграмотными.

Необходимо оговориться, что наличными домохозяевами, имѣющими право голоса въ данномъ случаѣ, надо считать не представителей фактического двора, а представителей такъ называемаго двора «грамотнаго», т. е. существовавшего при введеніи уставной грамоты. Такой составъ имѣли сельскіе сходы на Волыни вплоть до разъясненія сената, отъ 20 января 1896 года, которымъ имѣющими право голоса на сходѣ были признаны представители фактического двора.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо отмѣтить, что дѣленіе земель на участки при переходѣ на волоки какъ въ Зубринкѣ, такъ и въ другихъ деревняхъ, происходило сообразно съ числомъ и величиной «уставнаго» двора, а затѣмъ внутри каждого «уставнаго» двора раздѣлъ производился уже безъ участія сельскаго схода. Зубринка въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, прокладывая дорогу, создавала формы, ставшія съ небольшими отклоненіями типичными.

Первый приговоръ Зубринскаго схода не достигъ цѣли. Мнѣ не удалось познакомиться съ имѣющей по этому поводу перепиской; знаю только, что нововведеніе Зубринки вызвало, повидимому, въ средѣ мѣстной администраціи недоумѣніе, и на мѣсто даже былъ командированъ чиновникъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ. Особенно серьезныхъ препятствій, однако, не было и чрезъ 1½ года Зубринскій сходъ составляетъ новый приговоръ, интересный тѣмъ, что имъ устанавливается типичный порядокъ перехода на волоки.

«11 декабря 1887 г. Зубринскій сельскій сходъ, Горошковской волости, 1 мир. Житомирскаго уѣзда, собравшись въ числѣ всѣхъ 50 наличныхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, и 3 огородниковъ, имѣли между собой разсужденіе о томъ, что существующая у насъ подворная наръзка земли невыгодна, потому что каждый домохозяинъ нашего общества имѣетъ въ своемъ пользованіи земельный надѣлъ не вмѣстѣ а подесятинно въ разныхъ мѣстахъ; такое пользованіе землею невыгодно и въ отношеніи удобренія навозомъ таковой, такъ какъ почти у каждого изъ нихъ есть десятины въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, и вообще неудобно въ хозяйственномъ отношеніи; кромѣ того, въ нашемъ обществѣ есть около 30 десятинъ земли, которая по настоящее время не раздѣлена между нами на подворные участки. За нераздѣленную землю ежегодно въ обществѣ бывають споры. По обсужденіи чего сельскій сходъ, за исключеніемъ двухъ домохозяевъ NN и NN, нашелъ необходимымъ настоящимъ приговоромъ просить о разрѣшеніи уничтожить существующую у насъ подворную наръзку и всю выкупаемую обществомъ землю раздѣлить между собой поровну, съ тѣмъ чтобы участокъ земли каждого домохозяина состоялъ изъ одного куска, причемъ, если послѣдуетъ по настоящему нашему ходатайству разрѣшеніе, то мы обязаны: 1) не соглашающимся на новую подворную наръзку двумъ крестьянамъ NN и NN оставить усадьбы и принадлежащія имъ десятины тѣ, которыя состоятъ въ ихъ пользованіи въ настоящее время; 2) такъ какъ въ нашемъ обществѣ кромѣ 50 хозяевъ есть 3 огородника, то слѣдующія имъ земли отвести въ томъ мѣстѣ, гдѣ они пожелаютъ; если не согласятся перейти на вновь отведенные имъ участки, то могутъ остаться на старомъ мѣстѣ; 3) затѣмъ, всю землю удобную и неудобную, за исключеніемъ означенныхъ въ 1 и 2 пп. сего приговора, раздѣлить на 48 ровныхъ участковъ, которые отдать домохозяевамъ по жребію, и 4) по раздѣленіи земли и передъ жребіеметаніемъ, пригласить изъ постороннихъ селеній почетныхъ лицъ для опредѣленія качества земли каждого участка и

распределенія суммы выкупных платежей, смотря по качеству земли, попавшейся въ участки, по выполненіи сего, тогда лишь приступить къ жребіебанію.

Въ виду улучшенія своего быта, единогласно приговорили: 1) настоящимъ приговоромъ просить ходатайства г. мирового посредника 1 участка Житомирскаго уѣзда о разрѣшеніи произвести новую подворную наръзку, на условіяхъ, изложенныхъ выше въ семъ приговорѣ, и 2) уполномочить изъ среды своей крестьянъ NN, которымъ поручить настоящій приговоръ при прошеніи представить г. мировому посреднику и вообще ходатайствовать по настоящему дѣлу».

Этимъ приговоромъ устанавливается процедура раздѣла, ставшая типичной. Но сложность новаго дѣла не позволила предусмотрѣть всего съ нимъ связаннаго. Забытъ былъ вопросъ о лѣсѣ. Слѣдующій приговоръ Зубринскаго схода устанавливаетъ — опять-таки ставшія типичными — нормы по этому вопросу.

«2 апр. 1888 г. Зубринскій сельскій сходъ, Горошковской волости, 1 мир. уч. Житомирскаго уѣзда, Волынской губ., созванный мѣстнымъ сельскимъ старостой, въ числѣ 50 лицъ изъ 50 домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, имѣлъ между собой разсужденіе о томъ, что, согласно приговора нашего, состоявшагося 11 декабря 1887 года за № 12, въ маѣ мѣсяцъ сего года будетъ производиться новая подворная наръзка нашей общественной земли, но въ томъ приговорѣ ничего не значитъ о лѣсѣ, задержанномъ нѣкоторыми домохозяевами на своихъ участкахъ. По обсужденіи сего, сельскій сходъ единогласно приговорилъ: по произведеніи новой подворной наръзки и по раздѣлѣ хозяйствамъ земельныхъ участковъ, предоставить права задержавшимъ на своихъ надрѣзахъ лѣсъ забрать себѣ въ теченіи четырехъ лѣтъ, считая со дня вынутаго жребія о полученіи земельного участка, чему никто изъ насъ послѣ жребіебанья не долженъ препятствовать».

Выработавъ нормы перехода къ новому порядку землевладѣнія, Зубринскій сельскій сходъ долженъ былъ приступить къ проведенію ихъ на дѣлѣ. Наиболѣе труднымъ оказалось созданіе равноцѣнныхъ участковъ. Ниже мы увидимъ, что разныя сельскія общества различно разрѣшаютъ эту трудную задачу. Большинство, однако, держится того принципа, который выработанъ Зубринкой, т. е. уравниваетъ качество земли количествомъ ея. Это уравниваніе въ Зубринкѣ происходило двумя способами: 1) при помощи увеличенія и уменьшенія самихъ участковъ сообразно съ качествомъ земли, и 2) при помощи прибавленія къ наиболѣе плохимъ участкамъ огородной земли изъ нѣсколькихъ, не вошедшихъ въ общій передѣлъ, огородовъ, причѣмъ въ послѣднемъ случаѣ нарушался принципъ владѣнія въ одномъ кускѣ, такъ какъ огородные участки не примыкали къ соединеннымъ съ ними полевымъ. Для большей ясности я позволю себѣ привести приговоръ цѣликомъ:

«3 іюня 1888 г. Зубринскій сельскій сходъ, Горошковской волости, 1 мир. участка, Житомирскаго уѣзда, созванный мѣстнымъ сельскимъ старостой, въ числѣ всѣхъ 50 домохозяевъ, имѣющихъ право голоса, имѣлъ между собой разсужденіе о томъ, что 1), согласно приговора нашего 11 декабря 1887 г. за № 12, произведена новая подворная наръзка слѣд. порядкомъ: а) отрѣзано 50 участковъ для хозяевъ, имѣющихъ надрѣзы; б) отрѣзано 5 десятинъ для огородниковъ: О. Демьянчука 3 дес. и Я. Лося 2 дес., и в) оставлено 6 огородовъ, которые приданы къ участкамъ, въ конѣхъ числятся больше худшаго качества земли, а именно: огородъ Г. Жальчука къ двумъ участкамъ № 10 и 10 въ урочищѣ Медо, огородъ Я. Жальчука къ № 6 въ урочищѣ Лиски, огородъ С. Лисовца къ № 32 въ урочищѣ Майданъ-Казанди, огородъ Р. Кравчука къ № 24 и 25 въ урочищѣ Вышинька, огородъ С. Микитюка къ № 16 въ урочищѣ Запичье, на дорогѣ, ведущей въ д. Островку, и общественный огородъ къ № 19 въ урочищѣ Кругле».

При отрѣзкѣ 50 участковъ съ нашего согласія уравнивалось слѣд. порядкомъ: 1) въ тѣхъ участкахъ, въ кои вошла земля худшаго качества, отрѣзано больше, а гдѣ лучшаго — меньше; количество каждаго участка значится въ подворномъ спискѣ, составленномъ землебротъ г. Куликовскимъ, согласно плану; 2) необходимо слѣдуетъ распределеніе выкупныхъ платежей; 3) по распределеніи выкупныхъ платежей приступить къ жребіеметанію и раздачѣ участковъ; 4) о томъ, что крестьяне просятъ объ отдачѣ имъ участковъ безъ жребія (приведены имена и фамиліи крестьянъ, съ обозначеніемъ просимыхъ ими участковъ). По обсужденіи вышеназложеннаго, сходъ, въ присутствіи нижеподписавшихся стороннихъ понятыхъ, единогласно приговорилъ: слѣдующую нарядку признать выгодной для себя; 2) избрать изъ своей среды уполномоченныхъ крестьянъ NN, которымъ поручить слѣдовать распределенію выкупныхъ платежей на каждый участокъ; 3) по распределеніи выкупныхъ платежей, приступить къ жребіеметанію, по порядку подворнаго списка къ исправленной уставной грамотѣ; если же кто-либо изъ крестьянъ не пожелаетъ тянуть жребій или отлучится до жребіеметанія, то за таковыхъ долженъ брать жребій сельскій староста дер. Новогорошковской Буды №№; 4) отдать безъ жребія участки просителямъ, поименованнымъ въ 4-мъ пунктѣ 1-й половины сего приговора».

Раздача части участковъ безъ жребія, по постановленію схода, встрѣчается и въ другихъ приговорахъ; къ сожалѣнію, очень рѣдко приводятся мотивы, которые оправдываютъ такое нарушеніе общаго порядка. Что касается до уравненія, то не взирая оно производится посторонними людьми; чаще его производятъ выборные подѣ непосредственнымъ наблюденіемъ всего общества. Что уравненіе участковъ, по ихъ цѣнности, не кажется самимъ крестьянамъ идеально-точнымъ, можно судить по распределенію выкупныхъ платежей. Для Зубринки мы имѣемъ объ этомъ распределеніи особый приговоръ, показывающій, что цѣнность участковъ остается всетаки довольно различной.

«3 іюня 1888 г. Зубринскій сельскій сходъ, Горошковской волости, 1-го мир. участка Житомирскаго уѣзда, Волынской губ., созданный мѣстнымъ сельскимъ старостой, въ числѣ всѣхъ 50 домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, слушали заявленіе уполномоченныхъ, избранныхъ приговоромъ, отъ сего числа, за № 5, Василя Лисовца, Каллиника Ткачука о томъ, что на 50 участковъ выкупной платежъ распределяется слѣдующимъ образомъ:

№	Сумма выкуповъ:	Названіе участковъ:
1	12	Забродами
2	13	На бродку
3	13	Сидорова
4	13	Сидорова
5	12	Лиски
6	10	Лиски
7	11	Хуторъ

и т. д. колеб. отъ 9 до 14.

Огородникамъ:

51	4 р. 92 к.	Демьянчукъ
52	1 » 11 »	Е. Лисовецъ
53	4 » 70 »	Яковъ Лосъ.

Заявленіе нѣкоторыхъ крестьянъ о томъ, чтобы не было воспрещено домохозяевамъ проводить каналы въ низкихъ мѣстностяхъ, если встрѣтится надобность провести такую черезъ нѣсколько участковъ до болота или рѣки и, наконецъ, заявленіе крестьянъ о томъ, чтобы въ будущемъ 1889 г. пользоваться усадьбами, давая въ замѣнъ такое же количество полевой земли или сѣнокоса.

По обсужденіи всѣхъ вышесказанныхъ вопросовъ, единогласно приговорили: 1) распределение суммы 609 р. 73 к. выкупныхъ платежей, подлежащихъ внесенію ежегодно въ казначейство, признать правильнымъ; 2) обязать каждого домохозяина нашего общества не препятствовать въ спускѣ воды посредствомъ канавъ, и 3) усадебной землею пользоваться въ будущій 1889 г. такъ, какъ пользуются по настоящее время, давая взаменъ такое же количество земли полевой или сѣнокосной».

Только опредѣливъ точно порядокъ раздѣла и предусмотрѣвъ всѣ возможныя случайности, Зубринское общество приступило къ метанію жребія. Метаніе жребія происходило на сходѣ и закрѣплено слѣд. приговоромъ:

«6 іюня 1888 г. Мы, нижеподписавшіеся крестьяне д. Зубринки, собравшись въ числѣ всѣхъ 50 домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, согласно приговорамъ нашихъ, состоявшихся 11 декабря 1887 г., № 12, сего числа, за № 5 и 6, приступили къ вынутію жребіевъ на полученіе земельныхъ участковъ по порядку подворнаго списка уставныхъ грамотъ, а именно:

№ по порядку.	Имя и фамилія.	№ жребія.	Названіе урочищъ.	Выкупная плата.
1	Александръ Мосейчукъ	32	Майданъ-Каганы	10 руб.
2	Петръ Боляченко	12	Савоповъ-огородъ	11 »
3	Сидоръ Боляченко	15	Запичье	13 »
4	Афанасій Шальчукъ	30	Бочки	13 »
и т. д.				

Такъ какъ вынутіе жребіевъ произведено правильно, приговорили: настоящій приговоръ, по утвержденіи и записи въ книгу приговоровъ, копію съ него представить г. мир. поср. 1 участка Житомирскаго уѣзда».

Послѣ этого зубринцамъ оставалось лишь переселиться на свои участки и завести хозяйство на новый ладъ. Зубринцы такъ и поступили.

И опытъ ихъ оказался настолько удаченъ, что вслѣдъ за ними одно за другимъ стали переходить на волоки и остальные села Горошковской волости, а затѣмъ села и сосѣднихъ съ ней волостей Житомирскаго уѣзда.

Въ настоящее время изъ сельскихъ обществъ Горошковской волости не перешли на волоки только Краевщина, гдѣ вопросъ о переходѣ поднятъ, но не разрѣшенъ въ силу разногласія между крестьянами относительно подробностей, а также нѣсколько деревень, которыя не могутъ перейти на волоки въ силу неблагоприятныхъ условій: такъ, одно изъ сельскихъ обществъ, составляющихъ д. Рыжаны, не можетъ перейти на волоки, такъ какъ ведетъ земельную тяжбу съ помѣщикомъ, д. Волящина—въ виду того, что еще не совершилось размежеваніе крестьянскихъ земель съ помѣщичьими; не могутъ перейти на волоки деревни Рудня-Камень, Рудня-Гацковка и Рудня-Шляхова, такъ какъ надѣлы этихъ деревень ничтожны, а переходъ на волоки оказывается выгоднымъ (о чемъ подробнѣе скажемъ ниже) только при довольно значительныхъ надѣлахъ. Всѣ остальные сельскія общества Горошковской волости перешли уже къ новому порядку.

Изъ Горошковской волости движеніе въ пользу перехода на волоки перешло прежде всего въ сосѣднюю Пулинскую, находящуюся почти въ тождественныхъ

съ Горошковской условіяхъ. Пулинская волость, какъ и Горошковская, составляетъ одинъ изъ центровъ нѣмецкой колонизаціи; условія почвы этой мѣстности, какъ и въ Горошковской волости, требуютъ удобренія, надѣлы тоже принадлежатъ къ числу крупныхъ. Въ Пулинской волости движеніе началось значительно позже и, пока, села, перешедшія на волюки, составляютъ меньшинство, но, судя по той интенсивности, съ какой развивается это движеніе, можно думать, что въ близкомъ будущемъ и Пулинская волость вся перейдетъ къ новому порядку. Вотъ табличка постепеннаго роста этого движенія въ Пулинской волости.

Пулины	перешли на волюки въ	1894 г.
Вацлавполь	» » » »	1897 »
Новополь	» » » »	1897 »
Сколововъ	» » » »	1899 »
Чернявка	» » » »	1899 »
Кручинецъ	» » » »	1899 »
Ивановичи	» » » »	1900 »

Кромѣ того, поднять вопросъ о переходѣ на волюки въ Вильскѣ въ 1900 г. и въ Стрибожѣ въ 1901 году. Такимъ образомъ, за восемь лѣтъ въ Пулинской волости движеніе успѣло сдѣлать такой успѣхъ, что изъ 19 селъ 7 перешло уже на волюки и 2 находятся наканунѣ перехода.

Помимо этихъ двухъ волостей, въ которыхъ движеніе столь значительно расширилось переходъ на волюки наблюдается и въ другихъ, прилегающихъ къ Горошковской, волостяхъ: Барашевской, Ушомирской, Фасовской и Черняковской. Въ общемъ, мѣстность, охваченная движеніемъ, представляетъ собой все расширяющійся кругъ, центромъ котораго является перешедшая на волюки первая Зубринка.

Что касается до видовъ на дальнѣйшее распространеніе движенія, то въ южномъ направленіи оно почти достигло своихъ предѣловъ, такъ какъ южныя изъ перешедшихъ на волюки селъ почти непосредственно граничатъ съ черноземной и малоземельной полосой, представляющей мало данныхъ для развитія движенія; на сѣверъ же, востокъ и западъ движеніе можетъ распространяться еще далеко.

Присматриваясь къ тѣмъ формамъ, въ которыя вылилось движеніе въ своемъ развитіи, приходится убѣдиться, что уже въ Зубринкѣ оно нашло свои типичныя нормы, отклоненія отъ которыхъ либо не существенны, либо не рациональны. Мотивомъ къ такой перемѣнѣ въ сельскомъ быту повсюду является неудобство прежняго порядка землевладѣнія для веденія хозяйства и, въ частности, для удобренія земли. Къ этому мотиву присоединяется еще другой—желаніе добиться передѣла общественныхъ земель, зачастую захватываемыхъ отдѣльными домохозяевами. Насколько такіе захваты являются обширными характеризуетъ слѣдующій приговоръ Вильскаго сельскаго схода.

«О распределеніи общественныхъ вакантныхъ земель на дворы въ надѣльнымъ землямъ 1900 г. августа 29 дня. Мы, нижеподписавшіеся, Волынской губерніи, Житомирскаго уѣзда, 1 мирового участка, Пулинской волости, бывшіе государственные крестьяне с. Вильска, собравшись сего числа по созыву мѣстнаго сельскаго старосты Климентія Терещука, въ числѣ 89 изъ числа 108 всѣхъ въ обществѣ наличныхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, имѣли между собой совѣщаніе о томъ, что, согласно выкупнымъ документамъ, данной, совершенной 14 декабря за № 105, и вводному листу, отъ 28 декабря 1878 года за № 9, нашему обществу предоставлено на выкупъ между прочими угодьями въ распоряженіе всего сельскаго общества подъ запасные участки, оставшіеся свободными отъ постороннихъ обывателей, 223,64 дес. земли, подъ общимъ пастбищемъ 395,35 дес. земли и, кромѣ земли, находящейся подъ кладбищемъ и дорогами и училищною усадьбою, неудобной 79,61, что неудобная земля отчасти превратилась въ удобную, что запасные участки земли, предоставленные въ распоряженіе всего общества, въ количествѣ 223,64 дес., а равно и куски изъ неудобной земли находятся въ настоящее время въ временномъ пользованіи крестьянъ и жителей с. Вильска, а именно (слѣдуетъ перечень ихъ), изъ которыхъ многіе пользуются и вакантными землями, другіе, коренные домохозяева, таковою не пользуются, и это для послѣднихъ довольно обидно, что, въ виду этого и въ устраненіе неправоулыбнаго пользованія вакантными участками земли вышеупомянутыми лицами, является необходимость вакантную землю уравнивать распределеніемъ по между всѣми надѣльными дворами общества, а потому и по общему между собою соглашенію единогласно приговорили: 1) предоставленную въ распоряженіе всего сельскаго общества подъ запасные участки землю, оставшуюся свободною отъ постороннихъ обывателей, въ количествѣ 223,64 дес. состоящую нынѣ въ временномъ пользованіи (перечисленіе), а равно земли, образовавшіяся изъ количества 79,61 дес. неудобной земли, удобныя сколько окажется по измѣренію въ натурѣ, распределять прирѣзкою къ 67 надѣльнымъ дворамъ, въ количествѣ, какое будетъ на каждый дворъ причитаться; 2) выкупные платежи, причитающіяся за эту, подлежащую распределенію, землю причислить на каждый дворъ, согласно добавленному количеству земли, и 3) для ходатайства объ утвержденіи этого приговора и вообще веденія дѣлъ по этому предмету избрать изъ среды себя уполномоченныхъ крестьянъ (ихъ перечень), о чемъ составить настоящій приговоръ, который, по запискѣ въ установленную книгу, и утвердить нашими подписями»

Если захватъ общественныхъ земель не развился въ количественномъ отношеніи нигдѣ такъ сильно, какъ въ Вильскѣ, то лишь потому, что самой общественной земли нигдѣ не было такъ много. Но вездѣ, гдѣ только была общественная земля, она почти вся оказалась въ захватѣ, только общественные огороды мѣстами оставались въ пользованіи общества и въ качествѣ арендной статьи. Желаніе возратить эту общественную землю въ общее пользованіе, съ распределеніемъ ея равномерно между всѣми «грамотными» дворами, является обыкновенно вторымъ мотивомъ при переходѣ на волоки. Этотъ мотивъ приводится въ одномъ изъ Зубринскихъ приговоровъ; онъ является основнымъ и въ Вильскомъ приговорѣ. Повидимому, этотъ мотивъ имѣлъ значеніе и въ другихъ случаяхъ, такъ какъ всегда, когда общественная земля оказывается въ захватѣ одними и нѣсколькими лицами при переходѣ на волоки, она раздѣляется поровну по количеству «грамотныхъ» дворовъ.

Основнымъ мотивомъ, однако, повсюду выставляется неудобство удобренія при отдаленности и разрозненности участковъ. Неудобства эти, повидимому, были дѣйствительно весьма ощутительны, такъ какъ, при прежнемъ порядкѣ землеуладѣнія, удобрялась обыкновенно только огородная земля. Это обстоятельство,

дѣлая огородную землю наиболѣе цѣнной, вызвало, между прочимъ, нѣкоторое видоизмѣненіе въ типѣ перехода на волоки. Тогда какъ нѣкоторыя общества, подобно Зубринскому, вполне переходятъ къ хуторскому, нѣмецкому, хозяйству и каждый домохозяинъ переселяется на свой участокъ, большинство изъ нихъ стремится сохранить за собой усадебныя земли. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, при переходѣ на волоки, усадебныя земли сохраняются за прежними владѣльцами, размѣръ усадебъ обыкновенно уравнивается, при чемъ нормы уравниенія бываютъ различны. Приговоръ Новопольскаго схода говорить: «усадебныя земли въ селеніи оставить на мѣстѣ и дорѣзать еще изъ полевой земли кругомъ селенія каждому домохозяину такое количество земли, чтобы приходилось на каждый дворъ усадебной земли по три десятины». Приговоромъ Ивановскаго сельскаго схода усадебныя земли въ селѣ тоже остаются за прежними владѣльцами и нормой признается $3\frac{1}{4}$ десятины на «грамотный» дворъ. Приговоръ Пулинскаго сельскаго схода, сохраняя усадьбы въ селеніи, постановляетъ къ каждой усадьбѣ прирѣзать по 1 дес. изъ полевой земли кругомъ селенія. Объ уравниеніи усадебныхъ земель въ этомъ приговорѣ не упоминается. Средняя величина усадьбы, съ прирѣзкой выходитъ менѣе, чѣмъ 2 дес. на дворъ, такъ какъ всего было до перехода 59 дес. 216 саж. усадебной земли на 74 «грамотныхъ» двора. Чернявскій сельскій сходъ, оставляя усадьбы на мѣстѣ, не уравниваетъ усадебныя земли прирѣзкой, и размѣръ усадебъ колеблется отъ 540 саж. до 2 дес. 1900 саж. на «грамотный» дворъ. Кручинецкій сельскій сходъ оставляетъ усадьбы на мѣстѣ и не уравниваетъ усадебныя участки, размѣръ которыхъ колеблется отъ 945 саж. до 2 дес. 1554 саж. Рыжанскій сельскій сходъ усадьбы оставляетъ на мѣстѣ и уравниваетъ съ 3-хъ десятинъ, тоже Грушковскій. Въ Дворищахъ усадьбы остаются на мѣстѣ и усадебныя земли уравниваются съ размѣра въ одну десятину. Мало-Горошковскій сельскій сходъ, оставляя усадьбы на мѣстѣ, за норму усадебной земли принимаетъ 2 десятины, тоже Челновскій сходъ. Давидовскій сельскій сходъ, оставляя деревню на мѣстѣ и уравнивая размѣръ усадьбы въ 3 дес., такъ опредѣляетъ мѣсто, гдѣ должна быть произведена эта нарѣзка: «подъ усадьбы тѣхъ дворовъ, у которыхъ меньше 3 десятинъ, прирѣзать изъ земли, находящейся подъ березовымъ лѣсомъ въ урочищѣ Лысая Язвинка, а если не хватитъ, то изъ полевой земли около села», причемъ добавляетъ, что «тѣ изъ однообщественниковъ, которые имѣютъ постройки на поляхъ, могутъ получить къ нимъ усадебныя земли или въ урочищѣ Лысая Язвинка или изъ прилегающей къ постройкамъ полевой земли. Сходъ Рудни Крапивенской, уравнивая усадебныя участки съ 3-хъ десятинъ, указываетъ, что прирѣзки къ усадебнымъ землямъ должны быть сдѣланы изъ общественныхъ огородовъ. Приговоръ Славовскаго схода относительно усадебъ говоритъ слѣдующее: «Усадьбы уравнивать до двухъ десятинъ, причемъ предоставить пользоваться каждому домохозяину 1 дес. въ самомъ селѣ, какъ было прежде, и прирѣзать по одной десятинѣ изъ полевыхъ земель вокругъ села». Тотъ же приговоръ добавляетъ: «Домохозяевамъ, имѣющимъ постройки на

полевых угодьях и нежелающим переносить их, оставить на старых местах по одной десятина, с тем, чтобы эти десятины шли в зачет прирѣзки къ усадебной землѣ. Сходъ села Паромовки разрѣшаетъ вопросъ объ усадебныхъ земляхъ такъ: «Усадьбы уравнивать до 2-хъ десятинъ на «грамотный» дворъ прирѣзками изъ излишковъ, отрѣзанныхъ у другихъ однообщественниковъ и изъ общественныхъ огородовъ, а при недостаткѣ—изъ земли при урочищѣ Селяще. Въ такихъ случаяхъ, когда подъ усадьбы и огороды будетъ отведена очень плохая земля, можно дать до 3-хъ десятинъ на грамотный дворъ».

Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ замѣчается стремленіе къ уравниванію размѣровъ усадебной земли въ нормахъ отъ 1 до 3¹/₂ десятинъ, съ преобладаніемъ нормы въ 3 десятины. Вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчается тенденція къ сохраненію усадебной земли въ селѣ или около существующихъ построекъ, но нерѣдко подъ усадебныя земли отводится какое-нибудь урочище съ особенно хорошей землей. Не составляютъ исключенія случаи, когда усадебныя земли отводятся не въ одномъ, а въ двухъ кускахъ (участокъ въ селѣ и прирѣзка на Лысой Язвинкѣ; участокъ съ селѣ и прирѣзка около существующихъ въ поляхъ построекъ), и постоянны случаи, когда усадебныя земли отдѣлены отъ полевыхъ. Такія отклоненія отъ прототипа новаго хозяйства—нѣмецкаго колонистскаго хозяйства и нормъ, выработанныхъ пионерами въ дѣлѣ перехода на волоки—зубринцами, фактически сильно сглаживаются съ теченіемъ времени. Въ многихъ случаяхъ, гдѣ, по приговору, усадьбы оставлены на прежнихъ мѣстахъ, фактически онѣ перенесены на полевые участки, и усадебныя земли превращаются въ исключительно огородныя. Такъ какъ этимъ создается вновь то неудобство, которое было одной изъ основныхъ причинъ перехода на волоки, т. е., отдаленность нѣкоторыхъ изъ угодій отъ жилья, то покинутыя усадьбы—иногда вмѣстѣ съ постройками, иногда же по свнесеніи построекъ—превращаются въ арендную статью. Такое ненормальное, по существу, положеніе въ мѣстечкахъ (Пулины и Горошки) оказывается очень выгоднымъ. Отдавая свои усадебныя земли въ аренду евреямъ, живущимъ въ мѣстечкахъ чиновникамъ и т. д., крестьяне мѣстечекъ извлекаютъ изъ этихъ земель значительно большой доходъ, чѣмъ какой могла бы дать обработка ихъ. Но въ деревняхъ положеніе мѣняется. Тамъ крестьяне могутъ отдать въ аренду свои усадебныя земли только либо близко живущимъ односельчанамъ, либо кулакамъ, которые собираютъ въ своихъ рукахъ, по возможности, всѣ покинутыя усадебныя земли. Последнее явленіе наблюдалось въ д. Дворищахъ, гдѣ кулакъ, заарендовавъ большую часть оставленныхъ усадебныхъ участковъ, эксплуатируетъ ихъ подъ травосѣяніе.

Вообще основной причиной стремленія крестьянъ удерживать за собой усадебныя земли является, повидимому, нежеланіе ихъ разстаться съ тѣмъ клочкомъ, на удобреніе котораго затрачено столько силъ (до перехода на волоки удобрялись, въ большинствѣ случаевъ, только усадебныя земли), при этомъ забываются сопряженныя съ такимъ отдѣленіемъ усадьбы отъ пахотной земли неудобства, которыя сказываются очень скоро на практикѣ.

Что касается до распределенія полевыхъ земель, то и въ этомъ вопросѣ между отдѣльными селами существуютъ нѣкоторыя различія. Въ Зубринкѣ, какъ было указано выше, сходъ стремился къ уравниванію цѣнности участковъ причеиъ качество земли компенсировалось количествомъ ея. Неравномѣрность распределенія выкупныхъ платежей показываетъ, что идеалъ равноцѣнности участковъ казался самымъ крестьянамъ достигнутымъ лишь относительно. Такая компенсация за качества земли количествомъ ея наблюдается, подобно Зубринкѣ, вездѣ, но не вездѣ она возможна. Такъ какъ въ основу передѣла положенъ «грамотный» дворъ, то въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ размѣрѣ «грамотныхъ» участковъ существовало колебаніе, оно сохранилось и при переходѣ на волокна. Такими отклоненіями отъ равномѣрности надѣла являются, прежде всего, такъ называемые огородники, т. е. крестьяне, владеющіе только огородами: они всегда остаются на прежнемъ положеніи, какое на ихъ судьбу переходъ на волокна имѣетъ, тѣмъ не менѣе, довольно существенное вліяніе. Но помимо огородниковъ существуютъ и другіе нарушители равномѣрности надѣла: это владельцы половинныхъ усиленныхъ надѣловъ, владеющихъ ими по приговораиъ судовъ и т. д. Мѣстами такіа отклоненія бывають довольно значительны. Такъ, въ Новопольѣ 41 дворъ получилъ надѣлъ въ 25 дес. 755 саж. при 3 десятинахъ усадебной земли; 28 дворовъ—въ 13 дес. 755 саж. при 3-хъ десятинахъ усадебной земли и 2 двора по 6 десятинъ безъ усадебъ. Эти размѣры участковъ сохранены и при переходѣ на волокна. Точно также прежній размѣръ участковъ въ 16 дес. 748 саж. сохраняется при переходѣ на волокна Сколобовскитъ сходомъ. Въ Ивановичахъ по подворному списку значится 20 дворовъ съ большимъ надѣломъ (въ 18, 16 и 15 десятинъ) и 96 дворовъ съ меньшимъ надѣломъ (въ 10 дес. 672 сажени каждый). Сходъ постановилъ надѣлить сначала 20 дворовъ съ большимъ надѣломъ, которымъ отвести земли отъ границы съ дер. Бураковкой, потомъ 96 дворовъ съ меньшимъ надѣломъ. Рыжанскій сельскій сходъ, принимая принципъ компенсация за качество количествомъ, устанавливаетъ предѣлы колебанія величины отдѣльныхъ участковъ, «чтобы самая большая волока не превышала 32 десятинъ, а самая меньшая не была меньше 22 десятинъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Рыжанскій сходъ не производитъ такого тщательнаго распределенія выкупныхъ платежей, какъ Зубринскій, а постановляетъ, что «выкупные платежи и мірскіе сборы уплачиваются поровну отъ каждой волоки». Дворицскій сходъ, уравнивая качество земли количествомъ ея въ предѣлахъ отъ 12 до 13¹/₂ дес., распределяетъ выкупные платежи съ колебаніями между 10 р. 14 к. и 12 р. 24 к. Мало-Горошковскій сходъ, уравнивая качество земли количествомъ ея, выкупные платежи распределяетъ поровну отъ каждой волоки. Завидовскій сходъ, уравнивая качество земли количествомъ ея въ предѣлахъ отъ 17 до 28 десятинъ, выкупные платежи распределяетъ поровну отъ волоки. Сходъ Рудни-Крапивенской пахотную землю распределяетъ съ компенсацией на качество количествомъ ея, общественный же сѣнокосъ прямо дѣлитъ на равные участки (сѣнокосъ оказывается, такимъ образомъ, отдѣльно отъ пахоти),

выкупные платежи и мірскіе сборы сходъ распредѣляетъ поровну отъ волоки. Славовскій сходъ уравниваетъ качество участковъ количествомъ земли въ предѣлахъ отъ 18 до 25 десятинъ, мірскіе же сборы и выкупные платежи распредѣляетъ поровну.

Переходъ на волоки далеко не вездѣ былъ принимаемъ единогласно. Очень часто являлись консервативные элементы, которые не соглашались на такую коренную ломку. Число несогласныхъ бываетъ довольно различно, но, въ общемъ, они составляютъ ничтожное меньшинство. Сходы обыкновенно постановляютъ несогласнымъ оставлять ихъ прежніе участки полевой и усадебной земли. Только въ одномъ случаѣ мнѣ пришлось наблюдать фактъ принужденія къ переходу на волоки и то при исключительныхъ обстоятельствахъ. Наибольшее количество несогласныхъ на переходъ на волоки изъ извѣстныхъ мнѣ случаевъ перехода было въ Мало-Горошковскомъ сельскомъ обществѣ (16 изъ 126); въ остальныхъ случаяхъ число несогласныхъ было 1—3. Случай принужденія къ переходу на волоки имѣлъ мѣсто въ Славовскомъ сельскомъ обществѣ, приговоръ котораго вообще отличается нѣкоторымъ деспотизмомъ по отношенію къ отдѣльнымъ членамъ общества. Постановление о принужденіи къ переходу на волоки сформулировано въ приговорѣ такъ: «Однообщественника нашего К. Клименка, не изъявившаго желанія участвовать въ новой наръзкѣ, обязать участвовать, такъ какъ два совладѣльца его по пользованію надѣломъ М. и М. Клименки изъявили согласіе на наръзку, въ виду чего третій совладѣлецъ обязательно долженъ подчиниться желанію большинства». Тотъ же сходъ, какъ было указано выше, проявилъ склонность къ принужденію отдѣльныхъ сочленовъ и въ другомъ случаѣ. Такъ, постановивъ, что хозяева, имѣющіе постройки на полевыхъ угодьяхъ и не желающіе покидать ихъ, должны получить около построекъ по одной десятинѣ полевой земли въ зачетъ прирѣзки къ усадебной, постановляетъ слѣдующее: «Такъ же поступить въ отношеніи Ф. Кондрацкаго, который, хотя и согласился нынѣ перенести свои постройки, но согласіе это можетъ по легкомыслію перемѣнить».

Выше было уже отмѣчено, что иногда сходъ вмѣшивался въ распредѣленіе участковъ, назначая ихъ тѣмъ или другимъ хозяевамъ безъ жребія. Такое явленіе было уже въ Зубринкѣ. Оно повторялось и позднѣе въ другихъ случаяхъ причемъ иногда просьба о назначеніи участка мотивируется, что нѣсколько выясняетъ причину такого нарушенія общаго порядка распредѣленія участковъ. Грушковскій сходъ постановляетъ: «двумъ крестьянамъ, дворы которыхъ находятся въ полѣ, дать участки около дворовъ въ обыкновенномъ размѣрѣ». Въ другихъ случаяхъ, сходы, однако, постановляютъ находящіяся въ поляхъ постройки снять въ опредѣленный срокъ, который бываетъ различенъ. Такъ, Сколовскій сходъ постановилъ, что втеченіе 2-хъ лѣтъ хозяева обязаны снести постройки и пересадить или уступить фруктовыхъ деревья. Сходъ Рудни Кропивенской постановилъ постройки въ поляхъ снять безъ указанія срока. Славовскій сходъ постановилъ постройки въ поляхъ сохранить и около нихъ дать по

одной десятины въ зачетъ прирѣзки къ усадьбамъ. Мало-Горошковскій сходъ постановляетъ, что хозяева, имѣющіе въ поляхъ постройки и огороды не больше 2-хъ десятинъ, могутъ сохранить ихъ въ своемъ пользованіи, давъ взаимнѣю соотвѣтствующее количество земли. Тотъ же вопросъ, выясняется слѣдующимъ приговоромъ Дашенскаго сельскаго схода.

«1895 г. ноября 24. Слушали словесную просьбу нашихъ однообщественниковъ 1) И. Е. Федоренка о томъ, что, по новой подворной нарѣзкѣ, въ № 2 земельного участка, есть 2 дес. земли, подаренной б. помѣщикомъ Строиновскомъ отцу его, о чемъ сдѣлана отиѣтка въ планѣ общ. земель, составленномъ въ 1866 г.; на означенныхъ десятинахъ находятся болѣе 50 лѣтъ его гумно, сѣяникъ, фруктовый садъ, липовыя деревья, переносъ которыхъ невозможно, такъ какъ, если придется переносить находящіеся тамъ постройки и огорожу, стоящія болѣе 400 р., то на переносъ ихъ нужно до 150 р., почему проситъ дать ему участокъ № 2 безъ жребія. 2) С. Федоренка о томъ, что, по новой нарѣзкѣ, въ № 10 находится на полевой землѣ его постройки до 1.000 р., почему проситъ общество дать ему участокъ № 10 безъ жребія, за что онъ согласенъ уплатить въ пользу общества 70 р.; 3) жена Б. Бирюченко (мужа на сходѣ не было) и зятя умершаго О. Никитенко, А. Собко и Е. Кучеръ, ведутъ въ Житомир. окр. судѣ тяжбу за зем. надѣлъ, просятъ допустить ихъ къ вынудѣ жребія, такъ какъ, по неизвѣстной причинѣ, общество не допустило ихъ къ вынудѣ жребія и даетъ безъ жребія участокъ, № 4, всего 30 дес. неудобной земли. Сходъ по выслушаніи означенной просьбы принявъ во вниманіе: 1) что И. Федоренко самъ предлагалъ обществу 100 руб. за то, чтобы ему безъ жребія данъ былъ участокъ, № 2, на которомъ находятся указанные имъ постройки, хлѣбъ, огородъ и деревья, теперь же, узнавъ изъ плана, что отцу его подарены двѣ десятины, отказываясь отъ дачи обществу 100 р.; общество же считаетъ, что проситель И. Федоренко не имѣетъ дарственной земли, хотя объ этомъ значится на планѣ, но въ другихъ документахъ ничего не видно; 2) что у С. Федоренко дѣйствительно много построекъ находится на участкѣ № 10, что просьбу его на сходѣ признаемъ подлежащему удовлетворенію; 3) жены Б. Бирюченко и зятя умершаго О. Никитенка, крестьянъ А. Собко и Е. Кучера, ведущихъ тяжбу, въ виду того что Борисъ Бирюченко издавна тамъ надѣломъ не пользовался, а владѣлъ умершій О. Никитенко, зятя (пріѣмаки) котораго А. Собко и Е. Кучеръ другого общества, то сходъ признаетъ достаточнымъ для нихъ надѣломъ 30 десятинъ, то единогласно приговорили: 1) И. Федоренку отдать участокъ № 2 безъ жребія, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ представлялъ болѣе ясное и формальное доказательство, что отцу его подарено 2 десятины, если же таковыя доказательства не будутъ представлены, то долженъ будетъ уплатить въ пользу общества 100 р.; 2) С. Федоренку, давшему въ пользу общества 70 р., отдать участокъ № 10 безъ жребія (15 хозяевъ согласныхъ и 10 несогласныхъ); 3) просьбу жены Б. Бирюченко, А. Собко и Е. Кучеренко, по вышеобъясненнымъ обстоятельствамъ, оставить безъ послѣдствій».

Приговоръ этотъ я привелъ цѣликомъ, какъ весьма характерный для обрисовки отношеній крестьянъ къ правамъ тѣхъ изъ своихъ односельчанъ, которые владѣли частью своихъ участковъ не на основаніи уставной грамоты. Сходъ не признаетъ этихъ правъ, считая, однако, возможнымъ вступить въ сдѣлку съ владѣльцемъ подареннаго участка. Въ другомъ случаѣ сходъ признаетъ справедливость просьбы, основанной на томъ, что у претендента на извѣстный участокъ есть на немъ постройки, но за удовлетвореніе этой просьбы считаетъ себя въ правѣ получить вознагражденіе. Вообще, непоколебимыя сходы признаютъ только то право на извѣстный земельный участокъ, которое опирается на уставную грамоту. Такъ, Рыжанскій сельскій сходъ

по первому приговору совершенно умалчалъ о тѣхъ крестьянахъ, которые владѣли участками не на основаніи уставной грамоты, а на основаніи приговоровъ волостного суда и прежнихъ постановленій схода, и не хотѣлъ давать этимъ владѣльцамъ волокъ. Только подъ вліяніемъ администраціи рѣшеніе схода было измѣнено.

Впрочемъ, и право собственности, основанное на уставной грамотѣ, признается только тогда, когда владѣлецъ обрабатывалъ свой участокъ и платилъ за него платежи. Такъ, Славовскій сходъ постановилъ:

«Домохозяевамъ (приводятся имена и фамиліи), за которыми, по подворному списку уставной грамоты, показаны, кромѣ огородныхъ земель, и цѣлыя полевые надѣлы, предоставить при настоящей наръзкѣ только тѣ огородныя мѣста, въ количествѣ каждому по одной десятинѣ, коними они, въ качествѣ огородниковъ, пользовались до настоящаго времени отъ самаго освобожденія крестьянъ и введенія уставной грамоты и за которые только и уплачивали съ того времени выкупные платежи и мірскіе сборы, при чемъ изъ нихъ только одной В. Полкушихъ дать еще три десятины полевой земли, такъ какъ до сего времени это количество полевой земли находилось въ ея фактическомъ пользованіи».

Такимъ образомъ, сходъ отказывается отъ принципа дѣленія на уставные дворы въ тѣхъ случаяхъ, когда числящаяся по уставной грамотѣ земля не была въ фактическомъ пользованіи и за нее юридическимъ ея владѣльцемъ не были вносимы выкупные платежи.

Интересными въ процессѣ перехода на волоки являются вопросы о лѣсѣ, дорогахъ и водопойѣ. Для всѣхъ этихъ вопросовъ въ самомъ началѣ вырабатываются извѣстныя нормы, которыми и руководствуются отдѣльными общества, съ небольшими колебаніями. Относительно лѣса Новопольскій сходъ постановляетъ, что хозяинъ, сохранившій свой лѣсъ, имѣетъ право въ шестилѣтній срокъ снять строевой и дровяной лѣсъ, молодой же остается въ пользованіи новаго владѣльца. Рыжанскій сельскій сходъ даетъ иную норму: лѣсъ, отдѣльныя деревья и кустарники принадлежатъ прежнимъ владѣльцамъ, которые обязуются снять ихъ втеченіе трехъ лѣтъ; вмѣсто же лѣсныхъ участковъ они обязаны давать втеченіе того же времени соотвѣтствующее количество пахотной земли средняго качества. Дворицскій сходъ постановляетъ, что лѣсъ и отдѣльныя деревья прежніе владѣльцы обязаны снять втеченіе трехъ лѣтъ. Крестьянину Василенку, въ собственности котораго есть одна десятина лѣса, дозволяется сохранить ее втеченіе трехъ лѣтъ съ тѣмъ, чтобы въ замѣнъ онъ далъ десятину полевой земли. Челновской сходъ разрѣшаетъ вопросъ о лѣсѣ опять иначе: лѣсъ владѣльцы должны снять втеченіе 5 лѣтъ; домохозяевамъ, сохранившимъ лѣсъ на цѣлыхъ десятинахъ или полудесятинахъ, предоставляется право удержать его съ тѣмъ, чтобы они дали въ замѣнъ соотвѣтствующее количество пахотной земли. Давидовскій сходъ обязуетъ домохозяевъ снять лѣсъ въ шестилѣтній срокъ. Сходъ Рудни Крапивенской предоставляет право снять лѣсъ и кустарники въ 3-хъ лѣтній срокъ, по истеченіи котораго новые домохозяева имѣютъ право считать неснятый лѣсъ своей собственностью. По приговору Славовскаго схода, кустарники переходятъ къ новымъ

владельцамъ участковъ, большія же деревья остаются собственностью старыхъ, при чемъ послѣдніе обязаны снять ихъ втеченіе трехъ лѣтъ.

Интересенъ случай, гдѣ устанавливаются права собственности на нѣсколько деревьевъ у дороги. Сколобовскій сходъ постановилъ, что четыре тополя при дорогѣ должны остаться въ пользованіи общества. Надо замѣтить, что это не единичный случай, когда сходъ, при переходѣ на волоки, оставляетъ не-большіе участки земли въ общественномъ пользованіи. Такъ, Рыжанскій сходъ постановляетъ «оставить въ теперешнемъ видѣ общественныя земли подъ шкальной (казенной винной лавкой) и гдѣ еврей Х. Кахтанъ и арендаторъ Кноръ»; оставляетъ въ общественномъ пользованіи 4 десятины и Славовскій сходъ, изъ нихъ одну подъ училищемъ и одну подъ общественнымъ домомъ.

По условіямъ мѣстности, становится очень важнымъ вопросъ о проведеніи осушительныхъ канавъ. Почти каждый приговоръ оговариваетъ права отдѣльныхъ хозяевъ проводить такія канавы черезъ сосѣдніе участки. Сколобовскій сходъ постановляетъ, что—гдѣ понадобится—должны быть прорыты на общественный счетъ канавы для стока воды. Право прорытія канавъ оговариваютъ Рыжанскій, Мало-Горониковскій и нѣк. др. сходы.

Право водопоя оговариваетъ только Рыжанскій сходъ, постановившій, что рѣкой въ селѣ должны пользоваться всѣ сообща, а на волокахъ тѣ, чья волока приходится противъ рѣки. Такое малое вниманіе къ вопросу о водопоеъ объясняется тѣмъ, что на каждомъ участкѣ роютъ колодезь, которымъ и пользуется каждый хозяинъ отдѣльно.

Весьма любопытны также постановленія сходовъ относительно дорогъ. Рыжанскій сходъ постановляетъ, что дороги, ведущія къ отдѣльнымъ домохозяевамъ, должны быть шириною въ 4 аршина, тѣ же, которыя служатъ потребностямъ всего общества, и трактовыя должны быть не уже трехъ сажени. Исправленіе первыхъ лежитъ на обязанности того домохозяина, по чьей землѣ онѣ проходятъ, вторыхъ—на обязанности общества. Тотъ же сходъ постановляетъ, что каждый хозяинъ обязанъ дать сосѣду дороги до волоки и до купленной земли. По приговору Славовскаго схода, дороги между отдѣльными волоками должны быть въ двѣ сажени, а для надобностей всего общества—въ три сажени, при чемъ и тѣ и другія исправляются всѣмъ обществомъ. Преобладаетъ, однако, первая норма.

Большинство приговоровъ заключаетъ въ себѣ постановленіе, что владельцы каждаго уставнаго двора должны подѣлиться между собой сами.

Этимъ я заканчиваю свой бѣглый обзоръ формъ перехода крестьянъ на волоки. Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о томъ характерѣ, какой носить хозяйство перешедшихъ на волоки, и о тѣхъ послѣдствіяхъ перехода, которыя уже успѣли обнаружиться.

Переходъ на волоки радикально измѣнилъ крестьянское хозяйство. Прежде всего исчезъ обязательный сѣвооборотъ и стали возможны отклоненія отъ трехпольной системы и традиціоннаго способа обработки земли. Каждое

хозяйство стало представлять собой нечто вполне самостоятельное и каждый хозяинъ получилъ возможность, по мѣрѣ умѣнія, приближать его къ тому идеалу, какимъ самъ обладалъ. Идеаломъ такимъ въ данной мѣстности является нѣмецкое и чешское колонистское хозяйство, превосходства котораго слишкомъ очевидны, чтобы они не бросились въ глаза. По примѣру нѣмцевъ и чеховъ, перейдя на волоки, крестьяне начинаютъ тщательно удобрять не одни только усадебныя (огородныя) земли, какъ дѣлали раньше, но и полевые. Удобреніемъ въ большинствѣ случаевъ, какъ и у нѣмцевъ, служатъ почти исключительно навозъ; въ нѣкоторыхъ селахъ, соприкасающихся съ чешскими колоніями, подъ влияніемъ послѣднихъ примѣняется и гипсованіе полей, предназначаемыхъ подъ клеверъ. Самая обработка земли ведется на нѣмецкій манеръ—«грядками». На удобренной землѣ засѣвается большее ея количество, чѣмъ прежде, и подъ толокой остается меньше $\frac{1}{2}$, — обыкновенно $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ участка (у нѣмцевъ иногда даже $\frac{1}{10}$). Недостатокъ въ паса компенсируется травосѣяніемъ. Сѣютъ клеверъ, вику, иногда тимофѣевскую траву. Травосѣяніе практикуется на волокахъ вездѣ. Подъ траву иногда перепахиваютъ сѣнокосы, которые иногда предварительно выжигаютъ, затѣмъ первый годъ на такомъ мѣстѣ сѣютъ просо, а на слѣдующій—клеверъ или вику пополамъ съ овсомъ. Удобрение даетъ возможность получать хорошіе урожаи пшеницы, которой засѣваютъ теперь много, между тѣмъ какъ прежде не сѣяли совсѣмъ. Изъ новыхъ для крестьянскаго хозяйства данной мѣстности растений, появившихся съ переходомъ на волоки, нужно отмѣтить еще рожь, которая встрѣчается не въ большомъ количествѣ. Навозъ при новомъ веденіи хозяйства—все и для добыванія берутъ иногда на выпасъ чужой скотъ. Вообще количество скота и опредѣляемое имъ количество удобренія является рѣшающимъ элементомъ для успѣха хозяйства на волокахъ. Тѣ хозяйства, въ которыхъ скота мало, приходятъ въ упадокъ и даже отдають землю въ аренду; между тѣмъ, хозяйства съ достаточнымъ количествомъ скота прогрессируютъ. Чтобы нѣсколько иллюстрировать положеніе, создаваемое переходомъ на волоки, я позволю себѣ привести бѣглое описаніе трехъ типичныхъ хозяйствъ деревни Зубринки, которая первою перешла на волоки и въ которой результаты перехода успѣли обнаружиться яснѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Хозяйство I. Величина участка даннаго двора 9 десятинъ. Въ моментъ описанія засѣяно 3 десятины озимью (2 рожью и 1 пшеницей); триариной (овесъ, горохъ и гречиха, большая часть занята овсомъ), три десятины подъ толокой и клеверомъ (клеверу около $\frac{1}{2}$ десятины). Количество скота: коровъ 5 (до перехода на волоки была 1), лошадей 2 (до перехода была пара воловъ), свиней 5 (прежде было столько же), овецъ нѣтъ (прежде были, но проданы, такъ какъ дорого содержать для нихъ отдѣльнаго пастуха). Есть молотилка съ коннымъ приводомъ, машина для рѣзанья сѣчки и вѣялка. Хозяинъ переходомъ очень доволенъ. Между прочимъ, онъ указываетъ, что ржи собиралось у него прежде съ десятины 4—5 копѣ, теперь 8—10, пшеницы прежде не сѣяли совершенно;

отмѣчаетъ также, что скотъ теперь лучшаго качества, и даетъ много больше молока, такъ какъ доится три раза въ день, а прежде доился лишь 2 раза. Какъ на выгодную сторону перехода, хозяинъ указываетъ на прекращеніе эпидемическихъ болѣзней скота, который теперь пасется у каждого хозяина отдѣльно. Для водопоя и потребностей дома выкопанъ колодезь. Переноска дома обошлась въ 25 р., кромѣ личнаго труда. Для уборки кромѣ самого хозяина принимаютъ участіе и наемные рабочіе, которымъ платится по 60 коп. за рабочій день.

II хозяйство. Полный надѣлъ. Земли 21 десятина. Въ моментъ описанія было занято подъ озимью 7 десятинъ, подъ яриной 8 дес., подъ сѣнокосомъ 2 д. и подъ толокой 2 дес. Озимь—4 дес. ржи и 3 дес. пшеницы. Въ будущемъ году часть теперешняго ярового поля пойдетъ подъ толоку, а часть будетъ унавожена подъ озимь. Количество скота: 6 коровъ и быкъ (до перехода 3 коровы), лошадей 4 (до перехода 3). Молока коровы даютъ больше, такъ какъ кормъ лучше и три раза доятъ. Есть клеверъ и вика. Ярина—овесъ, ячмень, гречиха, картофель, просо, ленъ и конопля. Жита получаютъ съ десятины 10—12 копъ, прежде получалось около 4. Есть молотилка съ коннымъ приводомъ, соломорѣзка и вѣялка. Въ семьѣ четверо мужчинъ и съ хозяйствомъ управляютъ безъ наемныхъ рукъ.

III хозяйство. Количество земли на данный наличный дворъ $6\frac{1}{2}$ десятинъ. Въ моментъ описанія было подъ озимью три десятины (подъ пшеницей 2 и подъ житомъ 1 дес.), подъ яриной 2 дес., подъ сѣнокосомъ $\frac{1}{2}$ дес. и подъ толокой 1 десятина. Есть клеверъ и вика. Скота 3 коровы, двѣ озимихъ телки и 2 лошади. Есть соломорѣзка, вѣялка и молотилка съ коннымъ приводомъ. Въ семьѣ четверо мужчинъ. Съ хозяйствомъ управляютъ сами и, кромѣ того, арендуютъ 4 дес. у другихъ крестьянъ.

Наряду съ такими процвѣтающими хозяйствами, есть хозяйства, находящіяся въ упадкѣ, иногда несмотря даже на довольно большое количество земли. Это тѣ хозяйства, которые лишены скота. Такъ, 3 дес. изъ 4-хъ, арендуемыхъ только-что описаннымъ хозяйствомъ, принадлежатъ крестьянину, надѣлъ котораго 9 десятинъ, но не имѣя достаточно скота, чтобы унавожить всю свою землю, онъ часть отдаетъ за безцѣнокъ въ наемъ (три десятины отданы за 52 р. на 10 лѣтъ). Мнѣ не удалось собрать сколько-нибудь подробныхъ данныхъ объ отдачѣ крестьянами въ аренду своихъ земель, но, повидимому, практикуется долгосрочная аренда съ уплатой впередъ и съ очень низкой цѣной. Такая форма аренды возможна только при стѣсненномъ положеніи отдающаго въ аренду. Последнее обуславливается либо отсутствіемъ скота и денегъ, чтобы поставить на ноги свое хозяйство, либо обмельчаніемъ наличнаго двора, почему оказывается невозможнымъ выдѣлить часть подъ толоку, а слѣдовательно и содержать скотъ, безъ котораго хозяйство невозможно. По отзывамъ крестьянъ, minimumъ возможнаго при новой формѣ хозяйства двора около 5 десятинъ. При меньшемъ размѣрѣ хозяйство становится невыгоднымъ и земля обыкновенно сдается въ аренду.

Этнографическіе очерки Минусинскаго и Канскаго округовъ, Енисейской губерніи.

(Изъ путевого журнала—1857 г. *).

Населеніе. — Города Канскъ и Минусинскъ. — Образованіе поселеній и деревень. — Большой Московскій трактъ. — Характеристика расположеннаго по немъ населенія. — Общій типъ крестьянъ-старожиловъ, казаковъ и ссыльно-поселенцевъ. — Языкъ. — Черты нравственной и нравственной жизни населенія. — Гулянки. — Пьянство. — Народное образованіе. — Расположеніе селъ и деревень. — Строевія старой и новой постройки (рисунки). — Мебель. — Одежда. — Пища. — Будни крестьянина. — Праздничные дни и святочные забавы. — Довольство крестьянъ. — Народная пѣсня, сказки и преданія. — Свадебныя обряды. — Обычаи, повѣрья, предрасудки, примѣты, пословицы и загадки.

Минусинскій и Канскій округи населяютъ: 1) сибиряки-старожилы, 2) ссыльно-поселенцы, живущіе отдѣльными поселеніями и приписанные къ деревнямъ старожилы, 3) козаки, размѣстившіеся отдѣльными станицами на югъ Минусинскаго округа, 4) кочевые ивородцы: татары, Минусинскаго округа, и карагасы, Канскаго округа, и, наконецъ, 5) добровольные переселенцы изъ мало-земельныхъ великорусскихъ губерній. Городское населеніе составляютъ служащіе гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, купцы, мѣщане и разныя цѣховые.

Это населеніе, въ числѣ 116,070 душъ обоего пола, занимаетъ площадь пространствомъ въ 26,323 квадрат. версты.

Въ Минусинскомъ округѣ находится одинъ окружный городъ Минусинскъ, 16 селеній, 88 деревень, 6 старыхъ казенныхъ поселеній, 23 новыхъ поселеній, устроенныхъ переселенцами.

Въ Канскомъ округѣ одинъ уѣздный городъ Канскъ, 20 селеній, 91 деревня, 14 старыхъ казенныхъ поселеній, 3 новыхъ поселеній, устроенныхъ переселенцами Вятской губерніи (въ числѣ 1,219 душъ обоего пола).

Минусинскъ переименованъ въ окружный городъ Енисейской губерніи въ 1822 году изъ с. Большой Минусы.

Канскъ построенъ въ 1638 году для приведенія въ подчиненіе кочговъ и другихъ, кочевавшихъ по р. Кану, племенъ, извѣстныхъ большею частью подъ именемъ качинцевъ и камасинцевъ. Основаніе канскаго острога положено атаманомъ Ермакомъ Остафьевымъ, который, по приказанію воеводы Дубенскаго, съ 50-ю казаками долженъ былъ продолжать завоеваніе земель по р. Кану. Атаманъ Ермакъ, пройдя 200 верстъ по р. Кану, по причинѣ множества пороговъ и пустынности страны, рѣшился остановиться на одномъ лугу, на лѣвомъ берегу р. Кана. Здѣсь онъ располагалъ отдохнуть до прибытія посланнаго

*) Изъ архива Имп. Р. Географ. Общества. Желательно знать, много ли съ того времени переѣзжилось въ этотъ край? Ред.

гонца къ воеводѣ относительно дальнѣйшихъ распоряженій. Но гонецъ скоро не возвращался, наступила бурная осень, предвѣстница суровой и тягостной зимы. Атаманъ Ермакъ, желая сберечь сотоварищей своихъ и готовясь къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ, построилъ здѣсь нѣсколько хижинъ и оградилъ ихъ ровомъ и палисадникомъ по общепринятому обычаю первыхъ завоевателей. Въ 1822 г. Канскъ возведенъ въ окружный городъ Енисейской губерніи. Нынѣ Канскъ, по своему мѣстоположенію и наружному виду, считается однимъ изъ самыхъ посредственныхъ и бѣдныхъ уѣздныхъ городовъ Енисейской губерніи.

Объ основаніи старожильческихъ селеній и деревень положительныхъ свѣдѣній не сохранилось, и у жителей на ихъ земельные участки никакихъ письменныхъ актовъ не существуетъ; въ волостныхъ же управленіяхъ хранятся дѣла только съ 1822 года. Но по ходу историческихъ событій должно полагать, что первыя селенія образовались въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, и первыми строителями были казаки, за которыми послѣдовали свободные хлѣбопашцы, переселенные въ Сибирь въ царствованіе имп. Екатерины II какъ добровольно, такъ и въ зачетъ рекрутъ, для заселенія края. Затѣмъ, къ этому первоначальному населенію присоединились ссыльные поселенцы, разнаго рода кочующіе инородцы, переселенцы изъ сосѣднихъ округовъ, мѣщане городовъ Енисейска, Томска, Иркутска, каторжные изъ казенныхъ заводовъ и, наконецъ—уже въ новѣйшее время—образовались отдѣльныя казенныя поселенія для ссыльных и поселенія, устроенныя добровольными переселенцами изъ внутреннихъ губерній Россіи¹. Отсюда уже видно, что въ сельскомъ населеніи этихъ двухъ округовъ болѣе преобладаетъ элементъ жителей разныхъ губерній Европейской Россіи, нежели аборигеновъ южной части Енисейской губерніи, которые, при заселеніи русскими этого края, удалились одни за Саянскій хребетъ или Бѣлогорье, другіе перекочевали въ Минусинскій округъ и заняли большею частью степныя мѣста по лѣвую сторону Енисея. Но за исключеніемъ казенныхъ поселеній ни въ одной деревнѣ нельзя найти жителей одной какой-нибудь русской губерніи, или переселенцевъ изъ одного мѣста и города. Естественно, переселенцы эти не живутъ отдѣльными деревнями, а разбросаны по всему округу, такъ что въ одномъ селѣ можно встрѣтить крестьянъ, изъ которыхъ одни ведутъ свое происхожденіе отъ азіатскихъ народцевъ, другіе отъ пограничныхъ казаковъ или ссыльно-поселенцевъ и, наконецъ, отъ добровольныхъ переселенцевъ, русскихъ и сибирскихъ городскихъ и сельскихъ обывателей. Послѣдній классъ жителей, по рассказамъ старожиловъ, образовался слѣдующимъ образомъ: выписываемые мастера для постройки церквей и другихъ зданій, приходившіе изъ разныхъ мѣстъ плотники, кузнецы, холебщики, заѣзжіе мелочные торговцы, проживши на одномъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ, вступали въ семейныя связи съ обитавшими уже здѣсь жителями, въ послѣдствіи обзаводились хозяйствомъ и силою обстоятельствъ были вынуждаемы поселиться навсегда въ извѣстной деревнѣ или селѣ. Каждый такой переселенецъ, въ особености въ первыя времена заселенія Сибири, селился, гдѣ хотѣлъ, и избиралъ мѣсто осѣлости по своему произволу и удобствамъ, какъ дѣлали казаки, первые завоеватели края. Ко-

¹ Дѣла архива минусинскаго окружнаго управленія.

нечто, подобнаго рода заселенія не обходились безъ междоусобій, въ особен-ности на земляхъ инородческихъ; во раздоры эти, только во время заво-еванія Сибири казаками, иногда оканчивались кровопролитіемъ; впоследствии же споры о завладѣніи инородческими землями большею частью оканчивались драками или безконечными тяжбами. Безъ сомнѣнія, казаки, населяющіе нынѣ Минусинскій округъ, какъ первые пришельцы и потомки завоевателей Сибири, заняли въ Енисейской губерніи самыя лучшія мѣста. На долю позднѣйшихъ переселенцевъ досталось еще много богатыхъ земель и пастбищъ, но съ тѣхъ поръ какъ стали заселять южную часть Енисейской губерніи ссыльно-поселен-цами и добровольными переселенцами, устраивая для нихъ отдѣльныя поселенія, многія расчищенные крестьянами-старожилами наши были отдачи поселенцамъ, крестьянамъ предоставлена была полная свобода распахивать—гдѣ и сколько кому было угодно—земли за чертою отмежеванныхъ земель для поселенцевъ.

Сельское населеніе Канскаго округа расположено по теченію р. Кана и впадающихъ въ нее рѣчекъ и по большому московскому тракту. Населеніе Минусинскаго округа, который отдѣляется отъ Канскаго округа высокими хреб-тами, отраслями Сабинскихъ горъ, расположено по обѣимъ сторонамъ р. Енисея, въ горахъ и по степямъ, и удалено отъ почтоваго московскаго тракта на 500 верстъ къ югу.

Нужно замѣтить, что просвѣщеніе въ Сибири больше распространено между жителями, населяющими полосу, по которой пролегаетъ этотъ трактъ, и чѣмъ болѣе оно удалено отъ него, тѣмъ болѣе замѣчается въ немъ простоты, патри-архальности. Къ сожалѣнію, гостепріимство, радушіе и честность—каче-ства, которыми славилась сибиряки, становятся все слабѣе среди населенія по московскому тракту. Въ отдаленныхъ отъ него селеніяхъ гостю, кто бы онъ ни былъ, всегда рады, и заплатить за обѣдъ или самоваръ — значить обидѣть хозяина. На почтовой же большой дорогѣ народъ до того избалованъ и сталъ корыстолюбивъ, что не стыдится спросить денегъ за каждую бездѣлицу, и назначеніе рубля за обѣдъ считается здѣсь самою умѣренной платою. Есте-ственно, всякіе пороки и преступленія чаще наблюдаются среди этого населенія. Прежде путешественникъ могъ спокойно проѣхать всю Сибирь и никто не пытался утащить даже веревку съ повозки; нынче же осталось за счетъ сибиряковъ только одно достоинство, что васъ здѣсь не убьютъ или не зарѣжутъ. Но кражи разныхъ вещей, обрѣзываніе ящиковъ, привязанныхъ за повозкою—это случается сплошь и рядомъ, если только представляется къ тому сколько-нибудь удобный случай. Впрочемъ, говорятъ, что такія продѣлки совершаются большею частью ссыльно-поселенцами и бѣглыми бродягами, которые лѣтомъ безпрестанно странствуютъ изъ каторжной работы. Но мнѣ случалось встрѣчать довольно большія партіи бѣглыхъ каторжныхъ и никто изъ нихъ кромѣ мило-стыни никогда больше ничего не требовалъ отъ меня насильно. Въ Нижне-удинскомъ округѣ, гдѣ селенія рѣдки и лѣса непроходимые, однажды, подъ ве-черъ, мнѣ попалась партія въ шесть человекъ бѣглыхъ каторжныхъ. Бродяги полошны къ экипажу, сняли шапки и, низко кланяясь, просили милостыни. Ямщикъ остановилъ лошадей; я изъ предосторожности держалъ пистолетъ въ карманѣ пальто и уже было опустилъ руку въ карманъ, чтобы прибѣгнуть къ защитѣ отъ нападенія, но при видѣ блѣдныхъ, изнуренныхъ длинными переходами

этих несчастных путниковъ въ лохмотьяхъ съ небольшими котомками за сѣнкой, я совершенно успокоился и заговорилъ съ однимъ изъ стоявшихъ поближе къ повозкѣ.

— Кто вы такіе?

— Прохожіе, ваше благородіе.

— Откуда?

— Изъ нерчинскихъ заводовъ. Дай, батюшка, хлѣбца кусокъ или что твоей милости угодно будетъ,—устали шибко!

— Такъ это вы днемъ прикидываетесь нищими, а ночью чай подрѣзываете?

Въ прошедшую ночь дѣйствительно сняли у проѣзжаго два мѣста чая, о чемъ узналъ я отъ земскаго засѣдателя.

— Куда намъ дѣваться съ чаемъ, отвѣтилъ другой бродяга, вѣдь на плечахъ не унести, а станешь продавать, сейчасъ узнаютъ.

— Кто же могъ больше подрѣзать?

— Да Богъ его знаетъ—злыхъ людей много. Въ деревняхъ живутъ поселенцы, которые только заиѣчаютъ, когда начнутъ проходить бѣглецы съ заводовъ, и тогда сѣло пускаются на воровство въ надеждѣ, что все подозрѣніе падеть на бѣглыхъ. Это уже не первый разъ случается. Конечно, и между нашими есть нехорошіе люди, но ихъ зато скорѣе ловятъ, и грѣха-то больше на душѣ.

Ямщикъ, ѣхавшій съ нами, подтвердилъ эту истину.

Разнородный составъ народонаселенія Сибири постепенно принялъ общія, свойственныя русскому народу, внѣшнія черты. Но несмотря на этотъ общій типъ, стоятъ только взглянуть на фізіономію здѣшняго сельскаго жителя, заговорить съ нимъ и почти всегда можно отличить крестьянина-старожила отъ ссыльно-поселенца или казака. Различіе это замѣчается въ говорѣ, выразительности лица, степенности, безпечности, вѣжливости или дерзости и въ другихъ мелочныхъ, но довольно характеристическихъ отличіяхъ. У крестьянина-старожила рѣчь спокойная, говоритъ онъ протяжно, въ разговорѣ выказываетъ много учтивости, пріятности, но при всемъ томъ онъ всегда остороженъ, недоувѣрчивъ и скрытенъ. Вы спросите здѣшняго крестьянина: гдѣ живетъ волостной писарь?

— Что это?—Волостной писарь гдѣ живетъ?

— Писарь-то?

— Ну да, писарь.

— А вонъ тамъ дальше!—указываетъ крестьянинъ рукою и, какъ будто хорошо объяснивъ домъ писаря, уходитъ поскорѣе. А чаще всего спрошенный крестьянинъ отговаривается незнаніемъ:—«Мы не здѣшніе, не знаемъ». Всмотритесь хорошо въ эту, повидимому, глуповатую фізіономію и вы замѣтите, что крестьянинъ старается прочитать въ вашихъ глазахъ, кто вы, зачѣмъ пріѣхали въ деревню и, навѣрное, при первой встрѣчѣ съ товарищемъ, передастъ ему всѣ свои впечатлѣнія и наблюденія. Чтобы вызвать здѣшняго крестьянина на откровенный разговоръ, надо выпить съ нимъ цѣлый самоваръ или порядочно угостить его виномъ. Подъ веселую руку здѣшній крестьянинъ уже не думаетъ объ отвѣтѣ, вообще судить здраво, говорить просто, но умно и довольно пріятно.

Крестьяне-старожилы роста среднего, хотя нерѣдко встрѣчаются и высокаго роста; очертанія лица у нихъ чаще всего круглыя; глаза сѣрые и волосы свѣтлорусые; тѣлосложеніемъ они крѣпки, плотны. Здѣшнія женщины роста высокаго, съ румяными щеками, тощими взглядомъ, но не мало статны и очень часто съ черными зубами. Женщины имѣютъ привычку постоянно жевать сѣру или черешшу, какъ противоскорбутное средство, а сѣру жуютъ съ цѣлью очистить зубы послѣ ѣды; отъ этого у женщинъ запахъ изо рта всегда непріятный. Самое лучшее у мужчинъ и женщинъ, что прежде всего бросается въ глаза наблюдателю, это свѣжесть лица, которая сохраняется у нихъ до старости.

По наружному виду, казаки похожи на крестьянъ, но казакъ отличается стройностью, смѣтливостью; волосы онъ носитъ обстриженные, борода выбрита. Крестьяне же брѣютъ бороды и усы до 30-лѣтняго возраста, потомъ бороду запускаютъ, а усы только подстригаютъ. Военная дисциплина или сознаніе своего военнаго званія дѣлаютъ казака человѣкомъ ловкимъ, разговорчивымъ, расторопнымъ, смѣтливымъ, но, притомъ, хитрымъ и недобѣрчивымъ. Казакъ—вообще человѣкъ бывалый: онъ знаетъ самые отдаленные уголки Сибири, ему извѣстно все, что происходитъ въ его округъ; все, что онъ видѣлъ и слышалъ, онъ умѣетъ передать и рассказать не хуже грамотнаго. Здѣшнихъ казаковъ выгодно характеризуютъ: трезвость, доброе поведеніе, трудолюбіе, гостепріимство, любознательность, предприимчивость и изворотливость въ торговыхъ оборотахъ. Но, при всемъ томъ, робость и безпечность, какъ характеристическія черты, составляютъ неотъемлемыя свойства почти всѣхъ жителей Сибири.

Что касается, наконецъ, ссыльно-поселенцевъ, то это тунеядцы, извѣстные своею лѣнностью и скитальческою жизнью; они до сихъ поръ не представляютъ ничего утѣшительнаго для края. Впрочемъ, попадаются и между ними довольно порядочные хозяева, которые, по прибытіи въ Сибирь, успѣли обзавестись хозяйствомъ и сдѣлались осѣдлыми.

Языкъ здѣшняго населенія представляетъ смѣшеніе нарѣчій разныхъ великорусскихъ губерній, но онъ всего ближе подходитъ къ говору ярославскому и другихъ подмосковныхъ губерній. Нарѣчіе мѣстныхъ крестьянъ отличается отъ нарѣчія ссыльно-поселенцевъ; послѣдніе сохранили нарѣчіе той губерніи, изъ которой сосланы въ Сибирь. Особенности нарѣчія крестьянъ состоятъ въ произношеніи нѣкоторыхъ словъ, буквъ и въ сокращеніи глаголовъ. Однѣ и тѣ же буквы то выговариваются правильно, то неправильно. Выговоръ словъ довольно протяжный и болѣе похожій на потный напѣвъ, чѣмъ на обыкновенный разговоръ. Буква *о* всегда сильно выступаетъ. У крестьянъ замѣчается особенная страсть коверкать собственные имена людей и названія нѣкоторыхъ предметовъ; напр.: Ната — Наталія, Степча — Степанъ, Петрованъ — Петръ, Паруша — Прасковья, Маринча — Марина, бумага — бумага, восподинъ — господинъ, подъ ярѣстомъ — подъ арестомъ, и др. Но при всемъ томъ, выговоръ словъ нѣженъ и въ разговорахъ наблюдается чрезвычайно много учтивости и мягкости. Крестьянинъ называетъ крестьянина по имени и отчеству. Ямщикъ называетъ купца «ваше почтеніе», чиновника — «ваше высокоблагородіе».

Кромѣ особеннаго выговора и оборотовъ рѣчи, встрѣчается еще употребленіе словъ, которыя мало извѣстны или вовсе неизвѣстны въ общеупотребитель-

номъ языкѣ. Вотъ опытъ краткаго мѣстнаго словаря, по которому отчасти можно судить о нарѣчіи здѣшнихъ жителей:

Авось
Баю
Братанъ
Болозень
Борошень
Букарка
Вонъ-де ка
Взаболъ
Во Христовную недѣлю
Варнакъ

Въ топори
Ваньча
Водня
Влазныи
Выбыгало
Встрѣлся
Взясть
Гуляйте къ намъ
Горазно
Гумага
Дарча
Динно
Еланъ
Емѣ, ния
Загуляйте
Зареви
Зимусъ
Зепъ
Колда
Коевадни
Кисованъ
Коврига
Кортомить
Лависъ
Лопоть
Лопотина
Лончакъ
Лишакъ, лѣшакъ
Матерый
Мотри
Моленной
Маринча

можетъ быть.
говорю.
братъ (здравствуй, братанъ!).
хорошо что, кстати.
пожитки.
козявка.
тамъ.
въ самомъ дѣлѣ.
первая недѣля Пасхи.
каторжный (слово бранное. Назвать варнакомъ, значить, страшно обидѣть).
тогда.
Иванъ.
хожденіе за дѣтьми.
новоселіе.
высохло.
встрѣтился.
взять.
прошу приходить къ намъ въ гости.
рѣдко.
бумага.
Дарья.
давно.
перелѣсокъ, роша.
имъ (мѣстоименіе).
зайдите.
позови.
зимую.
карманъ.
когда.
надняхъ.
Ооктисъ.
хлѣбъ, коровай.
отдавать въ наймы.
въ прошломъ году.
одежда (въ един. числѣ).
одежда (во множ. числѣ).
одногодный жеребенокъ.
дьяволъ.
большой.
смотри.
добродѣтельный человѣкъ.
Марина.

Можете защищать
 Мара—вотъ мара!
 Маревъ
 Морочно
 Маганный
 Мона
 Мизгирь
 Молосное
 Напрокъ
 Не давай знаку
 Не бардюю
 Не занимайся
 Нѣту-ка
 Нут-ка
 Нѣтчикъ
 Недоточень
 Необходимо
 Норки
 Онамѣдни
 Оногда
 Облакаться
 Однорядка
 Обутки
 Осеннсь
 Оболенни
 Окитить
 Опружить
 Подчалокъ
 Посушрствовагъ
 Петровка
 Подъ ярестомъ
 Пятной: пятнало бы тебя!
 Пеструпа
 Поглядь-ко
 Паруша
 Подстрѣль
 Петрусы
 Прокъ
 Паутъ
 Плетевъ
 Робить
 Ревѣть
 Снимя

прошу оказать защиту.
 неуклюжий.
 паръ въ воздухѣ отъ жара.
 пасмурно.
 бѣлокурый.
 меня.
 паукъ.
 скоромное.
 въ будущемъ году.
 не давай мѣшкать.
 не боюсь.
 не занимаешься.
 нѣтъ.
 ну.
 отсутствующій.
 не годится къ чему-нибудь.
 нечисто.
 ноздри.
 } въ прошлой разъ.
 одѣваться.
 армякъ изъ крестьянскаго сукна.
 вообще башмаки, сапоги, черки.
 осенью.
 рамы окна.
 вычистить.
 опрокинуть.
 мальчикъ 8—10 лѣтъ.
 поссорился.
 Петръ.
 подъ арестомъ.
 бранное слово: покрывло бы тебя ранами:
 пестрая.
 посмотри.
 Параша.
 бранное слово: стрѣляло бы тебя!
 неприятное обстоятельство.
 на будущій годъ.
 оводъ.
 ростъ (напр., у него хорошее плетиво—
 у него хорошій ростъ).
 работать.
 кричать (довольно смѣшно слышать,
 когда рассказываютъ о дамѣ, что она
 кричала: «она реветъ, реветъ».
 съ нимъ.

Стешка
Сагиры
Сурпа
Сродный
Селётокъ
Смолость
Станокъ
Тъша
Тутто-ка
Третьякъ
Тавро
Тайга
Тоскливо
Урганичать

Урутъ
Уросить
Федьша, Федюха
Чаю
Чурхатъ
Чуча тебя возьми.

Чернуца
Чалдались
Шелеви
Шагайте

Этова
Эку сибнь нагналь
Эта трубля
Экстра была
Язвить

Степанида.
бродни (сапоги непромокаемые).
корзина изъ тростника.
двойродный.
годовой жеребёнокъ.
вымя (часто подаютъ вмѣсто жаркого).
станція почтовая.
много.
тутъ.
жеребёнокъ по 3-му году.
штенпель, которымъ штемпелюють лошадей.
дремучій лѣсъ.
скучно.
бѣлковать за орѣхами (напр., когда бѣлка
запасается орѣхами, то отыскивать
орѣхи, значить: урганичать).
отчаянная драка.
упрямиться.
Федоръ.
думаю.
слышать.
бранное слово (когда-то была здѣсь чудь,
народъ, который, по преданіямъ, будто
бы при видѣ бѣлой березы убивалъ
себя).
черная.
спорили, хлопотали.
шевели.
добро жаловать, идите къ намъ, покорно
прошу.
этого.
настращаль.
какое чудное дѣло.
ссора была.
бранное слово (напр., «а чтобъ-те язвило»!).

Для примѣра считаю неизлишнимъ присовокупить складъ здѣшней рѣчи.
Десятскій стучится въ окно къ крестьянину и требуетъ лошадей для
исправника.

— Дома-ль, хозяинъ, у те кони? Повозка бѣжить, исправникъ въ волости!

— Чаво, отвѣчаетъ, тамъ такъово?

— Полно баять, коней выводи, знаешь свое дѣло, а то вزابоль осерчаетъ
исправникъ! Вишь колокольцы-то брякають, видно проѣхалъ въ засѣдательскую.
Поди-тко-сь! Какой карандастикъ-то важнецкій! говоритъ десятскій, глядя на
проѣзжающую повозку.

Крестьянинъ неохотно встаетъ съ постели, будить жену, чтобъ посвѣтила.

— Серапишка, Серапишка (Серафима), выдь-ко сюда, да сними огня!

— А н, чаво-жъ ты, вѣдобль реवेशь; лѣшій что-ля ты поднялъ ночью! Что бы васъ тамо-ка! Какъ спужали! Да чего-жъ тамъ такого?

Мужикъ мужику говорить учтиво; крестьянка называетъ свою знакомую по имени и отчеству:

— Когда же вы къ намъ пожалуете? Дивно ужъ одиноко не гуляли!

— Одиноко, дивно, Авдотья Ивановна! Время страдное, да и въ хатѣ-то водня такая, покою нѣтъ. А надо же когда-нибудь завернуть къ вамъ на влазины.

Несмотря на этотъ вѣжливый тонъ рѣчи, въ бранныхъ словахъ сибиряки не уступать ведикорусскимъ мужичкамъ.

Мать говорить дочери и потомъ обращается къ работнику:

— Ахъ, дѣвка, вставать-то надо, да прять; вѣдь, поранѣ, дитятко, встанешь, дакъ болѣ напридешь,—надѣята-то не на кого; я прять-то сама не могу. Сама ты, родимая, не забудь: кто поранѣ-де встаетъ, тотъ богато живетъ, дѣвка!

Тутъ хозяинка смотритъ въ окно и видитъ, что кто-то выпустилъ овецъ и телятъ изъ хлѣва.

— Бѣги скорѣй, говорить она работнику, овчашки тѣ вышли, будь ты проклятъ, какой-то лѣшакъ ихъ выпустилъ! Ну, да ужъ какой ты неповоротень, еще когда я сказала телятъ-то напоить, а онъ еще и овецъ не напоилъ, собака! Будь ты проклятъ, все надо самойя-то, вотъ чуча навизалась! Пятнало бы де его, прости, Господи, мои тяжкія прегрѣшенія, нехотя-де согрѣшаешь; деньги-де берутъ, да и тянутъ день до вечера, варначьѣ собаки! Имъ какъ бы только день прошелъ скорѣ, а того не знаютъ, что день да ночь—вотъ и сутки прочь!

Надо замѣтить, что при разговорахъ крестьяне-старожилы всегда употребляютъ присловья: ко, де, те, ась, асинька. Напр: поди-ко, поглядь-ко, у меня-де онъ не скажетъ, де онъ есть, де чего и послушать. Вотъ-те и гудокъ, вотъ-те тутъ и попалъ въ кошель, вотъ-те и игрушка! Слово ась употребляется при вопросѣ и при названіи кого-либо по имени, напр: сѣ Петрованъ! онъ отвѣчаетъ: ась? Старики же отзываются: асинька?

Мужикъ приходитъ съ работы и говорить женѣ.

— Баба, почини-ко мѣшки, завтра надо будетъ хлѣбъ вѣять.

Вдругъ видитъ ребенка на полу и начинаетъ кричать на жену:

— Ужъ ты—какая розиня! Ребенокъ весь замарался, а ты ослѣпла, не видишь-те.

Потомъ, умывъ руки, обращается къ женѣ:

— Стряпка, станови-ко на столъ, да бѣги проворнѣ, тащи квасу, бѣда какъ пить-те охота!

Вотъ еще образчикъ склада рѣчи грамотнаго сибиряка-крестьянина: «Все-любезнѣйшій Сынъ мой Тимофей Ивановичъ! Посылаю тѣ родительское навѣки нерушимое отъ чистаго сердѣ-ца Благословленіе, всенижайшій поклонъ також-де и Матушка твоя Аграфена Ивановна кланіет-ца, и посылаетъ благословенье навѣки нерушимое. Братья-цы твои Иванъ, Петруха, и Сестры Дарюша и Катина ниско кланіють-ца отъ тѣбѣ мы всѣ вообще просимъ отъ чистаго сердѣ-ца

прислать намъ на подушину денегъ хоть сколько тебѣ заблюгодвидитца». Или: «Донесеніе старшины въ Абоковское волостное управленіе.

Деревни Свиньиной Старшины

Ляпорта!

«Вчера приѣхалъ ходокъ съ приказомъ въ которомъ писано довести, что близъ р. Сыды подъ Скотина много-ли имѣетъ въ округность верстъ, но такъ какъ это было подъ праздникъ то всё общество было въ банѣ; а я Старшина чтобы поскорѣ исполнить приказъ взялъ жену мою Федору и Куму Хавронью. Обѣ ѣхалъ три раза и нагрехъ немногъ толку никакого дать, очень Волостному правленію и даношу я въ полученіи моего Ляпорта предписываю дать Росписку».

А вотъ образецъ грамотности и склада рѣчи здѣшнихъ казаковъ. Въ бытность мою въ Каратузской станицѣ, я написалъ нѣсколько вопросовъ относительно мѣстнаго сельскаго хозяйства и этнографіи и передалъ ихъ одному хорунжему за-урядъ съ тѣмъ, чтобы получить свѣдѣнія о занятіяхъ казаковъ. Вотъ его отвѣтъ:

На вопросъ: земледѣліе и народное богатство?

«Качество почвъ по сей Станицѣ различное, воокъ Каратузскаго села почва-то черноземная, то супесь. Хлѣбопашествомъ казаки занимаются не въ большихъ размѣрахъ и засѣвается хлѣбъ только для собственнаго продовольствія. Более всего занимаются скотоводствомъ, для котораго мѣстность благоприятствуетъ».

На вопросъ: ремесла, какъ-то: выдѣлка деревянной посуды, смолы и дегтя?

«Эти художества весьма въ маломъ количествѣ развиты, ихъ приготовляютъ для своихъ надобностей».

Крестьяне, живущіе по большимъ почтовымъ трактамъ, говорятъ лучше, чѣмъ живущіе по проселочнымъ дорогамъ и мѣстамъ, отдаленнымъ отъ губернскихъ городовъ. Женщины, хотя говорятъ неправильно мужчине, но пріятнѣе и болѣе на-распѣвъ. Большая часть изъ нихъ не выговариваютъ буквъ *р* и *л*, что придаетъ рѣчи свою особенность, напр.: юбъ-ю—люблю, къясний—красный, бо-ить—болить, коёовушка—коровушка.

Говоря объ умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ здѣшняго населенія, надо замѣтить, что крестьянинъ-сибирякъ, по нашимъ наблюденіямъ, въ умственномъ отношеніи далеко превзошелъ крестьянина Европейской Россіи. Заговорите съ любымъ здѣшнимъ мужикомъ, и если онъ знаетъ, что съ вами можно говорить откровенно и онъ не подозреваетъ въ васъ какого-нибудь «лявизора» или важнаго чиновника,—станетъ излагать свои мысли ясно, здраво, если хотите, даже остро. Но добиться отъ него этой откровенности чрезвычайно трудно: здѣшній крестьянинъ всегда на-сторожѣ и воображаетъ, что онъ—предметъ постоянныхъ происковъ, а потому онъ всегда недоверчивъ, скрытенъ, лукавъ и плутовать. Сибирякъ «себѣ на умѣ». Онъ кротокъ, ласковъ, нѣжливъ, съ высшей степени послушенъ мѣстнымъ властямъ, но онъ таковъ только по-видимому, въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ съ другими. На самомъ дѣлѣ онъ слишкомъ увѣренъ въ своихъ умственныхъ способностяхъ, и прежде чѣмъ самъ

выскажетъ свое мнѣніе, старается все ему необходимое разузнать отъ васъ и потому уже, смотря потому съ кѣмъ имѣетъ дѣло, станетъ разсуждать съ вами. Если же онъ замѣтитъ въ своемъ собесѣдникѣ смысленность, умъ, сейчасъ это «снѣкаетъ», и будетъ затѣмъ постоянно лукавить душой.

Украшавшія крестьянина нравственныя качества — честность, гостепріимство и состраданіе къ ближнимъ годъ отъ году падаютъ. (?) Несчастливымъ ссыльнымъ, безпріютнымъ, сиротамъ, людямъ, потерпѣвшимъ несчастіе отъ непредвидимыхъ причинъ, крестьяне всегда готовы помочь. Проходятъ ли партіи ссыльных — навстрѣчу имъ бросаютъ — кто сколько можетъ — деньги, в т. п. и снабжаютъ ихъ хлѣбомъ, рыбою и проч.; зайдутъ ли въ деревню «прохожіе» (бѣглецы изъ ссыльно-каторжныхъ заводовъ) крестьяне — безъ разспросовъ о нихъ и малѣйшаго упрека по адресу ихъ — кормятъ несчастныхъ, иногда даютъ немного денегъ и лишнюю обувь или одежду. Въ большіе праздники нѣкая хозяйка напекаетъ пироговъ, шанегъ, изжаритъ кусокъ баранины и все это посылаетъ въ острогъ арестантамъ. Нерѣдко случается, что разыскиваютъ нищихъ и посылаютъ имъ посильную помощь на домъ.

Нигдѣ, кажется, такъ не любятъ разсѣвать новости, а большею частью ложные слухи, какъ въ Сибири. Новостъ расходятся здѣсь съ немовѣрною быстротою: крестьянинъ, услышавъ что-нибудь въ городѣ, на базарѣ, передаетъ ямщику, ямщикъ другому, тотъ перелѣзываетъ слышанное на свой ладъ, преувеличиваетъ, и вы удивляетесь, какъ это то, что дѣлается въ Иркутскѣ, черезъ нѣсколько дней извѣстно въ Красноярскѣ, а черезъ три-четыре недѣли знаетъ вся Сибирь. Вообще, сплетни въ Сибири въ большомъ ходу какъ среди простого народа, такъ и въ высшихъ кругахъ общества. Впрочемъ не подумайте, что клевета разносится здѣсь съ какою-нибудь злобою — нѣтъ. Любознательность — или скорѣе — любопытство развиты здѣсь въ высшей степени.

Въ нравственномъ отношеніи здѣшній крестьянинъ стоитъ, сравнительно, довольно высоко. Буйство, грабежъ, воровство и другія преступленія здѣсь чрезвычайно рѣдки. Если попадется кто-нибудь въ воровствѣ, то скорѣе поселенецъ, чѣмъ мѣстный крестьянинъ. Изъ главнѣйшихъ пороковъ, свойственныхъ здѣшнимъ жителямъ: дѣнь, пьянство, мщеніе и развратъ. Пьянство и развратъ здѣсь не называютъ даже порокомъ: они такъ усвоились жителями, что никто не обращаетъ на нихъ вниманія. Молодая дѣвушка не дорожитъ своимъ цѣломудріемъ и развратничаетъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается беременною; тогда только являются женихи и берутъ ее себѣ въ невесты, уже въ полной увѣренности, что она способна приносить дѣтей или, вѣрнѣе, работниковъ. Жениха не печалитъ прежнее дурное поведеніе невесты: «пошлаила въ молодости, будетъ хорошая хозяйка въ старости», думаетъ онъ.

Сознаніе своей свободы, самолюбіе сильно развиты въ сибирякахъ. Причиненныя имъ обиды они помнятъ долго, и потому ищеніе затаенное, обдуманное и долговременное характеризуетъ нравы здѣшнихъ крестьянъ. Правду рѣдко можно узнать у здѣшняго крестьянина. Онъ полагаетъ, что ничего не дѣлается для его блага, а если что дѣлается, то лишь изъ-за однихъ корыстныхъ видовъ. Когда вы станете спрашивать здѣшняго мужика о хозяйствѣ и достаткахъ его, онъ никогда не скажетъ вамъ истины. На ваши распросы онъ съ величайшею осторожностью и недовѣрчивостью отвѣчаетъ общими фразами, ста-

раясь всегда представить свое положеніе въ самомъ жалкомъ видѣ. Должно быть, прошедшія времена неограниченнаго господства воеводъ глубоко запали въ народныя преданія, и характеры дѣдовъ и отцовъ едва ли и до сихъ поръ не отражаются въ поступкахъ позднѣйшаго и нынѣшняго поколѣній.

Религіозное чувство сильно развито въ здѣшнемъ населеніи, но выраженія внѣшней набожности его почти не замѣчается. Для характеристики этой стороны народной жизни привожу здѣсь отзывъ священника Писинской волости о религіозности здѣшнихъ крестьянъ:

«Въ церковь собирается народу много, но мнѣ не случалось видѣть молящихся съ набожностью. Въ несчастіи крестьянинъ произноситъ слово «Богъ» какъ будто машинально, не стараясь искать утѣшенія въ молитвѣ — горячемъ изліяніи души, скорбящей передъ Всевидящимъ Творцомъ. Сибирякъ, какъ христіанинъ, не умретъ безъ напутствованія святыми дарами, но и не считаетъ это необходимостію. Въ постные дни: среду и пятницу воздерживаются отъ скоромной пищи; но исполняютъ посты болѣе по привычкѣ и изъ видовъ хозяйственнаго сбереженія, чѣмъ для изнуренія тѣла, чтобы духъ человѣка бралъ перевѣсъ надъ его плотью, и постоянныя размышленія дали бы ему возможность негдѣ видѣть и узнать свои недостатки и тѣмъ сдѣлать поступки своимъ угодными Богу. Отецъ и мать, взрослые и набольтніе дѣти никогда не отказываются отъ скоромнаго потчиванія въ гостяхъ, если только представится къ тому удобный случай. Въ этомъ отношеніи ничего утѣшительнаго нельзя сказать я о поселенцахъ. Поселенцы, поступивъ въ Сибирь и проживъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, скоро перенимаютъ нравы сибирскіе и, со временемъ, ничѣмъ не отличаются отъ коренныхъ здѣшнихъ жителей: также лукавы и недовѣрчивы, и болѣе сибиряковъ склонны къ праздности и всевозможнымъ порокамъ».

Въ купеческомъ быту еще можно встрѣтить болѣе набожности. Очень часто случается, что въ гостяхъ, въ особенности въ дамской компаніи, другого разговора вы и не услышите, какъ только о церковномъ богослуженіи и о духовныхъ лицахъ; до мелочей замѣчается все, что было сказано и видѣно въ церкви. Еще до сихъ поръ сохраняется обычай въ нѣкоторыхъ старинныхъ купеческихъ домахъ за обѣдомъ пѣть божественныя пѣсни. Но все это дѣлается такъ безсознательно, машинально, что трудно разгадать, таится ли въ этихъ обрядахъ истинное религіозное чувство. Достоинно замѣчанія, что въ Сибири старики и старухи очень набожны; но дѣти ихъ, напротивъ, очень неохотно ходятъ въ церковь и разсѣянно слушаютъ чтенія изъ богослужебныхъ книгъ. Малолѣтніе въ праздничные дни занимаются разными дѣтскими играми, а взрослые имѣютъ привычку сидѣть въ эти дни передъ окнами кабака или стоять среди улицы и, собравшись въ кружокъ, рассказывать о своихъ походахъ и кутежахъ.

Пьянство распространено къ классу простонародномъ, какъ между городскими, такъ и сельскими жителями въ одинаковой степени. Крестьяне пьютъ здѣсь періодически. Иногда крестьянинъ не пьетъ вина цѣлый мѣсяцъ, но приходитъ храмовой или другой праздникъ, и тогда этотъ крестьянинъ пьетъ нѣсколько дней сряду. Дороговизна вина (7—8 р. ведро водки) еще заставляеть крестьянъ нѣсколько удерживаться отъ пьянства. Между ними какъ мужчины, такъ и женщины чрезвычайно склонны къ гульбѣ. Затѣянная гулянка не пре-

кращается ранѣе 3—4 дней. Заведено такъ, что обыкновенно кутятъ до тѣхъ поръ, пока не выпьютъ все заготовленное къ празднику пиво и не съѣдятъ приготовленные яства. Такія продолжительныя гулянки чрезвычайно отвлекаютъ крестьянъ отъ сельскихъ работъ. Въ обыкновенные дни крестьяне рѣдко пьютъ вино; но, вѣроятно, ни одинъ крестьянинъ не откажется отъ приглашенія пойти въ кабакъ и выпить на чужой счетъ. Прїѣзжему гостю изъ другой деревни крестьянинъ всегда радъ; но если онъ прїѣхалъ въ будни, хозяинъ, угощая гостя, никогда не пропьетъ съ нимъ болѣе 3 рублей. Это показываетъ нѣкоторую степень бережливости сельчанина. Впрочемъ, здѣсь она довольно своеобразна: то крестьянинъ живетъ слишкомъ бережливо, даже скупъ, отказывая себя во всемъ; то ему деньги ни по чѣмъ. Періодъ этотъ наступаетъ обыкновенно съ святками и храмовыми праздниками. Тогда кутежу нѣтъ границъ. Въ каждомъ округѣ, по преданіямъ старины, существуютъ свои, такъ называемые, сѣзжіе праздники и годовые. Сѣзжіе бываютъ: въ дни свв. Петра и Павла, св. Ильи, Іоанна Предтечи, Успенія Пр. Богородицы, Троицынъ день и др.; годовые—на Пасхѣ, Рождествѣ Хр., въ Новый Годъ, Крещеніе, Благовѣщеніе и др. Въ эти-то дни крестьяне сосѣднихъ деревень сѣзжаются въ одно какое-нибудь село, расхаживаютъ изъ дому въ домъ, сосѣдъ угощаетъ сосѣда, прїятель прїятеля. Это пора, когда они мирятся, вспоминаютъ старину и приписываютъ всевозможные случаи, чтобы выпить. Въ эти дни въ селѣ всѣ отъ мала до велика, не исключая и женскій полъ, пьяны. Дѣвицы ходятъ гурьбой по улицамъ села, поютъ пѣсни, заходятъ къ болѣе зажиточнымъ хозяевамъ и ими угощаются. Дѣвицы сперва пьютъ чай, потомъ вино по рюмочкѣ, по другой, и тутъ-то сопровождающіе ихъ кавалеры уже распоряжаются своими дамами, какъ кому заблагоразсудится...

Послѣ такихъ гулянокъ каждый домохозяинъ составляетъ счетъ своимъ расходамъ, причемъ не обходится безъ упрековъ и неудовольствій какъ на самого себя, такъ и на жену за излишніе расходы. Чтобы вознаградить себя за потерянное въ хмѣльные дни, крестьянинъ ведетъ нѣкоторое время (до перваго благопрїятнаго случая или праздника) самую воздержную жизнь и кое-какъ пробивается, какъ самый жалкій бѣднякъ. Такъ какъ самолюбіе у здѣшнихъ зажиточныхъ крестьянъ развито въ высшей степени, то мужикъ, если въ будни задастъ гулянку или попойку, то только въ увѣренности, что объ этомъ заговоритъ вся деревня и молва разоидется по всему околотку. Такія крайности въ домашней жизни крестьянъ—отъ расточительности до излишней скупости подають поводъ поселенцамъ, которыхъ старожилы рѣдко приглашаютъ на свои гулянки, подтрунивать надъ ихъ скряжничествомъ:—къ чему ты, братанъ, бездну копишь, вѣдь, ты своею скупостью дьявола смѣшишь?—Я придерживаюсь, отвѣчаетъ старожилъ, батюшкой пословицы, который въ старину бангъ: скупость не глупость, богатство—тотъ же голубокъ: куда захочетъ, туда и полетѣтъ.

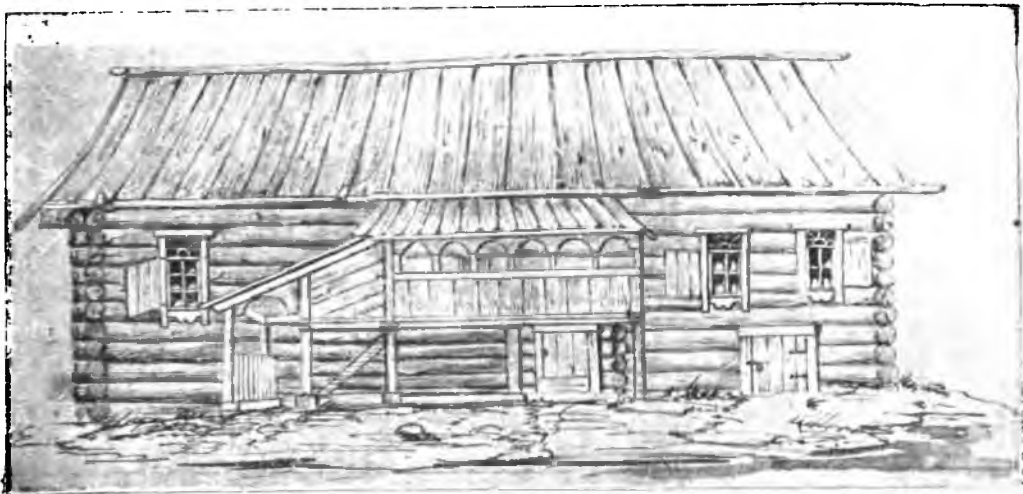
Вотъ почему между крестьянами попадаются и такіе субъекты, которые проявляютъ особенную страсть къ деньгамъ. Впрочемъ, такіе сребролюбцы копятъ и берегутъ деньги не для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ полезное употребленіе, а лишь потому, что деньги даютъ крестьянину нѣкоторое значеніе въ околоткѣ; что къ богатому мужику ходитъ и священникъ и чиновникъ, и оказываютъ ему предпочтеніе предъ другими. Сбереженіе крестьянина представляетъ мертвый ка-

питать, который онъ не умѣетъ и сохранить. Онъ прячетъ деньги по амбарамъ, въ хлѣбномъ гумнѣ, зарываетъ въ глиняной посудѣ въ землю или въ прорубленные въ стѣнѣ дома потайники. Въ своемъ же сундукѣ крестьянинъ оставляетъ самую незначительную часть денегъ на домашніе расходы. А понадобится ему деньги, онъ прибѣгаетъ къ неразсчетливому сбыту своего зерна, норовя непременно продать его въ городѣ, какъ ни неблизко послѣдній отъ деревни.

Сущствующіе здѣсь способы къ народному просвѣщенію крайне скудны. Въ Минусинскомъ округѣ есть только одно приходское училище; грамотныхъ крестьянъ до 100 человекъ. Въ Канскомъ округѣ одно приходское училище и Рыбинская народная школа. Въ деревняхъ, даже при церквяхъ, не учреждено ни одной школы. Старики и старухи бываютъ очень довольны, когда ихъ дѣти въ праздничные дни читаютъ имъ «божественныя» книги, въ особенности любить слушать житія святыхъ, отцевъ церкви.

Старинныя селенія и деревни какъ въ Минусинскомъ, такъ и въ Канскомъ округахъ выстроены не по плану: гдѣ кто вздумалъ, тамъ и строился. Деревни по Большому Московскому тракту расположены по прямой линіи, по обѣимъ сторонамъ дороги, — она составляетъ главную улицу деревни; остальная часть домовъ разбросана въ разныхъ направленіяхъ, и они сгруппированы такъ тѣсно, что, въ случаѣ пожара, одинъ домъ грозитъ опасностью другому. Расположеніе деревень, удаленныхъ отъ Московскаго тракта, еще неправильнѣе: дома то расположены по одному посаду, но тоже не по прямой линіи, то разбросаны между кривыми и узкими переулками: одинъ домъ выдался на улицу, другой вдался; одинъ своимъ фасадомъ обращенъ во дворъ, другой вдоль переулка. Словомъ, въ старинныхъ деревняхъ, по мѣрѣ ихъ заселенія, каждый строился, гдѣ и какъ хотѣлъ, лишь бы было на то согласіе сосѣдей. Но въ каждой деревнѣ всегда есть одна большая, широкая улица, по обѣимъ сторонамъ которой выстроены дома старой и новой постройки. Дома старой постройки стоятъ рядомъ съ новыми, красивыми домиками и своею безобразною формою и ветхостію часто придаютъ улицѣ довольно невзрачный видъ.

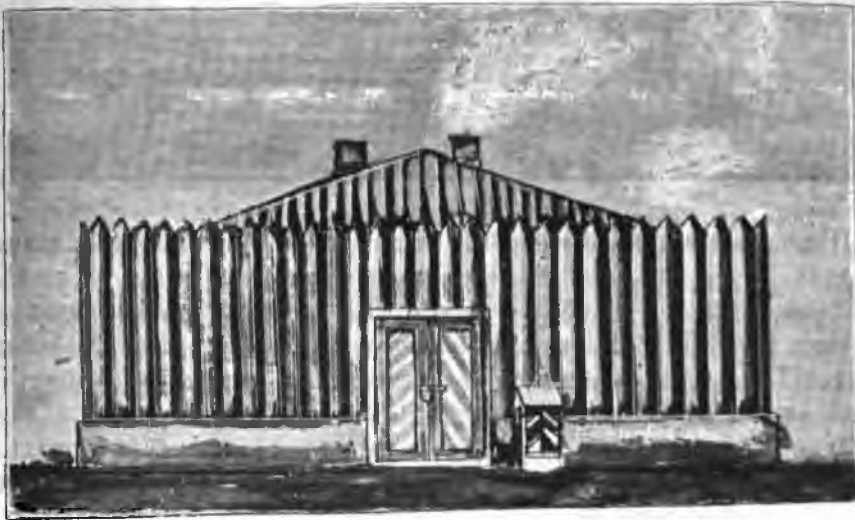
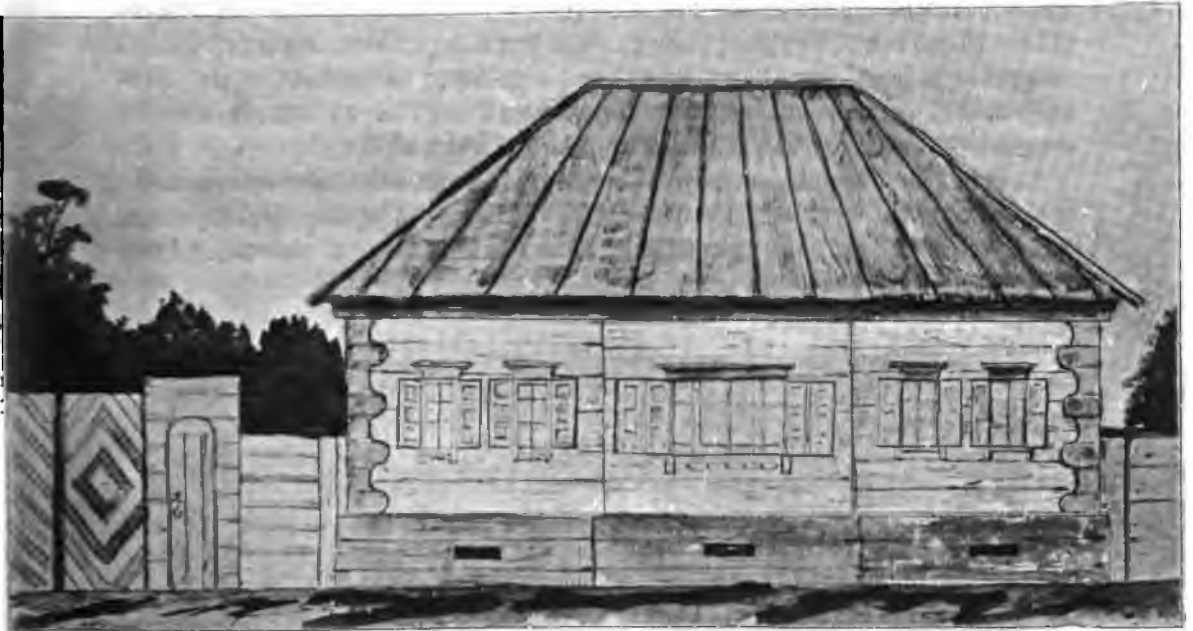
Форма домовъ старинной постройки большею частью продолговатая, съ высокою крышею, покрытою тесомъ и отъ времени заросшею мхомъ и травою. Въ нихъ окна маленькія, прорубленные высоко, почти подъ самую крышею. Внутреннее расположеніе комнатъ произвольное. Во всякомъ случаѣ, изба, гдѣ живетъ семья и приготавлиются кушанья, отдѣлена отъ горницы. Фасадъ такого дома выходитъ на дворъ или на улицу; передъ домомъ большое, высокое крыльцо, вродѣ галереи, обшитой кругомъ тесомъ съ тремя окнами безъ стеколъ. Иногда къ старому дому пристраивается въ длину другой домъ, и тогда все строеніе представляется въ видѣ длиннаго сарая, въ которомъ одна часть дома выше, другая ниже, такъ что, кажется, будто домъ повалился на одну сторону и угрожаетъ скорымъ разрушеніемъ. Двери въ домахъ низкія. Это — общая черта всѣхъ крестьянскихъ домовъ въ Сибири. Въ комнатахъ чистота и опрятность. Это — тоже черта, которою щеголяютъ сибиряки и которою не могутъ похвастаться великорусскіе крестьяне. Большія сквозныя сѣни раздѣляютъ избу отъ горницы. Обыкновенно окна горницы выходятъ на дворъ, а избы — на улицу. Въ рабочей избѣ, гдѣ постоянно живетъ семья крестьянина, два и большею частію три окна на улицу и два на дворъ; окна растровча-

тыя, стекляныя и — рѣдко — пузырныя. У дверей съ лѣвой стороны большая печь, которая никогда не кладется изъ кирпича, а сбивается на мѣстѣ изъ глины. Глина здѣшняя имѣетъ свойство очень скоро высыхать и современемъ становится несравненно тверже кирпича, такъ что печь стоитъ всегда дольше дома. Печь и стряпня отдѣляются занавѣской. Около двери между печью и стѣной, выходящей на дворъ, устроены палаты, гдѣ снять ребятишки; кругомъ стѣнъ деревянныя лавки; посреди избы стоитъ продолговатый столъ, на которомъ семья обѣдаетъ, ужинаетъ и работаетъ. Въ углу, между стѣною, выходящею на улицу и на дворъ, обыкновенно висятъ образа. Стѣны бревенчатыя, не обшитыя тесомъ, и потому въ избѣ всегда мно-

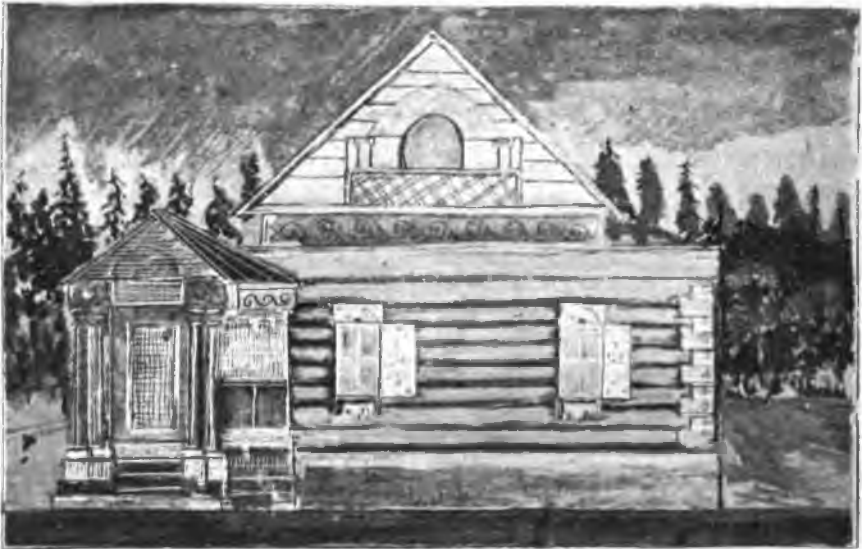
жество клоповъ и таракановъ. Полъ какъ въ избѣ, такъ и горницѣ изъ досокъ, который не только часто моютъ, но и скоблятъ ножами, и въ каждомъ крестьянскомъ домѣ чистота и опрятность безукоризненныя.

Горница есть обыкновенно комната, предназначенная для гостей, потому въ ней сидятъ рѣдко и только за недостаткомъ помѣщенія снятъ въ ней взрослая дочери. Горница раздѣлена деревянной перегородкой, за которою стоитъ русская или голандская печь. Украшеніе горницы составляютъ: большая двух-

спальная кровать съ ситцевой занавѣской, два или три стола и нѣсколько стульевъ крестьянской работы. Прибавьте къ тому чистоту пола и стѣнъ, на которыхъ приклеено безчисленное множество лубочныхъ картинокъ, этикетокъ и адресовъ различныхъ московскихъ фабрикантовъ, иодныхъ магазиновъ, словомъ, — все, что только попадаетъ къ крестьянамъ изъ печатныхъ произведеній относительно привозимыхъ товаровъ, все это красуется по стѣнамъ горницы. Нельзя не упомянуть еще объ одномъ украшеніи — о цвѣтахъ: бальзамины, ерань, фуксія — цвѣты, которые вы встрѣтите въ каждомъ домѣ и на каждой почтовой станціи. Сибиряки вообще большіе охотники до цвѣтовъ.

Изъ сѣней выходъ на другой дворъ, гдѣ обыкновенно помѣщается скоть, домашняя птица; тутъ же складывается сѣно, солома и дрова. На переднемъ дворѣ устроены амбары и кладовыя, на заднемъ — сараи и конюшни. Далѣе за сараями и хлѣвами огородъ и баня.

Нѣкоторые дома новой постройки имѣютъ такое же расположеніе комнатъ, какъ и въ домахъ старой постройки; различіе состоятъ только въ новѣйшей архитектурѣ, фасадѣ дома. Есть много и такихъ домовъ, которые какъ снаружи, такъ и внутри болѣе похожи на городскія строенія, чѣмъ на сельскія. Дома новой постройки бываютъ самой разнообразной архитектуры и своимъ наружнымъ видомъ часто напоминаютъ загородныя дачи. Въ Канскомъ округѣ подобные домики можно встрѣтить только въ большихъ селеніяхъ, прилегающихъ къ почтовому тракту; въ Минусинскомъ же округѣ домовъ новой постройки множество. Главная и какъ будто необходимая принадлежность каждаго новаго дома это — большое венеціанское окно и рѣзьба на карнизахъ и окнахъ. Наружная форма этихъ домовъ болѣе квадратная съ низкими крышами. Впрочемъ, что касается архитектуры дома, то крестьяне не придерживаются никакихъ постоянныхъ правилъ и строятъ дома самой затѣливой и, можно сказать, фантастической архитектуры. Исполнители этихъ прекрасныхъ дачъ суть боль-

пшею частію мастера, зашедшіе въ Сибирь для малевки церквей. Фасадъ дома новой постройки большею частію выходитъ на обширный дворъ, и такіе дома имѣютъ отъ 3 до 5 оконъ на улицу. Окна и карнизы украшены рѣзьбою, а иногда раскрашены яркими красками. Со двора большое глухое крыльцо велеть во внутреннее жилье. Стѣны или раздѣляютъ домъ на двѣ половины или прямо съ крыльца входъ ведетъ въ переднюю и далѣе въ большія, свѣтлыя комнаты, которыхъ, смотря по состоянію крестьянина, бываетъ отъ 3 до 7: залъ, гостиная, небольшая комната въ родѣ буфета, спальня (она же жилая комната) и, наконецъ, изба, гдѣ приготавлиются кушанья. Стѣны обшиты тесомъ или опшукатурены; окна большія, стеклянные.

Квартирную мебель составляютъ: зеркала, стулья, диваны, столы ломберные, круглые и треугольные. Вся эта мебель, довольно хорошей работы, дѣлается изъ корня березы и открашивается подъ орѣхъ.

Въ нѣкоторыхъ домахъ вы найдете журналы и газеты (какъ, напр., изданіе Вольно-Экономическаго Общества, Земледѣльч. Газету, Москов. Вѣд. и др.). На окнахъ бываетъ разставлено много цвѣтовъ, по стѣнамъ развѣшаны разнообразныя картины, начиная отъ портрета Наполеона I, графа Платова, Мухамеда III и до самыхъ обыкновенныхъ суздальскихъ гравюръ и картинъ, изображающихъ эпизоды изъ «Кавказскаго плѣнника» Пушкина и даже романовъ «Вѣчнаго жида». Конечно, подобная роскошь допускается только въ домахъ богатыхъ крестьянъ и казаковъ.

Одежда здѣшнихъ крестьянъ: кафтанъ, куртка, шаровары и тулупъ овчинный. Въ мужскомъ платьѣ нѣтъ никакихъ особенностей сравнительно съ одеждою крестьянъ Европейской Россіи. Обыкновенное лѣтнее платье: ситцевая или холщевая рубашка, ванковые или плисовые шаровары, кунгурскіе сапоги или бродни, ситцевый или нанковый халатъ, кушакъ бумажный или шерстяной, а у богатыхъ шелковый; на головѣ картузь или какая-нибудь маленькая шапочка; въ рукахъ молодые парни всегда носятъ бумажные носовые платки и зеленныя замшевыя рукавицы. Старики одѣваются проще. Костюмъ ихъ состоитъ изъ холщевой рубашки и такихъ же штановъ, азяма изъ верблюжьей шерсти или однорядки (изъ овечьей шерсти, въ родѣ пальто), бродней и поярковой шапки. Въ зимнее время мужской полъ вмѣсто халатовъ носитъ овчинные или изъ черныхъ мерлушекъ тулупы; богатые тулупы покрываются толстымъ сукномъ, а у крестьянъ побѣднѣ поверхъ тулупа надѣвается азямъ изъ толстаго крестьянскаго сукна. Въ большіе морозы мужчины и женщины поверхъ тулупа надѣваютъ длинныя дахи изъ козыхъ, ланыхъ и собачьихъ шкуръ, вывороченныхъ шерстью наружу. Кажется, ничего не можетъ быть теплѣе этого костюма, и потому всѣ сибиряки, не исключая и высшаго класса, при отправленіи зимою въ дальнюю дорогу, запасаются дахою.

Въ щегольствѣ женщины превосходятъ мужчинъ. Обыкновенно женскій костюмъ состоитъ: изъ бѣлой холщевой или ситцевой рубашки, ситцевой юбки и душегрѣйки или коротенькой кофты; на головѣ повязывается у старухъ бумажный платокъ, у дѣвокъ бумажная или шелковая косынка и косы остаются выпущенными; на ногахъ у каждой женщины бываютъ надѣты бумажные чулки и кожаные башмаки, привозимые изъ Европ. Россіи или изъ Красноярска. Молодые дѣвицы очень занимаются своими нарядами; почти каждая изъ нихъ ста-

рается нѣтъ платье, сшитое по городской модѣ, одно, праздничное, шелковое или шерстяное, другое, буднее—ситцевое или бумажное. Плечи свои дѣвѣцъ прикрываютъ шалью или шелковыми косынками, въ ушахъ онѣ подвѣшиваютъ серьги, если не золотыя, то серебряныя или бронзовыя, вызолоченныя. Нѣкоторыя дѣвушки-щеголихи носятъ даже салопы. Въ зимнее время женщины средняго состоянія одѣваются въ овчинныя тулупы, а женщины болѣе богатыя въ шубы изъ бѣличьяго или лисьяго мѣха съ большими откидными бѣличьими воротниками, для которыхъ выбираютъ самую черную бѣлку. Нѣкоторыя крестьянки, въ особенности казачки, носятъ воротники у своихъ шубъ лисьи и даже собольи. Шубы покрываются нанкою или китайкою, а богатая женщина обыкновенно покрываютъ ихъ синею шерстяною или шелковою матеріею.

Изъ этого описанія одежды можно видѣть, что костюмъ здѣшнихъ крестьянъ—скорѣе похожъ на костюмъ мѣщанъ Европейской Россіи, чѣмъ на одежду ея крестьянъ.

Здѣшніе жители вообще, любятъ поѣсть если не всегда хорошо, то по крайней мѣрѣ жирно и плотно. Крестьяне Минусинскаго округа не употребляютъ другого хлѣба кромѣ пшеничнаго. Каждое воскресенье и въ праздники пекутъ здѣсь пироги, колачки, ватрушки (здѣсь называемыя шаньги), сдобныя булочки и т. п. Все это мучное стряпье носитъ здѣсь названіе «мягкіе». Мясо ѣдятъ почти каждый день за исключеніемъ постовъ. Изъ мяса болѣе всего въ употребленіи здѣсь баранина и воловьё; осенью и зимою ѣдятъ мясо соленое или дикихъ козъ и тетерева. Необходимая принадлежность каждаго хорошаго обѣда студень или вареные языки (которые ѣдятъ съ уксусомъ и горчицею), блинчики съ масломъ и вафли (онѣ подаются гостямъ и къ чаю). Нескучное и разнообразное и кушанье постное: рѣдька, рѣпа, капуста квашенная, соленые грибы и огурцы, свѣжая и сушеная рыба, изъ которой приготавливаютъ похлебку, постныя щи, каша и др. Необходимая принадлежность постнаго стола—рѣдька съ квасомъ и крошеной капустой; затѣмъ уже подаются щи и ячменная каша съ постнымъ масломъ. Вообще можно сказать, сибирячки не умѣютъ готовить вкусныхъ блюдъ: щи жирныя, жаркое пережаренное, соусы всегда съ язюмомъ или сахаромъ,—словомъ, все жирно и сладко—до приторности. Чтобы познакомить читателя съ здѣшнею кухней, я приведу описаніе обѣда, даннаго однимъ изъ крестьянъ Минусинскаго округа по случаю храмоваго праздника. Обѣдъ этотъ записанъ въ доносеніяхъ волостнаго правленія и найденъ мною въ архивѣ Минусинскаго земскаго суда.

Большой деревянный столъ, крестьянской работы, былъ покрытъ бѣлою тонкою скатертью; на столѣ стояли кружки съ квасомъ и пивомъ, ложки деревянныя, серебряныя и оловячныя были разложены возлѣ каждаго прибора; посуда была фарфоровая, глиняная и стеклянная. Вотъ стали сходитья гости; каждый, вошедшій въ горницу, останавливался у порога, чинилъ крестное знамя и кланялся низко всѣмъ присутствовавшимъ; потомъ подходилъ къ хозяину и хозяйкѣ дома и поздравлялъ ихъ съ праздникомъ. Начался обѣдъ. Прежде всего поданы были холодныя кушанья четырехъ сортовъ: одно было изъ свиного окорока, другое заливное (или студень) изъ «скотскихъ» ногъ, третье заливное изъ овечьихъ ушей и губъ и четвертое—вареные языки. Эти кушанья ѣли съ уксусомъ и горчицею. Послѣ холоднаго подавались похлебки трехъ сортовъ: одна изъ свѣжей баранины, другая съ «скотскими» рубцами и третья

изъ курицы. За похлебками или супами, подавали жаркое пяти сортовъ: жареная баранина, свѣжая свинина, жареная курица на коровьемъ маслѣ съ картофелемъ, поросенокъ и смолость (коровье вымя). Къ жаркому подавались соленые огурцы и кислая капуста. Въ заключеніе обѣда, вмѣсто десерта, подавали творогъ съ сахаромъ и по стакану молока каждому.

Послѣ обѣда выступилъ на сцену самоваръ и пошло угощеніе чаемъ, пивомъ, водкою и винограднымъ виномъ. Достоинъ замѣчанія, что пріѣзжимъ гостямъ, въ особенности женскому полу, изъ города и другихъ деревень, первую чашку чая подавали безъ сахару и гостя пила чай «черезъ сахаръ» (въ прикуску). За чаемъ приносили на подносѣ женщинамъ—по рюмкѣ винограднаго вина, а мужчинамъ—по рюмкѣ водки; затѣмъ снова подавали чай, но уже съ сахаромъ «въ накладку». Чай здѣсь пьютъ «фамильный» съ бѣлымъ сахаромъ (въ 50 коп. фунтъ)¹. Впрочемъ, крестьяне въ Минусинскомъ округѣ чай пьютъ только въ праздничные дни. Чай подается въ фарфоровыхъ, привозныхъ изъ Россіи, чашкахъ. Посуда фарфоровая, оловянная и деревянная; ложки только въ зажиточныхъ домахъ серебряныя, а въ остальныхъ оловянныя и деревянныя. На описанномъ обѣдѣ присутствовали: приходскій священникъ съ семействомъ и церковнымъ причтомъ, волостной писарь, волостной голова, старшина, два кандидата по старшинѣ, цѣловальникъ и крестьяне мѣстные и пріѣзжіе съ ихъ женами и дочерьми. Пиршество началось съ 10 ч. утра, т. е. послѣ обѣдни и молебна. Послѣ обѣда священно-и-церковно-служители, не выходя изъ-за стола, по принятому обычаю, пѣли божественныя пѣсни и, затѣмъ, съ своими женами и дочерьми дѣлали визиты болѣе зажиточнымъ крестьянамъ. Между тѣмъ народъ веселился и кутилъ уже на распашку. Таковая гулянка, заканчивается писарь въ своемъ донесеніи, продолжалась шесть дней, пока все заготовленное бабами не было съѣдено и вышито.

Въ будни иная картина народной жизни.

Въ каждомъ большомъ селѣ, въ особенности гдѣ находится земское начальство, два предмета обращаютъ на себя вниманіе путешественника: волостное правленіе (или, гдѣ его нѣтъ, канцелярія сельскаго писаря) и питьевой домъ. Тутъ вы всегда можете встрѣтить, кромѣ десятскаго и старшины, двухъ-трехъ крестьянъ, нѣсколькихъ поселенцевъ. Народъ этотъ, съ дѣломъ или безъ дѣла, сидитъ на прилавкѣ возлѣ кабака или въ сѣняхъ волостного правленія. Сюда заходитъ мужичекъ потолковать о своемъ домашнемъ житьѣ-бытьѣ, разсказать деревенскія новости и, какъ водится, въ концѣ концовъ, заглянуть въ кабакъ и залить горе сельскихъ тревоженій осьмушкою вина, разумѣется, въ кредитъ и очень рѣдко на чистыя деньги. Остальная часть деревни въ будній день находится, не скажу въ мертвомъ, а въ какомъ-то невыносимомъ спокойствіи, наводящемъ на заѣзжаго непреодолимую скуку. Мирные сельскіе жители—одни заняты на работахъ въ полѣ, другіе за работою въ избѣ, третіе, забравшись куда-нибудь на сѣноваль, спятъ беззаботно, ничуть не дорожа временемъ. Еще въ лѣтнее время крестьянинъ занятъ полевыми работами, но приходитъ зима, долгая сибирская зима, и онъ не знаетъ, что сдѣлать, куда дѣвать себя и какъ убить длинные вечера?

¹ Въ Иркутской же губерніи крестьяне пьютъ преимущественно кирпичный чай и употребляемый здѣсь сахаръ—китайскій леденецъ.

Хозяинъ, у котораго я остановился, старикъ лѣтъ 60-ти, высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія; такъ еще бодръ и здоровъ, что на видъ нельзя было дать ему болѣе 40 лѣтъ. Это общая черта всѣхъ сибиряковъ: крестьяне доживаютъ до глубокой старости и кажутся чрезвычайно молодыми. Семейство старика состояло изъ двухъ сыновей и трехъ дочерей; оба сына женаты, двѣ дочери замужемъ и одна еще дѣвица. Сыновья съ женами живутъ вмѣстѣ въ домѣ родителя; хозяйство у нихъ общее. Съ разсвѣтомъ все семейство подымается на ноги: мужчины выходятъ посмотрѣть на дворъ по домашнему хозяйству, напоить скотъ, задать кормъ; а женщины, пока, разогрѣваютъ завтракъ изъ остатковъ вчерашняго ужина. Въ 7 ч. всѣ садятся за столъ, завтракаютъ и отправляются на работы зачастую очень поздно, и такъ какъ наши отстоятъ отъ деревни на 10 и 14 верстъ, то приходятъ на мѣсто уже тогда, когда солнце поднялось высоко на горизонтѣ и въ воздухѣ носится множество оводовъ и мошекъ, сильно утомляющихъ людей и рабочій скотъ. Оставшіеся дома въ 10 ч. обѣдаютъ и посылаютъ обѣдъ отправившимся на работу. Обѣдъ состоитъ изъ щей съ мясомъ, каши, иногда рыбной похлебки и молока. Слѣдуетъ замѣтить, что здѣшній крестьянинъ чаще ѣстъ мясо, чѣмъ великорусскіе крестьяне. Мясо употребляется здѣсь большею частью соленое, потому что собственный скотъ бьютъ рѣдко, ибо дожидаются случая, не найдутся ли охотники до покупки его. Мясо убитыхъ быковъ солятъ и приготавливаютъ, такимъ образомъ, запасъ на цѣлую зиму. Дороговизна нѣкоторыхъ съѣстныхъ припасовъ заставляетъ здѣшнихъ жителей дѣлать въ извѣстное лѣтнее и, притомъ, дешевое время, годовой запасъ многихъ изъ съѣстныхъ припасовъ; иначе, можно остаться безъ мяса или безъ крупы, потому что базаровъ не бываетъ и купить не у кого.

Послѣ обѣда хозяйка спѣшитъ вымыть посуду, раскладываетъ ее на полкахъ и, затѣмъ, всѣ отъ мала до велика ложатся спать. Въ эту пору въ деревнѣ на улицахъ пусто, нигдѣ не видно ни живой души; даже собаки прячутся подъ амбары въ самыя темныя мѣста, потому что въ лѣтнее время отъ 11—3 ч. бываетъ жара не выносимая. Въ 3 ч. по полудни просыпаются; нѣкоторые пьютъ чай, другіе принимаются за какую-нибудь работу; такъ время проходитъ до заката солнца. Когда жара спадетъ и воздухъ сдѣлается прохладнѣе, окна въ домахъ растворяются, многіе выходятъ на улицу посидѣть у воротъ и потолковать съ сосѣдами. Наконецъ, разводится въ печкѣ огонь и приготавливается ужинъ. Послѣ ужина въ 9 ч. всѣ снова ложатся спать.

Такъ оканчивается будній день, такъ начинается другой, третій, проходитъ годъ и всѣ дни почти похожи другъ на друга. Вообще замѣчено, что трудъ усиленный, какъ говорится, въ потѣ лица, не свойственъ сибирякамъ, въ особенности женскому полу. Еще лѣтомъ, всѣ, за исключеніемъ престарѣлыхъ, отправляются на полевые работы, гдѣ живутъ по цѣлымъ недѣлямъ, возвращаясь домой только въ праздники. Но зимою женщины и мужчины такъ мало занимаются рукодѣльями, что совершенно отвыкаютъ отъ этихъ работъ, и потому большая часть домашнихъ вещей покупаются у торговцевъ.

Но вотъ приходитъ праздничный день. За нѣсколько дней до него хозяйки уже приготавливаютъ пиво, пекутъ хлѣбы, пироги, жарятъ окорока и проч., въ домахъ начинается мойка и скобленіе половъ, стѣнъ,—словомъ, праздники

даютъ здѣсь какое-то особенное оживленіе и дѣятельность народу, отъ природы тяжелому на подъемъ и безпечному.

Вмѣсто обычныхъ въ другихъ мѣстахъ ярмарокъ существуютъ здѣсь сѣвскіе праздники въ дни Св. Петра и Павла, пророка Ілїя, Іоанна Предтечи, Успенья и др. годовые праздники: Рождество Хр., Пасха, Новый годъ, Крещеніе, Благовѣщеніе и др. Въ эти-то, такъ называемые, храмовые праздники и святочные дни крестьяне собираются въ одно село или деревню, и гулянкамъ не бываетъ конца.

Домашняя жизнь здѣшнихъ крестьянъ представляетъ много утѣшительныхъ сторонъ. Народъ живетъ въ довольствѣ, бѣдности почти не знаетъ. Если и встрѣчаются нищіе, то лишь между ссыльно-поселенцами или людьми, продолжающими бродяжническую жизнь. У крестьянина нѣтъ большихъ экономическихъ заботъ, и потому, когда приходитъ праздникъ, народъ, при всемъ своемъ флегматическомъ характерѣ, предается веселію, разумѣется, по своему: «праздновать, такъ праздновать»! обыкновенно оправдывается въ такихъ случаяхъ мужикъ.

Вотъ одинъ изъ деревенскихъ храмовыхъ праздниковъ и забавы крестьянъ въ святочные дни, заимствованныя изъ архива Минусинскаго земскаго суда.

Мы приближались къ большому селу Ирбейскому (въ Канскомъ округѣ). Утро было жаркое и палящіе солнечные лучи обѣщали день знойный, душный. Тройка «обывательскихъ» несла насъ берегомъ внизъ по теченію р. Кана. Время было сѣнокосное, по въ воздухѣ не было слышно благоуханія травъ; въ окрестности не попадались сплошно засеянные хлѣбомъ поля, на которыхъ бы волны золотистыхъ колосьевъ терялись въ отдаленности. Пашни раскинуты клочками; въ промежуткахъ сѣнокосные луга или привольно растущая высокая трава, негодная ни для какого употребленія. На поляхъ не видно живой души: день праздничный, и народъ былъ весь въ деревнѣ. Едва мы подъѣхали къ с. Ирбейскому, какъ услышали разносившійся въ воздухѣ протяжный звукъ колокола. Народъ спѣшилъ въ церковь къ обѣднѣ. Мы проѣхали большую улицу, по сторонамъ которой то тянулись прямою линіею опрятные съ тесовыми крышами крестьянскіе домики, то видѣлись, разбросанныя въ безпорядкѣ, небольшія избушки. Пока звукъ колокола призывалъ мирныхъ поселанъ къ молитвѣ, возлѣ кабака и передъ нимъ на площади уже толпилось много крестьянъ, мѣщанъ и мелочныхъ торговцевъ, прїѣхавшихъ, одни — повеселиться на праздникъ, другіе — для закупа хлѣба, скота и для продажи крестьянскихъ произведеній.

Обѣдня кончилась, и народъ разсыпался по улицамъ: кто остановился у кабака, кто тащилъ прїятеля къ себѣ въ домъ «откушать хлѣбъ-соль и похлѣбать щей». Наконецъ, появился священникъ со всѣмъ своимъ семействомъ и церковнымъ причтомъ. Здѣшніе жители всегда отдають духовнымъ лицамъ предпочтеніе, сажаютъ ихъ за столъ на первое мѣсто, усердно угощаютъ и, сверхъ того, дарятъ ихъ хлѣбомъ, вареньями, масломъ, ябцами, холстомъ, нитками и проч. Это ужъ такой обычай, и крестьяне свои подарки—кто что можетъ—раздаютъ каждому члену причта особо. Послѣ обѣда рѣдко кто изъ сельскаго люда сидитъ въ избѣ: всѣ высыпаютъ на улицу или сидятъ гдѣ-нибудь въ

тѣни, дожидаясь, пока не спадетъ жара. Старики и старушки обыкновенно забираются куда-нибудь въ спокойный уголокъ своего жилья и тутъ, поставивъ ведро пива, бесѣдуютъ и пьютъ. Молодые парни прежде всего отдають долгъ питейному дому и уже подъ вечеръ расхаживають по улицамъ. Молодыя дѣвицы собираются въ какой-нибудь домъ и тамъ поютъ, дурачатся, играютъ въ фанты, въ ящеръ, въ горѣлки и разныя другія игры. Иногда къ нимъ присоединяются мужчины, но до вечера дѣвушки строги въ обращеніи съ ними и при входѣ молодого паря сидятъ чинно, лишь по временамъ напештывая что-то другъ дружкѣ на ухо. Вообще скрытность, притворство и насмѣшливость—общая черта сельскаго прекраснаго пола. Къ вечеру дѣвицы становятся снисходительнѣе, любезнѣе, и поцѣлуи раздаются щедро.

Солнце начало склоняться къ горизонту; по р. Кану уже сталъ подыматься туманъ, который, клубами качаясь по островкамъ, разносился синеватою пеленой между хребтами горъ противоположнаго берега, подымался вверхъ и придавалъ торчащимъ вдали сокамъ и обгорѣлымъ соснамъ какія-то фантастическія и самыя прихотливыя формы. Настало время, когда народъ обыкновенно показывается на улицѣ: всѣ гости, старики и молодые, знакомые и незнакомые, гурьбами бродятъ изъ избы въ избу. Справляющіе праздникъ, уже хорошо подкутивши, поютъ, кричатъ, заходятъ въ крестьянскіе дома, въ которыхъ хозяевами ихъ весьма радушно принимаютъ и угощаются виномъ и пивомъ. Между тѣмъ, дѣвушки, собравшись къ одной изъ своихъ подругъ, сидятъ смирно въ сѣняхъ и дожидаются гостей. Молодые парни, разодѣтые въ плисовые куртки и красныя ситцевыя рубашки, двигаются толпой по улицѣ и гдѣ собралось больше дѣвицъ, тамъ останавливаются. Дѣвицы будто бы не замѣчаютъ парней. Вдругъ забренчала балалайка, загудѣла гармоника, зашѣвало затянулъ пѣсню и хоръ мужскихъ голосовъ подхватилъ заунывную пѣсню. Дѣвушки, когда поютъ «молодцы», выходятъ на улицу гурьбой, за ними идутъ мужчины. Деревня оглушается шумнымъ разговоръ и громкими пѣснями.

Сибирскій историкъ Словцовъ называетъ Сибирь «страною безголосною». И дѣйствительно, несмотря на звучные и прекрасные голоса ея обитателей въ пѣсняхъ замѣтно какое-то уныніе, тоска. Здѣсь вы рѣдко услышите веселую, разгульную пѣсню, въ которой почти всегда проявляется внутренняя сторона жизни народа. И потому здѣшнія пѣсни и забавы лишены жизненности и той заразительной веселости, какая столь свойственна молодежи. Мнѣ не случалось здѣсь видѣть деревенскіе танцы на открытомъ воздухѣ; танцуютъ на «вечеркахъ» только русскій танецъ, но безъ всякой граціи, чрезвычайно не ловко. Въ Европ. Россіи, въ особенности въ Малороссіи, праздникъ безъ танцевъ—не праздникъ. Въ каждый воскресный и праздничный день народъ собирается передъ корчмою; тутъ обыкновенно сидятъ слѣпой скрипачъ, бандуристъ или кто-нибудь играетъ на гудкѣ. И молодежь пляшетъ весело съ какимъ-то особеннымъ увлеченьемъ. Въ Сибири же я не встрѣчалъ народныхъ музыкантовъ; нѣтъ здѣсь ни волынки, ни гудка, ни свирели. Если и попадаются музыканты, то большею частію изъ поселенцевъ. Притомъ, звуки музыки раздаются только на свадьбѣ. Въ здѣшней деревнѣ гармоника и балалайка—единственные народные музыкальные инструменты.

Вслушиваясь въ голоса хоровода, долетавшіе до меня какими-то заунывными и жалобными тонами, я потруился въ раздумье: чему приписать эту внутреннюю печаль души здѣшняго крестьянина. Беззаботный и склонный къ разгульной жизни, въ пѣсняхъ своихъ этотъ житель Сѣвера таитъ какой-то отголосокъ печали, отражающій внутреннія впечатлѣнія души. Народныхъ, собственно сибирскихъ пѣсень здѣсь не существуетъ; если же встрѣчаются пѣсни съ мѣстнымъ содержаніемъ, то онѣ сочинены забавными великорусами. Здѣшний поселеникъ, когда поетъ даже веселыя великорусскія пѣсни, придаетъ имъ какой-то особенно протяжный, плачевный напѣвъ. Жалоба ли эта на суровость климата, холодность и блѣдность здѣшняго неба, или на сибирскую природу хотя вообще величественную, но дикую, мрачную, скупую относительно цвѣтовъ и плодовъ? Гдѣ болѣе искать разгадки этой тайной скорби, если не въ противоположности характера здѣшняго жителя съ окружающею его угрюмою природою? Душа здѣшняго поселеника хотѣла бы выразить чувства радости и излить его въ веселой пѣснѣ, но грозный видъ окружающей его картины наводитъ на него какое-то мечтательное, неопредѣленно печальное настроеніе, и звуки веселой пѣсни и движеніе веселаго настроенія духа замираютъ въ устахъ сѣвернаго пѣвца. Соціальное положеніе здѣшняго крестьянина самое беззаботное: онъ независимъ, не терпитъ нищеты, безропотно покорный, гостепріимъ, но взглядъ его на окружающій его міръ суровъ. И если чувства крестьянина, несмотря на матеріальное его довольство, выражаются печально, то такое меланхолическое настроеніе, конечно, имѣло немалое вліяніе на органъ выраженія его чувствъ—на голосъ: онъ тихъ и пріятенъ для слуха, но тонами своими заставляетъ слушателя сочувствовать этому смиренному ропоту души и потому наводитъ и на него уныніе, тоску. Нѣтъ у здѣшняго народа и веселыхъ нѣгъ, забавъ; онъ какъ будто все груститъ о чемъ-то потерянномъ, но для него самого неизъяснимомъ, и только выражаетъ свою скорбь, въ заунывной пѣснѣ.

Святочныя забавы начинаются повсемѣстно съ Нового года, т. е. съ 1-го по 7-го января. День проходитъ въ занятіяхъ, а вечера посвящаются разнымъ забавамъ. Старики со старухами уходятъ къ подобнымъ себѣ въ гости на вечера. Молодые парни съ дѣвками расхаживаютъ по улицамъ и поютъ такъ называемыя святочныя пѣсни подъ звуки гармоники и балалайки. Потомъ разбиваются на партіи: дѣвицы собираются въ домъ къ одной изъ своихъ подругъ, а мужчины продолжаютъ гулять или отправляются куда-нибудь на «вечерку». Въ святочные вечера, въ каждомъ домѣ пьютъ чай, вино, шелкаютъ кедровые орѣшки. Столъ уставляется закусками и напитками. «Закуски», состоящія изъ изюма, пряниковъ, урюпу и кедровыхъ орѣховъ, ставятся здѣсь только для женскаго пола; для мужчинъ подаютъ вино и чай. На такихъ вечеркахъ старики разговариваютъ про давно прошедшее, вспоминаютъ старину и попиваютъ вино; дѣвушки гадаютъ, шелкаютъ орѣшки и поютъ пѣсни. Наконецъ, когда вино придастъ старикамъ болѣе веселья, начинаютъ «баить» народныя сказки, побасенки, загадки и т. п. Въ избѣ царствуетъ глубокая тишина—все съ величайшимъ любопытствомъ слушаютъ рассказчика. Вдругъ разговоръ перебивается звуками гармоники, слышной на улицѣ. Гости приподнимаются съ своихъ мѣстъ, заглядываютъ въ окна, гдѣ раздалась музыка. Въ это время

человѣкъ 15 замаскированныхъ въ разные костюмы уже успѣли войти въ горницу в началѣ пѣть и плясать подъ звуки гармонини. Кончивъ одну пляску, замаскированные садятся по разнымъ угламъ и разговариваютъ между собою. Хозяинъ дома угощаетъ ихъ разными закусками; но замаскированные большею частію отказываются, вынимаютъ изъ своихъ кармановъ кардовые орѣшки, такъ называемые здѣсь «разговорцами», шелкаютъ ихъ и продолжаютъ между собою говорить. Старики восхищаются ихъ «умнымъ рѣчамъ», подходятъ къ каждому изъ замаскированныхъ, глядятъ имъ въ глаза, чтобы узнать, кто они; узнавъ, просятъ знакомыхъ пѣть. Старики, старухи, дѣвцы и замаскированные становятся въ кружокъ и начинаютъ пѣть хороводную пѣсню и плясать подъ ея звуки, притаптывая ногами и припѣвая: «Куда ты, моя молодость, дѣвалась»... Такъ забавы продолжаются, наконецъ, маскированные уходятъ въ другой домъ я, такимъ образомъ, шатаются до самой полуночи.

Маскированныхъ партій, случается, бываетъ нѣсколько въ одномъ селеніи. Молодые дѣвцы переодеваются въ мужскія платья, а парни въ женскія; а то наряжаются евреями, цыганами, приказчиками, ссыльно-каторжными, бродягами, и т. д.

Святочныя хороводныя пѣсни.

I.

Чернобровиная моя,
Черноглазая моя,
Со вечера по пороши,
А къ утру бѣлый свѣтъ.
Чернобровиная моя, { Повторяется
Черноглазая моя! { послѣ каждой
строфы.
По этой по порошѣ
Лежать два слѣдка,
Оба чистенькіе,
Оба гладенькіе.
Первый слѣдокъ —
На царевъ кабачекъ,
А второй слѣдокъ --
Милый къ милушкѣ ушелъ.
Милый къ милушкѣ ушелъ
И два монетчика унесъ
И два червонца золотыхъ.
Дѣвка дары не принимаетъ,
Парня къ черту посылаетъ.
Парень, парень, поди къ черту
На часокъ, на другой
Не путемъ—горой матушкой, горой.
Ахъ ты, матушка, моя гора

Доведи до двора,
До осинова бревна,
Тамъ горенька нова.
Вновь ставленная
Печь муравленная,
Въ горенкѣ во новой
Стоитъ столъ дубовой.
Ножки точеныя
Позолоченныя.
За столомъ сидитъ Иванъ,
Во златы гусли играетъ,
Душу Грушу утѣшаетъ.

II.

Летѣлъ, полетѣлъ
Соколъ изъ-за горъ,
Вдѣтъ, поѣдетъ
Косьма на конѣ.
Шапочка смѣется,
Рукавички говорятъ
И жениться велѣтъ.
Конь ко двору приворачиваетъ,
Конь къ широкому приворачиваетъ.
Косьма Борисовичъ про сужену спрашиваетъ:

улицѣ и поютъ хорошѣ пѣсни. Сибирскія общенародныя пѣсни—тѣ же, что и во всей Россіи. Собственно сибирскихъ пѣсенъ нѣтъ. Напѣвъ пѣсенъ болѣею частью заунывный. Впрочемъ, вотъ нѣсколько пѣсенъ, которыя удалось мнѣ здѣсь собрать.

I. (Пѣсня заунывная).

Сказали про молодца, будто не живъ,
не здоровъ и безъ вѣсти пропалъ.
Вечеръ добрый молодецъ изъ дороженьки
пришелъ,

И вдоль по улицѣ пошелъ.
Свою любезную пѣсеньку
На свисточкѣ просвисталъ;
Свищетъ и гаркаетъ,
Въ терекъ голосъ подаетъ,
Чтобъ его любезная

Не дремала и не спала, не гасила бы
огня,

Ждала бы дождалась удалаго молодца.

— Что ты, мой любезный, долго въ
гости не бывалъ?

— За тѣмъ, за сѣмъ промѣшкалъ —
Въ дому со худой, со женушкой побра-
нюшечка была:

Журила, бранила удалаго молодца,

И тебя душу, красну дѣвицу.

— Я тебѣ, добрый молодецъ,

Говаривала прежде:

Убей ты, убей свою жену!

Ахъ, ты глупа, красна дѣвица,

Неразумна твоя рѣчь!

Мнѣ со красной дѣвкой

Одну ночку ночевать,

А со худой со женушкой

Надо вѣкъ вѣковать!

II. (Протяжная).

Какъ на дубчикѣ сидятъ два голубчика,

А на поволокѣ сидятъ двѣ голубки;

Они пили и ѣли

И сами про себя ворковали.

Онѣ и всѣ врозь полетѣли,

И сажались онѣ на быструю рѣчку,

По край березнечку,

На желтой песочокъ

И на зеленъ лужечекъ

И промежду-то собой рѣчи говорили:

Ахъ, какъ тошно на свѣтѣ,

Кто кого любить,

А тошнѣ того любить,

Вдругъ да и покинуть!

Покинулъ меня милый, меня не на
долго,

Ненадолго-то время, меня на часо-
чекъ,

А часочекъ-то покажется ровно за
денѣчекъ.

Отъѣзжаетъ-то мой милый въ путь,-
дороженьку

И меня покидаетъ, покидаетъ,

Оставляетъ бѣдную сиротинку,

Несчастную, горемышную!

III. (Заунывная).

Гдѣ ты, мое горе великое,

Никому мое горе неизвѣстное!

Хоть извѣстно,

Но никому не соболѣзно.

Прикрыто мое горе бѣлой грулью,

Призаплаканы очи мои ясныя слезами,

Запечатаны уста мои кровями.

Ахъ, задумалъ мой другъ любезный

Во путь, во дороженьку,

Въ тою же дороженьку—въ дальнюю
Сибирску,

Въ городъ Минусинской.

Приказывалъ другъ любезной прика-
занья:

Ты живить-ко, моя милая, помирить,
Посмирить и поумить;
Ты люби, моя любезная, кого хочешь;
Если лучше ты меня найдешь,
То меня позабудешь,
А если хуже меня найдешь—
Меня вспомнешь.
Вспомнешь меня, чернобрива,
Сама заплачешь,
И стоскуешься, моя любезная!
Пиши ко мнѣ письма,
Не перомъ пиши,
Не чернилами ты пиши, любезная,
Горючими слезами!
Отошли, моя милая, со друзьями,
Со тѣми же со друзьями.
Со буйными вѣтрами.
Друзья письма не довозятъ,
Вихри писемъ не доносятъ...

IV. (Печальная).

Отлетаетъ мой соколъ изъ моихъ очей,
Изъ глазъ отбѣзжаетъ другъ любезной
Въ чужі дальні города
И дальні незнакомы—
Во славный градъ Петербургъ.
Не мало слѣзъ ронила
По любовномъ по своемъ,
Въ слезахъ дружка просила
Хоть немножко поживи,
Хоть немного и маненько
Одинъ годичекъ со мной!
Всѣ люди знаютъ, не совѣтуютъ
Любить меня, Катюшу,
Велятъ бросить, позабыть
Я въ та-пѣри забуду,
Когда скроются глаза,
Тонкимъ, бѣлымъ полотномъ
Мнѣ лице закроютъ
И съ горь желтымъ пескомъ
Меня загребутъ.
Обрости, моя могила,
Всякими разными цвѣтами,
Обложите мою могилу

Плитами вокругъ;
Я на камнѣ нарисую
На бумажкѣ напишу,
Я кумушкамъ, подруженькамъ
Словечко расскажу:
Ахъ, вы, кумушки-подруженьки,
Не живите-ко, какъ я жила,
Не влюбляйтесь въ молодца.
Отъ этой-то любви
Зарождается тоска,
Отъ нее-то немочна болѣзнь,
А отъ немочи приключается намъ
смерть.

V (Веселая и протяжная).

Вечеръ добрый молодецъ
Запиль, загулялъ,
Со душенькой, красной дѣвицей
Рѣчьми занимался:
— Скажи, душечка, красна дѣвица,
Ахъ, дѣ красна дѣвица
Скажи, кого любишь, охъ?!
Кого любишь, одного ли меня
Добра молодца сушишь и крутишь,
Охъ, сушишь и крутишь!
На то дѣвица ничто не сказала,
Отъ квартирушки вовеѣ отказала,
Ахъ, да! отказала.
Да ты отстань, добрый молодецъ,
И отстань по любви,
Охъ, да! по любви.
Не отстанешь по любви,
Ахъ, да! по любви,
Отстань по неволѣ,
Охъ, да! по неволѣ!
Совсѣмъ-то добрый молодецъ,
Совсѣмъ собрался,
Охъ, собрался и со всѣми простился,
Охъ, простился!
Съ одной дѣвицей,
Съ одной красавицей,
Охъ, съ нею не простился!
Подъ куткое, подъ окошко
Мальчикъ остановился,

Охъ, да! остановился.
 Въ кутко окошко и въ стѣнку
 Мальчикъ колотился!
 Охъ, колотился.
 Пусти, пусти, дѣвица,
 Пусти, раскрасавица,
 Пусти постояти!
 А не пустишь постояти,
 Пусти ночку почевати,
 Охъ, да! почевати.
 Никто не далъ ни отвѣту,
 Никто ни привѣту,
 Ахъ, ни привѣту,
 И ни ласковыхъ словъ!
 Съ тѣмъ молодецъ заплакалъ!
 Вздохнулъ да ушелъ!

VI (Веселая).

По Чулымъ по рѣкѣ
 Плыветъ казакъ на быкѣ,
 И бережка трещать,
 Равно достушки пищать.
 У Радіонова двора
 Упечатали быка.
 Стали быка по частямъ дѣлить:
 Радіону за труды
 Три корыта руды;
 А маіору кожу
 На широку его рожу;
 Черепаникъ скотинныя серѣдки,
 У ней дѣтушки сиротки;
 Зуеву ребро —
 Онъ ходитъ храбро;
 Шувалову копытцы,
 У него семья прочитя;
 Осипу почки,
 У него красивыя дочки;
 А Трофиму уже кстать
 Бычій хвостикъ отдать;
 Степану лопатка
 За то, что у него гладка;
 Остальное сдать пастуху
 Чтобъ унять его комуху.

VII.

Заводила Акулина
 Хлѣбцы мякинѣіе.
 Хани-лену, хани-лену, } Повторяется
 Хлѣбцы мякинѣіе! } послѣ каждой
 Заводила на дрожжахъ, строфы.
 Не вдержала и на возжахъ.
 Заводила на дрожжахъ
 Три недѣли кисли,
 И все не выкисли.
 Не выкисли и на четвертую недѣлю —
 Акулина стала хлѣбцы катать.
 На печи въ углу пекла
 И кочергой загребала.
 — Складу хлѣбцы въ коробокъ
 И повезу въ городокъ. —
 Никто хлѣбцевъ не купилъ
 Никто даромъ не беретъ.
 Тутъ явилася свинья,
 Съѣла коробокъ одна.
 Не наѣлась, только рыло замарала;
 Три недѣлечки хворала,
 На четвертую пропала.

VIII.

Не ходи, мое веселье,
 Изъ моего двора,
 Не прокладывай слѣда.
 Милъ дорожки не тори,
 Худой славы не клади.
 Худа славушка пройдетъ,
 До меня слава прійдетъ:
 Никто замужъ не возьметъ,
 Не посватается.
 Лебедушка бѣлая
 По бережку бѣгала;
 Не про насъ ли люди судятъ,
 Люди баютъ, говорятъ
 И разлучитъ съ другомъ хотятъ.
 Не боюсь я вѣчной муки,
 Боюсь съ миленькимъ разлуки.
 Боюсь батюшки,
 А скажу матушкѣ:

— Родимая моя мать,
Тебѣ меня не узнать.
Когда я пошла гулять.
Себѣ друга наживать,
Себѣ ровнюшку Семёнушку.
Не ходи ты, Сеня, по сѣнямъ,
Не топай ногой,
Мнѣ не быть за тобой,
А мнѣ быть, побывать:
За Иваномъ торгашемъ.
У Ивана торгаша
Хоть нѣтъ денегъ ни гроша,
Зато слава хороша.

IX.

Вѣнокъ, ты мой вѣночекъ,
Вѣнокъ ты лазоревой,
Мой цвѣточекъ,
Куда тебя, мой вѣночекъ, положить?
Положу я, мой вѣночекъ, на головку.
Да на прекрасную дѣвченку.
Не кума съ кумой покумилася,
Дорогимъ кольцомъ подарила —
Подарила среди кружка
На лужкѣ-на лужечкѣ
Во дѣвушкѣ въ кружечкѣ.
Ты кумъ — я твоя кума,
Гдѣ мы сойдемся,
Тамъ я обоймемся,
Поздороваемся и разоидемся.

При пѣніи этой пѣсни, дѣвицы ходятъ по комнатамъ вокругъ мужчинъ, и когда пѣсня кончится, то дѣвицы цѣлуются съ мужчинами.

IX.

Повадился котокъ
Во слободу на краекъ,
Во слободу на краекъ
Къ богатому мужику
Ко хорошей дочерѣ;
Ко хорошей дочерѣ —
Къ Парушѣ хорошей.
Ахъ, ты, батюшко родной,
Кто-то есть у окна,
Кто-то стучается,
Кто-то брякается.
Начинаетъ ужъ свѣтать,
Стала дѣвка горевать:
Некуда кота дѣвать,
Некуда кота дѣвать!
Посажу кота въ подолъ,
Посажу кота въ подолъ,
Понесу кота на дворъ,
Понесу кота на дворъ,
Опущу кота изъ рукъ.

Ужъ котокъ на повесть скочилъ,
Всю повесть обломилъ,
Семь овецъ задалвилъ
Восьму ялицу, годовалицу.
Что меня, что за эту вину
Отдали замужъ молоду
Въ великую семью;
Всѣхъ четырнадцать душъ:
Свекоръ ¹⁾), четыре деверя,
Четыре золовочки,
Онѣ колотовушки;
Сидятъ, ахъ, на лавочкѣ,
Сидятъ и моего мужа мутятъ,
Меня бити велятъ.
Ахъ, батюшка родной,
Дай по горенкѣ пройти,
По горенкѣ пройти
И словечушко молвить:
Ужъ какъ свекоръ на палатахъ —
Какъ борзой кобель на канатѣ;
Ужъ какъ свекровка на печи —
Борза сука на цѣпи;

¹⁾ Не разобрать. Авторъ статьи.

Какъ девери соколы—
Какъ борзые кобели;
А невѣстки говорятъ—
Намъ медвѣдицу везуть;
А золовки говорятъ—
Намъ людоѣдицу везуть;
Двѣ тетушки, двѣ лебедушки,
У печки стоятъ
И про тоже говорятъ.

X.

Гуленькій ты мой голубчикъ,
Сизъ-косатенькой ты мой варкунчикъ.
Зачѣмъ гуленька въ гости нелетаешь,
Или домичку своего не знаешь
Или голосочку моего не слышишь?
Твой громкой голосокъ вѣтеркомъ отно-
ситъ,
Сизы крылишки частымъ дождикомъ мо-
чить.

Три ласточки, три касаточки
Вокругъ саду летали,
Къ землѣ припадали
И про мила дружка вѣсточку сказали:
Что мой-то миленькой
Сидитъ во засадѣ—въ каменномъ
острогѣ.

У острога нѣтъ ни дверей,
Ни оконъ напротесу,
Только горенка малая,
Печка муравая;
У этой же печки
Трубы выводныя,
Изъ трубъ же дымокъ повѣваетъ
Къ землѣ приклоняетъ.

XI.

Наша Маша не лѣнива
Въ полночь баню затопила,
Въ баню Ваню повѣстила.
Ваня скокъ на порогъ—
Сапоженки спали съ ногъ;

Обернулся Ваня въ кругъ—
Перчаточки спали съ рукъ.
Ваня на полу лежитъ,
Къ нему черноброва бѣжитъ;
Бѣжитъ, поспѣваетъ,
Черну шляпу поднимаетъ,
На голову надѣваетъ,
На добра коня сажаетъ,
Принаказываетъ:
Ты поѣдешь, милъ гулять,
Не загуливайся!
На веселыхъ на бесѣдахъ
Не засиживайся!
На школьныхъ, на манерныхъ
Незаглядывайся!
Ужъ какъ школьные, манерныя
Сударыни мои
Алымъ платьемъ привлекаютъ;
А ребята наши охочи гуляти,
Танцы танцовать,
Круги занимать,
Дѣвокъ цѣловать!

XII.

Зальюсь, зальюсь, мальчикъ, слезоньками
Зальюсь горючими,
Зальюсь горючими!
Заливался мальчикъ слезоньками
Знаю для кого,
Знаю для кого!
Знаю, знаю сповидаю,
Кого я люблю,
Кого я люблю!
Любилъ, любилъ мальчикъ дѣвushку—
Тоя здѣся нѣтъ,
Нѣту, нѣту красной дѣвushки,
За моремъ живетъ,
За моремъ живетъ.
За моремъ на той сторонѣ,
На той, на той сторонушкѣ
Дѣвushка живетъ!
Еслибъ были златы крылушки
Слеталъ бы я къ ней
И спросилъ бы красну дѣвushку,

Любить ли меня,
 Любить ли меня?
 Если скажетъ, что меня любить—
 Возьму за себя;
 Если скажетъ—да не любить,
 Убью самъ себя!
 Закроются очи жёны
 Темной темнотой,
 Заростетъ моя могилушка
 Травой муравой.

XIII.

Стоить олень подъ кустичкомъ
 Подъ сосновымъ.
 Приодѣньте оленя, прикутайте:
 Со дѣвушки вѣнокъ,

Когда поютъ эту пѣсню, то одинъ изъ мужчинъ пляшетъ и, по окончаніи пляски, подходитъ къ одной изъ дѣвицъ, становится на колѣни и цѣлуются.

XIV.

Какъ не стадишко-то черныхъ галочекъ
 Поднималось, поднималось;
 То сила-армія молодыхъ солдатъ
 Царя бѣлаго, царя бѣлаго!
 Напередъ ихъ выбѣгаетъ молодой
 «кульерьъ».
 Онъ бѣжитъ, бѣжитъ молодой кульерьъ
 На добромъ конѣ, на добромъ конѣ;
 Самъ не тряхнется, ой, да не ворохнется.
 Да бѣгаетъ молодой кульерьъ
 Къ каменной Москвѣ, къ камен-
 ной Москвѣ.
 Да заѣзжаетъ-то молодой кульерьъ
 На царевъ кабакъ:
 —Здравствуйте, цѣловальники,
 Да «восударевы», восударевы!
 Есть ли у васъ, цѣловальнички,
 Зелено-вино, зелено-вино?
 —Много ли тебѣ, сударь, надо
 Зелена-вина, зелена-вина?
 —А мнѣ надо зелена-вина
 Семьдесятъ семь бочекъ.

Со молодушки платокъ,
 Съ молодка-удальца
 Черна шапочка, опоясанка.

XV.

Кроватушка, кроватушка тесовая,
 Поставлена ты изъ несчастна дерева,
 Изъ горной осины, изъ горной осины
 Изъ самой вершинны!
 Молодецъ, молодецъ,
 Ты же молоденецъ,
 Кого любяшь, кого знаешь,
 Того поцѣлуешь.
 Люблю, люблю любезную,
 Её поцѣлую,
 И до тѣхъ поръ любить стану
 Пока не отстану.

XVI.

Какъ не сѣры братцы ли гуси съго-
 готали,
 Что не сязые братцы-селезни просви-
 стали;
 Что небѣлые-то братцы-лебеди жалко
 кличутъ,
 Молодые-то наши солдатушки да слезно
 плачутъ,
 Жалобу-то творятъ на старшаго гене-
 рала:
 Не во времячко насъ солдатушекъ
 выбираетъ,
 Въ большой праздникъ—да въ Пет-
 ровъ день.
 Да не во времячко насъ солдатушекъ
 обучаетъ,
 Во лютые, во крещенскіе да морозы.
 Ко щерблетичкамъ рѣзвыя наши но-
 женки призаминало,
 Ко свѣтлу ружью бѣлы рученки при-
 щипало.
 Породила родна матушка только двухъ
 насъ, сыновей,

Воскормилъ сударь-батюшко, воспоилъ,
Чему-то насъ научилъ?

А учила-то насъ братенькова—чужая
сторона,

Да чужая дальняя сторонushка, времен-
ная слободushка:

Весь день-то насъ бьютъ, бросаютъ
безвинно,

Насъ учать безъ краснова-то солнышка,
Во тѣмъ душу выпекають, въ тѣмъ
кости открываютъ.

XVII.

Не кукушенка въ сырѣмъ бору куковала,
Она скуковала, она скуковала.

Не соловьюшка вотъ сталъ утѣшати,
Онъ сталъ утѣшати, онъ сталъ
ушматъ.

—Тебѣ полно, моя горька кукушенка,
Полно куковати, ой, полно ку-

ковати!

Охъ, ты ли глупенькой, ой, да неразумной!
Младой соловьюшка, ахъ, младой

соловьюшка,—

Какъ мнѣ, горькой кукушечкѣ, какъ
не куковати

Какъ не куковати, какъ не ку-
ковати?

Охъ, одинъ у меня былъ зеленый садъ
И тотъ посыхаетъ;

Всѣ изъ то-ли мелки птички вылетаютъ,
Одну меня—горьку кукушечку въ саду

покидаютъ,

Ой, покидаютъ, покидаютъ!

XVIII.

Изъ далече, далече, да изъ чиста поля,
Изъ широкаго раздолья, изъ широкаго
раздолья.

Изъ широкаго раздолья, ой, горить
тутъ огонечекъ разъясношенекъ,

И дымочекъ повѣваетъ синь, тонюшенекъ.

У огонька разосланъ свѣрей войлочекъ,
Свѣрой войлочекъ;

Да на войлочкѣ лежитъ доброй молодецъ,
Доброй молодецъ.

Онъ труденъ-болеть и весь израненъ,
И весь израненъ;

Двѣнадцать-то раночекъ получилъ ру-
жейныхъ,

Получилъ ружейныхъ;

Ужъ какъ первая-то рана въ буйной
головкѣ,

Въ буйной головкѣ;

Ужъ какъ вторая-то рана да въ пра-
вой рукѣ,

Да въ правой рукѣ;

Ой, ужъ какъ третья то-ли раночка въ
ретивомъ сердцѣ,

Въ ретивомъ сердцѣ.

Самъ молодецъ эти раночки припекаетъ,
Припекаетъ, прижигаетъ, пригова-

риваетъ.

Охъ, двѣнадцать этихъ раночекъ—не
во что ему,

Издоляютъ добра молодца только три
раночки,

Три раночки копьевыя!

XIX.

Вы горы, вы горы, вы да крутыя,
Горы змѣвыя, горы змѣвыя.

Да позвольте-ка вы мои горы подъ
собою постояти,

Подъ собою постояти, постояти.

Намъ тутъ не годочекъ годовати,
Одну ноченку вочевати и ту всю не спати,

Да ту все не спати, не спати.

Свинцу, пороху набрати,

Свинцу, пороху набрати,

Стеньку Разина да устрѣляти,

Ой, да устрѣляти.

На покровскомъ то-ли на лужечкѣ

Стенки Разина не стало

Въ дѣвичьемъ кружочкѣ

Въ дѣвичьемъ кружочкѣ.

Пѣсни эти, какъ видно, перенесены изъ В. Россіи и многія потеряли свой настоящій характеръ. Каждая партія ссыльныхъ, заѣзжихъ торгашей и приказчиковъ приносятъ свои пѣсни, передѣлываетъ ихъ на свой ладъ и потому нѣкоторыя лишены не только первоначальнаго своего значенія, но и самаго смысла. Большая часть пѣсней заунывные, что совершенно противоположно характеру сибиряка-старожила. Зайдите въ любую избу и вы никогда не увидите хозяина или хозяйку съ угрюмой фizioноміей. Правда, характеръ здѣшняго народа серьезный и степенный; но сибирякъ-старожилъ у себя въ домѣ всегда радъ гостю и съ веселымъ лицомъ заводитъ умныя рѣчи, спрашивая обо всемъ, что только можетъ входить въ сферу его деревенской жизни. Несмотря на врожденную недовѣрчивость, онъ довольно словоохотливъ. Это уже можетъ служить примѣтомъ, что крестьянинъ въ Сибири не знаетъ нищеты, живетъ въ довольствѣ, и потому не о чемъ ему тужить и тосковать. Слѣдовательно, внутреннее изліяніе его души скорѣе должно бы выразиться въ веселой пѣснѣ, чѣмъ въ грустной.

Удивительно, что Сибирь—страна, завоеванная простымъ народомъ, шайками казаковъ, имѣетъ такъ мало народныхъ историческихъ преданій и сказокъ. Рѣдко гдѣ услышите среди здѣшняго населенія рассказы о походахъ, подвигахъ и удачѣхъ предковъ—казаковъ-завоевателей. Воспоминаніе о нихъ совершенно утратилось. Еще въ крестьянскихъ домахъ Приуралья можно встрѣтить портретъ Ермака и другихъ казаковъ; но въ южной части Енисейской губерніи скорѣе можно найти портреты современныхъ историческихъ лицъ, чѣмъ казаковъ-завоевателей. И потому сохранившіяся немногія народныя сказки и преданія даютъ очень слабое понятіе о старинѣ; онѣ болѣе изображаютъ современные нравы здѣшнихъ жителей.

Въ Минусинскомъ округѣ сказокъ сохранилось среди нихъ довольно много, но всѣ онѣ относятся къ крестьянскому домашнему житію-бытію и чрезвычайно хорошо и вѣрно характеризуютъ народъ въ двухъ отношеніяхъ: страсть къ деньгамъ и легкую нравственность женщинъ. Каждая сказка непременно имѣетъ своимъ предметомъ пріобрѣтеніе челоѣкомъ большихъ богатствъ или любовныя похищенія, женитьбу, и т. п. Герои сказокъ большею частію купцы, приказчики, приказные, разбойники и проч. Для подтвержденія уже отиѣченнаго мною наблюденія о томъ, какъ мало обращаютъ здѣсь вниманіе на хорошее поведеніе дѣвушки, я приведу одну сказку (очень похожую и на всѣ другія), выписанную изъ бумагъ минусинскаго земскаго суда (за 1847 годъ, № 3), а именно: «Суженая невѣста».

«Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, въ городѣ, такъ сказать, Красноярскомъ, у одного приказнаго родился сынъ, по имени Иванъ; въ этомъ же округѣ у богатаго купца родилась дочь—Настасья. Родители этихъ дѣтей имѣли между собою дружественную связь, и потому вхожи были, со своими дѣтьми, одинъ къ другому. Малюткамъ было уже лѣтъ по пяти, и они свыклись такъ, что не могли другъ безъ друга прожить дня; вмѣстѣ обучались и подружились они несказанно. Замѣтили это родители и говорили часто: это будетъ суженая нашему Ивану. А купецъ говорилъ: надо же разлучить ихъ: что за пара онъ-де нашей дочери! Но только въ одинъ вечеръ, когда было гуляніе у купца (находился тутъ въ гостяхъ и приказный), гости

сильно любовались, что малютки такъ мило забавляются между собою. Вотъ гости и говорятъ въ шуткахъ: давай, мы ихъ обручимъ. Взяли да и обручили: помѣняли ихъ колечками и благословили образомъ. Малютки про обрученіе ничего не знаютъ: знай, только рѣзвятся. Такъ какъ они были одноклассники, то когда пришли въ 12-ти лѣтній возрастъ, какъ-то наединѣ и поклялись другъ другу, чтобы одному ни на комъ другомъ не жениться, а другой за мужъ не выходить. Вотъ когда совершилось имъ по 16-ти лѣтъ, то присланы были отъ одного, тоже купца, сваты къ родителямъ купеческой дочери. Услышавъ это, дочь сильно расплакалась и говорила: не вы ли, мои милые тятинька и маменька, обѣщали отдать меня замужъ за сына приказнаго? Они же не хотѣли и слушать ея рѣчей. Говорятъ: что онъ тебѣ за пара. Опъ-дѣ еще и чину не имѣетъ и, притомъ же, бѣдный; намъ-дѣ стыдно будетъ завести съ нимъ родню. Нечего дѣлать, и дочь отвѣчала: будь воля ваша! Вотъ по рукамъ и сыграли свадьбу. Послѣ вѣнца, когда молодыхъ положили на ложе въ почивальнѣ, молодая и говоритъ молодому: другъ мой, я навѣкъ твоя буду, тебя всегда слушать и почитать буду, только сдѣлай ты мнѣ одну милость, о которой я тебя попрошу.—Что такое, моя безцѣнная? Изволь просить, я ни въ чемъ тебѣ не откажу.—Тутъ она сказала ему о своей младенческой связи съ сыномъ приказнаго, какъ они вмѣстѣ росли, какъ они другъ друга полюбили и, наконецъ, какъ ихъ родители, обручая, благословили. Она молвила: прошу тебя, позволь мнѣ первую ночевку провести съ приказнымъ,—я ему въ этомъ дала клятву. Мужъ съ охотою согласился на это и отпустилъ ее къ нареченному жениху. Женихъ-то, приказный, жаль, примѣрно, въ десяти верстахъ. Она и пошла. Это было ночью. Вотъ на половинѣ дороги попадаютъ ей на встрѣчу бѣглецы изъ завода бродяги.—Стой, голубушка, откуда и куда?—Она и рассказываетъ имъ причину. Бродяги ведутъ ее къ своему старостѣ. Староста, увидя такую премилую красотку и много дорогой на ней «лопоты» (женской одежды) воспламенился страстью и думалъ было насмѣяться надъ нею и ограбить ее. Только когда услышалъ добродѣтельный поступокъ ея мужа, а также и ея самой, то сжалился и согласился отпустить ее, но съ тѣмъ, чтобы на обратномъ пути она зашла къ нимъ въ станъ и обсказала, какъ поступить съ нею нареченный—приказный. Уже къ свѣту приходитъ она къ своему прежнему дружкѣ въ домъ, и онъ весьма былъ радъ этому. Послѣ многихъ любовныхъ между ними разговоровъ, она рассказала своему жениху о причинѣ своего къ нему прихода. Услышавъ про такую ея вѣрность, онъ прослезился и сказалъ:—неоцѣненная моя бывшая подруга, я покорно благодарю тебя, какъ и твоего мужа, что онъ умѣлъ цѣнить нашу любовь. Невинность твоя для меня очень дорога. Подумай же ты сама, не дороже ли она для твоего мужа? Известно, что онъ послалъ тебя ко мнѣ по одной твоей убѣдительной просьбѣ; но каково же ему будетъ смотрѣть на тебя, когда ты къ нему обратишься? Это было бы все равно, какъ бы я тебя ограбилъ. Довольно тебѣ и того, что даже бродяга, варнакъ, у котораго ты была, смягчилъ свое сердце. Благодарю премного тебя за твою обо мнѣ память; благодарю и мужа твоего за его умный поступокъ. Жаль тебя премного. Но такъ какъ мужъ твой умный человѣкъ, то уступаю ему тебя безъ обиды ради того, что будешь обладать хорошимъ сердцемъ. Неси невинность твою къ нему и скажи, что я не напелъ для него болѣе

подарковъ. Тутъ онъ упалъ въ обморокъ и сильно плакалъ. Суженая невѣста приказнаго возвратилась къ мужу; мужъ весьма обрадовался ея приходу. Начали цѣловаться, миловаться и когда она рассказала ему обо всемъ съ нею случившемся, то онъ сильно полюбилъ ее, и всетаки сказалъ: «вѣдь дуракъ-то приказный! Видно, что не знаетъ коммерческаго разсчета». Мужъ съ женою жили богобоязливо и въ большомъ согласіи дожили до глубокой старости».

Приведемъ преданіе о чудскихъ могилахъ въ Минусинскомъ округѣ.

«За нѣсколько сотъ лѣтъ, когда только, будто-бы, начала въ Сибири рости бѣлая береза, люди здѣсь обитавшіе, называемые чудью, увидѣвъ это дерево, разпустили слухъ, что идетъ на нихъ бѣлый царь. Не желая, по своей дикости, быть въ подданствѣ Россіи, они рѣшились лучше погибнуть и начали живыми зарываться въ землю и на могилахъ своихъ ставили камни, которые въ теперешнее время называются курганами. Другіе же изъ чудскихъ народовъ, самые смѣлые, пороли себѣ животы ножами или бросались съ утесовъ въ р. Енисей. Но всѣ ли эти народы истребились или остались живы—изъ преданій народныхъ неизвѣстно».

Свадебные обряды крестьянъ-сибиряковъ представляютъ много любопытнаго. Если хотите, въ обрядахъ этихъ сохранились тѣ же обычаи, что и въ Европейской Россіи, съ нѣкоторыми прибаутками, которыя довольно рѣзко характеризуютъ здѣшняго крестьянина. Такъ, напримѣръ, въ Евр. Россіи выборъ невѣсты зависитъ собственно отъ отца и матери жениха. И сюда перенесли тотъ же обычай съ тою разницею, что въ Евр. Россіи какъ женихъ, такъ и родители при выборѣ невѣсты болѣе основываются на хорошей ея нравственности и на доброй славѣ семьи; здѣсь же родители стараются женить сына какъ можно раньше для того только, чтобы размножить семейство и увеличить число работниковъ. Поэтому, крестьянскіе сыновья—большіе волокиты, о женитьбѣ мало думаютъ и къ родителямъ съ просьбами объ этомъ не обращаются. Забота женить сына лежитъ на родителяхъ, которые при этомъ больше заботятся о томъ, чтобы невѣста была крѣпкаго сложенія, здоровая, испытанная... и не калѣка, чѣмъ объ ея красотѣ и нравственности.

Такимъ образомъ, родители, высмотрѣвъ въ своемъ селѣ или въ другой деревнѣ дѣвицу, объявляютъ о сватовствѣ сыну. Мать жениха приглашаетъ другую женщину, разумѣется «говорящую», и отправляются къ родителямъ невѣсты. Войдя въ избу, останавливаются у порога, три раза крестятся передъ иконами, потомъ поклонясь въ поясъ на всѣ три стороны, привѣтствуютъ хозяевъ:

— Здравствуй, родимая Степанида Ивановна и родимый Петро Ивановичъ!

— Добро жаловать, отвѣчаютъ хозяева, родимыя Маланья Петровна и ты, Марья Алексѣевна! Откуда васъ Богъ привнесъ? Просимъ покорно на лавочку бесѣдовать.

Гости садятся и нѣсколько минутъ молчатъ, потомъ встаютъ, выходятъ на средину комнаты, кланяются въ поясъ и начинаютъ приговаривать:

— Мы къ вамъ, Ивановна, и ты, Петръ Ивановичъ, пришли съ добрымъ дѣломъ, со сватаньемъ. Василій Митрофановичъ кланяется Акулинѣ Петровнѣ. (Митрофановичъ—женихъ, а Акулина—невѣста).

— Милости просимъ, родимые; доброе дѣло!

Опять садятся всѣ. Сваха, сидя, разговариваетъ съ родителями:

— Покорно просимъ ужъ вамъ сказать намѣреніе ваше о женихѣ; парень славный (сваха продолжаетъ вычислять всѣ достоинства жениха) и дѣвка-то ядрёная — одинъ другова стоятъ! Домъ добрый, есть добра и живота, будетъ чѣмъ орудовать, да къ тому же сами вы знаете: одинъ сынъ, кручины нельзя бояться!

Мать невесты отвѣчаетъ:

— Кто про это, родимая, не знаетъ. Да правду сказать, отдавать-то имъ дѣвку не намѣрены... И мать продолжаетъ: (тутъ выражается очень хорошо скрытность и скупость сибирскаго крестьянина) куделя (лёпъ) не родилось и бѣлья-то мало; да подумай-ко, родимые свать и сватюшка, куда еще что не тутъ отдать,—я вѣдь, сватюшка, небольшая въ этомъ, какъ вѣдь старикъ чаво скажетъ.

Старикъ отвѣчаетъ:

— Да чѣмъ-то мы будемъ свадьбу отпирать... Провѣсной говядины-то у насъ мало, одна только жердь навѣшена. Звѣроватъ вынче не ходилъ я не хмѣлевалъ,—хмѣлю-то нѣтъ. Пива не изъ чего варить. Чаво же тутъ будешь дѣлать.

Сваха настоятельно проситъ:

— Да подумайте-ко, намѣрены, такъ намѣрены. Одно, что ужъ бы мы знали. Вѣдь, не съ чѣмъ и намъ итти, сами знаете.

— Куда, мы сегодня ничего сказать не можемъ. Авось со старухой подумаемъ... ну, да и у дѣвки спросимъ, какъ бишь она скажетъ. Милости просимъ пожаловать на утро.

— Подумайте-ко, какъ получше, подумайте!

Свахи встаютъ, кланяются низко и уходятъ.

По уходѣ ихъ, мать и отецъ невесты «шибко» задумываются, судятъ, обсуживаютъ жениха, его семью и, наконецъ, рѣшаютъ такъ:

— Чаво же, баба, спрашиваетъ старикъ жену?

— Да я что же ту-то-ка? Твое же дитище, самъ знаешь, парень работащій, дѣвка здоровая, неболезненная, почему же не отдать?

— Ну, и дѣло: отдать, такъ отдать!

На другой день приходятъ свахи и послѣ обыкновенныхъ привѣтствій спрашиваютъ:

— Ну, вздумали, родимые, отдавать Акулину Петровну?

— Говорили-де мы вечеръ дѣвкѣ, да она баятъ-то, что безъ постели-то и доброй шубы не пойду, да и даровъ-тѣ по на что у ней купить.

— Да только бы ваше намѣреніе было и за «молодца» дѣвку отдать, говоритъ сваха, а мы не поскупимся въ деньгахъ.

— Ну, да если не пожалеете еще сто рублей на расходы, то... (здѣсь хозяйнѣ запинается и чешетъ себѣ затылокъ) ¹. А то, ей же Богу, нѣтъмъ Акулину отдать!

— Извольте, родимые, и за этииъ не стоимъ!

¹ Въ Сибири, при выдачѣ дочерей замужъ, родители всегда стараются скрыть свое богатство и очень часто обманываютъ жениховъ.

При этомъ извѣстiи старикъ встаетъ и обращается къ женѣ:

— Ну, чего же, баба, отдавать, такъ отдавать! Неси-ко огня, да затепли-ко свѣчу передъ образами; помолимся Богу, да и по рукамъ!

Старуха, молча, встаетъ, слезы навертываются у ней на глазахъ, и идетъ исполнить приказанiе мужа. Невѣста, сидѣвшая за перегородкой, вдругъ начинаетъ плакать на-взрыдъ; но когда затеплили свѣчу, въ комнатѣ все утихаетъ и начинаютъ молиться Богу всѣ, кромѣ невѣсты, которая обыкновенно выбѣгаетъ изъ комнаты, забирается на сѣноваль или въ баню и тутъ даетъ свободу своимъ слезамъ.

Послѣ молитвы «бьютъ по рукамъ». Старуха покрываетъ столъ хорошею бѣлою скатертью, ставитъ хлѣбъ и соль, а пришедшiя свахи штофъ водки. Выпивъ по рюмкѣ вина, посылаютъ за родственниками. Собравшiеся садятся на указаннiя хозяиномъ мѣста, обещиваютъ жениха и рассказываютъ о начавшейся свадьбѣ. Вдругъ растворяются двери и входитъ заплаканная, но одѣтая въ самое лучшее платье невѣста съ подносомъ въ рукахъ. На подносѣ приотложены дары свахамъ, состоящiе изъ бумажнаго или шелкового платка. Свахи отдаютъ ей деньгами, приговаривая: «стоятъ другъ друга!» Невѣста все плачетъ, заливаясь горькими слезами, будто ведутъ ее на смерть. Родственники уговариваютъ ее, сваха тоже присоединяется съ своими увѣщанiями:

— Не плачь нибоко, родимая! У насъ деревня веселая, выйти есть куда. Ну, и сосѣди добрые же у насъ.

Невѣста, молча, выходитъ изъ комнаты. Тутъ мать жениха обращается къ сватѣ своей:

— А что, сватюшка, въ это бы воскресенiе сдѣлать и обрученiе?

— Что ты, что ты, родимая! У насъ еще нѣтъ ничего готового, пиво не варено. Куда, развѣ въ то воскресенiе такъ могимъ обѣщать!

— Ну, такъ въ то.

— Такъ въ то, такъ въ то!

Сваха и мать жениха, уходя, останавливаются у дверей, кланяются и говорятъ:

— Покорно же, покорно просимъ не измѣнить добраго своего слова!

Такъ начинается свадьба у крестьянъ въ Минусинскомъ округѣ. Сватовство у крестьянъ другихъ округовъ Енисейской губернии, какъ описываютъ г. Степановъ, разнится тѣмъ, что родители выбираютъ невѣсту по указанiю жениха и прежде сватъ съ женихомъ отправляются къ родителямъ невѣсты на «смотрины». Въ моемъ описанiи смотрины слѣдуютъ за сватовствомъ ¹.

Въ назначенный день для обрученiя родители невѣсты собираютъ родственниковъ и гостей, и когда все уже готово, извѣщаютъ о томъ жениха. Женихъ вмѣстѣ съ своими родителями и родственниками приходитъ въ домъ невѣсты и, остановившись у дверей, ожидаютъ появленiя невѣсты. Свахи, выбранныя со стороны невѣсты, выводятъ ее изъ другой комнаты. Въ рукахъ свахи тарелка, на тарелкѣ невѣстино кольцо. Женихъ подходитъ къ свахѣ и кладетъ на тарелку свое кольцо. Одинъ изъ родственниковъ, со стороны жениха,

¹ Степанова: Енисейская губерния, стр. 110.

береть оба кольца и мѣняетъ ихъ: невѣстѣно отдаетъ жениху, а женихово невѣстѣ. При этомъ обрядѣ дѣвицы, подружки невѣсты, поютъ пѣсню:

— Ой, въ городѣ, въ городѣ
Перстени ковали, перстени ковали.
Кому этими перстениями обручаться?
Обручаться молодцу со дѣвицей,
Василью Митрофановичу съ Акулиной Петровой,
Со красавицей, со красавицей (и проч.).

По окончаніи этой пѣсни, женихъ и невѣста цѣлуются и садятся за приготовленный столъ. Отецъ жениха обращается къ свату съ словами:

— Сватушко и сватушка, прошу пожаловать парочку рюмочекъ съ подносомкомъ.

Рюмки и подносъ передаются невѣстѣ. Родственники жениха, въ свою очередь, говорятъ:

— Родимые сватушко и сватушка! Пожалуйте-ко къ столу.

Старикъ со старухой (мать и отецъ невѣсты) подходятъ къ столу и невѣста подноситъ имъ рюмки съ виномъ. Родители жениха тутъ приговариваютъ:

— Просимъ покорно, сватушко и сватушка, выпить и полюбить нашего сына.

Выпивъ водку, родители невѣсты говорятъ:

— Просимъ полюбить нашу дочь, а ты, Василій Митрофановичъ, полюби-ко нашу Акульку и покажи-ко намъ, нареченный зять, дорожку.

Тутъ женихъ и невѣста цѣлуются. Потомъ невѣста наливаетъ рюмку вина и потчуетъ всѣхъ присутствующихъ; каждый изъ нихъ, выпивъ рюмку вина, цѣлуется съ невѣстой и женихомъ, отвѣщая притомъ низкіе поклоны. Во время этой церемоніи всѣ стоятъ; потомъ, по приглашенію родителей, садятся за столъ и закусываютъ.

Весь этотъ вечеръ дѣвицы поютъ пѣсни, величая въ нихъ жениха, невѣсту и родственниковъ по имени, отчеству. За пѣсни гости дарятъ дѣвицъ деньгами. Нужно замѣтить, что угощеніе въ этотъ вечеръ дѣлается на счетъ жениха. Вино, для большей важности, никто изъ гостей самъ себѣ не наливаетъ, хотя оно поставлено тутъ же на столъ; но, по обычаю, вино наливается кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ, а подносится невѣстой. Разговоры во время этой пирушки обыкновенны: мужчины говорятъ о хозяйствѣ, урожаѣ хлѣба, скотоводствѣ и проч.; женщины о домашнемъ жити-бытѣ, о холстѣ, объ огородахъ и проч. Разговоръ послѣднихъ всегда оживленнѣе, и онѣ крикомъ, своими заглушаютъ разговоръ мужчинъ. Эта крикливость происходитъ отъ того, что въ этотъ день всѣ должны быть пьяны, не исключая даже и тѣхъ изъ женщинъ, которыя вовсе не пьютъ вина. Въ этотъ же вечеръ назначается, когда быть дѣвичнику.

На дѣвичникъ, который всегда бываетъ наканунѣ свадьбы, невѣста сзываетъ всѣхъ своихъ подругъ, которыя, нарядясь какъ можно лучше, соби-

раются въ одинъ какой-нибудь домъ, и потомъ идутъ тихимъ шагомъ къ дому, гдѣ живетъ невѣста. Собравшись въ избу, невѣста и подружки садятся въ передній уголъ и поютъ унылую пѣсню:

Благословите, родимые батюшко и матушка,
Мнѣ русу косу расплести
По могучимъ плечамъ раскласти!
и проч.

По окончаніи этой пѣсни, отецъ подходитъ къ дочери, которая кланяется ему въ ноги. Отецъ благословляетъ ее. За отцомъ подходитъ мать и благословляетъ; дочь кланяется ей въ ноги. Такимъ же образомъ подходятъ по одиначкѣ всѣ домашніе, которые постарше ее, т. е., братья, сестры, дяди, тетки. Потомъ невѣста обращается къ подругамъ своимъ и поетъ ту же пѣсню, съ отиѣною только словъ, вмѣсто батюшки и матушки, называетъ ихъ: мои милыя подруженки. Подруги отвѣчаютъ ей на это только поклономъ и послѣ вѣдугъ всѣ затягиваютъ унылую пѣсню:

Красота ли ты, моя красота дѣвичья,
Души красной дѣвицы Акулины Петровны!
Кому ты, красота, достанешься,
Не князю ты, не боярину,
Не купцу ты торговому,
Не гостю проѣзжаему.

Невѣста отвѣчаетъ:

Достанешься ты, моя красота,
Родимой подруженькѣ.
И красуйтесь, любезныя мои подруженки,
Красуйтесь у своихъ родимыхъ
Батюшковъ и у осударыневъ-матушковъ!
Я открасовалася
Въ своей дѣвьей красотѣ
И у родимаго у батюшки,
И у осударыни-матушки,
И у братцевъ и сестрицевъ!
Соберетесь, подруженки, весной
На большую улицу,
И поѣдете вы во чисто поле
По цвѣты алые.
Всѣ цвѣту цвѣты алые,
А мой цвѣтокъ
Весь посохъ и поблѣкъ!

Во всё время, пока поютъ эту пѣсню, невѣста сильно плачетъ, плачутъ тоже и многія ея подруженки.

По окончаніи пѣсни, къ невѣстѣ подходятъ отецъ, мать, братья, сестры, расплетаютъ ей косу и благословляютъ. Невѣста разлазетъ подругамъ свою красоту, т. е. разноцвѣтныя ленточки, «горташки» для застѣжки рубашекъ.

Затѣмъ невѣста поетъ пѣсню:

Благослови, родимый батюшко и матушка,
Въ баню помыться и попариться
Со своими подруженками,
Со своими голубушками,
Во первые-то и послѣдній разъ
Въ своей дѣввѣй красотѣ!

Тутъ невѣсту опять всѣ домашніе благословляютъ, и она отправляется съ нѣсколькими подружками въ баню. По выходѣ изъ бани, невѣста поетъ съ подругами пѣсню:

Благодарю, тебя родимый
Батюшко и осударыня-матушка,
За парную баню, за мыльце,
За шелковый вѣничекъ.
И имъ отмылася и отпарилась,
Въ первый и послѣдній разъ,
Со своими подруженками,
Со своими голубушками,
Во своей дѣввѣй красотѣ!

Послѣ бани, дѣвицы одѣваютъ невѣсту къ приходу жениха. Когда одѣнутъ ее, «докладываютъ» старикамъ (родителямъ): «невѣста готова».

Тогда родители сзываютъ всѣхъ знакомыхъ на вечеръ, т. е. на дѣвичникъ. Женихъ же со своими боярами, дружкой и свахой не показываются до тѣхъ поръ, пока не получатъ извѣщенія отъ невѣсты. Невѣста до прибытія жениховаго поѣзда не выходитъ въ горницу, гдѣ приготовленъ столъ для угощенія, а сидитъ со своими подруженками въ «кутѣ», т. е. въ комнатѣ, гдѣ одѣвалась (куть, по здѣшнему, значитъ передній уголъ горницы, разгороженный отъ ней деревянною стѣною). Но вотъ является жениховъ поѣздъ, т. е. женихъ со свахою, тысяцкимъ, дружкой и боярами; они входятъ въ горницу, потомъ идутъ въ куть. Женихъ цѣлуетъ невѣсту въ уста и даритъ ей нѣсколько денегъ; невѣста съ своей стороны отдариваетъ жениха носовымъ платкомъ. Тутъ же женихъ цѣлуетъ всѣхъ невѣстиныхъ подружекъ и потомъ, взявъ невѣсту за руку, выводитъ въ горницу и оба садятся за столъ.

Подлѣ жениха становится тысяцкій, а подлѣ невѣсты сваха; за ними всѣ бояре. Вдругъ дружка восклицаетъ:

Есть ли во свѣтлой свѣтлицѣ отецъ родимой и мать родима?

Родители невѣсты: есть.

Дружко: Благословите взойти за столы дубовые, за скатерти бранныя, за яства сахарныя, за питья пьяныя!

Родители невѣсты: Богъ благословить!

Послѣ этого всѣ садятся за столы—возлѣ жениха тысяцкой, возлѣ тысяцкаго два или три бояра, потомъ дружка съ плетью и съ складнымъ ножомъ— всѣ они сидятъ по правую руку жениха. По лѣвую руку сидитъ невѣста, а далѣе возлѣ нея сваха и кто-нибудь изъ родственниковъ жениха. Является отецъ и мать невѣсты съ полнымъ штофомъ вина въ рукахъ, ставятъ его на столъ, установленный разными кушаньями и начинается подчиванье сперва жениха и тысяцкаго. При этомъ тысяцкій обращается къ жениху:

— Покажи-ко дорожку, будь-ко поспѣлѣе, да своего дѣла не забывай!

Женихъ поданную ему рюмку вина раздѣляетъ съ невѣстой, тысяцкій же одинъ выпиваетъ до дна. Потомъ подають вино всѣмъ, по порядку, соблюдая старшинство. Старикъ со старухой пьютъ тоже. Послѣ этой круговой, дружка встаетъ, всѣ тоже поднимаются со своихъ мѣстъ, и дружка восклицаетъ:

— Господниъ хозяинъ и хозяйкина, благословите хлѣба-соли покушать!

Родители отвѣчаютъ: Богъ да благословить!

Всѣ садятся, а дружка поднимается со своего мѣста, вынимаетъ изъ-за пояса ножъ и начинаетъ крошить кушанья. Потомъ беретъ вилкою кусокъ мяса и подноситъ невѣстѣ; невѣста снимаетъ пальцами мясо, ѣстъ и, въ свою очередь, подноситъ кусокъ мяса дружкѣ. Послѣ дружка подноситъ мясо жениху, тысяцкому, словомъ, потчуетъ всѣхъ гостей.

Во время стола дѣвицы поютъ пѣсни для молодыхъ и для каждого, участвующаго въ свадьбѣ.

Пѣсня жениху:

Василья матушка въ счастливый день породила,
Въ воскресную заутреню пеленала,
Его матушка приговаривала:
Дитѣ ли мое, дятятко,
Будешь на возрастъ и на Божьей милости
Соберешься съ умомъ, съ разумомъ,
Съ молодецкимъ поѣздомъ,
И поѣдешь жениться
На Акулькѣ, красной дѣвицѣ.
Въѣдешь на широкій дворъ,
Не пуцай коня по двору,
Привяжи коня къ столбу,
Ко колечку серебряному.
Взойдешь на красно крыльцо,
Со красна крылечка въ новы сѣни,
Изъ новыхъ сѣней въ высокъ теремъ.
Станешь Богу молиться—
Клади крестъ по писанному,
Кланяйся по ученому,

На всѣ четыре стороны:
Тестю и тещѣ,
На особицѣ примѣчай
Свою суженую.
Твоя сужена примѣтная,
Руса коса расплетенная,
По могучимъ по плечамъ раскладена,
Очи ясны призаплаканныя,
Лице бѣло призаертное.

Пѣсня невѣстѣ:

Говорилъ сударь-батюшко,
Не отдамъ тебя, дитятко,
Ни за князя, ни за боярина,
Ни за купца торговаго,
Ни за гостя проѣзжаго.
Построю тебѣ, дитятко,
Свѣтлу свѣтлицу
И столону нову горницу.
Посажу я тебя на диванъ
Подъ оконечко,
Обвяжу я тебя, дитятко,
Плисомъ и бархатомъ;
Обвѣшу я тебя, дитятко
Серебромъ и золотомъ,
Дорогимъ, бѣлымъ жемчугомъ.
Говорилъ сударь-батюшко,
Говорилъ—все обманывалъ:
Обсадилъ тебя батюшко
Вокругъ князьямъ и боярами;
Обвѣсилъ тебя батюшко
Печалью великою,
Кручиной немалою;
Улилъ тебя батюшко
Слезамъ горючими.

Тысяцкому:

Ты, тысяцкой, послушай, послушай,
Какъ дѣвицы тебя по имени называютъ,
По отчеству величаютъ,
Къ чену они тебѣ припѣвають,—
Будто бѣлый сахаръ на блюдѣ,
Да зелено вино двоено, да двоено!
Милая моя молодушка,
Хавронья Ивановна, голубушка,
(Хавронья Ивановна жена тысяцкаго),

Принеси мнѣ, Хавронюшка, сына
И дай ему хорошее имя—
Богомъ дано Иванъ Калиничъ!

Старшему боярину холостому:

Вилися тутъ и повилися
У воротъ вереюшки;
Не сами онѣ завивалися,
Завивали ихъ плотнички,
Дороги-славны мастера,
Топорами они вострыми,
Скобелями булатными.
Вились тутъ, повились,
У Григорья Филипповича (имя боярина)
Кудри русые
На буйной головушкѣ;
Не сами-то онѣ завивалися,
Завивала родимая сестрица,
Гребенкомъ кудри разчесывала,
Жемчугомъ кудри унизывала,
Снаряжали у большіе бояра.
По удаломъ добромъ молодцѣ,
Василіѣ Митрофановичѣ (женихѣ),
Наряжали, приговаривали:
Будутъ дѣвицы тебя называть
И по изотчеству называть.
Григорій Филипповичъ,
Не скупися, не скупися,
Золотоѣ казной разступися.

Боярину женатому:

Не шумите вѣтры буйные,
Не раскачивайте звонка колокола,
Не разбудите Митрофана жену!
У Денисовича вечеръ жена
Во чистомъ пиру была,
Къ утру сына породила—
Иванушку Митрофановича.

Дружкѣ:

У насъ дружко — Михайло хорошій,
У насъ дружко — Гавриловичъ пригожій,
Онъ гораздъ по чисту полю гуляти
И изъ лука онъ стрѣляти.

Полудружъ:

У насъ полудружъя дѣвушки любили,
Степана Ѳедоровича да любили.
Да почему его дѣвушки любили?
У насъ полудружъе повертущекъ,
Онъ туды-сюды повернется
И на всѣ четыре стороны
Со князьями и со боярями
Слово-рѣчь говоритъ.

Невѣстиной свахѣ:

У насъ княжа сваха Катерива Осиповна,
Гордая и спесивая она;
Колды-то она слово вымолвить .
Со князьями, со боярами,
А не съ нами, сударынями.

Свахѣ жениховой:

У насъ княжна сватенка
Акулина Ѳомишна —
Вогатая: она съ гривны
На гривну ступаетъ,
Полтиною ворота запираетъ;
Во всѣ стороны она
Но гривенкѣ бросаетъ,
Она нищимъ, убогимъ надѣляетъ,
Ахъ, надѣляетъ.
Да свашенька себѣ скупаетъ
По удаломъ, добромъ молодцѣ,
По Васильѣ Митрофановичѣ.

Сверхъ этихъ пѣсенъ, каждому припѣвается подобный же припѣвокъ. Припѣвки эти сочиняются большею частью экспромтомъ и поются для того, чтобы пріохотить каждаго изъ участниковъ въ свадьбѣ къ щедрымъ подаркамъ за труды дѣвицъ.

Когда кончатся всѣмъ припѣвки, тогда тысяцкой требуетъ стаканъ: «красныя мои дѣвицы, пожайте-ко стаканчикъ!»! Стаканъ подается. Тысяцкій наливаетъ въ него пива и бросаютъ туда же мѣдныя, а кто имѣетъ — и серебряныя деньги. Стаканъ подносится одной изъ дѣвицъ, которая выпиваетъ пиво, стаканъ отдаетъ тысяцкому, а деньги беретъ себѣ. Тоже дѣлаютъ всѣ тѣ, кому пѣлись пѣсни. Послѣ этого дѣвицы поютъ благодарственные пѣсни.

Тысяцкому:

Спасибо тебѣ, тысяцкой, Иванъ Ивановичъ:
На твоихъ-то небольшихъ дарахъ.
Мы большіе-то твои дары приняли
И сладки-то меды выпили.

Такой же прищёвокъ поется и всѣмъ тѣмъ, кто дарилъ дѣвицъ, съ тою разницею, что для каждаго прибавляется его имя и отчество.

Этимъ оканчивается вечерній столъ. Тутъ дружка, исполняя обязанность распорядителя, подымается на ноги, а съ нимъ вмѣстѣ встаютъ всѣ гости. Дружка говоритъ: «Спасибо хозяину и хозяйшѣ за хлѣбъ за соль, за пріятность вашу и угощенье»!

Гости опять садятся по мѣстамъ. А такъ какъ, по обычаю, никто изъ домашнихъ за столомъ не сидитъ и не раздѣляетъ съ гостями трапезы, то дружка восклицаетъ: «Ухъ, усталъ черезъ чуръ! Кто бы намъ поднесъ, мы бы выпили»? Тутъ одинъ изъ родственниковъ невѣсты начинаетъ подносить гостямъ пиво и прежде всего жениху. При этомъ сваха беретъ невѣсту за руку, хочетъ выходить, изъ-за стола, но женихъ удерживаетъ невѣсту и, выпивъ стаканъ пива, цѣлуетъ ее, бояръ и весь поѣздъ.

Сваха уводитъ невѣсту въ другую комнату, т. е. въ кутъ; за ними уходятъ всѣ дѣвицы. Прочіе остаются на своихъ мѣстахъ за столомъ. Въ кутѣ, гдѣ сидитъ невѣста, раздается пѣсня дѣвицъ:

Подойди, подступи,
Дорогой гость, небывалой,
Какъ Василій Митрофановичъ (женихъ),
Ко мнѣ, въ кутъ, за занавѣсы,
Ко мнѣ, къ молодіюшенькой,
Ко мнѣ, зелевіюшенькой—
Недорослой въ полѣ травонькѣ,
Недозрѣлой въ кустѣ ягодкѣ!

По этому призыву, женихъ приходитъ въ кутъ; невѣста даритъ его платкомъ, а женихъ одариваетъ ее деньгами и садится рядомъ съ невѣстою. Такую же пѣсню поютъ для бояръ, дружки, полудружьи и др., и чье имя упомянуто въ пѣснѣ, тотъ является въ кутъ, цѣлуетъ невѣсту и даритъ ее деньгами, потомъ цѣлуетъ всѣхъ дѣвицъ и возвращается на свое мѣсто. Немного погодя, всѣ, находившіеся съ невѣстою за столомъ, прощаются и уходятъ въ свои дома.

Невѣста, оставшись съ своими подругами, удерживаетъ ихъ на ужинѣ. Столъ накрывается снова, ставятъ на немъ кушанья; невѣста садится въ передній уголъ, а по сторонамъ, кругомъ стола, размѣщаются ея подруги. Дѣвицы и невѣста поютъ пѣсню:

Благослови, родимый батюшко,
Мнѣ попить и поѣсть;
Покушати хлѣба-соли
Во первы-то и въ послѣдній
Со своими подруженками,
Со своими голубушками;
Во нервы и во послѣдній
И во всей моей дѣвичьей красотѣ?

Такую же пѣсню поютъ матери, братьямъ, сестрамъ и прочимъ домашнимъ. Потомъ, послѣ ужина, поютъ благодарственную пѣсню. Послѣ дѣвичника, на другой день бываетъ баня.

Наконецъ, наступилъ день свадьбы. Женихъ, взявъ благословеніе отъ родителей, ѣдетъ со всѣмъ поѣздомъ въ домъ къ невѣстѣ. Поѣздъ останавливается гдѣ-нибудь далеко отъ дома невѣсты, а дружка съ полудружьемъ на верховыхъ лошадяхъ, съ привязанными къ шеѣ и ушамъ лошади колокольцами, ѣдутъ въ домъ къ невѣстѣ. Гости входятъ въ горницу, кланяются во всѣ стороны, подходятъ къ невѣстѣ, цѣлуютъ ее и говорятъ:

— Приказалъ кланяться молодой князь княгинѣ и сказать: живъ и здоровъ.

Имъ она отвѣчаетъ однимъ только поклономъ; они выходятъ изъ горницы. Спустя нѣсколько времени дружка является одинъ къ невѣстѣ и приноситъ ей отъ жениха платье (т. е. весь уборъ женскій). Стоя передъ невѣстой съ платьемъ и стаканомъ пива, онъ приговариваетъ:

— Приказалъ молодой князь кланяться и просилъ принять цвѣтное платье и выпить за его здоровье стаканъ пива.

Невѣста, не принимая ни того, ни другого, молчитъ. Дружка вытягивается передъ нею, какъ солдатъ передъ начальникомъ, а дѣвицы, которыя не покидаютъ невѣсту до вѣнчанія, затягиваютъ пѣсню:

Не приму у тебя, друженка,
Твоего пива пьянаго
И твоего платья цвѣтнаго! И проч.

Дружка упрашиваетъ убѣдительно принять подарокъ и, низко кланяясь, говоритъ:

— Прими ты, княгинюшка Акулина Петровна, отъ князя Василія Митрофановича дары! Пожалѣй ты, княгинюшка, мои тутъ труды!

Невѣста беретъ стаканъ съ пивомъ и передаетъ его дѣвицамъ, а платье прячетъ въ сундукъ. Дѣвицы, выпивъ пиво, передаютъ стаканъ невѣстѣ, которая отдаетъ его дружкѣ. Дружка низко кланяется и приговариваетъ:

— Спасибо, Акулина Петровна, что ты приняла пиво пьяное, платье цвѣтное!

Дружка кланяется снова и говоритъ:—Будьте готовы, мы со всѣмъ поѣздомъ скоро будемъ.—Дружка уходитъ.

Подруги невѣсты начинаютъ ее одѣвать, припѣвая:

На дворѣ снѣгъ припорошиваетъ,
Душечка Акулина Петровна собирается,
Петровна со двора съѣзжаетъ.
Что ты, батюшко, мевя не внимаешь,
Не уговариваешь!
Въ теремѣ не будетъ меня—растужится,
Въ высокомъ не станетъ меня—расплатится!

Одѣвъ невѣсту, сваха выводитъ ее на средину комнаты. Отецъ приказываетъ постлать на полъ войлокъ (или коверъ) и становить на немъ невѣсту; беретъ икону и вмѣстѣ съ женою и невѣстою становится на войлокъ. Невѣста крестится два раза и кланяется родителямъ въ поясъ; потомъ, перекрестясь въ третій разъ, кланяется до полу, встаетъ и цѣлуетъ икону. Отецъ и мать благословляютъ ее знаменіемъ креста три раза, дѣвицы же поютъ пѣсню:

Не верба-то въ полѣ кланяется,
Акулина Богу молятся,
У Матери Божей Богородицы
Просить она милостины,
У батюшки-то родимаго
Просить благословенійца:
Благослови, родимой батюшко,
И во путь и во дороженьку
Къ златому вѣнцу ѣхати!

Послѣ отца и матери благословляютъ крестный отецъ и всѣ домашніе. Потомъ всѣ садятся за столъ. Невѣста съ подружками и свахой поютъ пѣсню:

Простите меня вы, подруженки,
Простите, голубушки!
Съ вами, подруженки,
Не въ годъ, не въ два увидимся,
А со своей дѣвѣй красотой
Вѣкъ не видатися
И на рѣкъ не сплыватися.

Тутъ невѣста заливается горькими слезами и плачетъ—какъ говорится—навзрыдъ; подруги, слушая, плачутъ и, наплакавшись досыта, умолаютъ. Вдругъ слышится лошадиный топотъ, колокольцы побрякиваютъ и во дворъ въѣзжаетъ женихъ со всѣмъ поѣздомъ. Пріѣзжіе входятъ въ горницу. Въ горницѣ невѣста сидитъ за столомъ одна, какъ сирота, задумчивая, грустна. Возлѣ стола стоитъ братъ невѣсты, который, какъ водится, долженъ продать косу своей сестры. Тысяцкій подходитъ къ столу, наливаетъ стаканъ пива и подаетъ брату невѣсты; но послѣдній не принимаетъ. Тутъ дѣвицы изъ другой комнаты начинаютъ пѣть пѣсню:

Не сдавайся-ко, братецъ,
На пиво пьяно
И на золоту казну! И проч.

Тысяцкій предлагаетъ брату деньги, братъ торгуется и, наконецъ, съ видомъ нѣкотораго сожалѣнія о своей сестрѣ, беретъ деньги и выпиваетъ стаканъ пива. Дѣвицы поютъ пѣсню:

Богъ тебѣ судья,
Родимый братецъ!
Сдался ты на пиво пьяное;
На золоту казну! И проч.

Братъ невѣсты исчезаетъ. Дружка между тѣмъ восклицаетъ:

— Есть ли въ этой свѣтлицѣ, новой горницѣ, есть ли отецъ и мать родимые?

Родители отвѣчаютъ:—есть.

Благословите князя молодого съ тысяцкимъ, большого боярина съ меньшимъ, дружку съ полудружемъ, сваху съ поповникомъ и со всѣмъ поѣздомъ, благословите зайти за столы дубовые, за скатерти бранныя, за питья пьяныя!

Отецъ и мать отвѣчаютъ:

— Богъ благословитъ васъ!

Всѣ садятся за столъ. Начинаютъ подавать холодную закуску, хлѣбъ-соль, жаркое и, какъ необходимую принадлежность свадебнаго стола, свиную голову, разукрашенную лентами и разноцвѣтными бумажками. Затѣмъ, изъ другой комнаты выходятъ двѣ сестры невѣстены или двѣ подруги: одна изъ нихъ держитъ въ рукахъ тарелку съ дарами, а другая—поднось съ рюмками. Сперва подносится вино жениху, который откланивается и возвращаетъ рюмку съ виномъ не выпитую; подходитъ другая дѣвица и подноситъ ему же платокъ; женихъ принимаетъ и отдариваетъ деньгами. Такіе же дары дѣлаются и всѣму поѣзду. Во время этой церемоніи дѣвицы поютъ пѣсни, приличныя всѣмъ участвующимъ въ свадьбѣ. Дружка благодаритъ отъ имени всѣхъ хозяина за хлѣбъ-соль и восклицаетъ: благословите, отецъ и мать родимые, нашему князю получить молодую княгиню! Родители отвѣчаютъ: Богъ благословитъ!

Всѣ выходятъ изъ-за стала; отецъ беретъ дочь за руку и подводитъ къ жениху, который принимаетъ руку невѣсты, и отецъ, сжавъ крѣпко ихъ руки, говоритъ: «изволь, родимешкой, получить мою дочь! Пой, корми, одѣвай и обувай ее для себя»!

Эта минута самая торжественная. У всѣхъ навертываются на глазахъ слезы... Невѣста бросается въ объятія матери, впирается въ нее жадными устами, голосить, воевать, и стenanія ея замираютъ въ сладкихъ поцѣлуяхъ...

Отецъ и мать садятся за столъ, на тѣ же самыя мѣста, гдѣ сидѣли женихъ съ невѣстой. Дѣвицы поютъ пѣсню:

Стойко-ко ты, зеленая,
И вѣкъ безъ верху.
Живить-ко, жить-ко,
Живи, батюшко, вѣкъ безъ меня,
Безъ душечки, Акулины Петровны!

Тутъ опять подносятъ всѣмъ, кромѣ жениха и невѣсты, по стакану пива. Наконецъ, женихъ и невѣста падаютъ въ ноги отцу и матери, принимаютъ ихъ благословеніе, встаютъ и сильная рука жениха невольно увлекаетъ

невѣсту изъ родимаго крова. Всѣ выходятъ на дворъ, женихъ съ невѣстою садится на особую телегу, а дружка приказываетъ поѣзду садиться, гдѣ кому слѣдуетъ, и самъ, держа икону, усаживается съ тысяцкимъ, и поѣздъ отправляется въ церковь. Народъ гурьбою стоитъ на дворѣ, у воротъ и на улицѣ,—кто изъ любопытства, кто изъ участія проводить прѣжнюю свою подругу. Поѣздъ двинулся со двора. Отецъ и мать выходятъ за ворота и безмолвно провожаютъ свое любезное дитятко прощальными знаками.

Между тѣмъ, пока въ церкви происходитъ вѣчаніе, братъ невѣсты, продавшій ея косу, накладываетъ на возъ приданое и везетъ въ домъ женихова отца. Прибывшаго встрѣчаютъ жениховы бояре и, взявъ приданое, съ крикомъ вносятъ его въ сѣни.

По окончаніи бракосочетанія, женихъ съ невѣстой садится въ одну телегу. Тысяцкій съ образами отправляется впередъ, за нимъ бояре, далѣе женихъ съ невѣстой, за ними дружка съ плетью и полудружень. Весь поѣздъ ѣдетъ въ домъ жениха. Тутъ новобрачныхъ встрѣчаютъ отецъ и мать жениха съ хлѣбомъ-солью, поздравляютъ ихъ съ законнымъ бракомъ; новобрачные сначала цѣлуютъ икону, потомъ хлѣбъ и, наконецъ, отца и мать. Тысяцкій вводитъ новобрачныхъ въ избу. Начинается пиръ, какъ говорится, на весь міръ.

Когда новобрачные входятъ въ избу, женщины поютъ пѣсню:

Соколы прилетали,
Съ собой соколицу приносили.
Владѣй, Оадлей-соколь,
Своей соколицей,
Не подавай въ обиду
Своимъ соколятамъ.
Бояра наѣзжали,
Съ собою привозили
Душу красну дѣвицу
Василью Митрофановичу.
Въ руки дали, Митрофановичу вручили:
Владѣй, сударь, своей Акулиной,
Не давай ее въ обиду
Ни свекрамъ, ни деверямъ.

Войдя въ избу, старикъ со старухой (родители жениха) отходятъ въ правую сторону; женихъ же съ невѣстой и со всѣмъ поѣздомъ стоятъ по среди избы. Дружка беретъ жениха и невѣсту за руки, выводитъ ихъ впередъ и, сотворивъ молитву, восклицаетъ:

— Во свѣтлой свѣтлицѣ, во свѣтлой горницѣ, есть ли отецъ и мать родимые?

— Есть, отвѣчаютъ отецъ и мать.

— Благословите зайти намъ и молодому князю со княгиней за столы дубовые, за скатерти браныя, за яства сахарныя, за питья пьяныя!

— Богъ благословитъ, отвѣчаютъ родители.

Всѣ садятся за столъ, по порядку, кому гдѣ слѣдуетъ. Мать или отецъ жениха начинаютъ подносить вино, сперва жениху и невѣстѣ и, затѣмъ, всему поѣзду. Нужно замѣтить, что невѣста не принимаетъ за столомъ ни вина, ни кушаній, потому что женихъ въ этотъ обѣдъ рюмку вина и всякой кусокъ раздѣляетъ съ невѣстой. Кому бы ни подносили изъ присутствующихъ вино, каждый кланяется въ поясъ и говоритъ: поздравляю васъ, Василій Митрофановичъ и Акулина Петровна, съ законнымъ бракомъ! Дай Богъ вамъ жить и поживать и добра наживать! Молодые кланяются и отвѣчаютъ: спасибо! Такія же поздравленія дѣлаютъ и родителямъ: поздравляю тебя, Митрофанъ Ивановичъ, и тебя, Маланья Семеновна, съ невѣстухой! Дай Богъ вамъ жить, поживать и добра наживать! Старикъ, кланяясь въ поясъ, отвѣчаетъ: благодарство тебѣ, Иванычъ! Слава Богу, женили; живи только она, сама родимая, хорошенько. Насъ только вотъ я со старухой, тогда ихъ будетъ двоёчко. Все ихно, что есть, все ихно будетъ, жить имъ—не прожить будетъ! Пушай поранѣ встанутъ, да попозже ложатся и своего наживутъ! Старуха вмѣшивается въ разговоръ: есть-тѣ, родимые, зачѣмъ встать! Есть чего походить и подѣлать! Слава Богу, есть чего попить и поѣсть! Дочерей-тѣ мнѣ Богъ не далъ, а у меня-то и въ самой придаваго изъ дѣвокъ (тутъ она крестится) есть, слава Богу, еще парочка (т. е. юбка и кофта). Жива, все добро ей достанется.

Когда кончится «подача вина», приносятъ кушанья и ставятъ на столъ. Дружка, исполнивъ свою обязанность, встаетъ, а съ нимъ и всѣ присутствующіе. Дружка восклицаетъ: есть ли во свѣтлой свѣтлицѣ, во столовой новой горницѣ, отецъ и мать родимые? Ему отвѣчаютъ: есть.—Благословите хлѣба-соли покушать!—Богъ благословитъ, отвѣчаютъ родители. Тогда дружка вынимаетъ изъ-за пояса складной ножъ и раздробляетъ кушанья; потомъ беретъ на вилку кусокъ мяса и подноситъ жениху, который раздѣляетъ его съ невѣстой. Такимъ же образомъ угощаетъ и другихъ. По совершеніи этого обряда, всѣ начинаютъ ѣсть сами, и вскорѣ все на столѣ съѣдается, за исключеніемъ свиной головы, которую, по обычаю, никогда не трогаютъ; даже по окончаніи свадьбы, ее вѣшаютъ съ лентами на жердь въ сѣняхъ, и хранятъ до другой свадьбы, если только голова не испортится. По окончаніи обѣда, женщины поютъ пѣсню:

За клетью, за границею,
За стѣной бѣлокаменной,
Не бѣла-то лебедь скакала—
Акулина восплакала,
Петровна возрыдала
Объ своей дѣвѣй красотѣ!
Какъ дѣвья-то красота
Краше краснаго солнышка,
А бабья-то красота —
Она по полу валяется
И трубы ея затыкаются!

Между тѣмъ, свахи, тутъ же за столомъ, распинаютъ противъ молодыхъ шаль, въ родѣ ширмы, и даютъ имъ гребень. Молодой причесываетъ свои волосы и передаетъ гребень женѣ, которая, пригладивъ волосы, отдаетъ его сва-

хамъ. Свахи этихъ не ограничиваются: онѣ, придерживая шаль зубами, такъ чтобы закрыть молодую отъ любопытныхъ взоровъ, расчесываютъ ей волосы, заплетаютъ ихъ въ двѣ косы и, обернувъ вокругъ головы, повязываютъ голову шелковою косынкой. По исполненіи этого туалета, шаль снимается, и молодая представляется всѣмъ уже женщиною, съ повязанною головою. Дѣвицы поютъ пѣсни, а подкутившія женщины «режутъ» безпошадно, во все горло. Между тѣмъ, свахи, взявъ молодыхъ за руки, ведутъ въ приготовленную для нихъ спальню. Молодые, опустивъ головы, идутъ медленнымъ шагомъ; за ними идетъ тысяцкій и дружка съ плетью. Вотъ вошли въ опочивальню. Свахи начинаютъ раздѣвать невѣсту, которая краснѣетъ и дрожитъ. Дружка говоритъ невѣстѣ: разуй-ко, Акулина, Василия Митрофановича!—Невѣста безпрекословно беретъ за сапогъ и хочетъ снять; но женихъ удерживаетъ и спрашиваетъ: кого ты разубаешь? Она отвѣчаетъ: разубаю Василья Митрофановича, моего мужа.—Тотъ, говоритъ мужъ довольно серьезно. Снявъ сапоги, невѣста зажигаетъ свѣчу передъ иконою и, вмѣстѣ съ женихомъ, въ присутствіи четырехъ свидѣтелей, молится Богу, отвѣщая поклоны въ землю. Помолясь, кланяются свидѣтелямъ въ поясъ. Женихъ ложится на постель; невѣста подходитъ къ нему и говоритъ: пусти, Василій Митрофановичъ, дочку почевати, съ тобою мнѣ не дочку почевати, а вѣкъ кортовать? Онъ отвѣчаетъ: милости проситъ! Всѣ свидѣтели выходятъ изъ опочивальни.

Оставшіеся гости въ столовой, чтобы не нарушать спокойствія новобрачныхъ, перестаютъ пѣть пѣсни, и молча, только попиваютъ ливцо. Спустя часъ времени, дружка приглашаетъ сваху и идутъ навѣстить молодыхъ. Подходятъ къ дверямъ и дружка спрашиваетъ: «благополучно ли у насъ, Василій Митрофановичъ»? Всѣ гости съ нетерпѣніемъ ожидаютъ извѣстія: что скажетъ дружка, чѣмъ-то потѣшить родителей невѣсты. Если женихъ отвѣтитъ: «благополучно», что значить, что невѣста сохранила свою невинность, тогда дружка обращается къ гостямъ и объявляетъ о благополучіи родителямъ невѣсты и всѣмъ гостямъ во всеуслышаніе. Всѣ начинаютъ поздравлять мать и отца невѣсты, которые идутъ въ спальню жениха, за ними толпятся всѣ гости, рукоплещутъ и поютъ пѣсни. Дружка несетъ штофъ вина, а кто-нибудь изъ родственниковъ ведро пива. Когда всѣ войдутъ въ спальню, то дружка восклицаетъ: «Вставайте-ко, полно нѣжиться!» Молодые еще не успѣютъ опомниться, какъ дружка открываетъ занавѣсъ и принудительно вытаскиваетъ молодыхъ. Молодые кланяются родителямъ въ ноги. Мать говоритъ: «спасибо, любезная дочка, что ты не ударила насъ и себя лицомъ въ грязь!» Молодые снова кланяются, а дружка, взявъ штофъ съ виномъ и рюмки, подаетъ молодому и молодой, которые потчуютъ родителей и гостей, за что каждый цѣлуетъ сперва молодого, а потомъ молодую. Гости возвращаются въ избу, оставивъ молодыхъ въ покоѣ. Гости долго еще пируютъ въ домѣ родителей новобрачныхъ, и только къ утру начинаютъ расходиться по домамъ.

На другой день, дружка, чуть свѣтъ, бѣжитъ къ опочивальнѣ новобрачныхъ и кричитъ: «Пойдите-ко въ баньку, помойтесь, да попартесь!» Новобрачные встаютъ, берутъ чистое бѣлье, мочалку, вѣникъ и мыло и идутъ въ баню. Какъ только молодые вошли въ баню, дружка бѣжитъ съ полѣномъ, подпираетъ имъ дверь бани и дожидается въ сѣняхъ, пока молодые не будутъ

просить отворить баню. Тутъ начинаются переговоры. Молодая говоритъ: «дружка, отвори, пожалуйста баню, я тебя платкомъ подарю». Дружка спрашиваетъ: «скажи, кто у тебя въ банѣ? Мужъ, такъ-дѣ отворю!» Молодая отвѣчаетъ: «Чаво же тутъ и говорить! Кто больше можетъ быть со мною въ банѣ, если не Василій Митрофановичъ?» Дверь отворяется и молодая даритъ дружкѣ платокъ; всѣ, затѣмъ, отправляются въ горницу.

Войдя въ горницу, молодые здороваются съ родителями и гостями, и потомъ отправляются въ опочивальню, чтобы немного лучше одѣться. Въ спальнѣ на столѣ стоитъ штофъ вина и рюмки; молодые благодарятъ родителей за вниманіе и начинаютъ потчевать виномъ сперва родителей, а потомъ гостей. Молодая раздаетъ подарки, начиная со свекра, которому подноситъ на большомъ подносѣ рубаху и порты. Свекоръ кланяется и говоритъ: «покорно благодаримъ за твои большіе дары! Вотъ-тѣ въ честь благодарности отдариваю соловой кобылой!» Сказавъ это, цѣлуетъ сына и молодую. Потомъ молодая даритъ свекру рубахой. Свекра, принявъ ее, благодаритъ, приговаривая: «покорно благодарю за подарокъ! Вотъ тѣ въ честь благодарности красная корова!» Затѣмъ, молодая даритъ всѣхъ домашнихъ и гостей, участвовавшихъ на свадьбѣ, носовыми платками, полотенцами, сергами и другими мелочными вещами. Всѣ отдариваютъ, въ свою очередь, молодую, кто чѣмъ можетъ. Въ этотъ же день дѣлается родителями обѣдъ, отъ имени молодыхъ. На немъ участвуютъ всѣ родственники и пріятели какъ жениха, такъ и невесты.Guestы встрѣчаютъ уже не родители; а молодые, и за столомъ угощаютъ они же.

Музыки на свадьбахъ не бываетъ, и потому она замѣняется пѣснями, а иногда гармоникой или балалайкой.

На другой день дѣлается обѣдъ для дружки, полудружьи и стряпкохъ. Гулянка продолжается иногда дня четыре и болѣе.

Во время свадьбы, если дружка обнаружитъ, что невеста оказалась нехорошаго поведенія, и мужъ ей этого не проститъ, то, по приговору мужа, молодая жена наказывается плетью. Впрочемъ, это обычай старинный, и нынѣ мужъ мало обращаетъ на это вниманія. «Лишь бы Богъ далъ дѣтокъ, говорить мужъ, да баба бы была работающая»!

Отвѣтимъ нѣкоторые обычаи, повѣрья и предрасудки, наблюдаемые у здѣшнихъ поселянъ.

Въ каждомъ селѣ есть свои повѣрья и предрасудки, которые поддерживаются старухами, отличающимися своимъ искусствомъ лѣчить, напештывать, прогонять «лѣшихъ» и т. д.

Обыкновенно, когда родится младенецъ, бабушка сперва обмываетъ его холодною водою, приговаривая: «охъ ты, мой голубчикъ, надо-тѣ обмыть холодною водою, чай наскучило-тѣ лежать въ теплотѣ! Это тебѣ будетъ отрада! Да и въ послѣдствіи - то не станешь бояться холоду!» Послѣ того бабушка несетъ ребенка въ баню, обкатываетъ теплою водою и слегка паритъ вѣнникомъ.

Дѣтей здѣсь мать питаетъ грудью очень рѣдко. Старики всегда приказываютъ женамъ и невесткамъ своимъ приучать ребятъ сосать рожекъ, говоря: «въ лѣтнее время ты-дѣ устанешь на работѣ, вспотѣешь, какое тутъ будетъ молоко? Лѣшакъ, а не молоко! Если приучишь къ рожку и приставишь къ

дитяти мальчишку, то и онъ съумѣетъ съ нимъ нянчиться; а ты, голубушка, тогда можешь вольнѣ косить, жать и дѣлать домашнія работы!»!

Когда захвораетъ ребенокъ, призываютъ знахарку, которая беретъ горшокъ съ водою, что-то нашептываетъ и потомъ насильно вливаетъ больному ребенку воду въ ротъ; покричитъ, покричитъ и потомъ, какъ говорятъ крестьяне, выздоравливаетъ. Къ медицинскимъ пособіямъ крестьяне почти никогда не прибѣгаютъ: знахарка исцѣляетъ все я всѣхъ отъ всевозможныхъ недуговъ. «Сила—баба» потрафляетъ лучше какова-нибудь подлекаря», обыкновенно говорятъ здѣшніе крестьяне!

Но и знахарка призывается только въ крайнихъ случаяхъ, потому что это сопряжено съ издержками; большею частью мать дѣлаетъ дѣтей сама. Такъ, напр., когда ребенокъ или парнишка захвораетъ, мать, прежде чѣмъ уложить ихъ спать, подводитъ ихъ къ кадущкѣ съ водою и обливаетъ голову. Или, схвативъ немытыя ложки, моетъ ихъ и потомъ обливаетъ голову помоями. Если же ребенка кто-нибудь «сглазилъ», то мать, вымывъ себѣ руки, кладетъ ихъ между ногъ и ведетъ стать передъ собою больному, приговаривая: «будь ты, милый, чистъ отъ всѣхъ повѣтрій и худыхъ глазъ»! И потомъ, руками гладитъ ребенку личико, и съ той поры «урокъ» прекращается.

По преданіямъ, начало сѣва хлѣбовъ всегда должно совершаться въ поведѣльникъ и вторникъ; если же въ эти дни у хлѣбопашца случилось какое-либо помѣшательство, то онъ ожидаетъ другого поведѣльника или вторника, и никогда не рѣшится сѣять въ иные дни. Вообще, нужно замѣтить, что посѣвъ хлѣба для крестьянина, живущаго только доходами отъ земледѣлія, — вещь важная, и потому сопровождается довольно набожнымъ обрядомъ: каждый хлѣбопашецъ въ первый день Пасхи, вмѣстѣ съ куличемъ и краснымъ яичкомъ, несетъ на тарелкѣ всѣ роды зерновыхъ хлѣбовъ, разводимыхъ въ здѣшнемъ краѣ. По окончаніи заутрени и обѣдни, служитъ молебенъ Божьей Матери единственно ради благодатнѣйшаго посѣва и потомъ освящаются зерновые хлѣба. Эти-то зерна крестьянинъ хранитъ до поры посѣва. Вотъ наступилъ день насыпки хлѣба въ мѣшки; крестьянинъ входитъ съ лопатою въ амбаръ, дѣлаетъ знаменіе креста на хлѣбѣ и творитъ молитву: «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ»! а другой говоритъ: аминь! Оба крестятся и, сказавъ: благослови, Господи! начинаютъ насыпать зерно для посѣва въ мѣшки. Послѣ того, хозяинъ приказываетъ женѣ отыскать освященные зерна и высыпать ихъ понемногу въ каждый мѣшокъ. Когда уже запрягли лошадей въ телеги, все семейство входитъ въ избу и, затепливъ передъ иконами свѣчи, всѣ садятся въ молчаніи; посидѣвъ съ минутой, встаютъ и читаютъ во всеуслышаніе «Отче нашъ»; потомъ дѣлаютъ поклоны передъ иконами и отправляются, кому слѣдуетъ, производить посѣвъ.

Огородныя овощи рѣпу и арбузы здѣсь садятъ и сѣютъ, если не на зарѣ, то въ сумеркахъ, такъ чтобы никто не могъ видѣть. Говорятъ, что это дѣлается потому, что овощи боятся «уроковъ» и отъ того не рождаются.

Когда весною въ первый разъ выгоняютъ скотъ въ поле, то богатые приговариваютъ: «отвяжитесь телята, жеребята и ягнята, — привяжитесь ребята»! А бѣдные: «приплодитесь жеребята, телята и ягнята, разойдитесь ребята»!

Скажемъ два слова о примѣтахъ. Каждому извѣстно, какъ важно для сельскаго хозяина знать атмосферическія измѣненія: температуру дня и ночи, видъ неба, количество выпадающаго дождя, время вскрытія и замерзанія рѣкъ, знать среднюю температуру года и т. д. Къ сожалѣнію, наблюденія эти, если и печатаются въ книгахъ, но мало доступны для простаго крестьянина. И потому, сельскій житель, по невозможности воспользоваться печатанными наблюденіями, дѣлается самъ наблюдателемъ, прибѣгаетъ къ орудіямъ, созданнымъ природою, и по нимъ выводитъ свои собственныя наблюденія, помогающія ему въ сельскихъ занятіяхъ. Вотъ нѣкоторые замѣчанія или примѣты здѣшнихъ сельскихъ жителей:

1. Если зима бываетъ морозливая и малоснѣжная, то знакъ, что будущее лѣто будетъ хлѣбородное; напротивъ, теплая и снѣжная зима предвѣщаетъ необильно хлѣбородное лѣто.

2. Если первый осенній мѣсяцъ будетъ погодой благопріятенъ, то примѣта, что напрокъ, во время посѣва хлѣбовъ, будетъ такая же благопріятная погода.

3. Если весной первый сильный громъ будетъ слышенъ на востокъ, то замѣчаютъ, что будутъ ядреные и густые хлѣба; на югъ—урожай будетъ средний; на западъ—будетъ неурожай.

4. Весною, когда курицы начинаютъ нестись, наблюдаютъ, чтобы сберечь отъ одной курицы, которая ранѣ другихъ стала нестись, три яйца. Каждое яйцо кладутъ особо, такъ чтобы не было ошибки въ томъ, которое изъ нихъ первое, второе и третье. Потомъ посредствомъ вѣсковъ узнаютъ, которое изъ нихъ тяжелѣе: если будетъ тяжелѣе первое, то замѣчаютъ, что первый сѣвъ хлѣба (т. е. 24 апрѣля) будетъ благонадежнѣе противъ прочихъ сѣвовъ; если второе яйцо будетъ тяжелѣе, то благонадежнѣе будетъ второй сѣвъ (т. е. 1 мая) и, наконецъ, если тяжелѣе будетъ третье яйцо, то благонадежнѣе будетъ третій сѣвъ (т. е. 9-го мая).

Такая же существуетъ примѣта въ грому: если весной первый громъ будетъ сильно гремѣть, то знакъ, что урожай хлѣба перваго сѣва будетъ лучше добротой въ отношеніи полноты зерна, чѣмъ остальные два сѣва; тоже наблюдается и для второго и третьяго грома.

5. Въ ночь на Благовѣщеніе, намочивъ тряпицу, кладутъ ее на улицу; если она замерзнетъ, то предполагаютъ скудный урожай, если же не замерзнетъ, то хорошій урожай.

6. Въ хорошую погоду, если свинья визжитъ, ворона каркаетъ, а скотина утѣляется подъ крышу, то знакъ, что скоро будетъ перемѣна погоды: лѣтомъ—дождь, зимою—снѣгъ.

7. Урожай хлѣба также замѣчается зимою въ снопахъ, гдѣ мышь дѣлаетъ гнѣздо; если мышь дѣлаетъ гнѣздо около корня, то годъ будетъ урожайный и цѣна на хлѣбъ низка, если по срединѣ, то урожай будетъ средний; если же въ колосѣ, то мало будетъ хлѣба и цѣна его высокая.

8. Если лѣтомъ ходятъ сильно облака и притомъ синяго цвѣта, то замѣчаютъ, что будетъ ненастіе; если продолжается дня два дождь съ вѣтромъ, то значить, что скоро народится новый мѣсяцъ; если на небѣ много бѣлыхъ тучъ, и при этомъ начинается гроза, то замѣчаютъ, что будетъ градъ и молнія.

9. Если послѣ дождя становится тепло и земля испускаетъ изъ себя пары, а мелкій дождь съ солнышкомъ крапить, то замѣчаютъ, что будетъ ненастье.

10. Если на закатѣ солнца ярко горитъ вечерняя заря, то замѣчаютъ, что будетъ хорошая погода.

11. Если у старика или у старухи заболитъ спина, то говорятъ: это къ ненастью.

12. Если зимою на небѣ темныя и свіяя тучи, то замѣчаютъ, что будетъ снѣгъ; если небо чистое и немного синеватое, то ожидаютъ тепла; если вечерняя заря горитъ ярко, то ожидаютъ мороза; ясныя и чистыя облака съ маленькими темными тучками предвѣщаютъ, что густой снѣгъ спадетъ въ тайгѣ, и будетъ большой морозъ. Если чисто небо и вечеромъ много на небѣ звѣздъ, то ожидаютъ, что будетъ средній, т. е. въ 20° морозъ.

12. Если мышь станетъ грызть ковригу сверху, то предвѣщаютъ, что недостатокъ будетъ въ хлѣбѣ, и цѣны на хлѣбъ возвысятся, а если снизу, то цѣны будутъ низкія.

13. Если во время первой заутрени, въ Воскресеніе Христово, будутъ лаять собаки, то предвѣщаютъ, что въ томъ году будетъ война.

14. Если пѣтухъ или курица по закатѣ солнца станутъ пѣть, то знакъ, что въ томъ домѣ будетъ неблагополучіе.

15. Если скотина весною съ поля принесетъ во рту траву, то знакъ, что для скота тотъ годъ будетъ голодный.

16. Если зимою воробы защекочутъ и начнутъ собираться въ кучи, то замѣчаютъ, что будетъ оттепель.

17. Если дикая утка или тетерка сядетъ на крышу дома, то заключаютъ, что этотъ домъ загорится или въ домѣ случится несчастіе.

18. Если сорока въ огородѣ дома щекочетъ, то говорятъ, гости будутъ.

19. Если чайки кучею летаютъ, кричатъ надъ рѣкою и потомъ садятся на воду, то говорятъ—дождь будетъ.

20. Если голуби или другія домашнія птицы купаются, а курицы въ полѣ гнѣздятся, то говорятъ—дождь и ненастье будетъ.

21. Если журавли, въ пролетъ ихъ изъ холодной въ теплую сторону, долго кружатся на одномъ мѣстѣ, то говорятъ, что осень будетъ продолжительная.

22. Когда свиньи визжать, то ожидаютъ дождя съ вѣтромъ.

23. Если гусь вскричалъ на дворѣ въ огородѣ, то говорятъ, что кто-то чужой идетъ.

24. Если собака часто въ домѣ востъ, то замѣчаютъ, что въ этомъ домѣ скоро кто-нибудь умретъ.

25. Если голуби плодятся, то ожидаютъ благополучія; если же они начнутъ перелетать въ другой домъ и тамъ плодиться, то заключаютъ, что это къ разоренію.

26. Если ласточки лнуть полетомъ къ окну или влетаютъ въ комнату, то замѣчаютъ, что скоро получены будутъ пріятныя вѣсти или письма.

Изъ употребительныхъ здѣсь пословицъ укажемъ:

1. Не слушай старова, а слушай бывалаго.
2. Прямая дорога наведетъ на криву.
3. Великъ верблюдъ—воду возить; наль золотникъ—на рукѣ носить.
4. Мѣнять да не пенять!
5. До славы крѣпись, а въ славѣ держись.
6. На всякомъ подворьѣ свое повѣрье.
7. Чуръ слово молвить:—въ добрый часъ сказать, а въ худой помолчать.
8. Шутка—дворка во хлѣвъ не заведетъ.
9. У нашего Якова—трое всякова.
10. Шель бы далѣ, лишь бы дали.
11. Каково лукнется, таково я откликнется.
12. Дѣвушка гуляй, а дѣльца своего не забывай.
13. Обожжешься на молокѣ, будешь дуть и на воду.
14. На чужой коровой свой ротъ не раззѣвай, а по раньше вставай, да свой приспѣвай.
15. На чужую кучу глаза пучу.
16. У нашего Мартына нѣту ни алтына.
17. Слушалъ бы я не мало, да ума-разума не стало.
18. Занесло же меня и замыкало Ивана Зыкова: поѣхалъ я по дрова, а меня къ мордѣ бросило (морда—плетѣнный кузовъ, которымъ ловятъ рыбу)!
19. Пошелъ по ягоды—ищи же меня два годы.
20. Сегодня разгуляюся: развѣняю гроша два, куплю пива и вина.
21. Пойдемъ ко мнѣ! Я хоть сотникъ заложу, да праздникъ провожу.
22. Эхъ, братъ, ѣхалъ бы въ Ярославль, такъ чертъ дорогу переслалъ.
23. Что по рѣчкѣ плыветъ, не всё перенять, а кто говоритъ, не всякому прененять.
24. Добрая слава на мѣстѣ лежитъ, а худая слава по дорогѣ бѣжитъ.
25. Что и бантъ про тебя—и собаки не лаятъ!
26. Ланись было—да слыло.
27. Прежде бывало—живало, а нынче слерживать стало.
28. Кто пьетъ вино, оно убьетъ его.
29. Худова попа и въ алтарѣ бьютъ.
30. Гдѣ пиротъ съ крупой, тутъ ты съ рукой, а какъ шеть съ уломъ, тутъ нѣтъ тебя съ уомъ.
31. Каково на дому, таково и самому.
32. Что въ лѣсѣ гаркнетъ, то и изъ лѣсу откликнется.
33. На лѣченой кобылѣ немного уѣдешь.
34. Сколочена посуда два вѣка живетъ.
35. На кривыхъ колесахъ немного уѣдешь.
36. Ловушка стоитъ: пить и ѣсть не просить, а кого-нибудь чортъ бросить.

37. Доброе слово ребро ломить.
38. Худая птица худыя пѣсни поетъ.
39. Умныя рѣчи хорошо и слушать.
40. На чужой ротокъ не накинешь платокъ.
41. Ты говори тому, кто не зналъ Оому, я же сродникъ ему.
42. Не было печали, пока черти не качали.
43. Для милова дружка и сережка изъ ушка.
44. Не люби—да почаще взглядывай.
45. Пей-ко, попей-ко,—на двѣ-то капелька, а еще поньешь и грошъ найдешь.
46. Пить до дна—не видать добра.
47. Отцы-то на обухѣ рожь, молотили, и то сыты были; а дѣти подоспѣли—отцовъ безъ вѣку дождѣли.
48. Хвастливаго съ богатымъ не распознаешь.
49. Это ничево, что пьешь чужое пиво: вари, братъ, свое пиво дьяно, да гляди прямо.
50. Съ сильнымъ не борись, а съ богатымъ не тяжись.
51. Не зовутъ бѣднаго пива пить, а зовутъ бѣднаго нечи бить.
52. Въ нынѣшній свѣтъ не любятъ богатыхъ, а любятъ тороватыхъ.
53. Это не бѣда, что во ржи лебеда, а то много бѣды, что ни ржи, ни лебеды!
54. Онъ черезъ-чуръ свѣтелъ, да не все смѣтливъ.
55. Не родись красенъ, да родись счастенъ.
56. Ума много, да денегъ нѣтъ.
57. Богачъ ѣдетъ въ каретѣ, а умной ходить пѣшкомъ.
58. Понимаю, что твой отецъ любилъ правду, только говорить пословица: вѣкъ правдою не проживешь.
59. Сколько ни живи, всего на свѣтѣ не переймешь; сколько ни умничай, а все дуракомъ помрешь.
- Изъ загадокъ съ отгадками, здѣсь употребительныхъ, отмѣтимъ:
- Мать толста, дочь красна, сынъ хоботъ подъ небеса ушелъ (Печъ во время топки).
Сынки хватки, а дочки подлизушки (Молотило и метла).
Часть я ясенъ, какъ алмазъ, отъ матери родился и самъ ее рожу (Ледъ).
День чельпить, ночь чельпить—одно утро спать (Печная заслонка).
Сидитъ дѣвица въ теремѣ, а коса на улицѣ (Морковь).
Подъ душкомъ завернулася клубкомъ, да и съ хвостикомъ (Рѣпа).
Лысой конь черезъ ворота глядитъ (Мѣсяцъ).
На горѣ-горницѣ зарѣзана телица: ни крови, ни руды—одна утолока (Жнитво отъ хлѣба).
Глядится, глядится, да не сойдется (Полъ съ потолкомъ).
Вѣжить свинья изъ Питера, всѣ бока истыканы (Наперстокъ).
Стоять вилы на вилахъ, коробъ на коробѣ, ковало на ковалѣ, лютая щема, въ этой щемѣ лютые звѣри (Вши).

Съ полу взято, на колесницу внято, съ колесницы въ огненное пламя, а изъ огненнаго пламени въ черну ризу оболочено (Горшокъ).

Въ нашей избушкѣ Филатово имя (Огонь).

Бду, бду, а слѣду нѣтъ (Когда плывешь по водѣ).

Рѣжу, рѣжу, а крови нѣтъ (Коврига).

Сидить пѣтухъ на воротахъ: хвостъ до полу, а голосъ до небу (Колоколъ).

Сидить баба на грядкѣ—вся въ заплаткахъ, кто на нее взглянетъ, тотъ и заплачетъ (Лукъ).

Двое стоять, два лежать, пятый ходить, шестой водить (Дверь).

Подъ поломъ, поломъ, стоитъ барыня съ коломъ (Помело).

Ни воротъ, ни дверей—полна горница людей (Зубы во рту).

Безъ рукъ, безъ ногъ—на гору ползеть (Квашня).

На спичку чего не повѣсишь? (Яйцо).

Царь видитъ рѣлко, Богъ никогда, а человѣкъ всегда (Равнаго себѣ).

Лежить на болотѣ доска, не сохнетъ, не мокнетъ и не ржавѣетъ (Языкъ во рту).

Стоитъ столбъ, на столбѣ колпакъ, не шитой, не мытой и не вязанной (Спѣгъ на столбѣ).

Днемъ висеть, а къ ночи закладывается (Болтъ).

Плеть сплетена, вверхъ сведена, во сто узловъ, въ тысячу рублей (Церковь).

Два конца, два кольца, посреди гвоздокъ (Ножницы).

Кругъ города Городчанскаго, много скота литвянскаго—одинъ пастухъ, какъ ягодка (Знакъ мѣсяца).

Четыре приступы, четыре грамотухи, два акмухта и вертюкъ (Корова).

Менѣ Бога, больше царя (Смерть).

Лѣзу, лѣзу по желѣзу на мясную гору (Садиться верхомъ на лошадь).

Стоять два брата, однимъ пояскомъ подпоясаны (Два кола одной переплеткой связаны).

Безъ рукъ безъ ногъ Богу молится (Колыбель).

Станетъ выше коня, а слѣзетъ ниже кота (Дуга въ запряжкѣ и безъ запряжки).

Откину стегно, откину и друго и выведу живо (Вывести изъ запряжки лошадь).

Безъ рукъ безъ ногъ на гору ползетъ (Опашка полей).

Вскричала утка на морѣ чутко, сбѣжались дѣтки не одной матки (Благовѣсть въ колоколъ).

Заюшко, бѣлозаюшка, полежи на мнѣ! Хоть тебѣ трудно, дакъ мнѣ хорошо (Спѣгъ на озимовомъ полѣ осенью).

Бѣгутъ два волка рядомъ и кверху смотреть (Сани).

Маленькій, пузатенькой по городу ходить—всѣхъ людей перебилъ и озеро напустилъ (Париться вѣнникомъ въ банѣ).

Двѣ дырки вмѣстѣ, и обѣ въ тѣстѣ (Двѣ невѣстки и обѣ небрежны).

Синенько, маленько, штучка небольшая, безъ его жить нельзя, сквозь тынъ кышка тянется (Игла).

У дѣвушки, у сиротушки, загорѣлось въ серодочкѣ, а у добраго молодца закапало съ конца (Самоваръ).

Пятеро держуть, да пятеро пихають, двое примѣчаютъ, ладно ли пихають (Въ иглу вдѣтъ нитку).

Лежить брусъ во всю Русь, и на томъ брусѣ двѣнадцать гнѣздъ, да по четыре яйца (Годъ—12-ть мѣсяцевъ, 4 недѣли).

Пирогъ мясной, а корка деревянная (Мертвое тѣло въ гробу).

На свѣтъ три кривыхъ (Кривыя: рѣка, дорога и поскотина).

Вѣситъ, болтается—настанетъ утро и всякъ притыкается (Рукомойникъ на веревкѣ).

Шоль, да шоль—въ землю ушоль (Шоль дождь).

Г. Пейзенъ.

29 марта 1857 года.

ОТДѢЛЪ II.

Особенности говора села Ивановскаго, Кубанской области.

Село Ивановское, Кубанской области, Баталпащинскаго отдѣла, расположено на лѣв. берегу рѣки Большой Зеленчукъ, въ семи верстахъ отъ впаденія этой рѣки въ рѣку Кубань. Основано село въ 1868 г. Населеніе—2904 души (осѣдлыхъ, т. е. приписанныхъ къ селу, или «жителей», какъ они здѣсь именуются,—2680 душъ. Временно живущихъ или «иногороднихъ», т. е. не приписанныхъ — 224 души). Нарѣчіе великорусское.

I. Въ фонетикѣ гласныхъ.

1. Въмѣсто а въ ударяемомъ слогѣ часто слышится о: плѣтють, вѣтится, пасѣдють, вѣришь.
2. Въм. о подъ удареніемъ иногда является а: лавѣють. Дѣ ста разъ погляди за ими.
3. Въм. а въ слогѣ, предшествующемъ ударному слогу, иногда (вообще рѣдко) слышится у: крухмѣль.
4. Звукъ, въ которомъ совпали а и о, рѣже въ слогѣ передъ удареніемъ, а чаще въ слогѣ не соединяемъ съ ударнымъ (но, во всякомъ случаѣ, предшествующемъ ему), замѣняется звукомъ у: самуѣрь, пупѣли, пупѣвили тупѣрь. У кугѣ. У тугѣ. Буѣре. Мугарѣчъ. Бугорѣдѣ. Угурцѣ. Вулосѣ (волоса). Курагѣдѣ (вм. хоровѣдѣ).
5. Часто слышится звукъ у въм. о—а въ слогахъ за удареніемъ: спѣсубѣ, гѣлудѣ.
6. Звукъ е часто замѣняется то въ и, то въ я: нясу и нису, вяснѣ—виснѣ, пѣяту—плѣту, бяру—бирѣ, вяликѣ—вилѣ.
7. Въм. я и ѣ весьма часто слышится и: свѣтой, грѣхи, поплиши, рѣка, мисѣдѣ, иправѣй.
8. Въм. звука ы въ послѣднемъ, но неударномъ слогѣ ясно слышится а: чѣрнай, бѣлай, сѣрай, добрай, мокрай.

II. Въ фонетикѣ согласныхъ.

1. В передъ и переходитъ иногда въ м: дамно, самоупрамно.
2. Ф иногда замѣняется звукомъ хв: цыхвра, сарахванѣ, Стехванѣ, Хвеня.
3. Въмѣсто л, когда этому л предшествуетъ гласная, слышится у (краткое): воуѣ, доуѣ, накауѣся, пашоуѣ. —Звукъ л въ сочетаніи л ѣ не всегда сохраняетъ свою мягкость: болше, болной.
4. Тоже замѣчается относительно сочетанія нь: менше, тонше, длинше.

5. Въмѣсто ч передъ н и л часто слышится ш: мелше, привышнаѣ, тошнаѣ. пшевишнаѣ, станишнаѣ, молашнаѣ.
6. Слово желѣзо произносится: залѣзо и зализо.
7. Звукъ ж и ш обычно являются въ произношеніи твердыми.
8. Д передъ согласными произносится какъ т: млатшій, слатко.

III. Особенности въ склоненіи.

Мѣст. самъ склоняется такъ:

н.	самъ.	сами
р.	самого	самихъ
д.	самоу	самимъ.
в.	самого	самихъ.
т.	самымъ	самими.
пр.	самомъ	самихъ.

Въ склоненіи мѣст. тотъ: тв. ед.: тымъ, тоу, тымъ. Мн. число для всѣхъ родовъ одинаково: нн. ты, род. тыхъ, дат. тымъ, вин. тыхъ, тв. тымъ и тымъ, предл. тыхъ.

Въ склон. мѣст. она: род. ед. ч.: ѿ не и ѿ не; вин. ед. какъ род.; предл.: ей и ней.

Можно отмѣтить еще слѣдующія формы мѣстоименій: сѣхъ (ви. сѣхъ); обѣхъ (ви. обѣхъ); обѣхъ (ви. обѣхъ); обѣмъ, обѣмъ (ви. обѣмъ, обѣмъ); кѣхъ (ви. кѣхъ): съ кѣхъ поръ я тутъ хожу.

Отъ всѣхъ тв. п.: всѣхъ.

Род.—вин. ед. ч.: мѣне, сѣбе, тѣбе.

Род.—вин. ед. ч.: мавѣ, тваѣ, сваѣ. Дат.: мамѣ, твамѣ, снамѣ; маѣ, тваѣ, сваѣ.

Въ склоненіи именъ существ. можно отмѣтить слѣд. особенности:

На костылѣ. Мальчишка ходитъ на костылѣ.

На концѣ, на коню, на затылку, на столѣ, въ садикѣ, въ сарайчикѣ.

Къ мальчишкѣ, при братѣ, отцу.

Формы имен. множ. ч.: дѣмы, дѣги, поясы, волосы, глазы, браты (ви. братья), сваты, сыны.

Сваты во множ. числѣ склоняется: сваты, сватовъ, сватамъ, сватовъ, сватами, сватахъ.

Хозяинъ во множ. числѣ: хозяинны, хозяинновъ, хозяиннамъ, хозяинновъ, хозяиннами, хозяиннахъ.

Сыны во множ. числѣ: сыны, сыновъ, сынамъ, сыновъ, сынами, сынахъ.

Кумы во множ. числѣ: кумы, кумовъ, кумамъ, кумовъ, кумами, кумахъ.

Обычны слѣд. формы: род.—вин. п.: аршиновъ, солдатовъ, мѣстовъ, рублевъ.

Въ склоненіи сл. день: днѣвъ; въ два дни; въ три-дни; въ четыре дни; до Петрова-дни,

Ви. дѣти обычно: дѣтѣ, дѣтѣ, дѣтѣ, дѣтѣмъ.

Обычны формы: изъ школѣ; съ той сторонѣ, съ той избѣ; изъ землѣ; отъ доскѣ; съ работѣ; у невѣстѣ; для скотинѣ; въ акнѣ (ви. окнѣ).

Ви. сл. церковь обычно: дѣрква.

Въ им. мн. прилагат. краткой формы ви. окончанія ы обычно н: нѣни, богати, виновати, голодни.

Въ формахъ степеней сравн. прилагательныхъ обычно: длинше, богатѣѣ, дешевше, тяжелше, тончѣѣ и тончѣѣ (также: тончѣе).

Имена числительныя: двумя и двома. Трени и трема. Четырми и четырма (указанныя формы твор. п.).

Можно еще отмѣтить: род. п. двоухъ, дат. двоимъ отъ два.

IV. Особливости въ глаголѣ.

Вм. дѣепричастн. окончаній: авши, авшись; ввши, ввшись; ѣвши, ѣвшись, —
обычно: авши, авшись; ввши, ввшись; ѣвши, ѣвшись. Вм. окончаній: едши, едшись —
обычно: очьчи, очьчись. Ушбъчи.

Вм. оконч. съ (нѣ веопр. накл.) часто слышится ся. Баюся, лажуся, знаюся.

Оконч. тся произносится обычно какъ тѣа или цѣа: собираѣца.

Тожѣ надо замѣтить и объ окончаніи тся (3-го лица обоеухъ чиселъ): она рунаѣца.

V.

Замѣчательны слѣдующія нарѣчн. формы: тѣко (только): я тѣко пхнухъ ово.
Стѣко (столько).

Билѣ (около, возлѣ): билѣ мене короуа прошла. Тѣмочѣн (тамъ).

Весьма употребительна частица съ въ значеніи то: кажишь кто-съ (кто-го) въ
изби есь (есть).

Изъ собств. именъ можно отмѣтить: Микѣтъ, Гарасъ, Петруха, Митро.

VI. Ударенія.

Обычно говорятъ: горѣу, головѣу, цѣну, сторѣну, къ-зимѣ, рѣбай (рѣбой), прѣмай
(прямой), дѣкѣй, широко, вѣсоко, случѣлось, годѣлось, гвалѣ, нѣ-жили, побѣгла,
перѣдалъ перѣдали, помѣръ, помѣрѣла, завѣръ, запѣрѣла, запѣртыѣ, найдемъ, придемъ,
придѣшь, новѣрвѣшь нѣрвѣнца, растѣгнѣнца, никѣго, никѣму, ничѣго, дѣчка, съ-дворѣу
подъ-бокѣмъ, поперекъ, кѣпятокъ, послѣя (послѣ), апослѣя (послѣ), нѣдалѣ, здалѣ,
(издали), бичѣва, учѣра (вчера), телѣя (теленѣкъ, телѣка), остѣча (остатѣкъ), хвалѣко
(тѣтъ, кто хвалѣтся, хвастунѣ), нѣтъ стѣду, со стѣду.

Яковъ Науменко.

Народныя преданія жителей Вологодской губерніи, Канриковского уѣзда *).

(Окончаніе).

Х. Разные обычаи, средства и гаданія.

Въ великій четверг до солнышка деньги считаютъ, чтобы онѣ велись; съ серебра умываются, чтобы лице было чистое; окачиваются, чтобы тѣло было чистое, или не чесалось; соли берутъ для лѣченія скота отъ стригища; шерсть прядутъ, чтобы лѣтомъ при жнивѣ пальцы не подрѣзывались и рука не захватывалась; у коровъ хвосты подстригаютъ, чтобы они не завивались; въ рѣшето овецъ брыжжутъ, чтобы въ огородахъ дыры казались имъ меньше; въ трубу коровъ кличутъ, чтобы онѣ домой ходили; яйца перекладываютъ, чтобы курицы болѣе клались; молоко въ большомъ горшкѣ топятъ, также сметану пахтаютъ, чтобы коровы были дойныѣ.

Когда новотельную корову окурятъ, то изъ перваго молока варятъ кашу, для того чтобы верхи на молокѣ были толще.

Въ день Воздвиженія Креста Господня мухъ хороняютъ (въ рѣпяномъ гробу) съ приговоромъ: «муха муху съѣшь, да и сама умирай», для того, чтобы онѣ зимой не велись.

Когда курица снесетъ первое яйцо, то катаютъ его подъ порогомъ, приговаривая: «какъ подъ порогомъ держится шамъ, такъ бы курица держалась своего гнѣзда».

Когда купятъ какую-нибудь скотину, то въ полѣ той деревни, гдѣ ее купятъ, сламываютъ прутокъ и приговариваютъ: «какъ этому прутку на мѣстѣ не бывать, такъ и моему коровѣ (или лошади) не бывать и не живатъ на старомъ мѣстѣ». Сломленный прутокъ втыкаютъ куда-нибудь у себя во дворѣ.

Молодая, идущая отъ вѣнца, скачетъ съ избяного порога вдругъ обѣими ногами, говоря про себя: «кыште, овечки, волчекъ идетъ», для того, чтобы боялись ее въ семействѣ.

Когда кончатъ жниву, то приносятъ въ домъ овсяный снопокъ, ставятъ въ передній уголъ на два дня и этимъ снопомъ послѣ закармливаютъ скотину.

Въ день великомученика Георгія (23 апрѣля) берутъ ржи или пшеницы въ какую-нибудь посуду и, помолившись, ставятъ на нее икону со свѣчею и потомъ съ вербою (съ которою стоятъ въ церкви въ недѣлю Вайи) обходятъ кругомъ весь скотъ свой,—для того, чтобы Богъ сохранилъ его во время лѣта.

Когда телятъ увосятъ отъ коровъ, то подъ порогъ кладутъ ножъ или топоръ съ приговоромъ: «живи, сивуха, до обуха», для того, чтобы они жили.

Когда весной въ первый разъ выпускаютъ овецъ, то кладутъ подъ порогъ или подъ ворота поясъ, чтобы онѣ не разбѣгались, а всегда были вмѣстѣ.

Когда нечаянно попадаетъ отъ бороны зубъ, то его берутъ и молча несутъ домой и втыкаютъ подъ мѣтицу, чтобы тараканы не велись.

Когда нечаянно попадаетъ обломокъ отъ оси, то его молча приносятъ домой и ставятъ въ передній уголъ. Въ Филиппово заговѣнье объѣзжаютъ кругомъ дома на

*) См. «Живая Старина» за 1903 г., вып. I и II, отд. II, 188—224.

клюкъ и этимъ обломкомъ колотятся подь окномъ, гдѣ сидитъ хозяйинъ, и спрашиваютъ у него: «дома ли, хозяйинъ?», который и отвѣчаетъ: «дома»; потомъ спрашиваютъ: «чѣмъ сегодня хозяйинъ заговляется»? — хлѣбомъ, да солью, да пирогами.—А тараканы чѣмъ?—тараканъ таракана съѣшь. Послѣ этого, будто бы тараканы не стануть вестись.

Когда загорится, тогда берутъ хлѣбъ со скатертью и иконою, чтобы ничего не забыть въ домѣ.

Когда услышатъ въ первый разъ кукушку, то берутъ земли изъ-подъ правой ноги и кладутъ подь свою постелю, чтобы блохъ не было.

Когда бросаются собаки, то про себя говорятъ: «телѣнокъ, телѣнокъ!»! чтобы не укусили.

Если случаются судороги, то мажутъ слюною и трижды говорятъ: «посконь», чтобы онѣ прошли.

Когда болитъ поясница, то трутся ею объ овинъ, говоря: «овинъ, овинъ, возьми мой утинъ, а мнѣ отдай прежнюю мою силу и здоровье»!

Когда скосятъ постать, то точатъ косу, чтобы коровы сытѣе были.

Опускаютъ три березовыхъ угля въ уху, чтобы она не была горька отъ раздвленной въ рыбѣ желчи.

Чтобы у маленькихъ не текли изо рта слюны, то трижды перестригаютъ ихъ ножницами.

Охотники берутъ сорочье и воронье гнѣзда, раздробляютъ ихъ и дымомъ, проходящимъ сквозь нихъ, окуриваютъ ружье; также раскалываютъ сырую осину и сквозь нее трижды продергиваютъ ружье, а когда застрѣлятъ птицу, то трижды утыкаютъ ружьемъ въ рану, для того, чтобы кремень не осѣкался и ружье дѣльно стрѣляло.

Кладутъ подь копну хлѣба собачьяго калу, чтобы мыши не велись въ ней.

Обдуваютъ руки, чтобы кропива не ожгла.

Соль кладутъ въ новый кузовъ, чтобы она всегда была суха.

Въ таковой же немедленно кладутъ новыя выдѣланныя овчины, чтобы мошь не испортила ихъ.

Чтобы крупчатая мука не испортилась, то кладутъ въ нее синій камень.

Чтобы постное масло не испортилось, то кладутъ въ него гороху или ставятъ въ рожъ.

Чтобы горохъ разопрѣвать, то кладутъ, смотря по вмѣстимости горшка, напр. въ небольшой —щепотъ пеплу или —столовую ложку чистаго щелоку.

Чтобы окисшій вареный горохъ можно было ѣсть, то кипятятъ его хорошенько.

Отъ мошки лѣтомъ натираютъ лице и руки скипидаромъ.

Если хочешь приворожить кого къ себѣ, то вспогѣй хорошенько, только не отъ жару, а отъ какого-нибудь дѣла, и съ этимъ потомъ накорми того человѣка.

Чтобы рѣдька разтолстѣла, то, когда она повыростетъ немного, черезъ каждую недѣлю шатай ее.

Если случатся въ ногахъ судороги, мажь ихъ слюнами.

Въ Рождественскій сочельникъ женихи и невѣсты бѣгаютъ на улицу съ кутьей или съ сочнемъ; кто встрѣтится, въ того имя будутъ звать невѣсту или жениха.

Въ Рождество женихи и невѣсты первый кусокъ тайно выплевываютъ изо рта и послѣ кладутъ къ ночи въ головы,—для того, чтобы суженая или суженый пришли покушать хлѣба-соли.

На другой день Рождества плещутъ къ ночи водою косякъ черезъ лѣвое плечо съ приговоромъ: «суженый, ряженный-ая, приходи бѣлья просить».

На Крещенскій сочельникъ до ужина подметають подь столомъ, а послѣ ужина ящутъ подь нимъ зерна, которое кладутъ въ сѣмена для большаго урожая.

О святкахъ у коровы рога опутываютъ похосомъ; если по утру эта корова стоитъ къ дверямъ головой, то выдадутъ замужъ.

Карты кладутъ въ головы ночью — зовутъ жениха въ карты играть.

За окно на нитѣ гребень опускаютъ къ ночи — зовутъ жениха или невѣсту гожову чесать.

Кольце съ руки въ головы къ ночи кладутъ — зовутъ суженаго-ную кольцами мѣняться.

Кладутъ въ головы изъ лучины клѣтку — зовутъ жениха поить лошадей.

Снѣгъ полять въ передникъ съ приговоромъ: «полю, полю бѣлый снѣгъ за батюшкову хлѣбъ-соль, за матушкину добродѣтель. Взлай, собачка, на чужой сторонкѣ!» Потомъ ложатся на снѣгъ и слушаютъ, въ которой сторонѣ собака залаетъ.

Жировку хороняютъ: на четырехъ-угольную доску кладутъ: на 1-й уголь хлѣба, на 2-й уголь, на 3-й печину, а на 4-й серебряное кольцо и закрываютъ скатертью. кругомъ въ избѣ около нея садятся и поютъ: «ужъ я жировку хороноу ко святому вечеру, къ святому Васильевскому, жировка малѣнька, окошка велики, кося-пчатые, рѣшчатые, не могла блоха скочить, коза скочила, рога увезила, хвостъ заломила, вы берите свой уголокъ». Берутъ и отърываютъ скатерть: кому хлѣбъ, тому богато жить; кому уголь, тотъ умретъ; кому печина, тому въ печали жить, а кому кольцо, ту замужъ выдадутъ.

Выносятъ вечеромъ пѣтуха, кладутъ кружкомъ грудки овса, каждая дѣвка — свою грудку; пѣтухову голову пригибаютъ подъ правое крыло трижды и опускаютъ въ кружокъ; чью грудку прежде станетъ ѣсть, ту напередъ замужъ отдадутъ.

Когда дѣвки выйдутъ изъ избы, хозяйка кладетъ подъ горшки разные примѣты. Каждая изъ пришедшихъ дѣвицъ беретъ свой горшокъ, и которой изъ нихъ достанется сборникъ, ту замужъ выдаютъ; которой — гребень, у той жевухъ будетъ щеголь; которой — плетъ, у той мужъ будетъ грозный; которой — горчѣвникъ (тряпка, употребляемая при обрядѣхъ), та будетъ полною хозяйкой; которой — чайная чашка, та выйдетъ за богатаго; которой — рюмка, у той мужъ будетъ пьяница; которой — пустой горшокъ, та останется въ дѣвкахъ.

Частоколъ мѣряютъ ручными саженьми и считаютъ частоколыны съ приговоромъ: «вдовецъ, холостецъ». Какая послѣдняя останется (т. е. вдовецъ или холостой), такой будетъ у той мужъ, т. е. холостой или вдовый.

XI. Наставленія на разные случаи и два сказанія.

1. «По водѣ плаваешь, воспомини Святаго Николая Чудотворца в ангела его хранителя».

2. «Заутра вставъ, воспомини святаго Архангела Михаила, то весь день веселъ будешь».

3. «Аще когда станешь въ дому или въ рѣкахъ воду пить, воспомини ангела Агія».

4. «Аще когда станешь спать ложиться, воспомини святаго архангела Михаила, то естъ стража надъ свяцимиъ человѣкомъ».

5. «Аще когда грома будетъ, воспомини ангела Разанла».

6. «Аще чѣмъ тяготаться станешь, воспомини ангела Препила и великомученицу Екатерину».

7. «Аще когда въ печали будешь, воспомини ангела Авдоила».

8. «Когда въ заблужденіи будешь, воспомини святаго ангела Азайла».

9. «Аще когда станешь хранину строить, воспомини святаго Архангела Михаила».

О двунадесяти пятницахъ.

1.

«Пятница на первой недѣли великаго поста — кто ту пятницу чтить, тотъ человѣкъ отъ внезапной смерти сохранный будетъ».

2.

«Пятница предъ Благовѣщеніемъ Пресвятыя Богородицы — кто ту пятницу чтить, и тотъ человѣкъ отъ убійства сохраненъ будетъ».

3.

«Пятница на страстной недѣлѣ — кто ту пятницу чтить, и тотъ человѣкъ отъ непріятеля сохраненъ будетъ».

4.

«Пятница предъ Вознесеніемъ Господнимъ — кто ту пятницу чтить, и тотъ человѣкъ отъ потопа сохраненъ будетъ».

5.

«Пятница предъ Сочествіемъ Святаго Духа — кто ту пятницу чтить, и тотъ человѣкъ отъ меча сохраненъ будетъ».

6.

«Пятница предъ Ильиннымъ днемъ — кто ту пятницу чтить, и тотъ человѣкъ отъ вѣчныхъ муки сохраненъ будетъ».

7.

«Пятница предъ Успеніемъ Пресвятыя Богородицы — кто ту пятницу чтить, и тотъ человѣкъ отъ великаго грѣха сохраненъ будетъ».

8.

«Пятница предъ Рождествомъ Пресвятыя Богородицы — кто ту пятницу чтить, и тотъ человѣкъ отъ скудости сохраненъ будетъ».

9.

«Пятница предъ Кузьминнымъ днемъ — кто ту пятницу чтить, и тотъ человѣкъ отъ гнѣва сохраненъ будетъ».

10.

«Пятница предъ Михайловымъ днемъ — кто ту пятницу чтить, и имя того человѣкъ написано у Пресвятыя Богородицы».

11.

«Пятница предъ Рождествомъ Христовымъ — кто ту пятницу чтить, и тотъ человѣкъ при смерти узритъ Пресвятую Богородицу».

12.

«Пятница предъ Богоявленіемъ Господнимъ — кто ту пятницу чтить, и тотъ человѣкъ на судѣ Христовѣ въ десную страну причтенъ будетъ».

Сонъ Пресвятыя Богородицы.

• Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

• Сонъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи, спала Пресвятая Богородица во святѣмъ градѣ Вифлѣмѣ Іудейстѣмъ въ Мартѣ мѣсяцѣ, и сонъ видѣла вельми страшенъ и претивенъ о Сынѣ своемъ возлюбленномъ Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ, и придетъ къ ней Господь нашъ Иисусъ Христосъ и рече ей: о, мати Моя возлюбленная, Пресвятая Богородица, спала въ святѣмъ градѣ Вифлѣмѣ Іудейстѣмъ и что во снѣ видѣла?—Она же отвѣща Ему: Сыне мой дражайшій, Иисусе Христе и Боже мой! во снѣ видѣла Архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ. И рече ей Господь нашъ Иисусъ Христосъ: аминь, аминь глаголю тебѣ, мати моя возлюбленная, Пресвятая Богородица, ве

истину рекла еси. Она же отвѣща ему: о, пресладкій и прещедрый Иисусе Христе, Сыне и Боже мой! аще истину реку Тебѣ, утроба моя терзается во мнѣ, очи мои преграждаются, гортань моя вчезаетъ глаголати Тебѣ, во снѣ видѣла Тебя Господа моего Иисуса Христа Сына Божія у животовъ поймана и приведена къ Понтійскому Пилату Игемову и къ столбу привязана, биена, заушенна, оплевана и на дрѣвѣ крестіиѣ кипарисѣ, пекѣ и кедрѣ распята, рупѣ и нозѣ Твои святыя ко кресту пригвоздиша и терновъ вѣнецъ на главу Твою святую возложиша, желчію и опомѣ напоиша и единъ отъ воинъ ко кресту приступи и въ ребра Твои святыя копіемъ прободѣ и отъ ребръ Твоихъ святыхъ изыде кровь и вода на исцѣленіе міру в на спасеніе душамъ христіавскимъ, и тогда солнце померче и луна въ кровь претворися, небо и земля потрясошася, каменіе распахоса, церковная завѣса раздрася на двое съ верхняго краю до нижняго, и тма бысть по всей землѣ отъ шестаго часа до девятого, и благоразумный Іосифъ съ Никодимомъ испросиша у Пилата пречистое Тѣло Твое, и со креста снемъ плащаницею чистою ввѣ и съ благоухавіемъ во гробъ новѣ покрывъ положи и въ третій день воскресѣ, всему міру животовъ вѣчный дарова, рукописаніе Адамово раздра, адовы веревъ желѣзныя сломи и врата мѣдная сокруши и всѣхъ изъ ада изведе и діавола на тысящу лѣтъ связа. И рече ей Господь вашъ Иисусъ Христосъ: о, мати Моя, возлюбленная Пресвятая Богородица, Дѣво Маріа! аминь, аминь глаголю тебѣ: вонистину сонъ твой не ложенъ естъ, Богу и Отцу Моему изволившу, на сіе бо придохъ въ міръ искупити родъ человѣческій отъ мучительства діавола своею кровію. Аминь.

«Аще кто сонъ твой Богородиченъ въ дому своемъ держитъ въ чистотѣ, и къ тому дому не прикочнется нечистый духъ, не злый человѣкъ, и скоту првплодъ и хлѣбородіе.

«Аще кто въ пути съ собою въ чистотѣ носить, къ тому человѣку не прикочнется не тать, ни разбойникъ, не злый духъ.

«Аще кто при смерти своей сонъ твой Богородиченъ помянетъ, или прочтаетъ съ вѣрою, и тотъ человѣкъ избавленъ будетъ вѣчныхъ мукъ.

«Аще кто на морѣ и на рѣкахъ и езерахъ сонъ твой Богородиченъ имѣтъ будетъ въ чистотѣ, и сохраненъ будетъ отъ утоплѣнія предстательствомъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи, заступленіемъ и молитвами ея избавитъ Господь отъ твоихъ бѣдъ и скорби.

«Аще сонъ твой Богородиченъ жена обремененная имѣтъ будетъ въ чистотѣ и съ вѣрою будетъ прочитывать и слушать съ сокрушеннымъ сердцемъ, и легко отроча родитъ молитвами Пресвятыя Богородицы и приснодѣвы Маріи. Аминь».

ХІІ. П р и п ѣ в ы.

1. Не по століку рюмоцки брещать, не стоканы выговариваютъ: (имя рекъ) ходитъ по терему, она бѣлвццо, румянитцо, у (имя рекъ) въ гости проситцѣ. (Имя рекъ) мой батюшко, опусти въ гости къ матушкѣ, ко родимому ко батюшкѣ.—Дорогая, цѣсна гостейка, погости-ко у меня въ терему, погледн-ко на меня, молотца, на.. (имя и величанье).

2. Стѣлетцѣ, стѣлетцѣ ребинушка цѣста, хвалитцѣ, хвалитцѣ (имя рекъ) женою: у меня, у меня (имя рекъ) хороша, у меня, у меня (величанье) пригожа.

3. Тропинка тропитцѣ, конопельцѣ ломитцѣ, идѣтъ незнамъ незнамовицъ (имя и величанье), свистомъ насвистывавъ, гаркомъ нагаркивавъ: «душа ты, дѣвица, открой окошечкѣ, прими подарочекъ—московскій яблоцѣкъ!»! — «Душа ты, мохолоцъ, теперъ мнѣ нѣ време: мой батюшко въ избѣ сидитъ, моя матушка на рукѣ лежитъ»!

4. Баты, покаты женихи наши богаты, каты катышокъ, (имя рекъ) женишокъ; дай, кума, тѣста, (имя рекъ) нивѣста.

5. Какъ по тропкѣ, по тропинкѣ бѣжавъ лѣгонькой дитяка, не въ тулуѣ, не

въ кафтанѣ, бѣжавъ въ наньковой сибиркѣ, що у нашова (нмя рекъ) не кобылы, не коровы, не покрытыѣ хоромы, одна пестренъная собацкя, да и ту звали Орѣшкомъ. Ты продай своево Орѣшка, ты купи овинъ соломы, ты покрой свои хоромы.

6. Не летай голупъ высоко, не маши крыльямъ широко, ещо много ли бояръ въ Москвѣ, есь побольше хресъянъ на Русѣ. Нѣтъ противѣ (нмя рекъ) добра молотца: онъ на горюшѣ соболя убивъ, потъ горюю лисцю изловивъ, онъ на заводѣ утицю, на жовтомъ песку лебѣдушку, въ терему ту красну лѣвушку (нмя и величанье).

7. Виноградъ въ саду рѣстѣтъ

(каждый стихъ повторяется),

А ягода, а ягода наливаетцѣ;

Виноградъ—свѣтъ (нмя рекъ) господинъ,

А ягода, а ягода (нмя рекъ)—душа.

Имъ же люди дивовалисѣ,

Що хорѣшы, що пригѣжы уродилисѣ.

Дай имъ Бохъ совѣтъ да любофъ,

Во совѣтъ, во любовѣ хорошенькѣ пожить.

Рыбушка плоть—вицѣшка,

По водѣ рыба пловѣтъ, извиваетцѣ.

Мнѣ ли, молоденькѣ, мало можытцѣ,

Мнѣ-ка батюшкова хлѣба ѣсъ не хочѣтцѣ;

Батюшкофъ хлѣпъ полынѣй пахнѣтъ,

Горегорькѣю горцѣйцѣй отзываетцѣ;

Мнѣ-ка милофъ хлѣпъ сахаромъ пахнѣтъ,

Слаткой слаткою слатѣйцѣй отзываетцѣ.

XIII. Стихи, поющіеся нищими и слѣпыми.

1. Объ Алексѣѣ—человѣкѣ Божіемъ.

Що во славномъ городѣ было во Римѣ, при царѣ было при Онофріѣ, при царѣцѣ было при Апраксѣ, живъ бывъ князь Ефиміѣе съ супружною своею княгиней. Не было у ихъ единова цядя ¹⁾, не было не сына, не дочьки; тутъ онъ Господу Богу возмолился, молился усердно, со слезами: услыши, Господи, нашо моленье, создай намъ, Господи, цядя, создай намъ сына, либо дочьку, при младости лѣтъ на потѣшку, при старости лѣтъ на пропитанье, при смертномъ концѣ на поминъ души. Услышавъ ихъ Господи моленье: создавъ имъ Господи сына, нарекли ему нмя Олексіемъ. Олексій росъ не по годамъ, а по днямъ, ставъ жо Олексій ушъ семи лѣтъ, адунавъ ево батюшко въ грамотѣ уцѣги, привеволила ево родная мати. Скоро Олексію грамота даласѣ, скоро Олексій писатъ научивсѣ. Ставъ Олексій ушъ семнатцѣти лѣтъ, адунавъ ево батюшко женити, привеволила ево родная мати. Женитцо Олексію не хотѣлось, женили ево по неволѣ. Засылали жо свата ко нивѣстѣ, выснатовъ сватъ ему нивѣсту, ко Божіей ко цѣрквѣ привозили, на единой подножникъ становили и златымъ перенямъ обручили и златы винцѣ надѣвали и въ княжески палаты отвозили, за бѣлодѣбовы столы посадили, пѣтыя медвяны становили, яства сахарны заносили. Що сидитъ Олексій невесѣлой, онъ не пѣтъ жо пѣтыя медвяна, не вкушаетъ онъ яства сахарна. Княжески столы отходили, на потклѣтъ молодыхъ отводили, на кровать ихъ спать положили. Вотъ ушъ первой цясъ на десять ноцѣ ставъ Олексій съ потклѣту подыматцо, ставъ совсѣмъ исъ палатъ выбиратцо, подаѣтъ молодой женѣ поясъ и съ правой руки златой перстень: на-тко тибѣ, жена молодая, съ моѣй прѣвой руки перстень и мой тибѣ шовковой поясъ; когда перстень этотъ распаетцо, когда поясъ этотъ расплетѣтцо, ты товда меня увидишь. Ставъ онъ свое цвѣтно платье прода-

¹⁾ 1 чада.

вати, золоту казну по нищимъ раздавати и надѣвъ на ся сѣрую серымгу и пошовъ онъ ко синему морю, онъ и сѣвъ жо на лѣхкую шляпку и ѣхавъ онъ три дни, три ноцѣ, подѣбжаётъ онъ къ матушкѣ пустыни, возмолвивъ онъ ей со слезами: ушь ты, свѣтъ моя мати-пустыня, ты пуств меня помолитцо, за младые лѣта потрудитцо. Отвѣдила ему мати-пустыня: повно, Олексій, ты молотъ Господу молитцѣ, у меня тибѣ не царская трапѣза, у меня тибѣ не питья медвяны и не яства тибѣ сахарны, що на мѣсто тибѣ питей медвяныхъ—одна болотная водича. що на мѣсто тибѣ яства сахарна—одно былѣ да кореньѣ. Олексій со слезами отвѣдѣтъ: мнѣ даромъ вся царская трапѣза, стану былѣмъ, кореньемъ питатцѣ и болотной водой наслаждатцѣ, только прими меня, мати-пустыня! Онъ и жывъ жо въ ей тритцѣть три года, стала говорить ему мати-пустыня: повно, Олексій, отця, мать прогнѣвляти, молоду жану со слѣсъ натажати. Тутъ возмолвивъ Олексій со слезами: ушь ты, свѣтъ—моя мати-пустыня, пресвятая ты Мать Богородица! дай ты мнѣ русые волосы по плеча, дай ты мнѣ бороду до пупа! Дала ему мати-пустыня русые волосы по плеча и бороду до пупа, и пошовъ жо онъ ко синему морю и сѣвъ онъ на лѣхкую шляпку и ѣхавъ онъ по синему морю три цѣса и три минуты, подѣбжаётъ онъ къ городу Риму и прихидивъ онъ ко Божіей ко церкви и становивъ жо онъ на папѣртѣ. Що выходитъ наротъ отъ обѣдѣн, тутъ идѣтъ жо и князь Ефимьяне, поклонивъ Олексій со слезами: ушь ты, свѣтъ жо, князь Ефимьяне, создай милостину мнѣ святую ты ради сына своего Олексія. Тутъ и князь Ефимьянъ остановивъ и горесно прослезивъ: ушь ты какъ моево сына знаѣшь и именемъ ево называѣшь? Ушь какъ мнѣ не знать твоево сына Олексія, въ одномъ мѣстѣ съ нимъ въ грамотѣ уцѣлись, съ одново плеча платѣ носили. Ушь ты, свѣтъ жо—князь Ефимьяне! ты сострой жо мнѣ килейку нову ты на мѣсто своего сына Олексія у себя ты перетъ переходамъ. Князь пришовъ жо домой прослезивъ и видѣнью тому полививъ, онъ велѣтъ жо склѣсь килейку нову у себя перетъ переходамъ, и жывъ жо Олексій тутъ довгое время, посылатъ жо князь Олексію пропитанѣ со своей онъ царской трапѣзы, слуги ему пищи не носили, царскіе воли не творили, съ царскіе трапѣзы посуду мыли, на Олексію келью выливали, и на то Олексій не сердивъ. Узнавъ жо Олексій сибѣ скорой цѣсь смерти, призывавъ жо къ сибѣ онъ килейника: килейникъ ты мой, да килейникъ, подай ты мнѣ лѣсь бумаги, перо ты мнѣ и дѣрнила!—Исповнивъ килейникъ ево прошенѣ, онъ и ставъ жо писать свое рукописанѣ. Какъ списавъ же онъ свое рукописанѣ, и пришовъ къ ему цѣсь смерти, и пошовъ по городу запахъ, повесло все ладавомъ—темьномъ, по городу мовва розвеселѣ, гдѣ-то открылись жо мощи святые, пошовъ жо по городу розыскъ, и нашли блись царскіе палаты, у ево потъ переходамъ. Многіе въ килью входили и у ево рукописанѣ просили, никому рука не отверзалась. Що пришовъ жо князь Ефимьяне и возмолвивъ онъ со слезами: ушь вы, мощи, вы мощи святые! пожалуйста мнѣ рукописанѣ! Тутъ рука жо князю отверзалась, онъ и взявъ жо къ сибѣ рукописанѣ, онъ и ставъ жо ево цѣтати, онъ и признавъ жо своево сына Олексія, онъ унавъ перетъ нимъ на колени: ушь ты, свѣтъ, мое цѣло милое, ушь ты для цѣво мнѣ по плоти не сказавъ, я состроиъ бы бѣлокаменны палаты. Услышала ево мати родная, упала передъ ѣмъ со слезами: ушь ты, свѣтъ, ты, дятяко родное, ушь ты для цѣво мнѣ по плоти не сказавъ, я пошла бы съ тобой Богу молитцѣ. Услышала ево жева молодая, погледѣла она на примѣты: ево шовковой поясъ росплѣвъ, золото кольцѣ роспаялось, пришла она со слезами, въ горестѣ она повалилась: ушь ты, свѣтъ, моя Лада милая, ушь ты для цѣво мнѣ товда не сказавъ, я пошла бы съ тобой Господу молитцѣ, за младые лѣта потрудитцѣ. Выносили жо мощи ись пещеры, що несли жо ко Божіей ко цѣркви ровно три дни несли и три ноцѣ, по сторонамъ злато, серебро кидали, що ниhto на то не бросавъ, все бросались за святымъ за мощами.

2. О двухъ братьяхъ Лазаряхъ.

Жили два брата, два Лазаря. Не ровно ихъ Господи щасѣмъ надливъ: большому брату бѣгачѣсва тьма, меньшому брату убожесво рай. Заводивъ богатой братъ

цѣсной пиръ, цѣсной, прѣцѣсной, прерадосной, созвавъ богатой братъ князей и бояръ, князей и бояръ и попофъ и дякофъ, одвоно не позвавъ брата своево, брата своево убогово Лазаря. Услышавъ убогой, самъ на домъ пришовъ, закрывавъ, завопивъ жыснымъ голосомъ: братецъ, ты братецъ, богатой Лазарь, напои, накорми на севоднишней дени! Услышавъ богатой братъ, самъ на дворъ вышовъ, закрывавъ, завопивъ громкимъ голосомъ: скверной, негодной, отойав проць отъ двора, есь у меня братъя полутше тебя, есь у меня друзья, какофъ и я самъ! Были у богатова два лютые пса; по потетолью ходять, крошки обирають; крошки обирали, убогому носили. Тутъ-то жо убогой братъ съ цѣсью принимавъ: слава Тибѣ, Господи, сытъ я и пьянъ, сытъ я и пьянъ на севоднишней девъ. Выходивъ убогой братъ во цѣсто полѣ, говоривъ убогой тихимъ голосомъ: Господи, Господи, Спасъ милостивой! Услыши, Господи, мблиту мою: создай мнѣ, Господи, двухъ Ангелофъ, двухъ Ангелофъ, двухъ немилостивыхъ! Услышавъ жо Господи молитву ево, создавъ ему Господи двухъ Ангелофъ, двухъ Ангелофъ, двухъ премилостивыхъ: вынимали душеньку цѣсно изъ нево, положили душеньку на пелены, понесли жо душеньку на небеса, посадили душеньку во самой во рай. Услышавъ богатой братневу смерть, выходивъ богатой братъ во цѣсто полѣ, закрывавъ, завопивъ громкимъ голосомъ: Господи, Господи, Спасъ милостивой, создай мнѣ, Господи, двухъ Ангелофъ, двухъ Ангелофъ, двухъ премилостивыхъ! Создавъ ему Господи двухъ Ангелофъ, двухъ Ангелофъ, двухъ немилостивыхъ: вынимали душеньку крокамъ и гвоздямъ, положили душеньку на пелены, понесли жо душеньку на небеса, посадили душеньку во самый во адъ.

3. (Начало забыто, а потому и заглавіе не означено).

...Это тутъ-то Христа распинали, гвоздемъ рудѣ приковали, святую крофъ проливали... Приходила Мати Марія, приносила ключъ золотыѣ; призывала къ сибѣ Петра и Павла: вы идите-ко, Петры и Павлы, вы несите-ко ключъ золотыѣ, отпирайте рай пресвѣтлой, пропускайте души грѣшныѣ въ рай, ушъ вы всѣ души пропускайте, только трѣхъ душъ не пускайте.—тѣ души ташко согрѣшили: первый душа ташко согрѣшила: отца, матеръ поматерну бранила, другая душа ташко согрѣшила: мужа съ женой разлучила, третьяй душа ташко согрѣшила: младенца во утробѣ задушила. Тѣмъ душамъ нѣтъ прощенья, тѣмъ душамъ нѣтъ покаенья, въ пресвѣтломъ раю не бывати, въ оцѣ Христа не видати.

4. О жидяхъ, искавшихъ Іисуса Христа.

Ісусъ Христосъ не знаетъ, куда отъ жидофъ утти. Пришовъ къ алилуевой женѣ; алилуева жена пецью топить, на рукахъ младенца держать. Подошовъ Ісусъ Христосъ къ алилуевой женѣ: алилуева жена кинъ младенца въ пѣшной пламень и возьми меня на бѣлыѣ руки! Алилуева жена не ослушна была: кинула младенца въ пѣшной пламень и взяла Ево на бѣлыѣ на рудьки. Тутъ Пилаты и жыды набѣжали и спрашивали у алилуевой жены: алилуева жена, не видала ли Іисуса Христа?—Ісусъ Христосъ въ пѣшномъ пламѣ.—Тутъ жыды, Пилаты заскакали, железныѣ заслонки приносили, железными заслонками закрывали и крѣпкими потпорами потпирали. Тутъ всѣ жыды пали и испропадали; крѣпкіе ихъ потпоры отпадали, железныѣ заслонки открывались, въ пѣшномъ въ пламѣ трафка выростала, по этой трафкѣ младенецъ похаживаетъ, Евангельской листикъ въ рудькахъ подерживаетъ, онъ во этомъ во листѣ похитываетъ: хто эту молитву ставѣтъ кажною девъ цитать, избавленъ будѣтъ муки вѣчныѣ.

5) О дѣвѣ и о жидяхъ.

Ходила, гуляла святая дѣва, искала, искала Іисуса Христа; ей ва встріцію попали три жыда, у жидовъ она спрашивала: куды вы ходили, али вы куды пошли?—Мы были: есь гора крута и высока; на этой ва горѣ кражы ровнены, изъ этихъ изъ кражофъ цѣркофъ строена, въ этой цѣрквѣ стоятъ три гроба: первой гробъ—Ісуса

Христа, другой гробъ—Ивана, третей гробъ—святыя Дѣвы. На Іисусовъ гробъ Ангели поютъ, на Ивановъ на гробъ свщцыи горятъ, у святыя у Дѣвы на гробъ цвѣты распѣли.

XIV. Свадебныя пѣсни.

1.

Не отъ вѣтру, не отъ вихора
Веребѣшки пошатнулись,
(этотъ я слѣдующіе стихи повторяютъ)
Воротѣцкя ростворились,
На дворъ гости наѣхали,
Молодецъ вошовъ во горницу,
Розудаленькѣй—во свитлицю.
Тутъ дѣвица испугалась,
Въ бѣломъ лицѣ перепалась,
Голова съ плечъ покатиалась.
Рѣзвы ноги подогнулись,
Бѣлы руки опустились,
Изъ глазъ слезы покатились,
Во слезахъ—то слово мовила,
Во горѣ рѣчь окончила:
Вонъ идѣть погубитель,
Вонъ идѣть разоритель мой,
Вонъ идѣть расплетай косу,
Вонъ идѣть потеряй красу!
Такъ отвѣтъ державъ молодець:
Ты не плацъ, не плацъ, дѣвица!
Не плацъ, дощъ отецкя!
(или дощъ безотецкя)
Що не я погубитель твой,
Що не я разоритель твой
И не я расплетай-косу
И не я потеряй-красу,—
Погубитель твой-батюшко,
Разорительница—матушка,
Расплетай-косу—сваховкя,
Потеряй-красу—дѣвица,
Ушь ты дощъ отецкя.

2.

Не было вѣтрѣвъ,
(каждый стихъ дважды)
Вдрукъ навѣяло;
Не было гостей,
Вдрукъ наѣхало;
Подлѣмили сны
Новыя съ переходами,
Ростопили
Цяшу золотую,
Выпустили
Соловья въ садъ.

Роскливили
Свѣтъ (имя невѣсты),
Свѣтъ (величавье).
Що (имя жениха) молодець
Уговариваетъ:
Ты не плацъ-ко,
Не плацъ (имя невѣсты),
Не плацъ (величавье)!
Сострою твѣ
Сини новыя съ переходами;
Я куплю твѣ
Цяшу золотую;
Понмаю твѣ
Соловья во садокъ.
Ставѣть тебя
По утру будить,
По зорямъ веселить (однажды).

3.

Вьюнъ на водѣ
(каждый стихъ повторяется)
Извиваетцѣ:
Зетъ у воротъ
Убиваетцѣ;
Просить свое,
Свое суженое:
— Отдайте мое,
Мое суженое!—
Вывели ему
Кѣня въ золотой уздѣ.
— Это ли твоѣ,
Твоѣ суженое?—
— Это не мое
И не суженое!—
Вьюнъ на водѣ
Извиваетцѣ;
Зетъ у воротъ
Убиваетцѣ;
Просить свое
(и проч. до)
Вывели ему
Соловья на рукахъ.
— Это ли твоѣ,
Твоѣ суженое?—
— Это не мое
И не суженое!—

Вьюнъ на водѣ
и проч.
Вывели ему
Свѣтъ (имя невесты),
Свѣтъ (величанье).
— Это ли твоё,
Твоё суженое?—
— Это моё,
Моё суженое!

4.

Ельникъ, березникъ—то ли не дрова?
(подчеркнутыя слова повторяются)
У (имя рекъ) то ли не жена?
Шовкова ниточка къ стикѣ льнётъ,
(Имя жениха и невесты) къ сердечку
жмётъ.
Ушъ ты (имя невесты) скажи правду свою,
Скажи правду свою: кто тѣ мивъ на
роду.
Мивъ мнѣ, милёшенькѣ батюшко мой,
Всѣхъ помилѣе матушка моя.
(Имя невесты) моя, что не правда твоя
и неистинная
Не смій говорить, моё сердце гневить!
Ельникъ, березникъ и проч.
Мила мнѣ, милёшенька матушка моя,
Всѣхъ помилѣе мнѣ батюшко.
(Имя невесты) моя! Это не правда твоя
и неистинная.
Не смій говорить, моё сердце гневить!
Ельникъ, березникъ и проч.
Мивъ мнѣ, милёшенькѣ батюшко мой,
Всѣхъ помилѣе (имя жениха) молодецъ.
(Имя невесты) моя! Это правда твоя;
Смій говорить, моё сердце веселить.

5.

Яфанта красёнъ,
(каждый стихъ по 2-жды)
Яфанта на золотѣ;
Мисецъ свитѣвъ,
Мисецъ въ оболокѣ.
Наш-отъ (имя жениха)
Онъ полутше всѣхъ;
Увидъ кудри,
Уцѣсавъ волоса.
Матушка ему
Всё наказывала:
— Пойдѣшь, дитя,
На цюжѹ сторону;
Подвѣсутъ тѣ, дитя,
Тибѣ цяру вина;
Не пей-ко, дитя,
Эту цяру вина!

Вылей, дитя,
Ты коню въ копыта,
Щобы твой конь
Поступиште шовъ;
Щобы твой конь
Погордиште вѣсть.

6.

Що не яблоцѣкъ по горенкѣ катавсѣ (каж-
дый 2-лы),
Не зладѣнъ перстень на блюдѣ рассыпавсѣ.
Нашъ (имя жениха) жевитцѣ снаряжавсѣ;
Ему матушка головушку пѣсала,
Во три рада ему кудри завивала;
Мати крѣпко ему наказала:
Ты пойдѣшь, моё дитятко, женитцѣ
На цюжѹ, на дальнюю сторону;
Тибѣ стануть тамъ дѣвки пѣсни пѣти,
Що тебя молотца припѣвати,
Тибѣ (имя невесты) душу величати;
Ты дари-ко красныхъ дѣвокъ по рублиникѣ.
Токо много тибѣ показалось,
Ты дари-ко красныхъ дѣвокъ по повтнникѣ;
Токо много тибѣ показалось,
Ты дари-ко красныхъ дѣвокъ по гривнѣ;
Токо много тибѣ показалось,
Ты дари-ко красныхъ дѣвокъ по два гроша.

7.

Не розвивайсѣ, мой тихой Дунай!
Не пуцай ручью по цѣсту полю!
(этотъ и слѣдующіе стихи повторяются)
Въ томъ цѣстомъ полѣ шовкова трава,
Въ этой травонкѣ бѣла олень,
Бѣла олень—золотыѣ рога.
Тутъ не гдѣ вязавсѣ (имя жениха) молодецъ
[при повтореніи этого стиха поется:
Тутъ не гдѣ вязавсѣ (величанье)],
Махнувъ оленюшку плѣтоцкѣй;
Я тя, оленюшка, застрилю!
— Не стрилей (имя жениха) молодецъ!
Не въ коѣ время я тибѣ пригожусь.
Станѣшь женитцѣ, на сварьбу приду,
Золотыми рогами весь дворъ освѣцѹ,
Всѣхъ вашихъ гостѣекъ розвеселю,
Пуще тово (имя невесты) розвеселю,
(при повтореніи поется величанье)
Щобы (имя невесты) не плакалась,
(вмѣсто повторенія поется)
Щобы (величанье) не гнѣвалась.

8.

Збѣры, зборы, свѣтъ (имя невесты),
Збирала подружокъ во свой домъ;
(слѣдующіе стихи повторяются)

Садил подружокъ на свой стовъ,
А сама садилась выше всѣхъ,
Клонила голову ниже плечъ,
Думала думушку кривцѣ всѣхъ.
Подрушки, мои голубушки!
Вы скажите мнѣ, присовѣтуйте:
Какъ будѣтъ назвать свѣкра батюшка?
Батюшкою назвать не хочѣцѣ,
Свѣкромъ назову—осердитцѣ.
Какъ будѣтъ назвать свекрофъ матушку?
Матушкой назвать—не хочѣцѣ,
Свекровью назвать—осердитцѣ.
Какъ будѣтъ назвать деверей-братцѣй?
Деверьямъ назвать—осердятцѣ,
Братьями назвать не хочѣцѣ.
Какъ будѣтъ назвать мѣъ золовухокъ?
Золофкамъ назвать—осердятцѣ,
Сестрицямъ назвать не хочѣцѣ.
Какъ будѣтъ назвать мѣъ (имя жениха)?
(Имя жениха) назвать—осердитцѣ,
Душецкѣй назвать не хочѣцѣ.
Убавлю спѣси, гордости,
Прибавлю млада смиренева, скромности.
Свѣкра назову я батюшкою,
Свѣкрофъ назову я матушкою,
Деверей-то назову я братцами,
Я золовокъ назову сестрицами;
Я (имя жениха) назову душецкѣй.
(Вѣсто повторевія поется:)
(Величанье жениха) назову я: жись моя!

9.

Ушъ вы, гуси, вы, лебеди,
(слѣдующіе стихи повторяются)
Вы куды вѣдѣра съ летали?
— Ушъ мы летали, летали
На синѣ морѣ плавати.
— Ушъ вы що тамо видѣли?
Ушъ мы видѣли, видѣли
Сѣрю утицю на морѣ.
— Ушъ вы що еѣ не взяли?
Хоша мы еѣ не взяли,
Мы еѣ потсмотрили,
Право крылышко заломили.
— Ушъ вы, молотцѣй, молотцѣй!
Вы, купцѣй переѣжжѣй!
Вы куды вѣдѣра съ издили?—
— Ушъ мы издили, издили
Ушъ мы зъ города на горотъ.
— Ушъ вы що тамо видѣли?
— Ушъ мы видѣли, видѣли
Красную дѣвицю въ теремѣ.
— Ушъ вы що еѣ не взяли?
— Хоша мы еѣ не взяли,

Мы еѣ запросватали,
Косу русу росплѣтали,
Призакрыли буйну голову.

10.

Роскапаласѣ грушница
(слѣдующіе стихи повторяются)
Перетъ яблоньцѣй стояци,
Що расплакасъ дѣвица
Перетъ матушкой плакуци:
— Ушъ ты, свѣтъ моя матушка!
Я оцъ цѣмъ тѣ побью цѣломъ,
Оцъ цѣмъ я полокуцѣю,
Я цѣво у тя буду спрашивать.
Ты скажѣ-ко мнѣ, матушка,
Ты скажѣ-ко правду истинну:
Ты на що жо пиво варишь,
Ты на що приготоулеессѣ,—
Скоро праздницѣя не будѣтъ у насъ,
Это що у тя заводитцѣ?
Ты не къ праздницѣю ли годѣвому?—
— Ушъ ты, свѣтъ моѣ дитятко,
Моя доцѣя отецѣя (или безотетьцѣя)!
У насъ сварепка заводитцѣ.—
— Ушъ ты, свѣтъ моя матушка!
Вы ково жо отдаѣте,
Или вы ково жѣните?—
— Ушъ ты, свѣтъ моѣ дитятко!
Мы тебя запросватали,
Въ воскресеньѣ быть дивиннику,
Въ понидильникѣ—ко злату винцю.—
— Ушъ ты, свѣтъ моя матушка!
Я о цѣмъ тѣ побью цѣломъ,
Я о цѣмъ буду кланетцѣ,
Со слезамъ буду молитсѣ:
Не остаѣ-ко ты, матушка,
Моево докупѣнница,
Слезанова, да горькѣва!
Вамъ нельзя ли это слѣлати—
Мою сварепку отгѣжыти?—
— Ушъ ты, свѣтъ моѣ дитятко,
Моя доцѣ милая!
У насъ дѣво-то здѣлано,
По рукамъ у насъ удѣрено
И дарамъ всѣ обдарены.

11.

Много, много у сыра дуба,
(слѣдующіе стихи повторяются)
Много вѣтъя в павѣтъя,
Много листу зелѣнова;
Только вѣту у сыра дуба
Золотѣй вершывушки.
Много у (имя невѣсты) души

И роду и племени,
И родныхъ и двоюродныхъ,
Только нѣту у (нихъ) души,
Нѣтъ родимова батюшка.
Наредить-то къ винцу есъ кому,
Бласловить-то её не кому,
Нѣтъ родимова батюшка,
Нѣту слѣски горючіе.

12.

Изъ-за лѣсу, лѣсу тѣмнова,
(слѣдующіе стихи повторяются)
Изъ-за тѣмнова, дремущѣва
Вылетало стадо гусей,
Що другое лебедей стадо.
Отставала лебѣдушка
Отъ стада лебединова,
Приставала лебѣдушка
Ко стаду ко сѣрымъ гусямъ.
Не умѣла лебѣдушка
По гусиному крыцѣти —
Нацѣли гуса щипати,
А лебѣдушка—крыцѣти:
— Не щиплите, гусь сѣрые!
Не сама я къ вамъ залѣтала,
Занесло меня погодою,
Погодою—буйнымъ вѣтромъ.—
Отставала свѣтъ-дѣвица,
Она отъ роду, отъ племени,
Отъ отца и отъ матери;
Приставала свѣтъ-дѣвица
Ко цюжымъ, незнамымъ людямъ,

Ко цюжому цюженнину,
Къ добру, доробаному молютьцю.
Не умѣла свѣтъ-дѣвица
Съ цюжымъ людямъ обходитисѣ.
Нацѣли люди бранити,
Красна дѣвица—плакати;
Не браните, добры люди!
Не сама я къ вамъ залѣтала,
Завезли меня добры кони,
Добры кони—молодецькіе.

13.

Тысецькѣй!
(каждый стихъ повторяется)
Ты цѣсноу цѣловѣкъ!
Слышышь ли ты.
Розумієшь ли ты?
Мы тѣ поємъ,
Цѣсь, хвалу воздаємъ.
Надо ли тибѣ
Полонъ дворъ живота?
Тысецькѣй!
(и проч. до)
Надо ли тибѣ
Полонъ хлѣба анбаръ?
Тысецькѣй!
(и проч. до)
Надо ли тибѣ,
Тѣ наба-та съ верхомъ?
Надо ли тибѣ,
Тибѣ пива съ хохломъ?

XV. Игровыя пѣсни:

а) поющіеся при наборѣ дѣвицъ для хоровода.

1.

Заенъкѣ биленькѣй,
Ушки давгонькѣй,
Ношки коротенькѣй!
Зайко въ сторону скоцѣвъ,
Много солоду купцѣвъ,
Онъ въ другую скоцѣвъ,
Тутъ рѣка глубока,
Рѣка тивовата,
Рѣка ребиновата;

Що ребиннушка цаста,
Цѣлуй мблотьца въ уста.

2.

Вы тиги-тиги-тиги,
Гуса, лебеди мои!
Со ржавцінки,
Со болотняки,
Со Дунаю со рѣки
Набѣжали старики:

Это вашъ, это нашъ,
Это нашъ гостенёкъ!
Я ухаживала,
Ухорашивала
Отъ сѣрова вовка,
Отъ лютова звиря.
Я ково люблю—
За себя возьму;
Ково не люблю,
Тово не возьму.
Кому тошно по насъ,
Тотъ и бѣгаетъ у насъ,
Кому не тошно,
Итти не по щю.
Душа—красная дѣвица!
Поди, выйди за меня!

3.

Гулей, гулей, молодець,
Пока обѣдаётъ отецъ;
Отобѣдаётъ отецъ,
Нашой писенькѣ конечь.

4.

Вѣянкѣ да голянкѣ
Цѣловатцѣ велить.

5.

Ты сарай, ты сарай!
Въ сарай сѣно валить;
Сѣно офчи идять
Чѣловатчо велить.

6.

Воробей скацётъ по полищу,
Молодой скацётъ по сѣднщю,
Выбирающій своей брати.
Ой, брацци, мало насъ!

7.

Воробей скацётъ и проч.
Ой, брацци, много насъ!

8.

Скацётъ галоцькя по ельницкю,
Ищетъ мевкова березницкю;
Що наѣхали разбойницки,
Сняли съ галоцьки цѣрныя сапоги;
Не въ цѣмъ галоцькѣ по городу сказать,
Не въ цѣмъ цѣрной по новому плясать.

9.

Скацётъ заецъ по болоту,
Нанимаеццѣ въ роботу;

Онъ теревитъ сибѣ моху,
Затыкаётъ сибѣ ж—у.

10.

Вы ершы, ершы, ершы,
Ершы маленькіе,
Костоватенькіе!
Хто ерша наловить,
Тово три расъ цѣловать.

11.

Сковородникъ, сковородникъ,
Сковородникъ ва пеци!
Ты не много хлопоцѣ,
Десятоцькя два блинкофъ испеки!
Двое ходить, двое бродить,
Дное сойдутцо, приобоймутцо, поцѣлуютцо.
Що во старые-те годы
Не бывало такой моды,
Пришовъ нынѣщій укасъ—
Цѣловатцѣ деветь расъ.
Таки расъ, таки расъ!
Хто подманивать горасъ,
Тому рюмоцькя вина,
На закуску—пирощка,
На забаву—дѣвущка.

12.

У пона за дворомъ
Пирогъ съ тварогомъ;
Кабы было съ кѣмъ,
Разломивъ бы, съѣвъ,
Давъ бы милому серѣтку,
Постылому—конечь,
За то ему—конечь,
Що удалой молодець.

13.

Що гугу, гугу, гугу,
Потерявъ мужыкъ дугу,
Дугу, тоцѣную,
Позолѣцѣную.
Цю! ребята-те пищать,
Не дугу ту ли тапцать.
Погляжу я въ рѣшето,
Цѣловатцѣ хорошо;
Погляжу я въ сито,
Цѣловатцѣ сыто,
Погляжу въ грохотку,
Цѣловать въ охотку.

б) хороводныя:

1.

Какъ на нашей на сторонкѣ (каждый
2-жды).

Хороша угода,
Що хорошая угода:
Хорошъ хмѣль родивсѣ;
Що хорошей хмѣль родивсѣ,
Брукъ колѣшка вивсѣ,
Вивсѣ, вивсѣ, извивавсѣ
Въ винцѣ золотыѣ.
Золотыѣ винцѣ вьютцѣ—
Серебряной лисѣ.
Що серебряной лисѣ,
Жемцюжныѣ кисти.
— Пойду, млада, въ сать, погулею,
Нащиплю я хмѣлю;
Нащиплю я, млада, хмѣлю,
Хмѣлю садоваго,
Наварю я, млада, пива,
Пивушка пываго.
Созову я въ гости гостя,
Гостя дорогова,
Въ гости—гостя дорогова,
Батюшка роднова.
Мой батюшко пѣтъ, пѣтъ пиво,
До пьяна не вапѣтцѣ.
Онъ до пьяна не напѣтцѣ—
Домой соберѣтцѣ.

Со двора долой съѣжжашъ,
Меня оставляшъ,
Меня, млада, оставляшъ
На цюжой сторонкѣ.
На цюжой, дальшой сторонкѣ,
Въ цюжыхъ людяхъ жыти,
Во цюжыхъ-то людяхъ жыти,
Всякому служыти,
Що годѣю, негодѣю,
Каждому цѣловѣку,
Цѣловѣку не простому—
Парню холостому.

2.

Що во улицѣ во швецкѣй, (по 2-жды)
Въ слободѣ было нѣмѣцкѣй
Молодой ямщикъ гулелъ,
За собой онъ дѣфку водить,
Дѣфку, дѣфку иноземку.
Дѣфка парню говорила,
Говорила, не стыдилась:
Мила друшка не таялась:
Ушъ ты, другъ ли мой, дружедѣкъ,
Серцю радость, животодѣкъ!

Ты пойдѣшъ, миленькѣй, женитцѣ—
Приворацѣнай простицѣ;
Привяжи коня ко кусту,
Къ этому кусту калинѣ;
Ты накушай, моя радость,
Горькой ягоды калины!
Какое кушать калину,
Таково жытьѣ за старымъ.
Що у старова у мужа
Не грозы нѣту, ни воля,
Отъ людей нѣтъ оборони,
Отъ семейницкѣфъ—застѣи;
Ево люди мало знаютъ,
Господа не почитаютъ.—

Що во улицѣ во швецкѣй
(и проч. до).

Привяжи коня ко кусту,
Къ этому кусту малинѣ,
Ты накушай, моя радость,
Слаткой ягоды малины!
Какое кушать малину,
Таково жытьѣ за ровнѣй;
Що у ровнюшки у мужа
И гроза—та есь и воля,
Отъ людей есь оборона,
Отъ семейницкѣфъ застѣи.
Ево люди много знаютъ,
Господа всѣ почитаютъ.

3.

Въ саду дѣфки гулели.

Калина, малина!

Въ саду красны гулели и проч.
Онѣ рвали цвѣтоцкѣи и проч.
Онѣ вили вѣвочкѣи и проч.
Онѣ въ ричкѣи кидали и проч.
Завѣтъ завѣщали и проч.
Хто въ Дунай-ричкѣи скопитъ и проч.
Хто вѣвочкѣи перевернетъ и проч.
За тово замушъ выйду и проч.
Тутъ кидавсѣ, бросавсѣ и проч.
Тутъ старѣй старицѣи и проч.
Старой мушъ мѣнѣ не ровня и проч.
Мѣнѣ не пара любая и проч.
Охти, матушка, горе! и проч.
Государови, горѣ! и проч.
За стара замушъ нейду и проч.
Приказы розоттисѣ и проч.
Приказы развестисѣ и проч.

Въ саду дѣфки гулели и проч.
Тутъ кидавсѣ, бросавсѣ и проч.
Младой мушъ мѣнѣ и ровня и проч.

Мяѣ и пара милая и проч.
За ево замушъ выйду и проч.
Охти, матушка, радость! и проч.
Государони, радость! и проч.
Прикажете пожалуй и проч.
По праву рудькю стати и проч.
За праву рудькю взети и проч.
Во уста цѣловати.

4.

Заенькѣ, поскаци! Сиренькѣй, попляши!
Онъ взявъ себя за бока. (2-жды).
Заенькѣ младушѣ! Сиренькѣй младушѣ!
Крушкомъ, боцкѣмъ повернись!
Не куды заенькю vyskочить, не куды съ-
рому выпрянути,
А другому заскочить.

5.

Мы просу ту сіели, сіели.
Ой дила, ладушка!
(послѣ прищѣва послѣднія слова
повторяются)
А мы просу ту вытопцѣмъ и проч.
Ужо вы цѣмъ вытопцѣте? и проч.
Мы коней выпустимъ и проч.
А мы коней-го въ хлѣбъ запремъ и проч.
А мы коней-то выкупимъ и проч.
Ужо вы цѣмъ жо выкупите? и проч.
Мы вамъ дадимъ сто рублей и проч.
Намъ не надобно тысеця и проч.
Ужо що жо вамъ надобно? и проч.
Ужо намъ надобно дѣвница и проч.
Вамъ которая надобно? и проч.
Ушъ намъ надобно крайняя и проч.
У насъ крайняя въ золотъ и проч.
Отворейтесѣ, вѣрота! и проч.
Пашова повку-ту прибыло и проч.
Нашова полку-ту убыло и проч.
А мы вецѣръ скакали и проч.
А мы вецѣръ плакали и проч.
А мы вецѣръ цѣй пили съ кофеѣмъ и проч.
А мы вецѣръ цѣй пили съ копотѣй и проч.

6.

Вдоль было по травонькѣ, вдоль по мурафкѣ.
Лѣли, лѣли, лѣлюшки.
(повторяются послѣднія слова и прищѣвъ)
Тутъ ходитъ, гулетъ удалой молотцѣмъ
и проч.
Клицѣтъ, выкликаѣтъ красную дѣвницу
и проч.
Поди, выйди, дѣвница, за ворота и проч.
Со мной, со молотцѣмъ, постоеи и проч.
Со мной, со удаленькимъ, рицъ говорити
и проч.

Що дѣвница къ молотцу выходила и проч.
Що дѣвница съ молотцѣмъ рицъ говорила
и проч.

А я тебя, молодецъ, обещаю и проч.
При всемъ при мирѣ, при народѣ и проч.
При всемъ дѣвницѣмъ караводъ и проч.
Що дѣвница молотца оборѣла и проч.
Пуховую шляпонькю долой сшибла и проч.
Русые кудерѣцкя ростегала и проч.
Цѣстыѣ пугофки ростегала и проч.
У кафтана борики всѣ примала и проч.
Змазныѣ сапоженьки въ грѣсъ втоптала
и проч.

Со всѣмъ молотца обругала и проч.
Подшовъ, пошовъ молодецъ, самъ заплакавъ
и проч.

На що меня матушка спородила и проч.
Несцѣсливой долюшкой надѣлила и проч.
Меня красна дѣвница пристыдила и проч.
Вдоль было по травонькѣ, вдоль по му-
рафкѣ (и проч. до)

Що дѣвница молотцу рицъ говорила и проч.
Прости меня, молодецъ, виновату и проч.
А я тебя, молодецъ, не узнала и проч.
Пуховую шляпонькю въ рудьки брала и проч.
Русые кудерѣцкя удѣсала и проч.
Пуховую шляпонькю надѣвала и проч.
Цѣстыѣ пугофки застегала и проч.
У кафтана борики поправляла и проч.
Змазныѣ сапоженьки вытирала и проч.
Совсемъ добра молотца снаредила и проч.
Пошовъ, пошовъ молодецъ, взвеселился и проч.
Во всѣ цѣтыре стороны поклонивсѣ и проч.
Спасибо, що матушка спородила и проч.
Пресцѣсливой долюшкой надила и проч.
Меня красна дѣвница снаредила.

7.

Груня, Груня, Груня, Груня, Груня, Груня
ягода моя! (2-жды).

Лѣли, лѣли, лѣли, лѣли, лѣли.

Росповадилась Груняша цѣсто по воду
ходить и проч.

Цѣсто по воду ходитъ, по задворю воду
лить и проч.

По задворямъ воду лить, къ Олексію
захолить и проч.

Къ Олексію заходить, Олексіюшка будить
и проч.

Встанъ, Олѣша, пробудись, на меня, младу,
не сердась и проч.

А я, млада, не серята, Олексія люблю
свѣтъ и проч.

Я запладу, зарыдаю, всё Олѣшу вспоминаю
и проч.

Какъ у Груниныхъ воротъ стоитъ озеро
воды и проч.
Стоить озеро воды, молодецъ коня поивъ
и проч.
Молодецъ коня поивъ, къ верёжкѣ ста-
новивъ и проч.
Къ верёжкѣ становивъ, къ колецёшку
привязавъ и проч.
Къ колецёшку привязавъ, самъ Груняшъ
наказавъ и проч.
Ушъ ты, Грунюша, Груня, збереги моево
коня и проч.
Збереги моево коня, не порвавъ бы поводъ
и проч.
Поводъ шовковыё, стремяна золотёны
и проч.
Стремена золотёны, верёжкы тоцёны
и проч.
Напишу я грамотку по бѣлому бархату
и проч.
Отошлю я грамотку въ Сибирь горотъ
батюшку и проч.
Въ Сибирь горотъ батюшку, ко родимой
матушкѣ и проч.
Родимая моя мать, позволь додѣръ гулять!
и проч.
Гулей, гулей, дитятко, гулей, цядо милоё,
и проч.
Пока волюшка своя, не расплетена коса,
и проч.
Не расплетена коса, не покрыты волоса!
и проч.
Покроётцѣ голова, минуетцѣ вся гульба
и проч.
Мивуетцѣ вся гульба, всё отступятцѣ
друзья и проч.
Вотъ какъ Грунюша идѣтъ, ровно панушка
плывѣтъ и проч.
Какъ на Грунюшѣ перо шестьдесятъ рублей
дано и проч.
Що фторое-то перо семитысешное и проч.
Какъ на Грунѣ сарафанъ повтораста рублей
данъ и проч.
Що третьеё-то перо изъ Парижа везено
и проч.
Изъ Парижа везено, милымъ друшкомъ
дарено и проч.
Милымъ друшкомъ дарено, цѣловатцѣ
велѣно.

8.

Веселая голова, не ходи мимо сада,
Не ходи мимо сада, не прокладывая слѣда,
(этотъ и слѣдующіе стихи повторяются)

Дороженьки не торы, худой славы не клади-
Худа славушка пройдётъ, никто замушъ
не возьмётъ:
Що не баринъ, не купецъ, не удалой
молодецъ;
Ётцю, матеръ бесцѣсье, роду племени юкоръ,
Роду племени юкоръ, стытъ, головушку
долой.
Стытъ, головушку долой, мнѣ нельзя притти
домой.
Мнѣ нельзя притти домой, сказать матушкѣ
родной;
Скажу такъ, скажу сякъ, скажу эдакъ и
вотъ—такъ.
Скажу: въ садикѣ была, во зелёномъ
гуляла,
Слатки яблоцкы щыпала всё налицатыё,
Всё налицатыё, слатки россыпатыё,
На бѣлоё блюдо клала, на серебряной
подносъ,
Къ милу друшку отсылала во высокой во
терѣмъ.
Милой яблоцкѣфъ не принявъ, ницѣво
не говорить:
Не отказываетъ, не приказываетъ.
Ушъ я топнула ногой, сама съ терема
долой,
Сама съ терема долой, оставайсѣ, цѣртъ
съ тобой!
Оставайсѣ, цѣртъ съ тобой, не ломайсѣ
надо мной!
Не ломайсѣ надо мной, надъ дѣвицѣй
красотой!
На перву ступень ступила—приздумаласѣ,
На фторую-ту ступила—ворожись, мада,
назатъ,
Друшку выговору, въ глаза выругаю:
Ты послушай-ко, невѣжа, погадай, негодей!
Я за що тебя люблю, за що жаловать
хоцю?
Я за то тебя люблю, що на ноженьку
легокъ,
Що на ноженьку легокъ, на босу ногу
сапокъ,
На босу ногу сапокъ, во полноцъ гулетъ
готофъ.
По уму-ту ты—невѣжа, по разуму—про-
стота.

9.

Въ лѣсъ пошли, въ лѣсъ пошли, въ лѣсъ.
за ягодами.
Сѣю—вѣю, вѣю вѣю.

Онѣ яготъ не набрали, подрушку потеряли
и проч.

(Послѣ припѣва послѣдніа слова стиха повторяются).

Потеряли жо подрушку Катеринушку
и проч.

Ты, ау, ау, Катюша, ау, милая моя!
и проч.

Не въ лѣсу ли заблудилась, не въ травѣ
ли заплелась? и проч.

Кабы въ лѣсѣ заблудилась, лѣсѣ ко землѣ
приклонивсѣ и проч.

Кабы въ травѣ заплелась, трава шовкова
свилась я проч.

Кабы въ водѣ потонула, свѣжа вода возму-
тилась и проч.

Я пойду ли по тропинкѣ, я найду ли
деревинку и проч.

Потъ Еліною кровать, кравать новенькая
и проч.

Кровать новенькая, ростесовенькая и проч.
На кровать перина пуховенькая и проч.

На перинѣ—Катерина, перетъ нѣй стоятъ
дитина и проч.

Перетъ нѣй стоятъ дитина — Иванушко-
сиротина и проч.

Катю спрашиваетъ, уговариваетъ и проч.
Роскатышецкя моя, скажи: любишь ли

меня? и проч.
—Я любитѣли не люблю, нагледитѣ не могу.

10.

Дѣвушки въ садикѣ гулели, забавныѣ
цвѣты рвали,

Цвѣты рвали, сорывали, вѣнки вили, совива-
вали (каждый стихъ 2-жды).

Вѣнки вили, совивали, на голофку на-
дѣвали,

На голофку надѣвали, сами себя украшали.
Украшали, наряжали, итти домой опоздали,

Опоздали, приутали, потъ кустоцькѣмъ
отдыхали,

Потъ кустоцькѣмъ отдыхали, гдѣ охотники
гулели.

Слѣдующія пѣсни поютъ, ходя кругами по деревнѣ. Ихъ же поютъ на ве-
черинкахъ слія.

11.

За годоцникъ моѣ сердѣ слы, моѣ сердѣ
слы, сердѣ слышало,

За видялюшку оно повѣ, сердѣ росповѣ, Провожала я ли друшка ми, я ли друшка
миѣ повѣдало.

Гдѣ охотники гулели, злы собаки набѣ-
жали,

Злы собаки набѣжали, меня, младу, испу-
гали.

На ту пору, на тотъ цѣсъ мой милень-
кѣй набѣжжавъ.

Мой миленькѣй набѣжжавъ, со добра коня
слазавъ,

Со добра коня слазавъ, коня къ яблонѣ
вязавъ,

Коня къ яблонѣ вязавъ, ко дѣвушкѣ пот-
бѣжжавъ.

Ко дѣвушкѣ потбѣжжавъ, слово дѣвушкѣ
сказавъ.

Дѣвка парню говорила: одново тебя любила,
одново тебя любила, лицѣ бѣлой открыла;

Лицѣ бѣло, припотѣло, розгулетцѣ захо-
тѣла.

Пойду зѣ горя въ гореньку, сяду я на
лавоцькю,

Сяду я на лавоцькю, возьму я гитароцькю,
Стану, буду я играть, буду друшка при-
пѣвывать.

Хорошо нашимъ ребятамъ въ Москвѣ по-
жылосѣ,

Въ Москвѣ пожылосѣ, прибогатилосѣ;
По торгамъ цѣсто гулели, серебро на мить

минели,
Серебро на мить минели, муку, солотъ за-
купали,

Муку, солотъ закупали, брагу пьяную ва-
рили,

Брагу пьяную варили, въ погребахъ довго
томили.

Що Ивану нѣтъ тазаву, скоро осень по-
дошла.

Скоро осень подошла, зима холодная при-
шла,

Зима व्यожистая, зима металистая;
Зима вѣтъ и метѣтъ вдоль по городу

идѣтъ,
Вдоль по городу идѣтъ, ко дѣвницѣ во
садокъ;

Що у дѣвушкѣ въ салоцькѣ повязанобило,
У красавицѣ сердѣцюшко повысушыло.

Собираетѣ миленькѣй въ доро, миленькѣй
въ доро, во дороженьку.

Не во дальнюю миленькѣй, тошнѣ, миѣ
тошнѣшенѣкѣ.

Провожала я ли друшка ми, я ли друшка
ми, друшка милова,

Я до городу ли ево до Дани, ево до Дани,
 до Данилова,
 До заставушки ли ево до моско, ево до
 моско, ево до московскіѣ.
 На заставѣ съ милымъ расстава, съ ми-
 лымъ расстава, съ милымъ расста-
 валисѣ.
 Всѣ-те намъ люди удивле, люди удивле,
 люди удивлелисѣ:
 Это що стоитъ за па, що стоитъ за па,
 що за парочька,
 Що не мужъ съ женой стоитъ, не братъ,
 не мушъ съ женой, не братъ съ се-
 строй;
 Али мѡлодецъ стоитъ со дѣ, мѡлодецъ со
 дѣ, мѡлодецъ со дѣвицѣй.
 Говоринѣ-то миленькѣй, нака, миленькѣй
 нака, онѣ наказывавѣ;
 Цѣсью, лесью милой угова, милой угова,
 милой уговаривавѣ:
 Посмириѣ живи, моя лю, моя лю, моя
 любушка;
 По смириѣ живи, постепе, живи постепе,
 живи постепенѣе.
 Я наказу милова не слу, милова не слу,
 не послушала.
 Съ ынымъ съ милымъ дѣфка поводи, дѣфка
 поводи, дѣфка поводишасѣ,
 Поводиѣшы скоро розбрани, скоро розбрани,
 скоро розбранишасѣ.

12.

Эко серцѣ, эко бѣдвое моѣ!
 Тябѣ повно-ко, серцѣ, нить и изнывать!
 (Этотъ и слѣдующіе стихи повторяются).
 Моему-то серцю въ покоѣ не живать,
 Въ беспокойцику приключѣетцѣ болѣсь.
 Що болить-то, болить розбуйная голова,
 Не глядять то ли на свѣтъ розвесѣлыѣ
 глаза;
 Що не видять жо съ неба совнешвыхъ
 луцѣй.
 Изъ луцѣй-то ли, луцѣй подымаѣтцѣ ту-
 мавѣ,
 Исѣ туманику цѣстой дожжыцѣкъ идѣтъ;
 Дошѣ прибавѣ, дошѣ примочнѣвъ въ полѣ
 шовкову траву—
 Не берѣтъ травы славна риская коса.
 Сѣнокосила красна дѣвица-душа;
 Красной дѣвицѣ сѣнокосъ на умѣ неидѣтъ,
 Миткалвнова рубашка къ тѣлу льнѣтъ.
 Красна дѣвица сѣнокосить, слѣзы льѣтъ—
 По прокосиву доброй мѡлодецъ идѣтъ.

13.

Весной дѣвушки гулели въ каравади-
 кѣ на душѣ у;
 (Послѣднія слова каждого стиха повторяются).
 Онѣ писеньку запили, милой жалосно вни-
 мавѣ,
 Милой жалосно внимаетъ, рицѣ забавную
 говоривѣ.
 Рицѣ забавную такую, деревеньку всѣ
 бравивѣ:
 — Ты, проклятая деревня, за цѣмъ сѣшынѣ
 каждой цѣсь?
 За цѣмъ сѣшынѣ, за цѣмъ крушынѣ уда-
 лова молотѣца,
 Удалова, молодова, Ярославкова купца?—
 Не деревня парня сѣшынѣ. сѣшынѣ дѣ-
 вушка-душа;
 Сѣшынѣ дѣвица милая, уродиласѣ хороша:
 Ростомъ средня, лицѣмъ бѣла, розвесѣлыѣ
 глаза.
 — Нѣтъ на свѣтѣ горя болѣ: жыѣ со ми-
 ленькимъ въ роздорѣ.
 Роздорѣ въ люди не явлю я, у судьбы
 щасѣя прошу:
 Ты, судьба ли моя премилая, здѣлай ми-
 лось для меня!
 Здѣлай милось, такую радость: выйди за-
 мушъ за меня!
 — Ушѣ я рада бы за тя вытти, топерѣ воля
 не моя.
 Въ аѣтой волѣ есѣ и болѣ: родной батюшко
 у меня.
 Я у батюшка спрошусѣ, у матушки до-
 ложусѣ;
 Ежели батюшко меня позволить, родна
 матушка за мушъ отдаѣсь.
 Позволенѣе мать дѣла мяѣ, друшка въ
 гости я позвала.

14.

Вы прощайте-ко, дѣфки, бабы, намъ то-
 шерецѣй, дѣвушки, не до васѣ;
 (Послѣднія слова каждого стиха повторяются).
 Намъ топерѣцѣй, дѣвушки, не до васѣ: во
 савиатушки выйѣдци ладятъ насѣ.
 Это що жо въ году за мисѣць—ноцѣй
 свититѣ, а днѣмъ и нѣтъ?
 Это що жо такой за милой—лѣтомъ лю-
 битѣ, а зимой и нѣтъ?
 Для того-то зимой онѣ меня не любить,
 що зимушка-то кажатцѣ холодна,
 Зимушка студѣная, ему холодно стало хо-
 дитѣ.
 Ему холодно стало ходить, ему нецѣво
 стало носить:

Одна синяя, синяя сибирянько, всю по
побѣткамъ истаскавъ;
Шуба рваная, рваная бестъ кармана, бестъ
подшофъ сапоги.
Ты купи-ко сибѣ, милой, сапожки, мнѣ
— сафьянныя красныя башмаки.
Ты ко мнѣ-то ходи, милой, въ сапожкахъ
все на утренней на зорѣ.
Що на то-то милой осердился—ко мнѣ въ
гости-те не бывавъ.

15.

Захотѣлось провѣдать, гдѣ любезная жь-
в е т ѣ .

(Въ стихѣ последнее слово повторяется).
Гдѣ живётъ, гдѣ живётъ моя милая, тамъ
весѣла сторона.

Тамъ весѣла, тамъ весѣла и гулява розли-
валася вода,
Розливалася, растекалась, съ крутымъ бе-
решкомъ ровна.

Я на эту полынью-воду, полынью-воду лѣхку
лотоцкю куплю,

Лѣхкую лотку бѣлозѣрку, переѣду за рѣку,
Переѣду, переѣду, жить уѣду, тамъ по-
выстрою теремъ.

Тамъ построю, тамъ построю, весь покую
со широкимъ со дворцѣмъ,

Со широкимъ со дворцѣмъ, съ государе-
вымъ крыльцѣмъ.

По крыльцю ноги не ходять, глаза на
свѣтъ не глядятъ.

Я не вирила подрушнамъ, подѣму милова
жалъ.

Я сама стала гулетъ, — стала милова
жалѣтъ.

Съ пецями, со жалѣньи сердце сохнѣтъ, со
пецѣли грутъ болить.

Нѣтъ на свѣтъ тово хуже—со женатыми
гулетъ:

Що женатой—воръ проклятой, ево жись
оцѣнь бѣдна.

Ево жись оцѣнь бѣдна, у ево жена вольна.
У ево жена вольна, съ первыхъ дѣнь съ

мужа волюшку сняла,
Съ мужа волюшку сняла, не опуститъ не

куда.
Не опуститъ жена мужа на улицю по-
гулетъ;)

Хоть опуститъ, зѣ глазъ не спуститъ, всё
во слѣтъ за нимъ глядитъ.

Она во слѣтъ, всё во слѣтъ за нимъ гле-
дитъ, и ругаетъ и бранитъ,

И ругаетъ и бранитъ, мною, дѣвушкой,
корить:

Ты, молоденька дѣвчѣнко, за цѣмъ мужа
отняла?—

— Ты, бабѣнка—курва-плѣха, обесцѣтила
дѣвушку меня!

Стану дружку говорить, све-ѣтъ умъ пе-
ремнить:

Ушъ ты, друкъ-ли мой любезной, уни-
май свою жену!

Ты не станѣшь унимать, я отстану отъ
тебя;

Ты не станѣшь жены быть, перестану ты
любить.

Я отстану, перестану, холостова полюблю.
Холосто-ѣтъ—парень бравой, какъ соковъ

въ полѣ летавъ.
Политѣвъ соковъ домой съ полунощю на
покой,

Съ полунощю на покой, нѣтъ заботы у
парня никакой.

Есь у мѣлотца забота, красна дѣвица
сушить;

Красна дѣвица сушить, она жевитѣ не
велитъ.

Нѣтъ на свѣтъ тово лутше: холостова по-
любить,

Холостова полюбить, за любовь съ пар-
нѣмъ пожить.

16.

Цюю, миленькей крушитѣ жавкимъ се р-
цѣ м ѣ о б о м ѣ ;

(Въ стихѣ послѣднія слова повторяются)
Тибѣ пора, яснѣй, открытѣ. скажу, ми-
ленькей, тибѣ:

Не теряй красы поваправу, не томишь,
пріятель мой!

Время важное проходить, всё пройдутъ
драгіе дни,

Всѣ денѣчки на проходѣ, быстрые рѣчки
протекутъ.

Протекали быстры рѣчки со мевкими
ручейкамъ,

Съ мевкими не съ большими во темныя
во лѣса.

Во лѣсу красы не стало, съ древофъ лѣсъ
опадѣтъ;

Опадуть съ древофъ листоцки, съ милымъ
нѣжностью отойдѣтъ,

Отойдуть съ милымъ гуленья, — не ви-
датѣ никовла.

Мы увидимся съ любезнымъ у сусѣда въ
вечѣру.

У сусѣда въ бесѣдѣ примѣють и глядятъ,
Примѣють, люля бають, и ругаютъ и

бравятъ.

И ругаютъ и бранятъ во глаза друшкѣмъ
корятъ;
Во глаза друшкѣмъ корятъ, любить друшка
не велать.

Не отстану, я любить стану до цюжнѣ
сторонн.

До цюжнѣ, до дальнѣ, до замужья своею,
До замужья своею, до злодія мужыка.
Погулюю топеръ въ дѣфкахъ, пока волюшка
своя,

Пока волюшка своя, не покрыта голова.
Покроётцѣ голова,— минуётцѣ вся гульба,
Вся минуётцѣ гульба, всѣ отстунятцѣ
друзья.

На цюжой, дальнѣй сторонкѣ веселѣ съ
милымъ жить,

Веселѣ, посмилѣ съ имъ по праздничкамъ
гулетъ,

Съ имъ по праздничкамъ гулетъ, сибѣ
обновы закупать.

Слышу вѣску про милова — мнѣ сердитой
на меня.

Проторинѣ милой дорошку, переставъ ко
мнѣ ходить.

Пропустивъ худую славу, переставъ меня
любить.

Онъ купивъ на грошъ гостинца — стало
жавко подарить.

17.

Вечеръ, запушка, бывъ я въ гостяхъ у
тебя,

(каждый стихъ дважды);

Не узнала жо поздо, запушка, друшка,
Отсылала жо парня проць отъ себя:

Ты поди, паревъ, поди, душецкя, проць!
Я — топерецъ богатова купца доць!

Простоявъ бы я у калитки девъ и ноць,
Полюбивъ бы я богатова купца доць.

Со тыѣ поры, какъ дуютъ вѣтры со горы,
Со тыѣ горы въ бѣлокаменной Москвы,

Ушъ какъ вдоль Москвы шла Машѣвья
хороша,

За собой вела Маша ворона коня.
Що вороной конь разманѣживсѣ, нейдѣтъ,

Перетъ Машенькѣй конь копытамъ землю
бѣтъ;

Землю бить не бѣтъ, онъ на Машѣ платьѣ
рвѣтъ;

Платьѣ рвать не рвѣтъ, только страсъ
Машѣ даѣтъ.

Не боюсь, Маша, я воронова коня,
Боюсь, дѣвушка, я любезнова друшка.

Не боюсь друшка, боюсь, бы слава не
прошла.

Пройдѣтъ славущка, — вся минуётцѣ гульба:
Догалаѣтцѣ родна матушка моя, —
Не опустятъ меня дѣфку никуды.

18.

Гулю, гулю ты, мой голубоцнѣ!

Гулю сизой ты, мой воркуноцнѣ!

(этотъ и слѣд. стихи по 2 раза)

Не летай-ко ко мнѣ, голупъ, въ садоцнѣ,

Не садись-ко ты на мой кустоцнѣ,

Ты не пой-ко ли въ садикъ писевъ!

Мнѣ-то бесъ писевъ дѣвушкѣ тошно,

Позабыть-то горюшка не можно.

Кабы мнѣ-то, дѣфкѣ, прежня воля,

Прежня воля, лехко крылѣ,

По потырыль-ту мелкой перѣ, —

Я снялась бы, дѣфка, политьла.

Политьла бы въ цѣстой полѣ,

Въ цѣстой полюшко, на свою на волю.

Находитцѣ бы милому за мною,

За моей-то косой за русюю.

За дѣвицѣй моей красотою.

19.

Роскрасавица ли ты моя!

Наволь вывѣдать у м о л о д ѣ ц я у м а;

(Послѣднія слова каждаго стиха повторяются).

Какоѣ у м ѣ, разоумъ, есъ обыцай у друшка.

Я по перво-ѣтъ годокъ во любви съ нимъ
пожила.

На друго-ѣтъ годокъ много славы приняла.

На третѣй годокъ сиротинушкой слыла.

Сиротинка-та вдоль берешку гуляла,

Моѣтъ миленькѣй по другой шолѣ сторовѣ;

Милой проситцѣ цѣрестъ риденьку ко мнѣ.

Ушъ какъ я ли. молода, не присвоила къ
сибѣ,

Не присвоила друшка, рознегоднымъ на-
звала.

Ты — такой малыикъ рознегодной цѣловѣкъ!

Отъ такіе ты отъ красавицъ отставъ,

Ты какую жо негодѣйку любить ставъ!

— Ушъ я шовъ жо, промовъ всѣ-те уѣзны
города,

Не нашовъ хуже савдатскова жытыя.

— Я за то-то друшка въ савдаты отдала,

Во савдатушки друшка во рекрутской во
наборъ;

Во савдатушкахъ даютъ жалованья,

По три денѣшки на сутоцкы придѣтъ,

По семъ жо гривенъ на мѣсець выдаютъ.

Ты хоть пѣй, гулей, хоть обновы заводи.

Хоть ты любушкѣй своей гостиницки носи.

20.

Слышно было изъ деревни про рекрутской
про наборъ

Пишотъ, пишотъ намъ родитель, щобы
 ѣхали домой (каждый 2-йждь).
 Насъ три братца ли собрались на печьотово-
 етъ новой дворъ.
 Дѣлать нецѣво, робята, навели тройку
 ляхихъ;
 Тройка кони ли вороныѣ со нещаснымъ
 сѣдохомъ.
 Молодой купѣръ, Ванюша, шавельни тройку
 вежжамъ!
 Блиско къ дому подѣвжжали, сердце вывыло
 изъ насъ
 Мы въ избушку вобрались, поздоровались
 со всѣмъ.
 Наша матушка родная на печь замертво
 лежить;
 Сестрицѣ однокровны у порошку всѣ ревять;
 Наши жоны молодыѣ всѣ по лавоцкымъ
 сидятъ;
 Наши милыѣ подрушени всѣ изъ горенокъ
 глядятъ.
 Нашъ родитель, старикъ старой, во слезахъ
 ридъ говоривъ:
 Ушъ вы, дити мои, дити, однокровныѣ
 мои!
 Заутра васъ, мои дити, во савдатушкѣ
 вести.
 Дѣлать нецѣво, робята, давай жеребей сей
 цасъ!
 Наша оцѣреть рекрутство — меньше станѣмъ
 горевать!

21.

Ты не плацъ-ко, дѣвушка милая!
 Не плацъ, лапушка, дѣвушка моя!
 (Черезъ стихъ въ стихахъ последнее слово
 повторяется).
 Отъ цѣво-то моѣ сердце страдаетъ,
 Отъ цѣво жо пылаѣтъ въ лицѣ крофъ!
 Крофъ пылаѣтъ, въ лицѣ розгораѣтъ, розож-
 жотъ
 Прежестокая съ миленькимъ любовь;
 Злая скука, съ миленькимъ розлука тя-
 жола,—
 Всю волюшку, волю огняла,
 Всю волюшку, волю дороую.
 Нагулетцѣ съ миленькимъ не дала,
 Нагулетцѣ, съ милымъ навграцѣ,
 Во любя-то со миленькимъ пожить.
 Нищо дѣвушку не удержитъ,
 Нищо красную гулетъ неуйметъ:
 Не погоды, зимой не морозы,
 Не осеннѣ цастыѣ дожны.
 Развѣ это дѣвушку удержитъ:
 Розольютцѣ быстрыѣ рѣки,

Розольютцѣ всѣ рѣки, озѣра,
 Принаповнятцѣ крутыѣ берега.
 Премежу тѣмъ крутымъ бережецкымъ
 Луговника зелена;
 Що на этой луговникѣ
 Земѣтъ садикъ вырастаѣтъ;
 Що въ этомъ было во садочкѣ
 Алы цвѣтики, цвѣты росцвѣли.
 Цвѣли цвѣтики, цвѣтоцки росцвѣтали,
 Насъ съ миленькимъ друшкѣмъ розвели.

22.

Що болитъ-то, болить сердечкушко,
 Болить больно ретиво.
 (Черезъ стихъ въ стихахъ последнее слово
 повторяется).
 Любивъ-то, любивъ мальчикъ дѣвушку,
 Самъ спокаявсѣ злодѣй.
 Спокаявшысь, доброй молодецъ
 Съ дѣвушкой ридъ говоривъ:
 — Скажи, дѣвка, скажи, красная,
 Скажи: любишь, али нѣтъ?—
 — Я любить ты не люблю,
 Наглядитцѣ не могу,
 Наглядитцѣ, насмотритцѣ
 На твоѣ бѣло лице.
 Що твоѣ-то ли лицѣ бѣлоѣ
 Ровно биленькѣй сѣжжѣтъ;
 Що твоѣ-те щоки алы
 Ровно розовой цвѣтоцъ.
 — Що твоѣ-то ли брови черныѣ.
 Розвесѣлыѣ глаза,
 Розвесѣлыѣ глаза
 Приналили молотѣця.
 Ты гляди-жо ли, примидѣй, любезная,
 Пока я у ты въ глазахъ.
 Я всѣ гласъ-то выйду яонъ у дѣвушки,—
 Не видатцѣ никовѣда,
 Не токми видать любезнова,
 Голосоцкѣ-ту не слыхать. —
 Въ цѣстомъ полѣ при долинушкѣ
 Луговника зелена.
 Що на этой луговинушкѣ
 Ребинѣшка стояла.
 Що на этой на ребинушкѣ
 Соловей громко поѣтъ.
 Ты не пой, не пой, соловушко,
 Жалобнѣшенкѣ въ саду!
 Не давай тоски, назѣдушки
 Сердечкушку моему!
 Що и такъ моѣ ретивоѣ
 Принаѣѣлосѣ съ тоски,
 Принаѣѣлосѣ, слабѣло,
 Безъ милѣва живущи.

23.

Снѣти было на лавоцькю подѣ око-
шецькѣ,
(Въ стихѣхъ послѣднія слова повторяются).
Погляжу въ окошецькѣ на улицѣ дошъ,
На улицѣ цѣлой дошъ. во полѣ туманъ,
Во полѣ большой туманъ, затумавилось,
Сидѣть красная дѣвица, запеялилась.
Сказали маѣ, дѣвущѣ, вись верадошну,
Не радошну вѣстоцькю про любезнова.
Сказали про милова—мивъ побить лежыть.
За що мивъ побить лежыть, звать у
дѣвокъ бывъ,
У дѣвушокъ, у голубушокъ, у подружъ
своихъ.

Говорила я малому, наказывала:
Отстань, отставъ, миленькѣй, проць отъ
дѣвушокъ,
Отъ дѣвушокъ, отъ голубушокъ, отъ под-
ружъ своихъ.
Развѣ я тибѣ, миленькѣй, ве въ любви
пришла,
Не въ любви любезному, знатъ не попра-
вилась.
Спомни, здумай, миленькѣй, про свы-
каныцѣ!
Свыкалисѣ съ миленькимъ во цѣстомъ
полѣ,
Во цѣстомъ во полюшкѣ при всѣй волюшкѣ,
При всѣй волѣ вольною потъ берѣзою.
Потъ бѣлой берѣзою цѣсть роквотѣ кустъ;
Що во этомъ кустикѣ кокушкѣ сидѣть.
Не кокуй, кокушецька, жалобѣшенекѣ!
Не плаць, не плаць, дѣвушка, маѣ жыть
тошвѣшенекѣ.

24.

Сторона, моя сторонка, незнакома я!
На тибѣ, моя сторонка, нѣтъ не матери,
отця (2-жы кажды);
Во вторыхъ ва тѣ, сторонка, вѣту мило-
ва дружка.
Во слезахъ я засыпала, дружка видѣла
во снѣ;
Какъ прочинулась, воздохнула, закинула
крофъ во мнѣ...
Я малому говорвля, любезному своему:
Вели я вамъ не по идраву—сѣбли съ
своей стороны!
Сходи, милой, въ кабыветвѣ, возымъ въ
ручкѣ пицалетъ;
Возымъ въ ручкѣ пицалетикъ, простри-
ко груть мою,

Груть, сердечкѣ ретивою,—я на вѣки буду
спать,
Буду спать, опоцѣвати отъ любви твоѣй.
Ты прили ва грѣпъ проститицѣ, пожаляй
хоть обо мнѣ!
Напишы на гробѣ натпись, що любила
одновѣ;
Я любила и жалѣла любезнова своено.
Я топервицъ узнала, що сміѣсѣ надо мной,—
Сміѣсѣ, сміѣсѣ, злодѣй, варваръ, сміѣсѣ со-
вѣсти своей!
Сміѣсѣ совѣсью своею надъ Дуняшой вло-
виною!
А Дуняша вдовниая уродилась въ горь-
кѣй цѣсть.

25.

Всѣ гуленѣ миновилось, нѣтъ радости съ
миленькимъ на ця сѣ;
(Черезъ стихъ послѣднія слова въ стихахъ
повторяются)
Нѣтъ радости въ одномъ цѣстѣ, вышовъ
миленькѣй изъ гласъ.
Кой я день друшка не вижу, я мѣшаюсѣ,
глупая, въ умѣ;
Я мѣшаюсѣ, сокрушаюсѣ по любезномъ по
своемъ друшкѣ;
На тѣхъ мысляхъ спать ложылась, очку-
ласѣ я въ горѣ, во тоскѣ...
Пойду съ горюшка въ долинку, сама слду
я, Маша, въ рудѣцѣ,
Сама слду въ рудѣцѣцѣ ва крутенекѣй
бережокѣ.
Я сама сибѣ дивлюся, куды бѣгу я скоро,
тороплюсѣ.
Прещасливой Машынѣ выхотъ: мивъ сто-
итъ передо мной!
Мивъ стоитъ передо мною, говоривъ-то
милой ридѣ со мной.
Спомни, злодѣй, варваръ, какъ во первой
ристь ко мнѣ пришовъ;—
Клявсѣ совѣсью, божывсѣ, хотѣвъ вѣчно
дѣвушку любить!
Ты топередѣ оставлѣешъ на проклятой
злѣшной сторонѣ;
Здѣсь проклятая сторонва, пересудливой
такой наротъ;
Що рассудятъ, розлуцѣють насъ съ любез-
нымъ-то, съ миленькимъ друшкомъ.

26.

Ходивъ, гулявъ Ваня при долини,
Любивъ Ваня трехъ подружокъ:
(Каждый второй стихъ повторяется весь).
Первую—Сашу, другую—Парашу,

Третью душецкью Дуняшу.
Куплю я Сашѣ въ косу ленту,
Я Парашѣ—злацѣвъ перстень,
Своей душецкѣ Дуняшѣ—
Шаль терновую съ цвѣтами.
Носи, Дунюшка, наряжайсѣ,
Мной, Ванюшой, выхваляйсѣ!
Конда станѣшь Ванѣй выхвалятцѣ,
Намѣ съ тобою не растатцѣ.
Подлѣ бок-отъ было у сусѣда,
Собираласѣ бесѣда;
Много молотцѣвъ было хорошихъ,
Одинъ Ваня кудреватой,
Съ ноги на ногу ступаѣтъ,
Изъ ума мевя пытаѣтъ:
Выйди, Дуня, на крылецкѣ,
Промовѣй со мной словецкѣ!
Я привѣсъ тѣ преницкѣвъ, рожецкѣвъ,—
Позабавимсѣ съ дружецкѣмъ!
Про насъ люди говорили,
Тебя мнѣ любить не велили.

27.

Вы, премилые подруженьки, придите-ко
к о м н ѣ !
(Послѣднія слова каждого стиха повто-
ряются).
Вы придите, посидите, подумайте обо мнѣ!
Подумайте, погадайте объ несчастной дѣ-
вущкѣ,
Объ несчастной опъ такой, какъ мнѣ лѣто
жыть одной,
Какъ мнѣ лѣто жыть одной, мнѣ безъ ми-
лова безъ друшка,
Безъ милова, безъ яснаго одолеѣтъ грусь-
тоска,
Одолеѣтъ грусь-тоска, круцинушка велика.
Всю круцину на печь кину, печаль, горѣ
отложу;
Печаль, горжшко отложу, постоянно буду
жыть,
Постоянно, безъ обмана, одново буду лю-
бить.
Одново тебя любить—на билила не на-
жыть;
Семерыхъ друшкофъ любить, мнѣ самой
живой не быть.
Одново тебя любить мнѣ неволюшка ве-
литъ.
Мнѣ неволя, неохота—цюжа дальна сто-
рона.
На цюжой дальнѣй сторонкѣ на меня ми-
лой сердить,
На меня милой сердить, мимо ходить—
не глядить;

Мнѣ на встріцѣю попадаѣтъ, мнѣ «здо-
рово» не сказаѣтъ.
Сама за то сердита: далеко милой жи-
вѣтъ.
Далеко милой живѣтъ, не порятки мнѣ
ведѣтъ,
Опъ—такіе непорятки: зеленоѣ вино пѣтъ,
Зеленоѣ, не простое, съ кабака долой ней-
дѣтъ.

28.

Шла Машенька береженькѣмъ,
А я, младой—берешкомъ;
Машотъ биленькимъ Маша платоцкѣмъ,
А я—правомъ рукой:
Воротись-ко, милой, ко мнѣ назатъ,
Позабыла тибѣ що-то сказаѣтъ!
Я забыть-то не забыла;
Прошло лѣто и весна;
Наступаѣтъ злоѣ-то на насъ время—
Зла-холодная на насъ зима.
Опадуть съ древофъ мевки листоцкѣи,
Рудѣѣцкѣи не текутъ;
На рокитовыхъ кустоцкѣяхъ,
Птицкѣи, пташки не поютъ.
Одна пташка—кинарейка.—
Она жалосно поѣтъ;
Она жалосно—больно поѣтъ,
Мнѣ тоски, горя предаѣтъ.
Я съ этой тоски, педѣли
Во зеленой сатъ гулетъ пошла;
Ушъ я рыла, да конала
Зло кореньѣ про друшка.
Я нарыла, наконала,
На Неву я мытъ пошла;
Ушъ я мыла, вымывала
Бѣло на-бѣло ово;
Я сушила зло коревѣ
Сухо, на-сухо ово.
Я товела жо зло кореньѣ
Мевко, ва мевко ово.
Заварила зло кореньѣ
На меду, на патоцкѣ;
Созвала я въ гости гостя
Любезнова своево;
Напоила, накормила,—
Стала спрашивать ово:
Ты скажи, скажи, любезной,
Каково на животѣ?—
— У моѣво у сердцецкѣ
Ровно камешокъ лежытъ.
Давела меня, злодѣйка!
Отъ тебя въ землю пойдлу!

в. П а р ы я.

1.

Я бѣгу, бѣгу по поженкѣ,
Добѣгаю до пясовенки;
На пясовенкѣ два голуби сидятъ;
Одинъ голубъ ницѣво не говоритъ,
Другой голубъ поговариваетъ:
Завтра праздниѣкъ Иванофъ день;
Мо-ѣтъ миленькѣй гулетъ пойдѣтъ,
Меня, дѣвушку, съ собой возьмѣтъ,
На гуленьѣ поцѣлуѣтъ, обоймѣтъ.

2.

Ушъ ты, Васенька, Васильюшко!
За цѣмъ, Вася, упиваеессѣ,
По торгоу ходишъ, валеессѣ? —
— Шо до Васи цѣловальники добры,
Шо бесъ денѣкъ зеленѣмъ виномъ поятъ,
Безъ росчету золотой казной дарятъ.
Свели съ Васи гранетуrowой кушакъ,
Съ рѣзвыхъ ноженѣкъ — козловы сапоги,
Нельзя Васенькѣ домой притти —
На пути ево сударушка живѣтъ:
Завсегда Васю въ гости зовѣтъ.
— Поди, Вася, погостишъ у меня!
У меня ли про тя пиво варено,
У меня ли пиво марковской;
Зелено вино макарѣвской,
Слатка вотоцъка анисовая,
Тесова кровать росписанная,
Красна дѣввца нарижена,
Цѣловатцѣ излажевая

3.

Вышла Дуня въ огорогъ,
(Въ стихѣ послѣднѣя слова повторяются).
Нарѣмъ Дунѣ лапушокъ,
Сотѣмъ Дунѣ сарафанъ,
Сарафанчикъ со перомъ,
Со широкимъ кружевомъ.
Коробейкю заприрай,
По праздниѣкямъ надѣвай,
Для милово зберегай!

4.

Я не думала севодни угорить;
Пришовъ вѣцѣръ, голова стала болить.
Всѣ югары зашумили въ головѣ,
Самовары закипили на столѣ,
Цѣйны цѣшки забрѣцѣли во шкапахъ.
Цѣйны цѣшки наливаютцѣ —

Молодѣи всѣ спотѣбшаютцѣ.
Мо-ѣтъ миленькѣй по улицѣ прошовъ,
Цѣсто зглядывавъ на домиѣкъ дорогой.
Въ ефтомъ домиѣкѣ любезная живѣтъ;
Я осмѣлюсь ѣй словѣцюшко сказать:
Не изволить ли въ гостинной рятъ гулетъ.
Ситцю моднова, товару закушатъ.
— Ушъ мнѣ всѣ ситци не нравятцѣ,
Всѣ скорѣшанькѣ мараютцѣ.
Ситциѣкъ аленькѣй отъ совнышка горитъ,
Бѣлорозовой совсѣмъ полинавъ;
Масаковой цѣвѣтъ къ лицу не подстаѣтъ,
Голубо-ѣтъ темноту лицу даѣтъ;
Ситциѣкъ бланжовой не нравитцѣ,
Помаранжовой мараѣтцѣ.
— Купи, миленькѣй, цѣрные парци! —
— Не хоцю я тебя цѣрною водить:
Въ цѣрно платьицѣ наредиссѣ, —
Старой старицѣй покажессѣ.
Въ цѣвѣтно платьицѣ наредиссѣ,
Тотцко барошни покажессѣ.
Я послѣднюю корову заложу,
Тебя, душецъка, бральянтамъ усажу.

5.

Какъ кутить, такъ кутить —
Я женись, такъ и бытъ;
Я при старости лѣтъ
Роспотѣшу бѣлой свѣтъ.
Гулей, гулей, молодотъ,
Пока обѣдаѣтъ отецъ!
Отобѣдаѣтъ отецъ —
Нашой писенкѣ конецъ.

6.

На стулѣ сидѣвъ,
Я въ трупку куривъ;
Нецѣлннѣо съ повки
Графинѣ уронивъ.
Прекрасна настойка
Рудѣмъ истекла,
Осталось въ графинѣ
Дѣвъ рюмки на днѣ.
Я рюмоцъкю выпивъ,
Икрой закусивъ;
Я другу-ту выпивъ,
Не помню себя.
Я, взявшы гитару,
И сѣвъ на диванъ.

Николай Поповъ.

ОТДѢЛЪ III.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Notițe istorice asupra lui Iosif (Ioasaf) I Musat, mitropolitul Moldovei, de Ioan A. Grigoriu. București, 1901, 8°, pp. 1—122.

Древняя исторія молдавскаго господарства до сихъ поръ очень слабо разработана. Труды Хыждеу, Ксенопола, Молхиседека, Богдана, Ончиола и другихъ румынскихъ историковъ въ извѣстной только степени выяснили характеръ основанія новаго княжества въ предѣлахъ сѣверной Молдавіи, относящагося къ половинѣ XIV вѣка. Книга, заглавіе которой мы выписали выше, представляетъ собой диссертацию на степень лиценціата молодого студента богословскаго факультета Бухарештскаго университета. Авторъ избралъ очень интересный и чрезвычайно темный періодъ изъ исторіи румынской церкви, періодъ начала самостоятельной жизни молдавской митрополіи, время перваго митрополита Іосифа, правившаго въ промежуткѣ между 1373 и 1410-мъ годами. Свое изслѣдованіе И. Григоріу начинаетъ съ времени появленія христіанства на сѣверномъ берегу Дуная, въ Траяновой Дакии; затѣмъ, онъ говоритъ о зависимости молдавской митрополіи отъ архіепископа первой Юстиніаны, т. е. Охрида и позднѣе отъ галицкой митрополіи. Въ румынской исторіографіи существуетъ нѣсколько старинныхъ Помянниковъ, настолько между собою несогласныхъ, что уяснить себѣ правильную послѣдовательность молдавскихъ іерарховъ представляется затруднительнымъ. Авторъ разбираетъ всѣ древнѣйшіе Помянники: монастырей Быстрицы (стр. 35), Нямецкаго (стр. 39), молдавской митрополіи—средины XVIII вѣка (стр. 41) и монастыря Бовиштя, и полемизируетъ съ историками румынской церкви, доказывая, что Іосифъ Мушатъ, родственникъ нѣкоторыхъ изъ первыхъ по времени господарей молдавскихъ, былъ первымъ митрополитомъ Сочавскимъ. Согласно нѣкоторымъ славяно-молдавскимъ лѣтописямъ, митр. Теофистъ былъ посвященъ сѣрбскими архіеп. Никодимомъ въ 1453-мъ году. Авторъ смущается этимъ извѣстіемъ и старается примирить его съ другими извѣстіями, согласно которымъ молдавская митрополія была въ зависимости отъ Охрида. На это мы можемъ указать только, что въ XIV—XV вѣкѣ Охридъ попалъ подъ власть сербскихъ царей и извѣстіе лѣтописи не должно возбуждать колебаній. Къ 1401 году относится примиреніе молдавскаго господаря Александра I съ константинопольскимъ патріархомъ Матеемъ; въ этомъ примиреніи активную роль игралъ митр. Іосифъ и іеромонахъ Григорій, въ которомъ уже и прежніе историки справедливо видятъ извѣстнаго церковнаго писателя Цамблака. Въ знакъ примиренія патріархъ прислалъ митр. Іосифу митру, саккосъ и чудотворную икону Божіей Матери, въслѣдствіи Намецкую; а императоръ Мануиль Палеологъ прислалъ господарю Александру зорону и пореиру.

Впрочемъ, послѣднее извѣстіе не заслуживаетъ довѣрія, и по нашему мнѣнію, составлено подъ вліяніемъ русской «Повѣсти о бѣломъ клобукѣ», цикла сказаній «о князьяхъ владимирскихъ» и монаховомъ мнѣніи. Изъ внутреннихъ преобразованій митр. Іосифа авторъ указываетъ на устройство нѣхъ митрополіи въ г. Сочавѣ и епископій въ г. Романѣ и Радауцахъ. При немъ же былъ введенъ церковный славянскій языкъ въ богослуженіе взаменъ (sic) прежняго латинскаго. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ той ошибкой многихъ румынскихъ ученыхъ, которые безъ всякой критики повторяютъ извѣстіе Домитрія Кантемира о существованіи у румынъ латинскихъ буквъ до флорентійскаго собора. То же слѣдуетъ сказать и о предвзятомъ мнѣніи И. Григоріу относительно славянской письменности (стр. 88—91). Митр. Іосифомъ были введены въ Молдавіи и церковные законы, существовавшіе въ то время на практикѣ въ византійской церкви (стр. 91—94). Затѣмъ, авторъ говоритъ объ основаніи монастырей: Боншты (стр. 95), Быстрицы (стр. 98) и Нямецкаго (стр. 99), причемъ ссылается на завѣдомо ложныя грамоты, которыя ему показывалъ въ переводѣ на румынскій языкъ еписк. Нарцисъ Крецулеску; по этимъ грамотамъ, монастыри существовали уже въ XIV вѣкѣ. Сказавъ вкратцѣ о перенесеніи мощей св. влчч. Іоанна Сочавскаго изъ Бѣлграда въ Сочаву, авторъ переходитъ къ крайне шаткому вопросу объ учрежденіи митр. Іосифомъ школъ для образованія церковныхъ служителей (стр. 108—115), причемъ оставляетъ въ концѣ концовъ читателя въ недоумѣніи.

Какъ видимъ, авторомъ избрана тема чрезвычайно интересная и для слависта. Но полное незнаніе славянскаго языка, желаніе во всемъ провести латинизирующую тенденцію и взглядъ на славянскую культуру, какъ на какое-то насліе румынскаго народа, сдѣлали изслѣдованіе молодого ученаго во многихъ пунктахъ слабымъ. Пользованіе авторомъ источниками безъ разбора также ослабляетъ цѣнность книги. Большую услугу оказало бы автору знакомство съ трудами русскихъ историковъ церкви, которыхъ авторъ не знаетъ.

А. И. Яцимирскій.

Народна Метеорология. Сбирна отъ български народни поговорки, пословици, прасила и предсказания за вѣтмето. Съставилъ *Спасъ Вацовъ*. София. Държавна Печатница. 1900, стр. X+79.

Авторъ «Народной Метеорологіи» — директоръ центральной метеорологической станціи въ Болгаріи. Въ предисловіи къ своей книгѣ онъ указываетъ на огромную и тѣсную зависимость растительнаго и животнаго міра отъ свѣта, теплоты, влаги и вообще отъ атмосферныхъ явленій. Разнообразіе фауны и флоры въ теплыхъ, умеренныхъ и холодныхъ странахъ, у подножія горъ и на вершинахъ ихъ, въ пустыняхъ, степи и т. д., — все это обязано климатическимъ условіямъ. Наконецъ, нравы, обычаи, наклонности, душевные и тѣлесныя свойства разныхъ народовъ являются результатомъ тѣхъ же условій. Отъ климата и времени зависятъ пища, одежда, жилище, работы и т. д. Затѣмъ г. Вацовъ говоритъ о значеніи метеорологическихъ изысканій для земледѣлія и, мимоходомъ, отмѣчаетъ этнографическій интерес народныхъ примѣтъ о погодѣ. Используя книжный матеріалъ, изслѣдователь обратился къ своимъ корреспондентамъ съ просьбою доставлять ему изъ разныхъ мѣстностей Болгаріи свѣдѣнія о состояніи народной метеорологіи. Въ результатъ получилось огромное количество карточекъ съ отвѣтами.

Народныя примѣты распределены въ слѣдующемъ порядкѣ: времена года (стр. 3—5), мѣсяцы и связанныя съ ними примѣты о погодѣ (стр. 5—26), подвижные праздники (стр. 26), дни недѣль (стр. 27—28). Вторая часть посвящена народнымъ наблюденіямъ надъ животными, которые живутъ очень близко къ природѣ, а потому очень чувств. къ ея переизмѣнамъ: крупный рогатый скотъ (стр. 28—29), лошади и ослы (стр. 29—30), овцы и козы (стр. 30—32), свиньи, собаки, кошки, мыши, полевые и лѣсные звѣри (стр. 32—34); изъ царства пернатыхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ

пѣтухи (стр. 35—36) и домашнія птицы, за которой слѣдуютъ воробьи, галки, вороны, сороки, ласточки, стрижи и лѣсные птицы; совѣ, кукушкѣ и орлу авторъ удѣляетъ больше мѣста, чѣмъ остальнымъ птицамъ. Отъ рыбъ, змѣй, жабъ и насекомыхъ г. Вацовъ переходитъ къ растеніямъ (стр. 50—53) и, затѣмъ, сообщаетъ очень интересные данныя о предсказываніи погоды крестьянами. Большое вліяніе на погоду имѣетъ луна (стр. 59—63).

Сравнивая болгарскія примѣты о погодѣ по формѣ луны съ русскими, нетрудно убѣдиться, что и тѣ, и другія имѣютъ очень много схожихъ чертъ: если новый мѣсяцъ въ три дня обглядится, то весь будетъ ведрый; а когда первые три дня дожди, то весь ненастный; когда мѣсяцъ родится рогами внизъ, т. е. на югъ, то зимой будетъ теплый, а лѣтомъ—жаркій; если роги у новаго мѣсяца будутъ вверхъ, т. е. на сѣверъ, то зимой—холодный, лѣтомъ—вѣтряный; рога луны остры и ярки—къ ведру, круты—къ морозу; круты рога мѣсяца—къ ведру, пологи—къ ненастью; тусклый мѣсяцъ—къ мокротѣ, ясный—къ суху, въ синевѣ—къ дождю, въ краснѣ—къ вѣтру, съ ушами—къ морозу; ясная и кругловатая луна, зимой—къ стужѣ, лѣтомъ—къ ведру; кольца вокругъ луны—къ вѣтру и т. д. Замѣтимъ, между прочимъ, что недавно указано было въ печати на значеніе русскихъ простонародныхъ примѣтъ о погодѣ по измѣненіямъ луны (К. Носиловъ въ № 9681 «Новаго Времени»), а книга министра земледѣлія А. С. Ермолова «Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ» даетъ массу параллелей къ болгарскимъ метеорологическимъ наблюденіямъ. Жаль, конечно, что г. Вацовъ не этнографъ, и на всемъ пространствѣ его книги чувствуется только естествениспытатель.

А. И. Яцимирскій.

А. Кузнецовъ. Свадебные приговоры дружки, по рукописи половины XIX столѣтія. Сборникъ Отдѣленія русск. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ. Т. LXXII.

Русскіе похоронные обряды и заплачки извѣстны гораздо лучше, чѣмъ пѣсни и приговоры, сопровождающіе свадьбу. Поэтому огромный интересъ представляютъ «приговоры дружки», сообщенные А. Кузнецовымъ. Чисто-эпическими чертами вѣетъ отъ приглашеній нашего доморощеннаго церемоніймейстера, который не пропускаетъ ни одного шага безъ словоохотливыхъ и красивыхъ по внѣшности прибаутокъ. Сва-ряжая молодыхъ къ вѣнцу, онъ говоритъ: «Ходилъ я въ стопада стоялые, во двory конюшны, смотрѣлъ я добрыхъ команей, въ бѣлые руки бралъ, по крутымъ бедрамъ стогалъ, по уму по разуму выбиралъ, накладывалъ я уздечку тесьманую, сидѣлышко черкасское, хомутики астраханской, шлейки строченные, гужики шелъковые, вожечки гарусные, (съ) етихъ стойловъ стоялыхъ, дворовъ, конюшенъ, зѣдергивалъ, санъки скопки пошавеночки, запрягалъ я добрыхъ команей, ставилъ я на путь дорогу, какъ сесъ да ехать».

Затѣмъ, слѣдуетъ обращеніе къ жениху предъ благословеніемъ: «Я хочу спросить у вашей милости, князь молодой новобрачной,—говоритъ дружка,—чево вы будите у своихъ родителей, чево вы будите просить: кунцы или лисцы, или злата ли серебра, или скатнова жемчуга, или хлеба-соли, или святые иконы». Когда женихъ и невѣста уже готовы вѣхать въ церковь, онъ приглашаетъ ихъ садиться въ телѣгу: «Извольте, извольте выходить изъ высокова терема на широкую улицу, извольте садитца на своихъ добрыхъ команей, все по ковамъ, все по местамъ, все по чинамъ, какъ соловьи по гнездамъ». Народное остроуміе балаганнаго характера льется у него широкимъ потокомъ. Приводимые ниже приговоры напоминаютъ подписи къ забавнымъ листкамъ нашего стариннаго лубочнаго рынка. «Есть-ли у васъ умницы певичы, свизы голубицы, красивые девиды, аленькие платочки, свизы волосочки, кудреватые височки, брови щепаные, рожи мазаные, носы тануты, походочки молодецкіе, говори лебединые». Или въ другомъ мѣстѣ: «Мвръ-наротъ, стары, малы, усаты, бородацы, холосты не женаты, бѣлы кудреваты, молотцы вожеваты, стрельцы боръцы, кулашныя

бойцы, удавые добрые молотцы, кутяна, полатяна, запечана, уминыцы молодые молодницы, сизые голуницы, белые лебедицы, красные девицы, брони щипаны, рожи мазаны. носы тикнуты, походыки молодецкие, говори лебединые, Старые старухи, маненьки ребята, все гости полюбивные! Благословляйте меня, предъезжева дружку, съ молодымъ подружьемъ въ путь дорогу ехать». Сказочными приемами проникнуто пространное обращение дружка къ невѣстѣ. Здѣсь повторяются тѣ же загадки, которыя обычны въ предложеніяхъ сватовъ: «Голосъ я вашъ слышу, а въ очи не вижу, не знаю я васъ, какъ зовутъ и какъ величаютъ.—говорить дружка. Я к вамъ приехалъ не самъ собой, не насильно, не навалью, не нахвалью, не самовольно, я приехалъ по при казанію князя м(олодого) н(овобрачнаго). Нашъ князь молодой новобрачной выходилъ изъ высокова терена на широкую улицу; я, предъежій дружка, съ молодымъ подружьемъ выходилъ изъ высокова терена на широкую улицу, я запрягалъ своего добраго комака и оседлалъ, и овожалъ, шелковой платкой стегалъ; мой добрый конь осорядился, отъ сырой земли отделился, скакалъ мой добрый команъ съ горы на гору, съ холмы на холму; горы, доли хвостомъ устлалъ, мелки речки перескакивалъ; до- скакивалъ мой добрый команъ до синева моря; на томъ синемъ море, на беломъ озере плавали гуси серые, лебеди белые, соколы ясные. Спрошу я гусей и лебедей: где етотъ домъ, где стоитъ теремъ нашия к(нягини) м(олодой) н(овобрачной)? На то мне гуси отвѣчали: «поежай к синему морю въ восточную сторону, тутъ стоитъ дубъ о двенадети корней». Я поехалъ восточную сторону, доехалъ до того дуба; выско- чила кунка, не та кунка, котора по лесу ходить, а та кунка, которая слезтъ въ высокому тереме, сидитъ на решесчатомъ стулѣ, шлетъ ширинку нашему (князю) м(олодому) н(овобрачному). Я, предъежій дружка, с молодымъ подружьемъ поехалъ по куньему следу, доехалъ до высокова терена на широкую улицу ко княгине м(олодой) новобрачной) къ высокому терему; слезъ куней по подворотнице ушелъ, а назать дворомъ не вышетъ; слезъ куней отвѣди или двери отопри». Ему отпирають первыя двери, и затѣмъ дружка продолжаетъ задавать всѣмъ понятныя, но въ то же время очень занимательныя и приличныя свадебному рятуалу загадки: «Нашъ к(нязь) м(олодой) н(овобрачный) ездилъ къ синему морю, нанималъ рыбачевъ удалцевъ, добрыхъ молотцевъ; ене кидали шелковой невотъ, изловилъ белую рыбицу, в той белой рыбицѣ нашли златые ключи отъ высокова терена. Слезъ куней отвѣди или ворота отопри». Или немного послѣ первого обращенія: «Нашъ к(нязь) м(олодой) н(овобрачный) ездилъ къ кузнецамъ къ молотцамъ, оне ковали топоры булатные, на- нималъ работниковъ удалыхъ, оне чащу лесъ вырубали, ворота отворяли Слезъ куней отвѣди или ворота отопри!» Съ отпираниемъ воротъ связано очень много при- говоровъ. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ переживаніемъ очень древнихъ формъ брака. Дружку долго не пускаютъ въ домъ, и это даетъ ему обильный матеріалъ для шуточныхъ приговоровъ: «У вашия к(нягини) м(олодой) н(овобрачной) есь которыя стоять у дверей притворнички, у воротъ приворотнички! Отъпирайте замки всячиче, вынимаите запоры булатные, отворяйте ворота широкіе, пропущайте меня, предъежева дружку, съ молодымъ подружьемъ всехъ наперетъ. Хочу я спросать у вашия милости: нетли у васъ на мостахъ калиновыхъ столбовъ блиско, перекладовъ ниско, чтобы мнѣ, дружке, ступить да головы не продомать?»

Такого же характера слѣдующіе, затѣмъ, два приговора, по счету 43 и 44: «У ваше кня(гини) м(олодой) н(овобрачной), есь которыя стоять у дверей при- творнички, у воротъ приворотнички! Не иметца ли въ вашемъ доме благодатномъ, у кня(гини) м(олодой) н(овобрачной), нетъ ли потъ столами собакъ ярыхъ, в кутѣ старухъ старыхъ, ребятъ ревуновъ, цѣтуховъ клевуновъ, знатковъ знатливыхъ, кодуновъ кодуливыхъ, чтобы на етомъ чесномъ браке нечево сквернова слова не было; чтобы н(ашему) к(нязю) м(олодому) н(овобрачному) зата ко княгине м(олодой) н(овобрачной) въ высокъ теремъ, чтобы его старухи не обругали, собаки не искусали, ребята не осмеяли, петухи не поклевали. Извольте вы собакъ вонъ выгнать, молодыхъ людей на чесь, старухъ на печь, маленькихъ ребятъ въ колыбель, чтобы на еемъ браке чесно и хорошо».

Приведем также забавное приглашение всех гостей к столу. Кроме эпических черт, здесь находим несколько этнографических подробностей: «Я не знаю вас по святому имени звать, по отчеству величать; прошу я всех вообще к нашему князю молодому новобрачному пиво пить да меду есть. У нашего князя молодого новобрачного, пиво варено, медом наживлено: солотъ вятской, хлеть казанской, пивоваръ ярославской. Ахъ! пивце, какъ суслице; въ чашечки три бочечки, въ устохъ примечки; губы сплалотца, ноги подъ гибалотца, на замяю кружить, очень спать велить; кто пивца изопьетъ, того снегъ спшибетъ». На каждомъ шагу здѣсь встрѣчаются тѣ же самые постоянные эпитеты, которые обычны въ эпосѣ: домъ богатный, теремъ высокій, мостъ калиновый, гости честные или полюбовные, ноги рѣзвы, улца широкая, лебедь бѣлая, пубка соболя, шаль шелковая, жемчугъ скатный, занавѣска перебраная, походка молодецкая, дѣвица красная, голубица сизая, звѣрь заморскій, соболя черныя, руки бѣлыя, ступеньки кленовыя, овесъ ядреный, сѣно зеленое, яства сахарныя, питія медвяныя, свѣчи воскуяровыя, и т. д. Вообще рѣчь дружки отличается образностью и пластичностью. «Приговоры» эти записаны, повидимому, въ г. Романовъ-Борисоглебскѣ, откуда ведетъ свое происхождение и сама рукопись, изданная съ соблюденіемъ правописанія. Какъ видно изъ приведенныхъ выше выписокъ, «приговоры дружки» дають богатый матеріалъ для этнографіи и для исторіи народной литературы.

А. И. Яцимирскій.

Карскій, Е. О. Бѣлоруссы. Введеніе въ изученіе языка и народной поэзіи бѣлоруссовъ. «Виленскій Временникъ». Изданіе Виленскаго генералъ-губернаторскаго управленія. Книга I в отдѣльно. I—X+1—466. Вильна. 1904.

Въ г. Вильнѣ мѣстной администраціею края предпринято изданіе «Виленскій Временникъ», въ видѣ сборниковъ трудовъ научнаго содержанія, поставившее себѣ цѣлю — содѣйствовать всестороннему изученію Сѣверо-западнаго края. Редакціи изданія посчастливилось начать его помѣщеніемъ въ I-ой книгѣ обширнаго труда изслѣдователя бѣлорусскаго племени, составляющаго главную массу населенія края, проф. Е. О. Карскаго. Это трудъ — плодъ его многолѣтнихъ наблюденій и изученій и представляетъ весьма выдающееся научное явленіе въ области нашей этнографіи. Во время недавней (1903 г.) командировки г. Карскаго Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, онъ освѣжилъ и пополнилъ имѣвшійся у него этнографическій матеріалъ, причемъ наряду съ изслѣдованіемъ быта бѣлоруссовъ, нашъ изслѣдователь, въ частности, изучалъ рѣчь въ видахъ установленія ея особенностей и опредѣленія ея границъ.

Настоящее «Введеніе» служитъ первымъ томомъ задуманнаго авторомъ изслѣдованія по исторіи бѣлорусскаго нарѣчія (фонетика, морфологія и синтаксисъ). Ближайшею цѣлю у автора труда было, между прочимъ, — дать указатель матеріаловъ для крайне необходимыхъ словарей по бѣлорусскому нарѣчію.

«Быть бѣлоруссовъ, замѣчаетъ авторъ, при всей его сложности, представляетъ массу пережитковъ глубокой старины не только общерусской, но и общеславянской. И историкъ народной жизни, и юристъ найдетъ здѣсь для себя много цѣнныхъ и интересныхъ особенностей. Знакомая съ ними, иногда невольно забывавшъ, что дѣло происходитъ въ XX в.: передъ вами выступаетъ жизнь доисторическихъ обитателей верхняго Днѣпра, Зап. Двины и Нѣмана». Благодаря ли этому интересу или географическому положенію Бѣлоруссіи на рубежѣ двухъ большихъ народностей — русской и польской, надъ изученіемъ этнографіи бѣлорусскаго племени уже потрудились немало работниковъ: обнародованы памятники народной словесности, печатались многочисленные — частныя и по мѣстнымъ вопросамъ — изслѣдованія. Но эти богатые матеріалы, оставаясь необъединенными общимъ освѣщеніемъ, не давали возможности построить обобщенія и выводы. Проф. Карскій съ рѣдкимъ усердіемъ и особенною тщательностью

впервые прослѣдилъ всю предшествовавшую литературу, систематически сгруппировалъ ее и критически оцѣнилъ имѣющійся лингвистическій матеріалъ, попытался установить этнографическій типъ бѣлорускаго племени, опредѣлилъ его основные язычные элементы и, такимъ образомъ, расчистилъ поле для будущихъ изслѣдователей, въ качествѣ первоначальной ориентировки по соответствующимъ вопросамъ, въ области бѣлорусской этнографіи.

Богатое и разнообразное содержаніе изслѣдованія распределено авторомъ по слѣдующимъ группамъ: Территорія, занятая бѣлорусскимъ племенемъ. Границы и общій характеръ страны. Этнографическая карта бѣлорусскаго племени (гл. I). Древнѣйшіе обитатели бѣлорусской территоріи (гл. II). Языкъ русскихъ племенъ, населявшихъ бѣлорусскую территорію въ древнѣйшее время. Зароженіе бѣлорусскихъ особенностей. Старѣйшія словарныя заимствованія у финновъ и иранцевъ (гл. III). Объединеніе нѣсколькихъ бѣлорусскихъ племенъ подъ властью Литвы и окончательная выработка «бѣлорусской народности» и «бѣлорускаго языка». Заимствованія изъ литовскаго и латышскаго языковъ (гл. IV). Бѣлоруссы вѣдѣтъ съ литовцами подъ властью Польши. Наплывъ разныхъ иностранныхъ словъ въ бѣлорусское нарѣчіе (гл. V). Возсоединеніе Бѣлоруссовъ съ общерусскою жизнью. Количество бѣлоруссовъ въ настоящее время и ихъ народныя говоры. Карта бѣлорусскихъ говоровъ (гл. VI). Очеркъ изученія живого бѣлорусскаго языка и народной поэзіи (гл. VII). Очеркъ постепеннаго ознакомленія ученыхъ съ памятниками стараго западно-русскаго языка (гл. VIII). Ненародныя произведенія на современномъ бѣлорусскомъ нарѣчій (гл. IX). Я. З.

Кизеветтеръ, А. А. Посадская Община Россіи XVIII столѣтія. I—VI + —810 стр. М. 1903.

На фонѣ соціальной исторіи Россіи XVIII в. выступили, во время ломки уклада старой московской государственности, два общественныхъ свободно самоуправляющихся соединенія новаго типа: союзъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ — «дворянское общество» и всесословное «общество градское». Жалованныя грамоты (1785 г.) Екатерины II завершили собой организацію этихъ союзовъ, но какъ возникли эти новыя для того времени общественныя формы, въ какое отношеніе стали провозглашенныя въ Екатерининскихъ грамотахъ начала къ русской дѣйствительности того времени, — эти и др. вопросы могутъ быть разрѣшены лишь на основаніи изученія нашей исторіи XVIII в., для которой, въ противоположность богатству изслѣдованій по московскому періоду, въ нашей научно-исторической литературѣ сдѣлано еще немного. Притомъ, до сихъ поръ болѣе изучался административный механизмъ имперіи, чѣмъ ея соціальный строй. Научное изученіе этой эпохи походитъ на проведеніе первыхъ бороздъ на дѣйственной нивѣ. Такова магистерская диссертация г. Кизеветтера. Въ ней онъ предпринималъ изученіе — и что особенно важно на основаніи подавляющаго по богатству архивнаго матеріала — еще не затронутаго въ нашей историографіи фактическаго состоянія русской посадской общины, или общинную организацію тогдашняго посада, за время, протекавшее между двумя крупными реформами городского устройства: учрежденіемъ Петровскихъ магистратовъ и введеніемъ Городоваго Положенія Екатерины II. Избранный авторомъ моментъ представляетъ несомнѣнно глубокій научный интересъ въ исторіи городского самоуправления въ старой и новой Россіи: то была пора перекрестнаго взаимодействія и столкновенія глубоко архаическихъ корней городской жизни съ идущими сверху законодательными экспериментами. Авторъ пришелъ къ заключенію, что посадская община, съ одной стороны, втеченіе всего этого періода остается такой же общиною торговопромышленныхъ тягловъ, какою она была и въ старомъ московскомъ царствѣ. Съ другой стороны, начиная съ Петра I, правительство пытается влить въ эти старыя мѣхи новое вино заграничнаго привоза. Въ Петровскомъ регламентѣ главному магистрату, въ инструкціи городovýmъ магистратамъ ясно проводится стремленіе создать изъ русскаго тяглого города центръ промышленности и

культуры и заложить въ рамкахъ городской жизни основаніе общественнаго самоуправленія. Послѣ кратковременной реакціи противъ муниципальной реформы Петра Великаго Елисавета возстановляетъ Петровскія магистратскія учрежденія. Екатерина II еще настойчивѣе выдвигаетъ проблему возрожденія русскаго города къ новой жизни. Она мечтаетъ о заведеніи въ городахъ — притомъ тогдашней крѣпостной — Россіи «третьяго сословія» на западно-европейскій манеръ. Она хотѣла возвысить русскій городъ на степень его западнаго собрата. Въ какой мѣрѣ эти эксперименты оправдавались разложеніемъ строя, который подлежалъ реформированію и, наоборотъ, въ какой мѣрѣ ихъ осуществленіе, въ свою очередь, содѣйствовало этому разложенію? Предъ нашимъ изслѣдователемъ архивныхъ источниковъ раскрывалась жизненная картина общихъ условій нашей государственности и общественности въ то время, когда, по выраженію одного новѣйшаго историка, «цѣною разоренія страны Россія возводилась въ рангъ великой европейской державы». Глубокая бездна отдѣляла Россію регламентовъ и т. п. актовъ — плодотворной тогда политической идеологій отъ сѣрой и будничной дѣйствительности подлинной Россіи того времени. Предъ нимъ раскрывалась трагическая двойственность русской жизни XVIII в.: изъ-подъ виѣшней оболочки европеизированной Россіи на изслѣдователя глядѣла старая московская Русь. Всѣ преобразовательныя начинанія XVIII в. не отличались логической послѣдовательностью и сами были проникнуты отголоскомъ той старины, которую они старались реформировать.

Въ своей книгѣ авторъ разсмотрѣлъ составъ, тяглую организацію и строй самоуправленія типичной посадской общины XVIII в. Ее составляли небольшая кучка богатыхъ купцовъ — «первостатейныхъ», «лучшихъ» людей и многочисленной малотяглой массы мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ, чернорабочихъ и хлѣбопашцевъ. Послѣдняя находилась въ сильнѣйшей экономической зависимости отъ первой группы мѣстнаго посада. На этомъ составѣ была основана стройная схема посадско-общинной круговой поруки при отправленіи государственныхъ повинностей и службъ, возложенныхъ на посадскую общину, при чемъ «первостатейные» члены ея являлись главными отвѣтчиками передъ государствомъ за тягоспособность всей общины. Службы отправлялись мирскими очередями. Падавшіе на общину прямые налоги распределялись между общинниками по животамъ и промысламъ. Сборы таможенные, кабацкіе и канцелярскіе взымались по опредѣленнымъ окладамъ. Финансовая отвѣтственность «первостатейныхъ» передъ государствомъ за общину выдвинула ихъ на первый планъ въ посадскомъ самоуправленіи, получившемъ, въ силу этого, рѣзко выраженную олигархическую окраску. Главные плательщики за мѣръ становились и полновластными распорядителями на мирскомъ сходѣ. Къ тому, мирское самоуправленіе издавна рассматривалось прежде всего, какъ орудіе осуществленія фискальныхъ задачъ. Формы общинной жизни всетаки представляли нѣкоторую почву для появленія здѣсь стремленій къ истинной автономіи, но крѣпостной характеръ общины задерживалъ развитіе ихъ. Новыя условія жизни городовъ вызвали изданіе Городскаго Положенія 1785 г., создавшее всесословное «общество градское».

Z.

П о п о в ъ, Т., д-ръ м-ны. Русская народно-бытовая медицина. По матеріаламъ Этнографическаго Бюро кн. В. Н. Тенишева. 1—VIII + 4 — 404 стр. Спб. 1903.

Изъ предисловія мы узнаемъ, что многолѣтними трудами (нынѣ покойнаго) князя В. Н. Тенишева, по его мысли и по выработанной имъ программѣ, собранъ обширный и цѣнный этнографическій матеріалъ, имѣющій задачу всестороннее изслѣдованіе жизни и быта крестьянъ великорусскихъ губерній. Матеріалъ этотъ составлялся сельскими священниками, учителями, учительницами, землевладельцами, а. начальниками, фельдшерами и, отчасти, самими крестьянами. Число такихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ, имѣющихъ самое тѣсное и близкое отношеніе къ народной

жизни, достигло по 23 губ. до 350. Содержаніемъ матеріала явились, гл. обр., личные наблюденія сотрудниковъ и, отчасти, мѣстные печатные источники.

Настоящая книга представляетъ попытку со стороны автора разобратся въ той части этого бытового матеріала, которая связана съ вопросомъ народной медицины. Слѣд. не входило въ кругъ задачъ автора привлеченіе къ дѣлу всей литературы предмета (довольно вспомнить труды доктора Зшіена).

Г. Поповъ выпустилъ въ свѣтъ прекрасную книгу: въ ней тщательно обработанъ богатый этнографическій матеріалъ. перомъ просвѣщеннаго врача освѣщена цѣлая область въ народной жизни, даны авторитетныя указанія для будущихъ собирателей такого же этнографическаго матеріала, — однимъ словомъ, сдѣлалъ весьма цѣнный вкладъ въ народно-бытовую литературу.

Нельзя не согласиться съ авторомъ, что у насъ очень мало источниковъ изъ которыхъ мы могли бы черпать свои свѣдѣнія о народѣ въ его цѣломъ. Довольно обычны отзывы: народъ бѣденъ, грубъ, невѣжественъ и даже дикъ. Но ими еще мало обрисовывается физіономія народа; они ничего не говорятъ объ его привлекательныхъ и положительныхъ чертахъ; не всегда вѣрно опредѣляютъ отрицательныя черты и, чаще всего, односторонне указываютъ на тѣ причины и условія, которыя лежатъ въ основѣ бѣдности и невѣжества народа. Однимъ словомъ, мало у насъ знанія народа, которое столь необходимо всѣмъ и каждому въ видахъ улучшенія благосостоянія того же народа.

Что касается врачебной стороны народной жизни, то еще Даль указывалъ на важность изученія народной медицины въ чисто-этнографическомъ отношеніи и на полезность многихъ народныхъ врачебныхъ средствъ. Даль особенное вниманіе обращалъ на необходимость изученія суевѣрій народа, «сражаться съ которыми на каждомъ шагѣ составляетъ долгъ и необходимость врача въ деревнѣ».

Нашъ крестьянинъ, въ массѣ, до сихъ поръ сохраняетъ свои особенныя представленія о происхожденіи болѣзней, почти не придаетъ никакого значенія въ этомъ отношеніи ни чистотѣ, ни пищѣ, ни водѣ, лѣчится очень перѣдко суевѣрными или знахарскими средствами, обращаетъ мало вниманія на уходъ за больными и діету, и на самую земскую медицину, съ ея лѣчебными приемами, санитарными требованіями и мѣрами, имѣетъ перѣдко совершенно особенныя взгляды.

Знаніе врачей условій деревенской обстановки и быта увеличиваетъ воспитательное значеніе его (врача) среди народа и благотворное вліяніе его.

Въ книгѣ попадаются и весьма невеселыя страницы. Среди лѣчебныхъ приемовъ и средствъ есть такіе, употребленіе которыхъ въ состояніи возбудить отвращеніе и протѣтъ нравственному чувству человѣка. Но есть въ воззрѣніяхъ нашего народа и нѣчто такое, что можетъ и должно быть сохранено, не только какъ дорогое достояніе старины, но и какъ совокупность началъ, на которыхъ должно основаться будущее развитіе нашего народа.

Весь свой разнообразный матеріалъ авторъ изложилъ въ слѣд. 12-и группахъ: Причины болѣзней у народа. Знахарство. Научная медицина (старая и новая Русь. Земскіе врачи и отношеніе къ нимъ народа). Заразные болѣзни и санитарныя мѣры. Діета и уходъ за больными. Классификація и симптомы болѣзней. Суевѣрныя средства лѣченія и лѣчебные заговоры. Религіозныя средства. Грубо-эмпирическія, нелѣпыя и вредныя средства. Эмпирическая медицина. Роды. Сумасшедшіе и калкуши.

3.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XXXII. Тифинсь. 1903.

Предпринятое Кавказскимъ учебнымъ округомъ прекрасное научное предпріятіе — собираніе и печатаніе въ особыхъ сборникахъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа продолжается съ неослабнымъ усердіемъ и съ заботливымъ стара-

нїемъ. Для изученія этой нашей окраины въ Сборникахъ собрано много интересныхъ и важныхъ данныхъ.

Богатъ интересными и разнообразными матеріалами и вновь вышедшій XXXII выпускъ. Въ немъ помѣщены статьи: Н. Караулова: «Свѣдѣнія арабскихъ писателей о Кавказѣ, Арменіи и Азербейджанѣ»; А. Туманова: «Письмо Пилата къ рим. имп. Тиверію» и «Судьба Пилата» — два древне-христіанскихъ апокрифа; Е. Такайшвили: «Описание рукописей бібліотеки «Общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія»; Рашидъ-бекъ-Эфендіева: «Кабалинскій магалъ» знакомитъ насъ съ этимъ уголкомъ Елисаветпольской губ., о которомъ упоминается уже у Плинія и др.; С. Шульгина «Разсказъ очевидца о Шамилѣ и его современникахъ»; Г. Марадова «Нѣкоторыя подробности путешествія мусульманъ Закавказскаго округа въ Мекку». II отд. составленъ преимущественно изъ образцовъ словесности а) обитателей Сѣв. Кавказа: 4 сказки горскихъ татаръ, 3 нигушскихъ сказки, 3 кабардинскихъ преданія и легенды, 6 чеченскихъ сказокъ и 14 легендъ и сказокъ, записанныхъ среди терекскихъ казаковъ, и б) обитателей Закавказья: 6 греческихъ сказокъ и 1 преданіе, 6 ниглойскихъ сказокъ, 5 преданій сванскихъ, имеретинскихъ и грузинскихъ объ Амирахъ, которые дополняютъ довольно большой циклъ кавк. былинъ, относящихся къ этому мифическому герою. Большинство этихъ образцовъ отличается новизною и имогія изъ сказокъ дышатъ остроуміемъ и непосредственностью народнаго творчества. III отд. заключаетъ въ себѣ нѣсколько статей этнограф. содержанія, относящихся къ грузинамъ и мингрельцамъ Кутаисской губ. и абхазцамъ Сухум. округа, какъ: М. Глушкова: «Памятники нар. творчества Кут. губ. (примѣты, суевѣрія, преданія, заговоры, молитвословія, скороговорки, загадки и пословицы); М. Мишурка «Изъ области народнои фантазіи и быта»; І. Кобалин «Изъ мифической Колхиды» — преданія космогоническія и связанныя съ нѣк. святыми и праздниками. Мингрельцы, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ отжившаго свой вѣкъ язычества и, отчасти, даже магометанства, сохранили еще память о др. божествахъ. Обряды въ память божества Галенишаша Орта вибютъ всѣ характерныя черты глубокой старины, неприкрытой даже поверхностнымъ налетомъ христіанства. Любопытно празднество хехунтоба, соблюдаемое кузнецами и слесарями. Кузнецы еще и теперь въ Мингреліи уважаются наравнѣ съ духовенствомъ, а занятіе кузнечнымъ ремесломъ такъ же почетно, какъ и въ Осетіи. Интересна ст. І. Степанова «Народн. примѣты, разные способы гаданія и нѣк. повѣрья мингрельцевъ» (особенно относ. празднованія Н. года). Еще отмѣтимъ статьи: М. Кордзахіи «Ветрѣча Нов. года у мингрельцевъ» и И. Храмова «Кое-что изъ абхазскихъ повѣрій» (повѣрье о блужданіи души утопленника). Выпускъ заканчивается помѣщеніемъ адыгскихъ текстовъ, записанныхъ П. Тамбиевымъ, на бжедужскомъ говорѣ кяхскаго нарѣчія (три сказки).

Гр. Павелъ Шереметевъ. Зимняя поѣздка въ Бѣлозерскій край. М. 1902. I—II+144.

Это роскошное изданіе, украшенное 20-ю рисунками и фотографіями, представляетъ результатъ поѣздки гр. П. Шереметева и А. А. Бобринскаго къ предѣламъ Бѣлаго озера, между прочимъ, для обозрѣнія тамошней старины. Изъ д. Устья путешественники осматривали близлежащія достопримѣчательности. Болѣе подробно авторъ останавливается на исторіи и современномъ состояніи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, въ которомъ находятся могилы дѣлхъ поколѣній Шереметевыхъ, также могилы кн. Телятевскихъ и кн. Воротынскихъ. Авторъ коснулся и Терапонтова монастыря, который процвѣталъ въ XV в., былъ, затѣмъ, мѣстомъ заточенія патріарха Никона, а позднѣе Ростовскаго митрополита Арсенія Мадіевича; въ концѣ XVIII в. монастырь обращенъ въ прих. церковь.

Издатель собралъ въ этой мѣстности немало этнографическаго матеріала, а именно: заговоры (отъ «зайцевъ», на лисицу, противъ невластїи, отъ змѣй, противъ крови, отъ муравьевъ, суда, отъ недоброжелательныхъ людей, отъ скотскихъ болѣзней; заго-

воръ — «Святое письмо»; «Сонъ Пресв. Богородицы»; «Свитокъ Іерусалимскій»; «Слово скверное, слово матерное»; «Молитва на всякую немощь»; «Слово святое Іоанна Златоуста о 12 пятницахъ». Кромѣ того записаны: рядъ свадебныхъ пѣсень, помѣщенныхъ «исковъ-вѣку» и другого содержанія; дѣй историческія: «Аѣ съ Дону казаки наѣзжали»... и «По морю, по морю по Веревскому»... такъ наз. «женскія» пѣсни и др., а также басня (о Тухменѣ Адедхментьевичѣ — былина, извѣстная въ нашей литературѣ подъ другимъ именемъ, но здѣсь приводимая съ новыми вариантами; къ ней оказалась присоединенною другая былина о Василиѣ Никулишинѣ и сказка (о ворѣ Копонѣ). Кромѣ пѣтыхъ и записанныхъ пѣсней, издателю были доставлены пѣсни учителями и учениками народныхъ училищъ. Въ концѣ книги напечатаны узоры полотенецъ и утиральниковъ, собранныхъ въ волостяхъ Петропавловской и Пречистенской, Кирил. у., Новгородск. губ. Въ Приложеніи помѣщены списки съ грамотъ и отписокъ дара Алексѣя Михайловича.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы.

1) Гдѣ въ русскомъ народѣ торжественно празднуется память преподобнаго Модеста (Медоста, Недоста—такъ называемый «Медостовъ день»)? Къ какому дню приурочено это празднество? Какими обрядами сопровождается? Не празднуется ли одновременно и священномученику Власію?

2) Какъ давно существуетъ въ г. Боровичахъ крестный ходъ 18 декабря? По какому поводу онъ установленъ? Собираются ли на этотъ ходъ и иноуѣздные крестьяне? если да, то издалека ли?

3) Гдѣ (кромя Вятской губ.) сохранился еще обычай «троещипатницы», т. е. обрядовые обѣды, на которыхъ потребляются курицы, трижды высидѣвшія щипать? Какими обрядами сопровождаются эти обѣды? Какъ они называются (щипшика, мольба, куричья братчина и проч.).

Отвѣты покорнѣйше просить направлять или въ Редакцію «Живой Старины» или въ г. Юрьевъ-Ливовскій, Маріенгофская, 10. Дм. Б. Зеленину.

При изученіи этнографическихъ особенностей различныхъ народностей слѣдуетъ обращать вниманіе на:

- 1) Густоту населенія.
- 2) Относительное количество городского и сельскаго населенія.
- 3) Относительное количество мужчинъ и женщинъ въ сельскомъ населеніи.
- 4) Частоту и людность поселковъ (способы расселенія).
- 5) Средній ростъ населенія (хотя бы мужскаго).
- 6) Среднюю величину семьи въ сельскомъ населеніи.
- 7) Среднюю брачность, рождаемость, смертность за извѣстный періодъ времени.
- 8) Грамотность сельскаго населенія.

В. П. Семеновъ.

ОТДѢЛЪ V.

С М Ъ С Ъ.

Характеристика общественныхъ классовъ по народнымъ пословицамъ и поговоркамъ.

Народныя пословицы представляютъ богатый матеріалъ для каждаго изслѣдователя народной жизни, народнаго міросозерцанія. Онѣ представляютъ намъ въ яркихъ чертахъ мудрость народа, его задушевный взглядъ на добро и зло, правду и кривду, на общественные вопросы, отношеніе крестьянина къ другимъ классамъ общества, словомъ, нѣтъ ни одного житейскаго явленія, котораго бы не захватывала въ свой кругъ наблюденій пословица.

«Пословица не мимо молвится», а если она не мимо молвится, то стоить надъ ней остановиться.*

Касаясь темы объ общественныхъ классахъ въ народномъ пониманіи, слѣдуетъ оговориться. Понятіе о кастовыхъ, сословныхъ группахъ еще непрочно проникло въ сознание народа. Народъ до сихъ поръ представляетъ различіе слоевъ общественныхъ на основаніи различія служебнаго положенія извѣстнаго лица въ государствѣ и на основаніи экономическаго неравенства. Такъ, мужикъ живетъ и служитъ для того, чтобы пахать, косить, платить подати и всѣхъ кормить; баринъ—чтобы смотрѣть за нравственностью мужика, выколачивать недонки и получать жалованье; священникъ—чтобы вѣнчать, крестить, хоронить, пѣть молебны и т. д. Въ мужицкомъ міровоззрѣніи представляется, что онъ есть центръ святорусской земли, что онъ есть единственный помѣщикъ, кормилецъ, остальные же общественные классы только живутъ на его счетъ. Отсюда враждебное отношеніе мужика къ барину, къ попу и т. д. словомъ, ко всему тому, что, по его мнѣнію, сидитъ «на его горбѣ».

Но въ баринѣ мужикъ уже научился различать разновидности типовъ барина: помѣщика въ эпоху крѣпостнаго права, дворянина послѣ крѣпостнаго права и члѣ-

* Источники и пособія: Собраніе 4291 древнихъ русскіихъ пословицъ. 1770 года. Снегиревъ, И.: Русскіе въ своихъ пословицахъ. Даль: Пословицы русскаго народа. Богдановичъ: Собраніе сочиненій. Т. I. Изд. 1848. Вуслаевъ: Русскія пословицы и поговорки. Архивъ Н. В. Калачева за 1854 г., стр. 9—176. Ластовка, народныя пословицы. Стр. 318—331. Ольсовъ, В.: Собрникъ пословицъ и поговорокъ, записанныхъ въ камышовомъ уездѣ. Екатеринбургъ, 1884. Носовичъ, И. И.: Собрникъ бѣлорусскихъ пословицъ, Спб. 1874 г. Вокресенскій: Русская народная поэзія. Мери-Хови. Отшельникъ. Сборникъ пословицъ, поговорокъ. Стр. 1—252. Спб. 1882. Шишацкій-Имичъ. Пословицы. М. Олшевка. Черниг. губ. Вѣд. за 1854 г., №№ 25 и 29. Загребскій: Малорос. пословицы. Стр. 141—244. М. 1860. Каравеловъ, Л.: Памятники народ. быта. Болгарскія пословицы. I, 1—158. М. 1861. Čelakovský, Fr.: Mudrosloví Národu Slovanského ve příslovích. Стр. 1—644.

новника. Первый, всего ближе соприкасавшийся съ мужикомъ, успѣлъ высказать предъ послѣднимъ много своихъ хорошихъ и неснипатичныхъ сторонъ. Всѣ эти слабости крѣпостника-помѣщика подмѣчены и выражены пословицами въ довольно образной формѣ. Второй и третій типы еще только намѣчаются пословицами новаго происхождения.

Мужикъ не считалъ помѣщиковъ кастою, сословіемъ. Онъ видѣлъ, какъ въ помѣщики пролѣзалъ и ихъ братъ, мужикъ, дѣлавшійся для него «хамомъ». Онъ думалъ, что типъ крѣпостника-помѣщика умретъ вмѣстѣ съ паденіемъ крѣпостного права, что землю всю отдадутъ мужикамъ. Только съ освобожденіемъ своимъ изъ-подъ помѣщичьяго ига мужикъ съ ужасомъ увидѣлъ, что помѣщикъ все еще живеть... Невольное чувство бояливости за свою свободу снова закрадывается въ душу мужика. Тутъ только мужикъ начинаетъ разубѣждаться и уяснять себѣ такое абстрактное понятіе о помѣщикѣ-дворянинѣ, какъ цѣломъ сословіи со всѣми привилегіями, принадлежащими дворянину.

Чинovníкъ, по народному воззрѣнію, еще не вышелъ изъ стадіи кормленія на счетъ мужика (способъ, практиковавшійся въ эпоху московскаго государства). Каждый чинovníкъ стремится что-нибудь сорвать съ мужика, поживиться на его счетъ, а то и прямо попитаться. Правда, всѣ такія имена, какъ воевода, подьячій, приказный, указываютъ на историческое происхожденіе пословицъ изъ эпохи кормленія служилыхъ людей, но то обстоятельство, что эти пословицы не вымираютъ, а держатся среди народа съ заимъ старыхъ названій новыми именами чинovníковъ, ясно указываютъ, какой типъ чинovníка соприкасается съ народною жизнью.

Обратимся къ пословицамъ.

Прежде всего мужикъ прекрасно помнитъ свою многострадальную, крѣпостную жизнь, помнитъ самодуровъ-помѣщиковъ. Большинству помѣщиковъ съ понятіемъ о сѣригѣ представлялось что-то забитое, тупое. Между тѣмъ, помѣщикъ и не подозревалъ, что «у мужика кафтанъ хоть и сѣрь, да умъ у него не чертъ сѣль». Правда, у мужика «сыроматная душа» и «дехтемъ пахнетъ», но все-жъ таки мужикъ хорошо знаетъ, что лошенинъ баринъ-крѣпостникъ всецѣло отъ него зависѣлъ, сидѣлъ на его спинѣ и питался мужичьимъ тукомъ.

Не будетъ пахатника, не будетъ и бархатника ¹.

Мужичьими мозолями бары сыты живутъ ².

Какъ заживетъ крестьянинъ и дворянину доходъ ³.

Я—вашецъ, ты—вашецъ, а кто нашъ хлѣба напашетъ (насмѣшка надъ тѣми мѣстами, гдѣ много дворянъ и мало крестьянъ, и такъ вездѣ въ такихъ случаяхъ) ⁴.

Кабы не было у мужика ни крохи, всѣ дворяне бы подошли ⁵.

Якъ будешь паномъ, то все будешь маты даромъ ⁶.

Якъ не буде Ивана, то не буде и пана ⁷.

Гето, мужикъ, атласъ? Отъ насъ, паночекъ, отъ насъ! ⁸.

Мужикъ былъ вполне безправенъ, закономъ для мужика была прихоть барина, его приказы.

Новый панъ, новое и право ⁹.

Казенный крестьянинъ живетъ, какъ Богъ велитъ, а барскій, какъ баринъ разсудитъ ¹⁰.

Душа божья, голова царская, а спина барская ¹¹.

Господская воля мужицкую нудитъ, а сильную руку лишь Богъ дескать судитъ ¹².

У нашихъ господей по сту затѣй ¹³.

Несмотря на свое безправіе, мужикъ сознавалъ, что благосостояніе помѣщика въ мужикѣ, поэтому зло сѣялся мужикъ надъ тѣми помѣщиками, которые не берегли своей даровой силы, продавали мужиковъ направо и налево.

¹ Богдановичъ. ² Мери-Хови. ³ Тамъ же. ⁴ Даль; чешская: Kdyz se páni množí, lidstvo uboží. ⁵ Hal. Всѣ паны, а хто буде свинѣ пасти. ⁶ Закревскій. ⁷ Тамъ же. ⁸ Носовичъ. ⁹ Закревскій. Чешская: Nový pan, nové práva. ¹⁰ Мери-Хови. ¹¹ Мери-Хови. ¹² Богдановичъ. ¹³ Носовичъ.

Поздоровѣ, Боже, пановѣ, што у насъ ни коней, ни коровѣ, цеперь-то намѣ и погуляцѣ ¹⁴.

Шляхцицѣ, махцицѣ, кунделевѣ сынѣ ¹⁵.

Шляхцицѣ ты кобылянскій, одна нога въ чобокѣ, а другая въ лапцѣ ¹⁶.

Хоромы кривы, сѣни дубяны, слуги босые, собаки борзые да безъ индѣйскаго лѣтуха баринѣ не баринѣ ¹⁷.

О раззорившихся помѣщикахъ-дворянахъ пословицы такѣ отзываются:

Паны по трое въ штаны ¹⁸.

Бывѣ колѣсъ дворянинѣ, да чортѣ имя перемѣнивѣ ¹⁹.

По неволѣ панѣ въ жупанѣ, бо свитки нема ²⁰.

Панѣ гайнымѣ напханѣ ²¹.

Панство ихъ конопельками перебудземѣ ²².

Панѣ хорошѣ, да нема грошей ²³.

Проматавшихъ помѣщиковъ ко дню освобожденія крестьянѣ стало много.

Пановѣ много такихъ—не перевѣшать и до Москвы ²⁴.

Признаки проматывающаго или захудалаго дворянина-крѣпостника:

Ковнерѣ широкій, а пята голы ²⁵.

Познати пана по холявамѣ (голенцамѣ) ²⁶.

Якій панѣ, такой его и жупанѣ ²⁷.

По неволѣ панѣ въ жупанѣ, бо свитки нема ²⁸.

Панокѣ бездушный: панѣ надѣ самимѣ собою и надѣ своей душой ²⁹.

Пуговки золочены, а три дни не ѣлъ ³⁰.

Три дни не ѣлъ, а тоже въ зубахъ ковыряетѣ ³¹.

По чѣмѣ познаѣ ляха? По томѣ, что на черевѣ бляха ³².

Недобросовѣстность дворянина-крѣпостника по отношенію къ мужику была дѣломъ обыденнымъ. Обидѣтъ, обманутѣ, прижать мужика дворянинѣ-крѣпостникѣ не считалъ большимъ грѣхомъ: это, по его понятіямъ, не входило въ кругъ дворянской чести. Зато какими ѣдкими пословицами отмѣтилъ въ своемъ сознаніи мужикѣ такихъ помѣщиковъ.

Казавѣ панѣ, кожухѣ дамѣ, инѣ слово его тепле ³³.

Не такѣ трудно отъ пановѣ, якѣ отъ нанятѣ ³⁴.

Не кричи дюже, панскій дворѣ недалеко, въ пастухи возмущѣ ³⁵.

Не шей дубленой шубы, оброку прибавятѣ ³⁶.

Одна была рубашонка, повѣсилѣ на колѣ, и тоѣ тянутѣ за оброкѣ ³⁷.

Всякій дворянинѣ свою милость хвалитѣ, а наши услуги ни во что не ставитѣ ³⁸.

Отсюда выводѣ и совѣтъ.

Што панѣ, то собака ³⁹.

Съ панами знатѣся, ума не набратѣся ⁴⁰.

Съ панами рѣдко, а съ дурными николи не приставай ⁴¹.

Съ боярами вишенѣ не ѣшь, костями закидаютѣ ⁴².

¹⁴ — ¹⁶ Носовичѣ. ¹⁷ Мери-Хови. ¹⁸ Носовичѣ. ¹⁹ Тамѣ же. ²⁰ Носовичѣ; Закревскій; Ластовка. ²¹ Носовичѣ. ²² Тамѣ же. ²³ Закревскій. ²⁴ Мери-Хови. ²⁵ Носовичѣ. ²⁶ Тамѣ же. ²⁷ Носовичѣ; Закревскій; Ластовка; Шишацкій. ²⁸ Мери-Хови. ²⁹ Носовичѣ. ³⁰ Мери-Хови. ³¹ Тамѣ же. ³² Носовичѣ. ³³ Носовичѣ; Ластовка; Закревскій; Шишацкій. ³⁴ Носовичѣ; Закревскій; Челябинскій. ³⁵ Носовичѣ. ³⁶ Буслаевѣ. ³⁷ ibid. ³⁸ Челябинскій. ³⁹ Закревскій; Челябинскій. ⁴⁰ Носовичѣ. ⁴¹ Закревскій. ⁴² Челябинскій. Сербская: Није добро е великом господомѣ на једног чанка трешнѣ ѣсти.

Николѣ съ панами не миряйся руками: бо якъ довги — выдерижуть, а коротки — вытягнуть ⁴³.

Хвали рождь въ стогу, а барина въ гробу ⁴⁴.

Цысь, Ивасю, пановъ не переслушаешь ⁴⁵.

Иго крѣпостного права на столько было тяжело, а гнетъ помѣщика на столько былъ ненавистенъ, что — мужику казалось иногда — этому гнету не будетъ и конца. Оставалась одна надежда на религію и на будущую загробную жизнь, но и тамъ она отравлялась сознаниемъ о непріятной встрѣчѣ мужика съ помѣщикомъ.

Мы и въ аду будемъ служить на баръ: они будутъ въ котлахъ кипѣть, а мы дрова подкладывать ⁴⁶.

Невыносимый гнетъ мужикъ иногда пытался сбросить силой.

Были, были, и бояре волкомъ были ⁴⁷.

Будетъ то, что и намъ не поѣмаетъ никто ⁴⁸.

Што владзець хамъ, не выймець и панъ ⁴⁹.

Послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости мужикъ думалъ, что дворянинъ долженъ исчезнуть, какъ слабое существо, не привыкшее безъ мужика къ трудовой жизни, но, къ ужасу своему, видитъ онъ, что дворянинъ живетъ, что его всячески поддерживаютъ. Тутъ только мужикъ убѣждается, что понятіе дворянинъ не соединяется теперь больше съ владѣніемъ крестьянъ, что дворянинъ — правящій классъ, который оставленъ для надзора за мужикомъ.

Нынче дворянамъ честь, послужилъ, да и на печь: ѣсть принесутъ и мѣсто найдутъ ⁵⁰.

Нынче дворянинъ около казны, что муха у патоки — боекъ ⁵¹.

Хоть лыкомъ шить, да дворянинъ ⁵².

Хоть не стоитъ лыка, да ставъ за дворянина ⁵³.

Дворянская кровь и въ Петровки забьетъ (все денегъ просить) ⁵⁴.

Быль мочальникъ (торговаль мочаломъ), а теперь земскій начальникъ ⁵⁵.

Подмѣтилъ также мужикъ одну слабость современнаго дворянина — это искусство должать.

Брать въ долгъ — дѣло дворянское, платить долги — дѣло крестьянское ⁵⁶.

У богатаго мужика всѣ въ долгу, у дворянина все въ долгу ⁵⁷.

Дворянъ съ долгами стало такъ много, что безъ долгу дворянинъ заслужилъ о себѣ нелестную поговорку.

Безъ долгу не дворянинъ, а жиловинъ ⁵⁸.

Почему? Да потому,

Что ни больше баринъ, то хуже долги платить ⁵⁹.

Изъ правящихъ классовъ народъ выдѣлилъ классъ служилыхъ людей. Въ народной памяти осталось ясное воспоминаніе о воеводахъ, подьячихъ.

Воевода характеризуется, какъ типъ деспота, маленькаго царька, похожаго по складу его прерогативъ на помѣщика-крѣпостника.

На воеводу просить, что въ тюрьму идти ⁶⁰.

Помути Богъ народъ, накорми воеводъ ⁶¹.

⁴³ Челяковскій Hal. Съ панскимъ своего языка не ривнай: коли довги, то при-корочають, коли короткый, вытягнуть. Еще смотри Челяковскій. ⁴⁴ Мери-Хови. ⁴⁵ Носовичъ. ⁴⁶ Мери-Хови. ⁴⁷ *ibid.* ⁴⁸ Челяковскій. ^{49—51} Носовичъ. Угроза крестьянъ жестокому помѣщику. Русская: что вложить хамъ, не поможетъ и царь. ⁵² Воскресенскій. ⁵³ *ibid.* ⁵⁴ *ibid.* ⁵⁵ *ibid.* ⁵⁶ Даль. ⁵⁷ Мери-Хови. ⁵⁸ *ibid.* ⁵⁹ *ibid.* ⁶⁰ *ibid.* ⁶¹ *ibid.*

Воеводой быть, безъ меду не жить ⁶².

Воевода прѣдетъ, и калачи принесутъ ⁶³.

Лошадь любить овесъ, земля навозъ, а воевода привошь ⁶⁴.

Дьякъ, подьячій и весь составъ стариннаго суда характеризуется крайне несимпатичными чертами.

Приказный за перо возьмется, у мужика мошна и борода трясется ⁶⁵.

Подьячимъ и на томъ свѣтѣ хорошо: умрутъ—прямо въ дьяволы произведутъ ⁶⁶.

Подьячаго бойся и слячаго: притворяется ⁶⁷.

Козель да приказный—бѣсова родня ⁶⁸.

Богъ сотворилъ два зла: приказнаго и козла ⁶⁹.

Дьякъ у мѣста, что кошка у тѣста: а какъ дьякъ на площади, то, Господи, прости! ⁷⁰.

Всякъ подьячій любить приношь горячій ⁷¹.

Воръ виноватъ, а подьячій мошнѣ его радъ ⁷².

Утинова зоба не накормишь, а подьяческаго кармана не удовлетворишь ⁷³.

Жаль псуду булажки, не нажить ему рубашки ⁷⁴.

Приказный—приказливъ, что не сдеретъ, то все проживетъ ⁷⁵.

Судьямъ то и полезно, что нѣтъ въ карманъ погѣзло ⁷⁶.

Брюхо, что неправедный судья, и молча проситъ ⁷⁷.

Скорѣ дѣло вершинишь, коли судью подаришь ⁷⁸.

Когда судью подаришь, то всѣхъ побѣдишь ⁷⁹.

Дари судью, такъ не посадишь въ тюрьму ⁸⁰.

Мадою, что уадою, обратишь судью въ твою волю ⁸¹.

Съ кого судья взялъ, тотъ и правъ сталъ ⁸².

Судьи за деньги страхъ Божій забыли—стараются, чтобы виноватые правы были ⁸³.

Узнавай купца по обману, а судью по карману ⁸⁴.

Недалеко ушелъ въ народномъ представленіи и современный чиновникъ, соприкасающійся съ мужикомъ. Ему видится то же вѣточничество, то же кормленіе, какъ и въ до-реформенной Россіи въ широкихъ размѣрахъ практиковалось.

Бойся худого локтя, да свѣтлой пуговицы ⁸⁵.

Рѣдко ва свѣтлой пуговицѣ душа живетъ ⁸⁶.

Лошадь любить овесъ, земля навозъ, а становой приношь ⁸⁷.

Ставовымъ жить, безъ меду не быть ⁸⁸.

Становой прѣдетъ, и рубли принесутъ ⁸⁹.

Въ лѣсу сучки, въ городѣ полицейскіе крючки, всего обдерутъ ⁹⁰.

Близкое соприкосновеніе съ народомъ послѣ помѣщика-крѣпостника и чиновника имѣетъ духовный классъ. За все время существованія у насъ духовенства мужикъ могъ изучить его лучше, чѣмъ самого себя. Больше всего, конечно, осантавливали мужичке вниманіе ва себя поппъ и монахъ.

И въ сказкахъ, и въ пѣсняхъ и въ пословицахъ поппъ почему-то представляется неунынымъ и жаднымъ челоуѣкомъ, и брать всѣмъ во всякое время за всякую потребу оскорбляетъ религиозное чувство мужика.

Поппъ не лѣшій, а на глаза не вѣшай ⁹¹.

Поповы глаза завидушъ ⁹².

⁶² ibid. ⁶³ ibid. ⁶⁴ Даль; Снегиревъ: Не ходи къ воеводѣ съ однимъ носомъ, а ходи къ нему съ приносомъ. 1770; 1822; Снегиревъ; Даль. ⁶⁵ Мери Хови. ⁶⁶ ibid. ⁶⁷ ibid. ⁶⁸ Даль. ⁶⁹ Мери Хови. ⁷⁰ ibid. ⁷¹ Даль. ⁷² 1770; 1822; Снегиревъ. ⁷³ 1700; Снегиревъ; Даль. ⁷⁴ Снегиревъ. ⁷⁵ Даль. ⁷⁶ 1770; 1822; Снегиревъ. Даль. ⁷⁷ Снегиревъ. ⁷⁸ 1770; 1822; Снегиревъ и Даль. ⁷⁹ 1770; 1822; Снегиревъ и Даль. ⁸⁰ 1770; 1822; Снегиревъ и Даль. ⁸¹ Снегиревъ. ⁸² 1770. ⁸³ 1770; 1822; Снегиревъ. ⁸⁴ Снегиревъ. ⁸⁵ Мери-Хови. ⁸⁶ ibid. ⁸⁷ Олѣсовъ. ⁸⁸ ibid. ⁸⁹ ibid. ⁹⁰ ibid. ⁹¹ Олѣсовъ. У Дала: хорошо жениться, да страшно къ попу приступить. ⁹² ibid.

Адь да м...да, да поповы глаза всего на свѣтъ жаднѣе ⁹³.
 Попъ съ живого и съ мертвого дереть ⁹⁴.
 Накажетъ дѣдъ, какъ умереть, безъ рубля попъ не скоронять ⁹⁵.
 Попъ хочетъ большого приходу, а самъ ждетъ, когда кто умереть ⁹⁶.
 И роди плати, и хоронив плати ⁹⁷.
 Родись, крестись, женись, умирай, за все денешки подай ⁹⁸.
 Кому убытокъ, а попу доходъ: съ живого и съ мертвого дереть ⁹⁹.
 Первую мерлушку попу на опушку ¹⁰⁰.
 Попови иде и печене и вареве, изъ живого и вмерваго ¹⁰¹.
 Богу слава, а попу коровой сала ¹⁰².
 Попъ живе съ алтаря, а писарь съ колонаря ¹⁰³.
 Попивъ мѣхъ, жобракинъ кнѣзь — николи не сыти ¹⁰⁴.

Недальновидность попа отиѣчена слѣдующимъ образомъ.

Смѣлаго нищѣ въ тюрьмѣ, глупаго въ попахъ ¹⁰⁵.
 Въ суткахъ (подъ образами въ крестьянской избѣ) сидятъ одинъ попы да ду-
 раки ¹⁰⁶.

Между тѣмъ, нравственное воздѣйствіе духовенства на народъ громадное.

Какъ попъ, такъ и приходъ ¹⁰⁷.
 Какъ попъ, таково его и благословеніе ¹⁰⁸.
 Якій пищъ, тако его благословенство ¹⁰⁹.

За свою иногда обнаруженную неряшливость въ поведеніи попъ заслужилъ много
 некрасивыхъ прозвищъ.

Жеребьяча порода, завидные глаза ¹¹⁰.
 Съ благоутробіемъ твоимъ ¹¹¹.

У бѣлоруссовъ: Паки, паки дай попъ табаки. Sursum corda, нюхай, сабачья
 морда ¹¹².

У болгаръ: сирамахъ хаджиа, дрипавъ попъ да грѣхва свиня кедно ѣе ¹¹³.

Насколько велико уваженіе народа къ монастырямъ и лицамъ монашествую-
 щимъ, которые прославились своими благочестивыми подвигами, на столько же
 велико его презрѣніе къ монахамъ-ханжамъ, развратникамъ, пьяницамъ, кото-
 рые иногда попадаютъ въ мужскіе монастыри.

⁹³ *ibid.* ⁹⁴ *ibid.* ⁹⁵ *ibid.* ⁹⁶ *ibid.* ⁹⁷ Даль. ⁹⁸ *ibid.* ⁹⁹ *ibid.* ¹⁰⁰ Hal.; чешская:
 První spratek knězi pod kůžich. ¹⁰¹ Челяковский. ¹⁰² *ibid.* ¹⁰³ Носовичъ. ¹⁰⁴ Hal; Челя-
 ковскій. Сербская: поповска вреѣна никак напулнити се не може. ¹⁰⁵ Даль. ¹⁰⁶ Даль. Попъ
 пьяница выведенъ въ болгарскихъ пословицахъ. Нарѣзалъ са, като попъ на задушница
 (нарѣзаясь—напиваясь). Вся поповская порода не пользуется симпатіей у болгарскаго
 народа. Попски синъ дявольска унука. Сирамахъ жаджиа, дрипавъ попъ и грѣхва свиня
 кедно ѣе. Перчиса, жемаписа, като сельскій попъ.

Сербскія пословицы учатъ глядѣть не на то, что попъ говоритъ въ церкви, а
 на то, какъ попъ живетъ. Выше се смотри на то, како попъ живи, него како учи.
 Не чини оно, што попъ чини, и не творь, што учи.

У чеховъ духовенство зарекомендовало себя крайне съ плохой стороны.

Ксендзъ да пастухи содержатся народомъ лишь отъ чертей да отъ волковъ. Не
 будь тѣхъ и другихъ, ксендзы и пастухи, не поддерживаемые больше народомъ, давно бы
 всѣ съ голоду померли. (Челяковский).

Жадность ксендза извѣстна и чеху (см. Челябинскій). Лучше быть поэтому до-
 брымъ хлопомъ, якъ злымъ ксвдзомъ, какъ говоритъ галичаннинъ или чехъ: (см.
 Челябинскій).

¹⁰⁷ Даль. ¹⁰⁸ Даль. ¹⁰⁹ Носовичъ. ¹¹⁰, ¹¹¹ Носовичъ. ¹¹² Носовичъ. ¹¹³ Каравеловъ.

Монахъ молока не хлебнетъ въ пятницу, а молочницѣ и въ страстную недѣлю не спуститъ ¹¹⁴.

У честныхъ отцовъ не найдешь концовъ ¹¹⁵.

Игуменъ за чарки, братья за ковши ¹¹⁶.

Монахъ праздный есть татъ лѣстный ¹¹⁷.

На черта только слава, а монахъ поросенка съѣлъ ¹¹⁸.

Монахъ не котъ, молока не пьетъ, а вина только поддавай ¹¹⁹.

Въ монастыри нынче вдутъ нѣкоторые православные не для подвиговъ, не спастись, а прокормиться на чужой счетъ или же вслѣдствіе большого горя.

Кто ничѣмъ прожить не можетъ, тотъ побѣжитъ либо въ монастырь, либо на войну ¹²⁰.

Нѣсколько отдѣльно отъ другихъ сословій стоитъ классъ военныхъ людей. Здѣсь та или другая специальность въ военномъ искусствѣ накладываетъ свою печать на личность человѣка. Такъ:

Пьяница во флотъ, щеголь въ пѣхотѣ, умница въ артиллеріи, а дуракъ въ кавалеріи ¹²¹.

Интересно поглядѣть, какъ пословицы отзываются о самомъ мужикѣ. Прежде всего пословица признаетъ за мужикомъ умъ и хитрость.

На мужикѣ кафтанъ хоть и сѣръ, да умъ у него не чертъ съѣлъ ¹²².

И мужикъ знаетъ, кто ва кого лааетъ ¹²³.

Мужикъ глупъ, какъ ворона, а хитеръ, какъ чертъ ¹²⁴.

Мужикъ глядишь, якъ ворона, а хитеръ, якъ чертъ ¹²⁵.

Мужикъ глядишь въ землю, а на семь сажень видишь ¹²⁶.

У мужика много природныхъ способностей, нужно только заинтересовать его, дать ему волю, а если лѣнливъ—понулить его.

Бей русскаго мужика—часы сдѣлаешь ¹²⁷.

Кабы мужикъ на печи не лежалъ, корабли бы за море пускалъ ¹²⁸.

Мужикъ терпѣливъ до золѣ (задора ждетъ) ¹²⁹.

Нравственныя убѣжденія у мужика, вслѣдствіе его неразвитости, неустойчивы. Съ переменою мѣста и обстановки мѣняются и убѣжденія. Часто эгоизмъ беретъ перевѣсъ надъ всѣми качествами души, разъ мужикъ сознаетъ свою силу.

Мужикъ богатый, что быкъ рогатый ¹³⁰.

Назови мужика братомъ, а онъ скажетъ: я-де большой ¹³¹.

Въ мужикѣ широкая натура: въ бѣдѣ или въ радости онъ не знаетъ полумѣръ. Умѣренность и аккуратность—качества, требующіяся отъ средняго человѣчка, ему не по душѣ.

Мужикъ годъ не пьетъ, два не пьетъ, а какъ чертъ прорветъ, такъ и все пропьетъ ¹³².

У русскаго мужика душа на распахку ¹³³.

У мужика натура крѣпкая, потому что

Въ мужикомъ брюхъ и долгого сгнѣтъ ¹³⁴.

Безъ каши мужика не накормишь ¹³⁵.

Но въ эпоху крѣпостного права мужика задавили почти совѣмъ три бѣды: рекрутчина, подати, да панщина.

Въ нашей волости три болести: некрутчина, подати да панщина ¹³⁶.

Въ настоящее время, въ виду непосильныхъ поборовъ и повинностей, мужику при-

¹¹⁴ Мери-Хови. ¹¹⁵ *ibid.* ¹¹⁶ *ibid.* ¹¹⁷ *ibid.* ¹¹⁸ *ibid.* ¹¹⁹ *ibid.* ¹²⁰ Челябинскій. Сербская: Изъ одчаянія или воиник или калушер. Чешская: Před nouží do kláštera. Отъ бѣды во чернецы. ¹²¹ Мери-Хови. ¹²² Даль ¹²³ Даль. ¹²⁴ Носовичъ; Шишацкій. ¹²⁵ Носовичъ. ¹²⁶ Носовичъ. ¹²⁷ Мери-Хови. ¹²⁸ *ibid.* ¹²⁹ *ibid.* ¹³⁰—¹³³ Даль. ¹³⁴ Мери-Хови. ¹³⁵ *ibid.* ¹³⁶ *ibid.*

ходится чрезъ силу работать и добывать дѣвѣ другимъ путемъ, а не надѣяться лишь на свое земледѣльческое искусство.

Нашъ народъ по буднямъ затасканъ, шутливо оговаривается мужикъ о себѣ ¹³⁷. Мужикъ ясно сознаетъ, что при современномъ положеніи дѣлъ отъ земледѣлія ему не поправиться.

Межъ сохи да бороны не укроешься ¹³⁸.

Отъ крестьянской работы не будешь богатъ, а будешь горбатъ ¹³⁹.

Соха да борона разорила мужика, скрипка да гудокъ построили домокъ ¹⁴⁰.

Мужикъ чувствуетъ, что ему воли нѣтъ, что и послѣ уничтоженія крѣпостного права надъ нимъ стоитъ слишкомъ большая тягота въ видѣ разныхъ повинностей и административной опеки. Съ этой стороны онъ похожъ на пчелу или кобылу, которыя никогда на себя не работаютъ.

Сколько бы кобыла ни рожала, а все въ хомутѣ умирать ¹⁴¹.

Мужикъ, что пчела, на себя не работаетъ ¹⁴².

Административная опека надъ міромъ стѣснила свободу мысли. Въ эпоху крѣпостного права міръ уважалъ даже самъ помѣщикъ.

Что міръ скажетъ, то и панъ не поможетъ ¹⁴³.

Що громада скаже, то и панъ не поможе ¹⁴⁴.

Теперь же, хотя

Міръ и великъ человѣкъ, но и міру урядника дали ¹⁴⁵.

Что міръ посудитъ, то земскій рассудитъ ¹⁴⁶.

Говоря объ общественныхъ классахъ съ народной точки зрѣнія, не лишне здѣсь упомянуть о міровоззрѣніи крестьянина, его политическихъ убѣжденіяхъ, неразрывно связанныхъ съ характеристикой общественныхъ классовъ.

Нельзя быть землѣ русской безъ царя, вотъ что говорить мужикъ ¹⁴⁶.

Безъ царя Русь вдова ¹⁴⁷.

Лучше грозный царь, чѣмъ семибоярщина ¹⁴⁸.

Царь, по народному взгляду, одному только Богу отвѣчаетъ ¹⁴⁹.

Обязанности царя сводятся къ заботамъ о народѣ.

Если царь свой народъ почититъ, народъ его въ бѣдѣ защититъ ¹⁵⁰.

Не честь царю радоваться, коли народъ печалится (напр. голодастъ) ¹⁵¹.

Но царю трудно управлять и заботиться о народѣ. Часто царя окружаютъ любимцы, временщики, которые и давятъ народъ и разоряютъ его. Впрочемъ, временщики, по народному предсказанію, недолговѣчны.

Жалуетъ царь, да не милуетъ псарь ¹⁵².

Не отъ царей угнетенье, а отъ царскихъ любимцевъ ¹⁵³.

Сильны временщики, да недолговѣчны ¹⁵⁴.

Временщику срокъ — 7 или 9 лѣтъ, а больше нѣтъ ¹⁵⁵.

Управленіе царя должно быть не жестокое и не противное свободѣ, потому что

Строгий законъ виноватыхъ творить, и разумный тогда по неволѣ дурить ¹⁵⁶.

Жестокая власть не корыстна и людямъ всегда ненавистна ¹⁵⁷.

Добрая же власть не противна свободѣ и ею хранится выгода въ народѣ ¹⁵⁸.

Управлять должно не все бичемъ да хлыстомъ, иное можно и свистомъ или добрымъ словомъ ¹⁵⁹.

Съ другой стороны,

Тотъ казню не заслужилъ, кто въ мысляхъ заблуждается, и многіе на свѣтъ рождаются заблуждать, кто можетъ, тотъ свой путь скорѣе исправляетъ, и казню людей не можно исправлять ¹⁶⁰.

¹³⁷ *ibid.* ¹³⁸ Даль; ¹³⁹ Даль; ¹⁴⁰ Даль; ¹⁴¹ Мери-Хови; ¹⁴² Даль; ¹⁴³ Мери-Хови; ¹⁴⁴ Носовичъ; ¹⁴⁵ Даль; ¹⁴⁶ Даль; Челяковскій; ¹⁴⁷ Даль; ¹⁴⁸ Снегиревъ; Даль; ¹⁴⁹ Даль; ¹⁵⁰ Богдановъ; ¹⁵¹ *ibid.* ¹⁵² Даль; Челяковскій; ¹⁵³ Даль; ¹⁵⁴ Богдановъ; Даль; ¹⁵⁵ Богдановъ; ¹⁵⁶ — ¹⁶⁰ *ibid.*

Въ заключеніе нужно сказать, что у мужика много наблюдательности и ума, иначе мужикъ не могъ бы сказать такой истины, что сила—уму могла, что умъ любить просторъ, что умъ ни конемъ не объѣдешь, ни городьбой не огородишь. Выводъ прямой: до такихъ думъ надо додуматься путемъ наблюденій надъ жизнью и ея явленіями.

Не все, значить, мужикъ на печи спалъ: печальная исторія многому научила его. Доработался онъ мыслью до того убѣжденія, что дума, что борода—одна лишняя тягота. Истина святая—чѣмъ больше думать, тѣмъ хуже. Можно додуматься, Богъ знаетъ, до какихъ премудростей, которымъ и самъ нерадь будешь.

Впрочемъ, надо полагать, ума на святую Русь отпущено Господомъ Богомъ не особенно много: дураковъ у насъ на сто лѣтъ припасено, слѣдовательно, нѣтъ основаній бояться бѣды отъ ума ¹⁶¹.

Дураковъ у насъ не сѣють, не жнутъ, а сами рождаются, говоритъ пословица ¹⁶².

Вѣрно и то, что съ умомъ жить—мучиться, а безъ ума жить—тѣшиться ¹⁶³.

Это выраженіе какъ нельзя лучше опредѣляетъ настоящее положеніе мужика въ общественной жизни.

Я. Кузнецовъ.

Г. Суходола.

Сказка о неправомъ судѣ.

Во время своихъ экскурсій по Вятской губерніи (лѣтомъ 1901 и 1902 г.г.) я чрезвычайно рѣдко встрѣчалъ сказочниковъ, которые пользовались бы въ этомъ отношеніи извѣстностью въ околотиѣ. Хорошихъ пѣсенниковъ, знающихъ «старинныя» пѣсни, мнѣ называли почти въ каждомъ селѣ. Напротивъ, о сказочникахъ почти не было помину.

Объясняю я это обстоятельство прежде всего тѣмъ, что сказка, въ полную противоположность съ пѣсней, живетъ домашнею, келейною жизнью. Сказки слушаются почти исключительно въ тѣсномъ семейномъ кругу, чаще всего одними дѣтьми отъ бабушки. На мѣстныхъ «бесѣдахъ» теперь сказокъ не рассказываютъ. Хорошему сказочнику, такимъ образомъ, негдѣ получить извѣстность. Но рядомъ приходится констатировать и упадокъ, постепенное вымирание сказки въ народѣ. Въ этомъ отношеніи съ особенно характернымъ фактомъ я встрѣтился въ селѣ Ломъ (Яранскаго у.). Здѣсь крестьяне сильно хвалили мнѣ одного «сказочника», молодого парня (что мнѣ показалось особенно интереснымъ, такъ какъ прежде я записывалъ сказки исключительно отъ стариковъ и старухъ) изъ сосѣдней деревни. Я постарался разыскать хваленнаго сказочника, и какъ разъ засталъ его (дѣло было въ праздникъ) въ кругу мужичковъ и парней, которые, расположившись на зеленой лужайкѣ двора, внимательно слушали «сказку». Я безшумно подсѣлъ. Оказалось, что нашъ «сказочникъ» рассказывалъ своимъ слушателямъ извѣстный историческій романъ Алексѣя Толстого «Князь Серебрянный»,—рассказываетъ со всеми подробностями и эпизодами, не переставая и не переимчивая ниенъ. Можно было только удивляться замѣчательной памяти парня, который, какъ оказалось, начался «хорошихъ книжекъ» въ городѣ. Точно такимъ же образомъ онъ рассказывалъ «сказку о принцѣ и нищемъ» (Марка Твена) и нѣкоторыя другія повѣсти и романы.—Вотъ что идетъ на сѣбѣ народной сказки, подумалъ я.

¹⁶¹ Бѣлова. Народный умъ въ пословицахъ и поговоркахъ. Историч. Вѣстн. 1885, кн. 2.

Отмѣченный фактъ—единичный. Вообще же, народная сказка остается прежнею. Встрѣчаются еще и мнѳологическія сказки, хотя— правда—сравнительно рѣдко. Въ народѣ на счетъ этихъ сказокъ говорятъ, что ихъ пристало слушать однимъ ребѣтамъ. Мнѣ удалось записать мнѳологическихъ сказокъ крайне мало, и то все очень извѣстные варианты. Сравнительно болѣе оригинальна сказка о глинышкѣ (с. Верхотулье, Котельническаго у.). У старика со старухой не было дѣтей; они и сѣбѣли «глинышка изъ глины». Бойкій глинышекъ любилъ ловить рыбу, для чего и уѣзжалъ на лодкѣ по рѣкѣ. Мать носила ему обѣдать и, стоя на берегу, кричала:

Гли-нышокъ, гли-нышокъ! Къ бережку!
Вотъ тебѣ кашка масляная,
Вотъ тебѣ лопка красная,
Вотъ пирожекъ пшеницынныи!

Подслушала баба-яга, стала кричать также. Въ первый разъ неудачно, а второй ей удалось обмануть глинышка и увести его къ себѣ. Яга хотѣла изжарить глинышка и сѣсть его, но огонь не дѣйствуетъ на него, и вмѣсто него погибають три дочери самой бабы-яги (Варианты см. у Аванасьева, Нар. рус. сказки. I, № 62, по изд. 1897 г.).

Сказка о томъ, какъ мужикъ чертей удилъ (с. Юрьево, Котельническаго у.) мнѳологична только по заглавію, содержаніе же ея чисто бытовое. Мотивъ широко распространенный: «проучка» навязчиваго волокиты. «Повадился одинъ попъ къ бабѣ ходить, за пазуху лазить. Та и жалуется мужику: избѣялъ онъ меня совсѣмъ, вяжется. — Дакъ што, говорить, давай, я его проучу! Наклади-ка въ сундукъ сажн!—Мужикъ уѣхалъ. Приходитъ попъ. Мужикъ, какъ бы неожиданно, ворочается. Баба говоритъ попу: полѣзай въ сундукъ! Она заперла его тамъ. Ухнулъ попъ въ сажу; сидитъ, не пикнѣтъ. Приходитъ мужикъ въ избу: я, говорить, уѣхалъ, а и забылъ: сундукъ-отъ надо продать. Взялъ сундукъ, привязалъ его на телѣгу и поѣхалъ. Доѣхалъ до рѣки, поставилъ сундукъ на берегъ, а самъ рядомъ сидитъ, камень въ рѣку на веревкѣ забросилъ: какъ будто рыбу удить. Ыхалъ мимо баринъ.—Что дѣлаешь?—Да вотъ отвѣчалъ мужикъ, чертей ужю; одново ужю выудилъ, въ сундукъ сидѣтъ...—Какъ такъ? покажи!—А што дашь?—Соплисъ на двѣсти рублей. Убѣжить вѣдь только онъ, говорить мужикъ, открывая сундукъ.—Попъ оттуда выскочилъ, да и драмо по берегу. Рубаха-та бѣлая была, вся вымаралась въ сажѣ: настоящей чортъ! Получилъ мужикъ 200 рублей, и баба не стала больше жаловаться».

Подобваго рода бытовые сказки пользуются теперь въ народѣ наибольшею популярностію. Для примѣра приведу еще одну (с. Ломъ, Яранскаго у.). «Жилъ одинъ благочестивый человѣкъ. Поѣдетъ куда, увидитъ гдѣ косточку,—сейчасъ ее захоронить: завернетъ въ холстъ и заростъ въ землю. Увидѣлъ онъ разъ человѣческій черепъ. Оторвалъ аршинъ холста, завернулъ, хотѣлъ закопать, а черепъ во всѣ глаза на него глядитъ. Оторвалъ два аршина—опять тоже, три—не лучше... По близости какъ разъ тутъ былъ цыганскій таборъ. Пришелъ цыганъ, да и говоритъ: что это ты думаешь холстомъ глаза завязать черепу? Не видишь разѣ, что это голова-та поповская? Поповскіе глаза завидушніе! А ты возьми сухой соломы, либо травы гнилой, да заткни глаза-та, тогда и однимъ аршиномъ завяжешь!—Послушался мужикъ, и вѣрно».

Сказки изъ міра животныхъ пользуются также широкимъ распространеніемъ. Къ этой группѣ принадлежитъ и наиболѣе интересная изъ записанныхъ мною сказокъ—о неправомъ судѣ. Разсказчикъ, ослабѣвшій недавно старикъ въ сел. Юрьевѣ (Котельнич. у.), Кузьма Михѣевъ, выслушалъ ее еще въ молодости, въ г. Котельничѣ, отъ какого-то человѣка, съ которымъ они вмѣстѣ «кроили жито» у купца. Выслушавъ, сразу «пѣнялъ», и прекрасно помнитъ до сихъ поръ. Самъ онъ называетъ свой «рѣсказъ» — «ворѣна». Содержаніе изъ птичьяго міра. Я приведу его сначала въ самыхъ краткихъ чертахъ, а затѣмъ уже съ буквальною точностію и съ возможною точною передачею своеобразнаго мѣстнаго говора.

Букушка свила гнѣздо въ бору на соснѣ и вывела дѣтей. Сова разорила гнѣздо. Букушка въ судѣ. Судъ (въ немъ участвовала и сова) призналъ виновною ворону. Последнюю наказываютъ. Она оправдывается и указываетъ трехъ свидѣтелей: воробья, жолну и пята. Но судъ признаетъ всѣхъ этихъ свидѣтелей незаслуживающими довѣрія. Уже наказанная, ворона свалила вину на кукушку. И судъ сослалъ кукушку въ лѣсъ, а ворону почтилъ.

«Жилъ да былъ старикъ съ мужемъ. Поѣхалъ объ Оеонасевѣ дни въ гости со старухой. Сѣли рядомъ, стали говорить лѣдомъ. Ъхали-попоѣхали, по ногамъ дорогой. Хлебѣсъ кобылу бичѣмъ троузалымъ. Угналъ, начѣю, вѣреть петь-шесть, оглянулса: тутъ есь (ещѣ и съ мѣста не подалса). Дорога худая, гора крутая, телѣга немѣзанная ¹.

Ъхалъ попоѣхалъ, до бору доѣхалъ. Въ бору стоитъ самъ берѣсъ, восьмая сосна, виловата ². На той соснѣ виловатой кокушечѣ-горюшечѣ ³ гнѣздо свила и дѣтей свела. Негдѣ взелась скоробогатая ⁴ птиця, погумѣнная сова-сѣры бока, голубыѣ глаза, портенѣе подоплѣчѣе, суконной заворотникъ ⁵, носъ крючкомъ, глаза по лѣшкѣ, какъ у сердитой кошки. Гнѣздо розорила и дѣтей спогубила и въ землю схоронила.

Пошла кокушечѣ, пошла горюшечѣ съ прозьбой къ Зюю праведному. Зуй праведной по песочку гуляеть, чюлѣчки обуваетъ, сыромѣтныѣ коты ⁶. Нарезаетъ сичночку-россылочку ⁷, воробушка-десятника къ царю-лебедю, къ гусю-губернатору, павину-архирѣю ⁸, коршуну-исправнику, грачю-становому, къ ѣстребу-урянику ⁹, къ тѣтереву польскѣму-старостѣ мѣрскѣму.

Собрались фѣѣ чиновники и начѣальники: царь-лебедь, гусь-губернаторъ, павинъ-архирей, коршунъ-исправникъ, грачъ-становой, ѣстрепъ-уряникъ. тѣтеревъ польскій—староста мѣрскій, сичночка-россылочка, воробѣй-десятивѣкъ, и изъ уѣздинова суда тайна полиція: сычъ и сова, орѣлъ и скопѣ,—што есь на бѣломъ свѣтѣ за скоробогатая птиця, погумѣнная сова, бѣлы бока, голубыѣ глаза, портенѣе подоплѣчѣе, суконной заворотникъ? — И добрались, што ворона ¹⁰.

И присудили ворону наказать: стрехнули ко грѣтѣ ногамъ и зачали сѣчки по мѣкннѣ мѣстамъ, по ледвеймъ. И ворона возмолвила: каръ-каратѣитѣ, моѣ тѣло таратѣитѣ, никакиѣ вы свидѣтели не спроцаѣтѣ!—Хто у тя есь свидѣтель?—У меня есь свидѣтель воробѣй.—Знаѣмъ мы твоѣва воробѣй, ѣбелника и клявѣтнѣка и потакофшыка. Хресѣяннинъ поставилъ нѣбу избу,—воробѣй прилетѣтъ, дыръ навертѣтъ; хресѣяннинъ избу затопляеть, тепло въ избу пропушѣаетъ, а воробѣй на уличю выпушѣаетъ ¹¹. Неправильноа свидѣтели сказала ворона! И ворону наказываютъ пѣшнѣа и товѣ.

¹ «Зачиновъ» (началъ) у сказочника было нѣсколько; онъ выбралъ «который по-сѣмѣнѣе». Остроумѣе, какъ видимъ, самое элементарное.—Аэонасеевъ дѣлъ—5 іюля (зимній 18 января).—Н а ч ѣ ю—думаю, полагаю.

² В и л о в а т ы й растущій въ видѣ вѣлы, на два сѣвола.

³ Фонетически изъ: кокушица-горюшина.

⁴ Скоро разбогатѣвшая? Срв. Кузьма Скоробогатой (въ сказкахъ Аэонасеева I, № 99) и мрусса. ск-роб-гатыя (пыжикъ тожъ) «мелочные торговцы».

⁵ Воротникъ.

⁶ Зуй въ народныхъ пѣсняхъ—аристократъ и щеголь (см. Соболевскій, Врусск. нар. пѣсни, VII, стр. 665 и 406—408).

⁷ С и н о ч к а, С и н к а—снѣжка.

⁸ Разсказчикъ сообщилъ мнѣ, что онъ самъ поставилъ здѣсь п а в и н а (т. е. павлина), вѣдѣсто ф и л и н а прежней редакціи.

⁹ Фонетически изъ ѣстребъ.

¹⁰ Примѣты обвиняемой совы, какъ видимъ, слишкомъ очевидны; но сова аристократка (въ народной пѣснѣ она говоритъ про себя воробью: «Я роду не простаго, не простаго я, княжескаго, я — майорская дочь, генеральская сноха, я, сова, ошперская жена!» Соболевскій: VII, № 454, стр. 400), да она и присутствуетъ на судѣ въ качествѣ члена тайной полиціи,—и аристократическій судъ не думаетъ обвинить сову, а обвиняетъ ни въ чемъ неповинную демократическую ворону.

¹¹ Судъ, повидимому, горячо защищаетъ интересы кресѣянства, но жизнь послѣдняго знаетъ, кажется, очень плохо: воробѣй едвали много «дыръ навертѣтъ» въ избу; воробѣй—воръ, онъ воруетъ зерно.

И ворона возмолвилася: каръ-каратаѣтѣ, моѣ тѣло таратаѣтѣ, никакихъ вы свидѣтелей не спрошатаѣтѣ.

— Кто у тя есь свидѣтель?

— У меня есь свидѣтель—жолна!

— Знаѣмъ мы твою жолну,—ябедничю, клѣветничю и потакофшичю! Стоить въ раменью лѣпа, годѣцца на божей лѣкъ и на коностаѣсь. Жолна прилетѣтъ, дыръ навертѣтъ; дошъ пошолъ, лѣпа изгнила, не годѣцца на коностаѣсь; послѣ тово и лопаты мзъ неѣ здѣлати ¹³. Неpravильнова свидѣтеля опѣтъ сказала!

И пушпа тово ворону стегаютъ по лѣдвеймъ и по переткѣ.

Опѣтъ ворона возмолвилася. Каръ-каратаѣтѣ, моѣ тѣло таратаѣтѣ, никакихъ вы свидѣтелей не спрошатаѣтѣ!

— Кто у тя есь свидѣтель?

— У меня есь свидѣтель послѣдней,—дѣтель.

— Знаѣмъ мы твоео дѣтеля—ябедника, клѣветника и потакофшика! Хресъяннѣ загоровалъ новой огорѣтъ; и дѣтель прилетѣлъ, жертъ передолбилъ, и двѣ передолбилъ, в трѣ передолбилъ: дошъ пошолъ, огорѣтъ росѣлся и розвалился: хресъяннѣ скотѣ на уличю выпушпаѣтъ, дѣтель ф вѣлѣ пропушпаѣтъ.

И ворону наказали, отъ грѣтки отвезали. Ворона крылышка разбросила, лапѣчки роскидала... Изъ-за кокушечѣ — изъ-за горюшечѣ, изъ-за ябедничѣ я, вороно-прѣведничѣ ¹⁴... Нечѣмъ хресъяннина не обиждаю: по утру рано на гумнѣшкѣ вылетаю, крылышкамъ розметаю, лапѣчкамъ розгребая. тѣмъ себѣ и пишшу добываю!—Она кокушечѣ, она горюшечѣ, она ябедничѣ, она клѣветничѣ! Хресъяннѣ нажалъ одинъ суслобъ,—кокушечѣ прилетѣтъ, и тотъ одолбитъ! большѣ тово подъ ноги спуститъ!..

И выслушали (судъ) ворьяны слова. И ворону потхватали, въ красной студѣ ¹⁵ посадили. Кокушечю-горюшечю, въ наказаніе ей, ф темной лѣсъ отправили на тричѣтъ лѣтъ, поглѣбечѣ, — живи весь вѣкъ! И тонѣре кокушка въ лѣсѣу проживаѣтъ, в гнѣзда не знаѣтъ».

Въ приведенной сказкѣ мы находимъ, такимъ образомъ, и своеобразный отвѣтъ на вопросъ о томъ, почему кукушка своего гнѣзда не знаетъ? Однако видѣтъ въ этомъ отвѣтѣ ядро, основной мотивъ сказки нѣтъ никакихъ оснований. Что сказка выросла не изъ этого мотива, а послѣдній былъ приплетенъ къ основѣ сказки лишь встатѣ, объ этомъ ясно говорить уже одно то, что судъ происходитъ изъ сравнительно очень новое время, во времена губернаторовъ и уѣзднаго суда. Если и допустить, что эти учрежденія явились въ сказкѣ на смѣну какихъ-либо иныхъ, болѣе древнихъ, такъ и тогда совѣмъ невѣроятно, чтобы приговоръ суда человѣческаго распространялся на вольную птицу «божью». Наконецъ, по вопросу о томъ, почему кукушка «своего гнѣзда не знаетъ», въ народѣ существуютъ особыя повѣрья и легенды, ничего общаго съ нашей сказкой не имѣющія. По очень широко распространенному повѣрью, отмѣченному мвою, между прочимъ, въ томъ же самомъ селѣ Юрьевѣ, кукушка—«оборотень изъ дѣвокъ», а у дѣвушки своего гнѣзда, конечно, быть не можетъ. Повѣрье это очень близко къ мнѣнію, выраженному въ одномъ малорусскомъ апокрифѣ (Чубинскій. I, 59), по которому кукушка, вѣсть съ чайкой, произошли отъ дѣвушекъ, которыя вздумали испугать Спасителя ¹⁶. Есть и еще повѣрье: кукушка за то безъ гнѣзда, что завла его на Благовѣщеніе.

Кукушка нашей сказки, подобно всѣмъ другимъ фигурирующимъ въ ней птицамъ,—явная аллегорія. Символическое значеніе кукушки въ русской народной сло-

¹³ Здѣсь возраженіе суда удачнѣе; относительно желны срв. народную поговорку: кто дятла прозвалъ дровосткомъ, желну бортиникомъ? (Даль, Пословицы, 546). — Р а м с ѣ — лѣсъ.

¹⁴ Здѣсь, кажется, небольшой пропускъ. Возможно однако, что эта отрывочная рѣчь, безъ сказуемаго, объясняется состояніемъ вороны (въ аффектѣ).

¹⁵ Признакъ особой чести (срв. красный уголъ — передній въ избѣ, куда садятъ самыхъ почетныхъ гостей).

¹⁶ Срв. также сербское повѣрье (Вукъ, Стефановић, Српски рјечник, 1818, стр. 350), по которому кукувица «была жена» и потомъ только «се претворила у тицу».

весности известно. Кукушка—символъ горюющей, плачущей женщины,—сироты, вдовы, жены, тоскующей въ одиночествѣ и т. п. (см. Потебня въ Русск. Филог. Вѣстникѣ, XVI, 272). Въ данномъ случаѣ нѣтъ необходимости разумѣть подъ кукушкой непремѣнно женщину. Мы думаемъ, что здѣсь олицетвореніе несчастнаго, безправнаго крестьянина стараго времени. Въ томъ обстоятельствѣ, что судьи на словахъ защищаютъ какъ бы интересы крестьянства (см. мотивы, по которымъ судъ отвергаетъ свидѣтелей вороны), нужно видѣть указаніе на характерное лицемеріе судей-аристократовъ или же на полное незнаніе ими крестьянской жизни (см. прим. 11).

Невинно пострадавшая ворона—типъ гѣваки¹⁶, которая, однако, потомъ сумѣла подолститься къ судьямъ и оправдаться, сваливъ вину на несчастную кукушку.

Самую сказку нужно поставить въ параллель съ известными сказками о Шемякиномъ судѣ и объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ (Аванасьева, I, № 41). Главная разница въ томъ, что здѣсь дѣйствіе происходитъ въ мірѣ птицъ и въ позднѣйшее время, именно—въ періодъ уѣздныхъ судовъ.

Чтобы покончить съ сказками изъ животнаго міра, я упомяну еще объ одной (с. Люкъ, Сарапульск. у.), ва очень известную тему о волкѣ и лисѣ. Волкъ постепенно выманиваетъ у домохозяина его немногочисленную скотину, для чего поетъ слѣдующую пѣсню:

Булы—кулы жалѣцъ!
Соломенной крылецъ,
Старичокъ да бабушка,
Паренѣкъ да дѣвушка.
Пять—пять овецъ,
Шестой жеребецъ,
Собачка—пустолаечка,
Босечка—блюдолизочка.

Пѣсня эта, какъ и вся сказка, по существу, очень близка къ такой же тамбовской пѣснѣ и сказкѣ (Аванасьева, I, № 21). Заслуживаетъ вниманія лишь слово *кулы*. Вдавали можетъ быть сомнѣніе, что это финское слово (остонское *куле*—слушай! Эй ты!). Но какимъ образомъ оно сюда попало? Возможны два отвѣта. Въ уста волку очень естественно было вложить чужое, не русское слово: срв. съ этимъ былинный эпитетъ татарскаго языка «телячій языкъ», тогда какъ русскій языкъ представляется попреимуществу *человѣческимъ* (Кирѣевскій, IV, 39). Но не исключена и возможность того, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ какой-либо финской пѣсни, начинающейся словомъ: *куле*.

Д. Зеленинъ.

7 августа 1903.
Юрьевъ.

¹⁶ Обычное народное представленіе о воронѣ; срв. крыловскую ворону въ баснѣ «Ворона и Лисица».

ЖИВАЯ СТАРИНА

периодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи И. Р. Географическаго Общества (заключаетъ въ себѣ отдѣлы: I. изслѣдованія, наблюденія, разсужденія; II. памятники языка, народной словесности, живой старины; III. критика и библіографія; IV. вопросы и отвѣты; V. смѣсь), подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи В. И. Ламанскаго, будетъ выходить въ 1904 г., по примѣру прежнихъ 13 лѣтъ, четырьмя выпусками въ годъ.

Подписка принимается въ квартирѣ И. Р. Географическаго Общества (у Чернышева моста, гдѣ 6-я гимназія). Годовая цѣна—въ Петербургѣ—**5 р.**, въ Имперіи—**5 р. 50 к.**, за границу—**6 р.** Книгопродавцамъ дѣлается скидка въ **40 к.** съ экземпляра.

Цѣна отдѣльной книжки «Живой Старины» **1 р. 50 к.**, двойной (въ два выпуска)—**3 рубля**. Оглавленіе всѣхъ выпусковъ «Живой Старины» за истекшія двѣнадцать лѣтъ—**5 к.**

Въ Географическомъ Обществѣ книжки «Живой Старины», съ 1890—1897 гг. можно получать въ С.-Петербургѣ за **3 р.** въ Имперіи за **3½ р.** и за границу за **4 р.**, за 1898 по 1901 включительно—по **4 р.**, **4½ р.** и по **5 р.**

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ IV

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1903

I.

По Иньвѣ и Косѣ¹

(у пермяковъ).

Этнографическій очеркъ.

I.

Области небольшихъ притоковъ Камы — Иньвы и Косы, населенныя пермяками, интересны во многихъ отношеніяхъ. Прѣзжая съ Усть-Пожвы до Верхъ-Иньвы (160 верстъ, во всю длину р. Иньвы), можно видѣть характерныя особенности жизни на малой рѣкѣ, населенной финскими инородцами, которые имѣютъ свои порядки, свою исторію.

Переходя отъ большой рѣки (Камы), оживляемой пароходами и огромными плотами деревъ, сплавляемыхъ къ морю, на небольшую рѣку, гдѣ можно встрѣтить еще парусныя суда и небольшіе плоты, и далѣе углубляясь въ малую рѣчку, вы видите на ней уже отдѣльныя сосны, сплавляемыя отъ верховьевъ къ устью. Такой рѣчкой является Иньва. По ней сплавляется дѣсь двойниками, тройниками, десятками и даже по одиночкѣ. Бревна тянутся на протяженіи многихъ верстъ, а позади нихъ ѣдетъ кошевой въ двухскатной избушкѣ.

Невелико, должно быть, торговое и промышленное движеніе въ области такой рѣки, какъ Иньва, гдѣ нѣтъ ни желѣзныхъ, ни шоссейныхъ дорогъ, а земская только еще строится. Печать неподвижности лежитъ здѣсь на всемъ. Пассивность, неподвижность — одинъ изъ признаковъ здѣшней жизни. Тысячами нитей идутъ слѣдствія ея въ подробностяхъ быта народа, отражаясь и на характерѣ пермяка и на его міровоззрѣніи.

Второе, что бросается въ глаза въ этой мѣстности при общемъ обзорѣ, — это большія села и еще большія волости.

Перѣзжая съ Усть-Пожвы (деревня на берегу Камы, при впаденіи въ нее р. Пожвы) въ Майкоръ, въ первое село по Иньвѣ, вы видите передъ со-

¹ Читано въ засѣданіи Этнографіи И. Р. Географическаго Общества 20 декабря 1902 г.

бою огромную деревню, разбросанную по холмам¹; она населена русскими; по окрестным деревням живут пермяки. Беспорядочность построек, отсутствие всякого плана въ ихъ расположеніи, рѣдко прорубленные окна въ избахъ — все это придаетъ селу Майкорь мрачный, непривѣтливый видъ. Рѣдкія окна въ домахъ — явленіе характерное для Иньвы. На пространствѣ, гдѣ въ домѣ бойкаго села по р. Ветлугѣ, найдется 10 оконъ, въ Майкорѣ — два, три окна. Не останавливаясь на буйныхъ нравахъ жителей этого села, нужно замѣтить однако, что майкорцы совсѣмъ утратили патріархальные деревенскіе порядки, не выработавъ въ замѣнъ ничего иного, кромѣ полной распушенности, дикаго произвола и любви къ попойкамъ.

Говоря вообще о селахъ и деревняхъ по Иньвѣ, нельзя, однако, не замѣтить очень неравномѣрнаго распредѣленія благъ культуры между тѣми и другими. Села благоустроены: въ нихъ двуклассныя школы, врачи, фельдшера, потребительскіе магазины, красивыя, богатія церкви, а въ окрестности ихъ (не менѣе 30 верстъ радіусомъ) — крайняя бѣдность, курныя избы, безлѣсца, отсутствие всякой медицины; тамъ всякія бодѣзни и сплошная безграмотность. При чрезвычайной неподвижности здѣшней жизни, ничто благотворное не распространяется на деревню.

Еще три явленія поражаютъ наблюдателя въ этой мѣстности при первомъ его знакомствѣ съ нею. У иньвенскихъ пермяковъ отсутствуютъ передѣлы земель, между тѣмъ надѣлы распредѣлены очень неравномѣрно. Такъ, въ дер. Федоровѣ приходится зачастую на одну душу 30 десятинъ, а на 4 души у другого крестьянина 5 десятинъ. Земскіе начальники и богатые мужики стоятъ за старые порядки. Какъ были надѣлены крестьяне при ихъ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, такъ это и остается до сихъ поръ, не взирая на то, что семейное положеніе каждаго сильно измѣнилось.

Второе, интересное для наблюдателя явленіе, это — отношеніе къ пермякамъ интеллигенціи. Прежде всего, еще на пути къ пермякамъ, когда спрашиваешь о нихъ кого-либо изъ мѣстныхъ интеллигентовъ, то встрѣчаешь неизмѣнно такой отвѣтъ: «пермяковъ въ селахъ вовсе нѣтъ, они живутъ только по деревнямъ». Это, оказывается, совершенно невѣрно. Затѣмъ, вамъ сообщаютъ свѣдѣнія малообъяснимыя, откуда они взялись. Такъ, одинъ изъ мѣстныхъ интеллигентовъ передаетъ вамъ мнѣніе о пермякахъ дорожнаго инженера, съ которымъ онъ, конечно, вполне согласенъ: «пермяки — идіоты, просятъ за возку куб. сажени земли 6 руб., а послѣ, когда на работы были приглашены нижегородцы, тѣ же пермяки стали работать у нихъ за 1 р. 50 к.» Однако, причина нежеланія крестьянъ-пермяковъ вѣзаться за перевозку земли оказалась не въ идіотизмѣ ихъ, а въ устройствѣ телѣгъ, неудобныхъ для земляныхъ работъ (или же просто въ отсутствіи всякихъ телѣгъ), а съ другой стороны, предложеніе работъ совпало съ близостью страдной поры, которая для пермяка, живущаго только земледѣліемъ, важнѣе, чѣмъ, напр., для нижегородца.

Единственно, что нѣсколько оживляетъ этотъ печальный край, богатый лѣсами, которые, впрочемъ, не принадлежатъ крестьянамъ, это заводы пожев-

¹ Здѣсь находится большой желѣзодѣлательный заводъ Демидова.

ской, майковский и кувинский (сталелитейный). Въ какой степени эти заводы помогаютъ экономическому состоянію края, скажемъ позднѣе. Пока, отмѣтимъ еще одно явленіе, именно обрусеніе края.

Обрусеніе идетъ отъ центровъ администраціи, отъ селъ, и радіусами распространяется по деревнямъ; отъ села передается селу, а деревни остаются мало тронутыми новыми явленіями. Школы, солдатчина, промыслы—вотъ факторы обрусенія, но они встрѣчаютъ реакціонное движеніе въ лицѣ пермяцкихъ женщинъ, которыя по-русски не говорятъ и дѣтей своихъ учатъ говорить только по-пермяцки; онѣ и въ обрусѣвшія села переносятъ свой языкъ и тамъ распространяютъ и сохраняютъ его.

Нужно замѣтить однако, что въ пермяцкомъ языкѣ гораздо больше русскихъ словъ и оборотовъ, чѣмъ, напр., въ родственномъ ему зырянскомъ. Немало пермяковъ, говорящихъ смѣшанною рѣчью. Поэтому говоръ пермяковъ и вообще язычныя явленія въ этой мѣстности могутъ представлять большой интересъ для лингвиста.

II.

Когда ѣдешь по большой дорогѣ отъ села къ селу по берегу Иньвы, встрѣчаешь много печальнаго; если отъѣхать въ сторону отъ дороги, углубиться въ деревни, тамъ лѣса болѣе дремучи, и жизнь еще болѣе уныла и бѣдна. Такъ точно, чѣмъ въ большія подробности мы будемъ входить, рисуя жизнь пермяка, тѣмъ больше увидимъ и первобытной наивности и, рядомъ съ тѣмъ, черты печальной его обстановки. Гдѣ живетъ пермякъ? Чѣмъ онъ занимается? Пермяцкія деревни окружены лѣсами. Однако избы ихъ не отличаются ни величиной, ни чистотой. Даже въ селахъ сохранились курныя избы. Въ деревняхъ полуразвалившихся избы больше, чѣмъ благоустроенныхъ. Дворы ихъ нечего и сравнивать, напр., съ вотяцкими. У вотяковъ—ихъ соплеменниковъ—въ ховяйствѣ—цѣлая поэзія, у пермяка все бѣдно и убого. У пермяковъ нѣтъ такихъ старыхъ остатковъ, какъ куала, существуетъ лишь какой-то намекъ на это. Около избы строится обыкновенно еще маленькая избышка (такъ называемая русская «зимница»); въ ней в сами хозяева живутъ по зимамъ, и еѣ отдаютъ подъ квартиру во время ярмарокъ. вмѣсто погреба (ледника) устраивается простая яма для харчей. Свою избу пермякъ называетъ керку; у зырянъ керка. (Это слово невольно наводитъ на сопоставленіе. Куа или куала—древне-вотяцкое слово, обозначающее постройку, керку;—постройка изъ бревенъ (кер—бревно; быть можетъ, отъ керкуа произошло керку). Другія пристройки, какъ бани, овины и т. п., какъ и у русскихъ. Овины безъ каменки. Огонь раскладывается прямо на землѣ. У зырянъ то и другое арханчигѣ (печка сложена изъ крупныхъ камней полусферой). Изъ двухъ родовъ медвѣдѣй (наливныхъ и почвенныхъ) здѣсь почвенныя, что объясняется маловодію рѣчекъ.

У пермяковъ по деревнямъ нѣтъ телѣгъ (ве умѣютъ дѣлать ихъ); они во всякую пору ѣздить и все возить на саняхъ или верхомъ; только въ послѣднее время заводятся одноколки. Дорогъ устроенныхъ тоже нѣтъ. Сеху везутъ, положивши на нарядъ (срубленную съ корней жердь съ кривулиною). Было бы слишкомъ односторонне и несправедливо объяснять все это бездар-

ностью пермяка; причина такой отсталости его въ хозяйственномъ отношеніи лежитъ въ условіяхъ экономическихъ, историческихъ. Телѣги въ селахъ выписываются съ воткинскаго завода; поставляются онѣ обыкновенно въ богатое село Кудымкорь, Соликамскаго уѣзда, которое служитъ центральнымъ пунктомъ этой мѣстности, гдѣ жили и теперь живутъ главные дѣлщики имѣній гр. Строгоновыхъ.

Главное занятіе пермяковъ—земледѣліе. Бывшіе крѣпостные гр. Строгоновыхъ ничего иного дѣлать не умѣютъ, какъ только обрабатывать землю Правда, неискусны они и въ земледѣліи, но и земля ихъ не балуетъ. Почва здѣсь глинистая, урожай бываетъ самъ 5. Въ трехпольномъ хозяйствѣ сѣются рожь, ячмень, овесъ, горохъ. У иньвенскихъ пермяковъ мало хлѣба, но чердынскіе молотятъ свой хлѣбъ до ноября. Пожни у нихъ ври малости рѣкъ очень плохія. Трава скашивается горбушами, какъ у зырянъ и у сибирскихъ инородцевъ (якутовъ), а не косой (литовкой). Домашній скотъ комолий, мелкій и малочисленный.

Рубить дрова въ куреняхъ для заводовъ—вотъ главный промыселъ пермяка. Курени имѣются по рр. Пожвъ (талича), Исмы Вакина, по Быстрой и Вежай. Всю зиму, стоя чуть не по колѣна въ глубокомъ снѣгу, рубятъ пермяки лѣсъ изъ «баронской» чащи для «графскаго» завода. Ночи проводятъ въ землянкахъ изъ еловой коры. Изъ куреней вырубленный лѣсъ сплавляется по рѣчкамъ на заводъ. Вотъ промыселъ пермяка, получающаго за свою работу 50 коп. въ день. Мужики и подростки поступаютъ на заводъ чернорабочими. За работы въ рудникахъ имъ платятъ 30 коп., за дрова 40 коп. съ сажени. Экономическія слѣдствія такихъ работъ видны уже по заработной платѣ, а на другія указываютъ сами пермяки, говоря о себѣ: «народъ въ Бѣловѣ ослабѣлъ — то въ рудникахъ работаютъ, то въ куреняхъ съ малыхъ лѣтъ, ушибаются, простужаются».

Относительно другихъ занятій нужно сказать, что рыболовства, напр., нѣтъ по Иньвѣ; другое дѣло по Косѣ (Ветоль, Сакъ, Куломъ). Кое-кто занимается извозомъ; возятъ кладъ съ кувинскаго завода черезъ Нердву, Ильинское въ заводъ добрянскій (Верхиньва).

Хотя въ Майкорѣ можно замѣтить плотниковъ, пильщиковъ и другихъ рабочихъ изъ пермяковъ, все же, въ общемъ, среди нихъ (особенно у иньвенскихъ пермяковъ) ремеслъ мало. Косы, серпы и т. п. все покупается; нѣтъ между ними ни хорошихъ кузнецовъ, ни хорошихъ плотниковъ. Зимнюю обувь (пины безъ голенищъ), валянки (съ голенищами) дѣлаютъ для чердынскихъ пермяковъ по р. Косѣ зыряне. Эти послѣдніе являются здѣсь и шерстобитами, и кововалами и портными.

На Косѣ пермяки охотничаютъ на бѣлокъ, на лося. Между пермяками изрѣдка встрѣчаются и умѣющіе заговаривать ружье и собаку. Въ стоверетномъ волоку около Кайгорода водятся еще олени. Иньвенскій пермякъ охотой не занимается. Ружье его заржавѣло на гвоздѣ. Соплеменникъ поѣту лѣса—зырянину, пермякъ въ этомъ отношеніи неуважаемъ. Вы будете удивлены слышая жалобы пермяка на медвѣдя, на его проназы. Медвѣди затравляютъ коровъ по нѣскольку штукъ въ годъ; крестьяне плачутъ, а медвѣдь гуляетъ въ лѣсу, довольный положеніемъ вещей. Это нѣчто удивительное для человѣка,

знающаго зырянъ, которые ищутъ медвѣдя, а пермяки, т. е. пермскіе зыряне плачутъ отъ него. Это весьма характерный фактъ, показывающій, какъ велико вліяніе исторіи и условій мѣстности на человѣка. Лѣса и люди принадлежали гр. Строгановымъ. Нужно думать, что они цѣнили въ пермякахъ не отважныхъ охотниковъ, а мирныхъ работниковъ земли, кузнецовъ и заводовъ. Другая причина, которая не даетъ здѣсь развиться отважности человѣка—малыя рѣчки, небольшіе лѣса. Вліяніе этого видно на тѣхъ же пермякахъ, живущихъ по Косѣ, изъ государственныхъ крестьянъ, сосѣдей казенныхъ лѣсовъ—у нихъ другое дѣло, чѣмъ у иньвенскихъ.

Нѣтъ охоты у пермяковъ, нѣтъ и охотничьей поэзіи, что украшаетъ нѣсколько сумрачную жизнь зырянъ. Конечно, въ иньвенскомъ краѣ очень мало и торговаго движенія. Ярмарки—признакъ неподвижности жизни. Совершенно не то наблюдаемъ мы, напр., по Ветлугѣ. Въ с. Бакахъ каждую пятницу собирается народъ со всѣхъ деревень для торговыхъ оборотовъ.

Выше было сказано, что деревни пермяцкія окружены лѣсами. Что же извлекается крестьянами изъ этихъ лѣсовъ? Здѣсь ахиллессова пятя иньвенской жизни. Всѣ лѣса—гр. Строганова; крестьянамъ не принадлежитъ ни одинъ кустъ, ни одна вѣточка. Управление лѣсами, простирающимися на сотни верстъ въ длину и ширину, вѣрено сложной организаціи чиновниковъ, получающихъ большое жалованье и пользующихся пенсіей. Отношенія между графскими лѣсничествами и народомъ далеко не нормальныя. Начиная съ устьевъ Иньвы и кончая ея верховьями, также и по ея притокамъ, всюду раздается недовольство и ропотъ народа на состояніе лѣсного вопроса. Со стороны крестьянъ раздаются жалобы: «За скотскій выгонъ 30 коп. съ души, 50 к. охотничій билетъ»... Раньше урожая были, лѣсъ былъ дешевле, теперь житье невозможное (въ дер. Федоровѣ). Цѣна деревьямъ 5 вершк. въ діаметрѣ 3 саж. длины—26 к., кубич. саж. дровъ 2 р. 16 к. (въ с. Курошѣ). За право пойти въ лѣсъ съ топоромъ 10 к., если его отнять 20 коп. выкупа»—вотъ рѣчи, которыя слышатся повсюду. Лѣсникъ села Захарова рассказываетъ самъ, какихъ правилъ держится онъ, сторожа господскіе лѣса. «Если кто дрова возить тайно или грибы собираетъ безъ билета, подкрадешься къ нему, поставишь къ груди револьверъ и отнимаешь топоръ, потомъ ударишь его въ грудь... легко справляюсь».

— Это же, вѣдь, не по-евангельски, это не хорошо, замѣчаешь ему. — Ой, иначе нельзя; и жалъ, да бьешь. Вѣрно всякому билетъ брать. Я нарочно живу около самаго лѣса, слѣжу ежесекундно и доношу. У меня сучокъ не пропадетъ ¹.

«Мы живемъ въ кудигѣ, ограниченные кругомъ, какъ евреи въ Египтѣ», говорятъ вамъ крестьяне, живущіе въ жалкихъ лачужкахъ около этихъ сторожей, обитающихъ въ чистенькихъ, уютныхъ домикахъ. Возражаютъ, что крестьяне, напр., Баковской волости (Костромской губ.), находясь въ такомъ же отношеніи къ лѣсу, однако не такъ бѣдны и даже удивятъ васъ чистотою

¹ Пятивершковое дерево 24 коп. (въ с. Бѣлоевѣ); въ Кудымкорской волости—двое дорож; 1 р. 8 к.—валежникъ. Въ Верхъ-Иньвенск. волости валежникъ 2 р., жердь 5 к., десят. аренд. 4 руб.; десятина пара—2 руб. Въ Тлиинѣ за право собиранія грибовъ 10 к., за вѣшны 20 копѣекъ.

и обширностью своих построекъ. Причина ясна: въ Ваковской волости народъ живетъ на большой рѣкѣ Ветлугѣ, гдѣ много казенныхъ лѣсовъ по среднему теченію и у верховьевъ, потому что эта волость не далеко отъ Нижняго-Новгорода. Иныя же въ совершенно другихъ условіяхъ. Здѣсь ни торговли, ни промысловъ, ни чернозема. Удрученное состояніе духа здѣшняго поселенія—естественное слѣдствіе подобнаго порядка вещей. Возникаютъ штрафы и произходятъ постоянныя тягбы; нелюбовь графскаго начальства къ народу и недовѣріе къ слову народа—явленіе обычное. То тамъ, то тутъ возникаютъ ложные слухи, что лѣса будутъ казенные и что слѣлаютъ вырѣзки для крестьянъ. Отсюда новыя непріятности, недоумѣнія и преслѣдованія. Иное положеніе вещей у чердынскихъ пермяковъ, которые хлѣбъ молотятъ до ноября, съ лѣсами держатся вольнѣй (лѣса казенные), рыба, водящаяся въ рѣчкахъ, принадлежитъ имъ, и, конечно, народъ живетъ и чувствуетъ себя несравненно спокойнѣе и благодушнѣе.

Такимъ образомъ, три причины—малыя рѣчки, стѣсненная жизнь, бывшее крѣпостное состояніе у помѣщиковъ, теперешнее состояніе лѣсныхъ отношеній создали то, что пермякъ такъ глубоко отличается отъ зырянина, что онъ, любя лѣсъ, давая ему разныя названія (дзюб—ельникъ, шойна—керѣс—грива, ляг—бадьа—водянистое мѣсто, рас—мелкій лѣсъ, грисъ—длинный, высокій лѣсъ, райна—зыбкое мѣсто, ягъ—высокое мѣсто, покрытое лѣсомъ, лушникъ—маленькій лѣсокъ и т. д.), повѣсилъ, однако, на гвоздь свое старое ружье и сталъ трусомъ ¹.

III.

Жизнь кипитъ около морей; по большимъ рѣкамъ она течетъ широкими волнами; по малымъ рѣчкамъ и ручьямъ—тишь и глушь непроходимая. Эта мысль врѣзывается въ воображеніе того, кто побывалъ на рѣчкахъ, подобныхъ Иишѣ и ея притокамъ. И малосложно здѣсь колесо жизни, и медленно оно движется. Какого человѣка создала эта обстановка? Каковъ типъ пермяка, каковы его антропологическія особенности?

Зыряне, живя на большихъ рѣкахъ, среди дремучихъ, почти безпредѣльныхъ лѣсовъ, не зная крѣпостного права, развили въ себѣ предпримчивость, удалство, энергію ². Вотъ, хотя отѣснены на мелкія рѣчки, все же имѣютъ свои лѣса, свою свободу, въ дебряхъ своихъ сохранили свою религію и стали образцовыми земледѣльцами. Пермяки не выразили своихъ индивидуальныхъ чертъ такъ свободно, какъ ихъ одноплеменики. Недовѣріе, упрямство, пессимизмъ—вотъ что характеризуетъ пермяка. Видъ его унылый, черты лица выражаютъ мрачность и неподвижность. У нихъ нѣтъ интеллигенція, имъ сочувствующей; начальство, какъ бы оно ни было многочисленно, настроено не въ пользу пермяка. Онъ слышитъ, что надъ нимъ и надъ его рѣчью сѣются, учителя изъ пермяковъ, подъ вліяніемъ общаго настроенія интеллигенція, убѣ-

¹ Названія птицъ и звѣрей у пермяковъ свои, пермячскія, а названія грибовъ—русскія (ялесь—жонъ, рябчикъ—сева, тетеревъ—тар, лебедь—юсь, гусь—дзодзэгъ, воробей—сырчикъ, и т. д.).

² Условія эти у зырянъ теперь, конечно, значительно ухудшились; въ настоящее время и они стѣснены лѣсами, но воспоминаніе о лучшемъ прошломъ все же сохранилось въ ихъ сказкахъ и пѣсняхъ.

жены, что цѣль школы—уничтожать пермяцкій языкъ. Пермякъ такъ грустенъ и угрюмъ, что почти совсѣмъ не поетъ: у него нѣтъ своихъ пѣсенъ (онъ ихъ забылъ) и заимствованныхъ русскихъ мало. Даже сказокъ нѣтъ у иньвенскихъ пермяковъ; это указываетъ, въ свою очередь, на то, что у него совсѣмъ нѣтъ времени и веселаго досуга ни зимой, ни лѣтомъ для бесѣдъ. У чердынскихъ пермяковъ существуетъ хотя небогатый сказочный матеріалъ. Кое-какіе языческіе остатки сохранились въ жизни пермяка и въ его міровоззрѣніи, но эти пережитки очень скудны, и пермяки теперь усердные христіане. Когда подъѣзжаете къ пермяцкой деревнѣ, вы видите среди убогихъ, почернѣлыхъ лачужекъ съ рѣдкими окнами большую, тщательно устроенную часовню, которая издали похожа на церковь. Вообще къ церкви и вѣрѣ пермякъ очень усерденъ; должно быть, религія—его единственное утѣшеніе въ горестной и скудной жизни. Между ними нѣтъ ни колдуновъ, ни отважныхъ охотниковъ. Это—сельскіе обыватели, христіане.

Что касается физическаго типа пермяка, то ростомъ онъ выше русскаго и ниже зырянина. Между пермяками меньше разнообразія въ типахъ, чѣмъ между зырянами и, тѣмъ болѣе, русскими. Это, конечно, признакъ меньшаго развитія народа, но это есть слѣдствіе историческихъ и географическихъ условій, а не причина. Измѣренія показываютъ, что у пермяцкихъ женщинъ ростъ ниже, чѣмъ у русскихъ. Размѣры головы въ общемъ меньше, лбы небольшіе. Бросаются въ глаза роскошныя волосы у женщинъ, мало сѣдѣющіе. Здоровыхъ и сильныхъ между пермяками мало; много истощенныхъ и малокровныхъ, потому что они питаются кызъ-ва-пиканюю, шомъ турунъ, много больныхъ глазами, по причинѣ скудости жилищнаго свѣта. Чаше всего повторяющійся типъ пермяка имѣетъ такія черты: широкія скулы (шире, чѣмъ у русскихъ), рыжая бородка, каріе или сѣрые глаза, лицо короткое. Выраженіе лица болѣе томное и неподвижное, чѣмъ у русскаго. Чувствуется, да это можно и доказать, что русскіе несравненно подвижнѣе, быстрѣе, а пермяки—настоячивѣе. Эти черты нужно, конечно, объяснять вліяніемъ условій историческихъ и географическихъ. Понятіе расы—понятіе ускользающее, трудно опредѣлимое.

Для иллюстраціи приведемъ нѣсколько цифръ изъ таблицъ.

Ростъ мужчинъ с. Юма (Чердынскаго уѣзда):

177—175	сант.	37%	русскіе.
172	>	12%	
162	>	50%	

Ростъ мужчинъ с. Кочева (того же уѣзда):

176—171	сант.	12%	пермяки.
169—164	>	50%	
161—156	>	38%	

Ростъ женщинъ с. Юма:

175	сант.	8%	русскія.
166	>	16%	
163	>	16%	
152	>	32%	
147	>	24%	

Ростъ женщинъ с. Кочева.

162	50%	пермячки.
158—155	30%	
153—151	33%	
149—145	25%	

Или цифры зырянъ с. Вишеры (Усть-Сысольскаго уѣзда):

173, 171, 173, 174, 170, 165, 181.

Цифры роста пермяковъ въ с. Тиминѣ (Соликамскаго уѣзда):

161, 172, 162, 149, 160, 161, 155¹/₂, 155.

Ростъ пермяковъ въ с. Захаровѣ (Соликамскаго уѣзда):

162, 174, 170, 171, 165, 164, 172.

Ширина skulls

жителей с. Юма (русскіе):

130	миллимет.	1	(12 ⁰ / ₀)
138	»	2	(24 ⁰ / ₀)
142	»	3	(36 ⁰ / ₀)
127	»	2	(24 ⁰ / ₀)

Ширина skulls жителей

с. Кочева (пермяки):

149	1	(10 ⁰ / ₀)
144	1	(10 ⁰ / ₀)
140	4	(40 ⁰ / ₀)
131	1	(17 ⁰ / ₀)
137	1	(10 ⁰ / ₀)
126	1	(10 ⁰ / ₀)

Ясно изъ этихъ данныхъ, что пермякъ ниже зыряннина и — тѣмъ болѣе — ниже русскаго.

IV.

Жизнь пермяковъ приходится описывать мелкими чертами, потому что и самая здѣшняя природа ничего крупнаго въ себѣ не заключаетъ, кромѣ грусти пермяка, которая неисчерпаема. На существованіе кое-какихъ пережитковъ старины, остатковъ былаго національнаго можно еще указать у чердынскихъ пермяковъ; иньвенскіе, повидимому, ничего не сумѣли сохранить изъ минувшаго прошлаго. Такъ, въ д. Кочѣ (Черд. у.) 18 августа, въ день Флора и Лавра, около часовни ежегодно собираются пермяки. Передъ праздникомъ убиваютъ быковъ. Въ самый праздникъ при огромномъ стеченіи народа мясо варится и съѣдается. Въ послѣднее время это народное торжество уменьшается въ своихъ размѣрахъ подъ вліяніемъ преслѣдованія его, съ одной стороны, и укрѣпляющихся христіанскихъ обычаевъ — съ другой. Въ сс. Купросѣ и Майкорѣ на девѣ св. Власія приносятъ въ часовню телячьи головы и ноги (у зырянъ Ильинъ день). Нѣкоторые пережитки сохраняются благодаря самой инертности жизни. Такъ, напр., у пермяковъ нѣтъ телѣгъ во многихъ деревняхъ (потому что дорогъ не было до послѣдняго времени), и вотъ они возятъ покойниковъ въ санихъ. Эти сани иногда оставляютъ на кладбищѣ, такъ что, проѣзжая мимо сельскаго кладбища, вы видите своеобразную картину: рядомъ съ могильнымъ крестомъ лежатъ полозьями кверху сани или даже воткнуты рядомъ съ крестомъ. Несомнѣнно, сани имѣютъ какую-то тайную связь съ прежнимъ религіознымъ культомъ пермяковъ, но удержались сани до сихъ поръ среди ихъ христіанскихъ обычаевъ, кажется, въ значительной мѣрѣ именно благодаря инертности жизни. Нужно упомянуть, что въ селахъ льютъ брагу на могилы и поминаютъ покойниковъ празднествомъ вродѣ тризны (напр., въ сс. Юмъ, Кочевъ). Къ этому же нужно отнести обычай молиться разнымъ покойникамъ

и наблюдать, при какой молитвѣ пройдетъ болѣзнь; вѣшаютъ еще топоръ къ кресту и перечисляютъ всѣхъ святыхъ, и при имени котораго изъ святыхъ покачается топоръ, тому служатъ молебны. Въ общемъ, все же нужно сказать, что среди пермяковъ замѣчается языческихъ остатковъ мало и не больше, чѣмъ среди русскихъ. Мало сохранилось у нихъ и національнаго. Женскіе головные уборы болѣе или менѣе характерны: такъ называемыя шамшуръ у иньвенскихъ пермячекъ и кокошники у чердынскихъ. Шамшуръ покроемъ своимъ напоминаютъ русскій повойникъ, съ тою разницею, что задняя его половина дѣлается изъ тугой толстой ткани въ видѣ прямоугольника, причѣмъ сверху два прямыхъ угла оставляютъ рѣзко торчащими, а въ основаніи стягиваютъ (какъ у повойника) тесемками. Шамшуръ всегда дѣлается изъ краснаго кумача и часть его, покрывающая затылокъ, вышивается бѣлыми нитками. Кокошникъ почти то же самое, что великорусская старинная кичка.

Обыкновенно этнографы интересуются пермяцкими вышивками и узорами на полотенцахъ и рубашкахъ и, наблюдая рисунки этихъ узоровъ въ видѣ геометрическихъ фигуръ, иногда утверждаютъ, что геометрическія фигуры — особенность финскихъ племенъ, а круглыя — славянъ. Но очень легко увлечься понятіемъ расы въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ случаяхъ. Можно думать, что геометрическая фигура на узорахъ есть просто слѣдствіе степени культуры. Прямолинейныя фигуры можно объяснить тѣмъ, что узоры пермяцкіе ткуются, а не вышиваются, тогда какъ у русскихъ распространено въ значительной мѣрѣ и вышиваніе.

Суевѣрія, сохранившіяся въ жизни коми (зырянъ и пермяковъ) даютъ намеки на прежнее поэтическое и величавое язычество. Вуншериха (Луншериха) ходитъ по ржи (до сихъ поръ) и раститъ колосья (Вуншеръ — полдень). Дѣтей пугаютъ: «Вуншериха тебя съѣстъ». Еношка ва јувѣ (радуга воду пьетъ) — повѣрье обще восточно-финское. Каленикъ раздѣляетъ итенцовъ рябчика, тетерева, чтобы они жили по парѣ. Ящерица имѣетъ удивительныя свойства. Слѣпая дѣвушка взяла, сварила ящерицу вмѣсто рыбы, плеснула той водой себѣ въ глаза и стала видѣть. Зыряне изъ головы ящерицы дѣлаютъ «шеву» (порчу). Въ рѣкахъ до сихъ поръ живутъ куль — пѣанјас (дѣти Куля), которые хватаютъ людей. У древнихъ зырянъ Куль — подземный богъ (Кальма финское). Ойпель — часть животного, которая не съѣдается. Ойпелемъ или Войпелемъ зыряне называли одного изъ своихъ боговъ, вѣроятно, бога лѣса — лѣснаго вихря, сына сѣвера. Какое отношеніе имѣетъ несъѣдаемая часть животнаго (ойпель) съ богомъ Ойпелемъ остается тайною для современной финской мѣологии... Млечный путь — гусиная дорога. Глядя на него, птицы летятъ въ дальній саридъ (море). Летучая мышь (кушборд) вредитъ овцамъ. Дождь по-пермяцки Ен зерѣ — богъ дождитъ. Такіе боги, какъ богъ воды и богъ лѣса не могутъ быть забыты племенами, живущими по берегамъ рѣкъ въ дремучихъ лѣсахъ. Пермяки помнятъ водяного и лѣснаго; но здѣсь рѣка маленькая, и водяному негдѣ было развернуть свои силы. Говорится въ народѣ, что онъ съ бѣлыми волосами иногда показывается изъ воды и смѣется, глядя на молнію, смѣется надъ новымъ богомъ. Иногда онъ сидитъ на берегу въ видѣ ребенка съ длинными волосами и при приближеніи къ нему человѣкъ падаетъ обратно въ глубину рѣки. Богъ лѣса до сихъ поръ мститъ

перьямъ за перемѣну ихъ вѣры (хотя христіанство они приняли еще въ началѣ XV в.). Онъ особенно любитъ держать въ лѣсныхъ дѣбряхъ пермяцкій скоть—коровъ и лошадей. Выручить скоть изъ его плѣна можно, только написавъ прошеніе лѣсному царю въ известной формѣ. Въ Ошибской волости еще встрѣчаются люди, умѣющіе писать прошеніе лѣсному. «Кабала», или прошеніе всегда пишется особыми знахарями, которые на кускѣ бересты чертятъ лѣсныя дороги и слова, имѣющія значеніе заговора.

Прежнее имя лѣсного Вихоръ Вихоревичъ и означаетъ то, что онъ былъ богъ лѣсного вихря, вѣтра. «Кабалу» нужно писать умѣючи (только въ Ошибской волости умѣютъ); если напишутъ неумѣло, лѣсной жестоко наказываетъ. Обиліе въ лѣсу волковъ, медвѣдей, бѣлокъ, зайцевъ заставляютъ отъ того, что лѣсной гонитъ свои стада; нынѣ годы совсѣмъ мало звѣрей, и все это—дѣло лѣсного. Видали его и въ деревнѣ; захаживаетъ иногда въ корчму и пьетъ сразу по ведру водки. Онъ живетъ въ лѣсу, въ своей избушкѣ. Говорятъ, что у него есть и дѣти. (Разказы мужиковъ с. Кочева).

V.

Рочъ (руссіе) даровитѣ пермяковъ; первые были организованы, лучше вооружены, когда пришли и оттѣснили племя коми за Косу рѣку, за болота. Чердынскихъ пермяковъ покорили (при Иванѣ III, когда еще были пермскіе князья), часть ихъ осталась доселѣ по Вильвѣ у Пармы; иньвенскихъ пермяковъ закрѣпостили гр. Строгоновы. Такова коротенькая историческая страница этой малой страны. Отъ покоренія спаслась одна небольшая часть ихъ у верховьевъ Камы. Сохранились ли какія-либо легенды или историческія сказанія о далекомъ прошломъ этого народа?

Рѣка Коса (притокъ Камы) является границей между чердынскими пермяками и русскими. Многоверстныя, труднопроходимыя болота раздѣляютъ однихъ отъ другихъ (если ѣхать, напр., отъ Юма до Кочева). Въ углу Пермской губ. между верховьями Камы и Косы чердынскіе пермяки укрылись отъ русскихъ, отъ которыхъ отдѣлены болотами и лѣсами непроходимыми. Народъ создалъ по поводу этихъ границъ маленькій суевѣрный разказъ. «Рѣка Коса, разказываютъ въ народѣ, есть граница змѣй. По эту сторону, гдѣ пермяки, змѣя водятся, напр., по берегамъ р. Ёншора, по ту сторону Косы змѣй нѣтъ. Одинъ святой старецъ, который былъ здѣсь, воспретилъ имъ переплывать рѣку Косу. И дѣйствительно, какъ только змѣя поплыветъ до середины (рѣчка не широка) сейчасъ же околѣваетъ».

Подобный же разказъ существуетъ и у зырянъ. Только у послѣднихъ онъ имѣетъ обратное значеніе, что рѣчка не пускаетъ змѣй въ мѣстность, населенную зырянами, потому что Стефанъ Пермскій (объ Іонѣ нѣтъ преданій) воспретилъ имъ.

Сказаній о богатыряхъ мало у пермяковъ (меньше чѣмъ у вотяковъ). Между прочимъ, извѣстенъ одинъ пермскій герой, именно Пера-Богатырь. «Жилъ былъ Пера-Богатырь въ д. Лупья (Юмской волости); онъ спорилъ съ лѣснымъ царемъ; на палкѣ они тянулись. Лѣсной сталъ Перу перетягивать, а Пера рывѣе привязалъ себя къ пню (къ дереву). Вотъ пень затрещалъ. Лѣсной

спрашиваетъ:—это что трещить?— Это у меня сила прибываетъ, — отвѣчаетъ Пера.—Если твоя сила прибываетъ, ты владѣй всѣмъ, и звѣремъ и птицей, смирился дѣсной.—Пера-Богатырь жилъ одинъ на берегу рѣки (Юдорины). Разъ онъ вазалъ семь паръ (семь саней) на себя и несъ. Усталъ очень и стѣлъ семь паръ рукавицъ, взявши со стола вмѣсто хлѣба. Онъ ходилъ на войну. Крестный отецъ его выхвасталъ парю, что онъ весьма силенъ. Была война. Одинъ богатырь на колесахъ воевалъ и нашихъ сильно билъ. Паря призвалъ Перу-Богатыря. Его дядя на лошадяхъ, а Пера на лыжахъ отправились къ парю. Пера раньше прибылъ и въ налѣтъ изъ ели на берегу остановился. Богатырь на колесахъ опять выѣхалъ. Пера бросился на него: трукъ-трахъ — разбилъ его колесо и его самого. Паря спрашиваетъ, какую дать ему награду. — Шелковыя тенета дай мнѣ, — говоритъ Пера. Тотъ далъ и отпустилъ его домой. И жилъ долго Пера-Богатырь, быстрѣе птицы на лыжахъ онъ ходилъ, ловилъ лисичъ и зайцевъ и рыбу озерныхъ шелковыми тенетами».

Но если мало историческихъ преданій въ устахъ пермяковъ, зато въ нихъ краѣ имѣется обиліе остатковъ древней жизни: чудскихъ могилъ, городищъ. Въ этомъ отношеніи пермяцкій край — страна чудесъ. Народъ правильно относится къ своимъ, такъ называемымъ, городищамъ. Пермяки говорятъ: «раньше въ городищахъ жили чудаки, они — первые жители, вторые — мы, третій народъ будетъ послѣ насъ». Далѣе рассказываютъ, что когда родился Христосъ и сталъ крестить людей, жители сѣвера стали рыть ямы, спустились въ эти ямы, срубили столбы, на которыхъ были укрѣплены крыши, и погибли въ нѣдрахъ земли. Теперь дремучій лѣсъ растетъ надъ этими могилами (подобный рассказъ циркулируетъ по всему сѣверу и у зырянъ). Въ этихъ могилахъ находятъ серебряныя тарелки, фигуры въ видѣ человѣка, въ видѣ жеребца и т. п.

Относительно городища, находящагося въ трехъ верстахъ отъ Пыстого Курог-Карог говорится, что въ немъ среброкованные ворота; деньги въ сороковой бочкѣ на тѣлѣ лежатъ. Если кто разроетъ эти богатства, самъ будетъ нерадъ, — произойдетъ великая драка: всякій пожелаетъ все взять себѣ.

Всѣ чудскія городища расположены около теперешнихъ пермяцкихъ селъ и деревень. Мѣстопохожденій чудскихъ вещей особенно много въ волостяхъ Юксѣвской, Косинской, Ганской.

Могильники около чудскихъ городищъ не разъ бывали мѣстомъ археологическихъ изысканій. На Чаньвѣ имѣются пещеры. Тамъ найдены вещи вогульскія, очень похожія на чудскія, слѣд. угорскія.

Существуетъ масса названій рѣчекъ на сѣверѣ Россіи, пока еще совершенно не выясненныхъ изъ финскихъ корней; и можно предполагать, что они — угорскія (напр. Ижма, Вычегда, Вымъ, Сысола; Ижма встрѣчается въ двухъ мѣстахъ: въ Архангельской губ. и другая, маленькая рѣчка того же имени, въ Костромской губ., Варнавинскаго уѣзда; Пижма — въ нѣсколькихъ, Вишера въ двухъ).

Надъ вопросомъ о чудскихъ городищахъ все еще пребываетъ какой-то мракъ. Несомнѣнно, что это остатки финно-угорской культуры; но финскія ли это городища или угорскія — до сего времени открытый вопросъ. Данныя, найденныя въ Чаньвенской пещерѣ¹, повидимому, говорятъ, что городища принад-

¹ Теплоуховъ, О. А.: Древности, найденныя въ Чаньвенской пещерѣ, Соликамскаго уѣзда

лежать вогуламъ. Предметы Чаньвенской вешеры—вогульскіе, съ другой стороны онѣ тождественны съ чудскими вещами, ерго — чудскія вещи, вогульскія (угорскія). При этомъ встрѣчаемъ еще удивительный фактъ: въ мѣстности, населенной теперь зырянami, сохранились угорскія названія наряду съ зырянскими (Изва, Эзва, Езва — Ижма, Вычегда, Вымь). Между тѣмъ городищъ у нихъ очень мало (Кар-мылькъ—чуд. могила около Вишеры и деревни Эжоль). Здѣсь мы имѣемъ дѣло вообще съ интереснымъ явленіемъ: именитые люди Строгоновы и ихъ ставленникъ Кадауль утверждали, что мѣста эти, т. е. берега Иньвы, Яйвы, Обвы пустыя, ненаселенныя; теперешніе археологи стараются доказать, что городища всѣ угорскія. Спрашивается, откуда же пермяцкія названія рѣкъ, распространенныя въ сѣв. половинѣ Пермской губ. (притокъ Чусовой—Вильва, сѣвернѣе—Яйва и т. д.)?

По Косѣ же и Иньвѣ масса городищъ и совсѣмъ почти нѣтъ угорскихъ названій (хотя бы въ устахъ русскихъ, а не пермяковъ). Всѣ названія рѣкъ и рѣчекъ половины Пермской губ. — пермяцкія. Пермскую мѣстность зыряне зовутъ ком-му (земля коми). Съ другой стороны, городища обозначаются словомъ кар- (городъ)—словомъ общепермскимъ. Села пермяковъ расположены всѣ около городищъ. Что это должно значить? Наконецъ, если чудскія городища всѣ угорскія въ губерніяхъ Вятской, Пермской, Вологодской, то гдѣ же остатки прапермяцкихъ поселеній? гдѣ же они жили? На слогъ кор оканчиваются названія и теперешнихъ центровъ — Пыскоръ, Майкоръ, Кудымкоръ, Дойкоръ, Мечкоръ.

Затѣмъ, лингвистическія данныя проливаютъ кое-какой свѣтъ на этотъ вопросъ. Говоръ чердынскихъ пермяковъ сходенъ съ сысольскимъ и печерскимъ такъ же, какъ и старшій верхъ-иньвенскій говоръ. А потому можно думать, что эти пермяки пришли съ Сысолы; но говоръ иньвенскихъ пермяковъ совершенно отличенъ отъ извѣстныхъ зырянскихъ говоровъ. Это особое нарѣчіе; на немъ, быть можетъ, говорили тѣ пермяки, которые имѣли нѣкогда чердынского князя Михаила и князьковъ Бурморта, Мичмана. Такъ или иначе, а чаньвенскія находки говорятъ о родствѣ культуры пермской и угорской, относительно же происхожденія чудскихъ городищъ нужно подождать новыхъ данныхъ для окончательнаго рѣшенія.

Въ заключеніе, нельзя не обратить вниманія на понятіе расы. Нѣкоторые изслѣдователи понимаютъ ее, какъ нѣчто опредѣленное. Такъ, проф. И. Н. Смирновъ говоритъ слѣдующее о пермякахъ: «Онѣ (т. е. пермякъ) остался рабомъ природы, и въ этомъ мѣрка его творческихъ силъ... Египтяне своими первыми идеями въ области архитектурнаго орнамента обязаны природѣ Нильскаго бассейна, но богатство ихъ творческихъ силъ сказалось... въ обиліи видоизмѣненій, въ разнообразіи сочетаній». Сравнивается Пермь и Египетъ, и различіе объясняется различіемъ расъ. А культура? а положеніе географическое? Если теперь астрономія процвѣтаетъ въ Америкѣ и мало замѣтна въ Россіи, если нѣмцы создали философію, а у насъ нѣтъ философской школы, значитъ ли это, что русскіе и не астрономы и не философы? Разумѣется, не значитъ. Въ Америкѣ купцы, вообще богатые люди жертвуютъ милліоны на обсерваторіи—такое настроеніе умовъ, у насъ дѣло обстоитъ иначе.

Понятіе расы—понятіе, все болѣе и болѣе уступающее, суживающееся;

все большее и большее количество фактовъ находить свое объясненіе въ причинахъ историческихъ, географическихъ, социальныхъ.

Пермяки—почти исключительно земледѣльцы; они не способны къ промысламъ, къ ремесламъ, они не искусные охотники. Зыряне, ихъ соплеменники, ближайшіе по языку, не особенно отдаленные по мѣсту,—они прекрасные охотники, способные къ промысламъ и ремесламъ. Даже болѣе глубокія и общія свойства тѣхъ и другихъ, какъ, напр., упрямство, настойчивость и то приходится объяснять не расовыми, а историческими причинами. Вѣка создаютъ расу, вѣка же и измѣняютъ ее. Если нѣтъ расы устойчивой, то потому, что нѣтъ и формъ жизни абсолютно устойчивыхъ.

Наблюдая жизнь нашихъ финскихъ инородцевъ (зырянь, вотяковъ, пермяковъ¹, я полагалъ, что раса—ступень въ эволюціи человѣка, что малая измѣняемость нѣкоторыхъ свойствъ въ сравненіи съ другими (напр., настойчивость, упрямство, неподвижность вотяка) есть указаніе именно на расу. Но вмѣсто того, чтобы сказать: «расовыя особенности очень мало измѣняются», можно выразиться и такъ: тѣ свойства, которыя связаны съ природой мѣстности и основными условіями данной среды -- тѣ, конечно, мало измѣнчивы. Общее положеніе должно быть таково: раса есть нѣчто производное, и свойства народа постольку оригинальны, поскольку оригинальна природа ихъ страны и условія ихъ культуры.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что пермскій край—страна чудесъ. Здѣсь много обильнаго матеріала для антрополога, лингвиста, археолога, историка и т. д. Этотъ край важенъ также для всякаго, интересующагося положеніемъ вещей въ Россіи. Музей въ г. Перми, археологическое ученое общество, отношеніе къ нему мѣстной интеллигенціи—на всемъ видна печать какой-то семейственности и любви къ своему краю. Еслибы здѣсь существовала еще любовь къ инородцамъ, тогда и желать болѣе, повидимому, было бы нечего.

Языкъ—истинное выраженіе духа народа. Слушая рѣчи пермяковъ, записывая съ его словъ его мечты, его сказки, чувствуешь себя удрученнымъ. Слаба рѣчь пермяка, нѣтъ силы и красокъ въ его сказкахъ, нѣтъ здѣсь ни смѣлости, ни отваги,—все говоритъ о томъ, что забыта душа народа! Между тѣмъ, сколько красокъ должно бы быть въ языкѣ пермскомъ (зырянскомъ), картинности, близости къ природѣ (обиліе въ языкѣ зырянскомъ звукоподражательныхъ словъ)! Сколько красоты въ ихъ послѣположеніяхъ, выражающихъ пространственные и прочія отношенія предметовъ, какая гармонія въ обилии открытыхъ и глухихъ звуковъ (ö), краткость и сила предложеній, обиліе твердыхъ гласныхъ (музыка сѣвера)—вотъ какія особенности присущи финскимъ языкамъ пермской группы, вотъ что должно бы подмѣтить въ языкѣ пермяковъ, но все поблекло вмѣстѣ съ грустной душой народа!

Каллистратъ Жаковъ.

¹ См. «Зыряне». Этнологич. очеркъ. «Живая Старина» 1901 годъ. «Вотяки». Этнографическій очеркъ. «Научное Обозрѣніе», ноябрь 1902 года.

Ляшскій вопросъ.

На первомъ засѣданіи этнографической секціи III-го Съезда польскихъ историковъ въ Краковѣ въ 1900 году профессоръ Млынѣкъ прочелъ рефератъ «O dzisiejszej nazwie «lach» i jej znaczeniu dla badań etnograficznych»¹.

Въ немъ референтъ доказываетъ, что имя «ляхъ», употребляющееся въ настоящее время въ горальскомъ, ляхоцкомъ, русинскомъ говорахъ Западной Галиціи, означаетъ человѣка особаго польскаго племени. Послѣднее обитаетъ между рѣками Вѣлой и Саномъ съ одной стороны, и Вислой и Карпатами—съ другою; граничитъ на югъ съ горальями, на сѣверъ съ мазурами, на востокъ съ русинами, на западъ съ сленцками. Называть его мазурами, какъ это обыкновенно дѣлаютъ,—нельзя, такъ какъ оно отличается отъ мазуровъ типомъ, бытомъ и языкомъ. Поэтому необходимо ввести въ этнографію названіе «ляхъ».

Одна часть присутствующихъ была несогласна съ указанными проф. Млынѣкомъ границами употребленія названія «ляхъ». Г. Завалинскій утверждалъ, что оно употребляется только клисцаками и горальями; Кленовскій говорилъ, что оно слышится у русиновъ; Парчевскій прибавлялъ, что, сверхъ того, оно извѣстно въ Тѣшинскомъ княжествѣ.

Другая группа оппонентовъ высказалась противъ признанія имени «ляхъ» названіемъ особаго польскаго племени. Сикорскій признавалъ нѣкоторые отличія между такъ называемыми «ляхами» и ихъ сосѣдями въ языкѣ; между Сончемъ и Марцинковомъ онъ подмѣтилъ нѣкоторыя лингвистическія особенности, но не считалъ ихъ достаточными для того, чтобы принять мнѣніе Млынѣка.

Здзярскій и Бодуэнъ-де-Куртенѣ мотивировали свое несогласіе съ мнѣніемъ референта отсутствіемъ какихъ бы то ни было отличій между такъ называемыми ляхами и ихъ сосѣдями.

Калина, Свентекъ, Крчекъ не признавали справедливымъ мнѣніе Млынѣка, такъ какъ имя «ляхъ», по ихъ мнѣнію, не туземное, а распространяется горальями.

Радзиковскій считалъ имя «ляхъ» не названіемъ особаго племени, а только прозвищемъ, даваемымъ горальями жителямъ равнинъ. Въ доказательство своего мнѣнія онъ ссылался на слѣдующее: 1) имя «ляхъ» встрѣчается только тамъ, гдѣ сталкиваются горали съ ляхами; 2) оно въ исторіи—синонимъ или поляковъ, или вообще западныхъ славянъ; 3) предки ляховъ и горалей—одни и тѣже, именно такъ называемые краковяне, висяне, сандомиряне.

Мнѣніе Радзиковскаго, что «ляхъ»—прозвище, раздѣляли всѣ оппоненты, кромѣ Бодуэна-де-Куртенѣ. Послѣдній, исходя изъ того, что племенные названія нерѣдко употребляются въ качествѣ прозвищъ, не считалъ невозможнымъ

¹ Напечатанъ въ Pamiętnik III Zjazdu histor. pol., II, 109—112.

признать и «ляхъ» названіемъ особой части польскаго народа, но онъ высказы-
вался противъ выдѣленія «ляховъ» въ особое польское племя.

Въ заключеніе изложешя возраженій, сдѣланныхъ Млынку, нельзя не
остановиться на мнѣніи Крчка. Послѣдній счелъ изслѣдованіе вопроса о «ля-
хахъ» пустою, бесполезною тратою времени.

Несмотря на всѣ эти возраженія, Млынэкъ остался при своемъ мнѣніи,
увѣряя, что имѣетъ за него рядъ вѣскихъ доказательствъ, которые за недо-
статкомъ времени изложить не можетъ.

Рѣшеніе секціи было слѣдующее. Она признала важность затронутаго Млын-
комъ вопроса и выразила желаніе относительно дальнѣйшаго его изслѣдованія.

Спустя два года послѣ Съѣзда въ журналѣ «Lud» (т. VIII) появилась
замѣтка Буяка, касающаяся вопроса о ляхахъ: *Przyczynek do kwestyi «Lachów» i «Górali»*. Въ ней мы находимъ краткій отзывъ о рефератѣ Млын-
ка. Буякъ считаетъ недостаткомъ этого реферата отсутствіе научныхъ доказательствъ;
но онъ несогласенъ и съ мнѣніемъ оппонентовъ, будто нѣтъ никакой разницы
между ляхами и ихъ сосѣдями. Различіе между ними и ихъ западными сосѣдями
указано въ сборникѣ «Oesterreich in Wort und Bild». Оппоненты безъ со-
мнѣнія находились подъ сильнымъ вліяніемъ труда Потканскаго «*Pierwsi
mieszkaney Podhala* (въ *Rocznik Tatrzański* 1897 г.); въ немъ авторъ
доказывалъ, что горали — потомки колонистовъ, прибывшихъ съ береговъ Вислы.
Упомянувъ о мнѣніи Талько-Гринцевича, считающаго горалей чистыми поляками,
онъ переходитъ къ изложенію своихъ наблюденій, сдѣланныхъ имъ лѣтомъ
1901 г. въ Лимановскомъ уѣздѣ. Оказывается, ляхи не считаютъ горалей
своими, называютъ себя также свояками, наскими, ровняками, рѣже мазурами,
такъ какъ послѣднее названіе подвергается насмѣшкамъ. Мало того, они даже
нѣкоторыхъ горцевъ называютъ ровняками, когда ихъ считаютъ за своихъ. Не
подлежитъ сомнѣнію, что ляхами они называютъ себя сами; но отсюда еще
не вытекаетъ, что это названіе не заимствовано у сосѣдей. Точную границу
между горалами и ляхами провести нельзя: есть деревни съ смѣшаннымъ на-
селеніемъ, какъ Слонница, Млунчикъ, Грушовецъ. Вообще сѣверная и восточная
часть Лимановскаго уѣзда населена ляхами, юго-западная — горалами. Буякъ
подмѣтилъ рядъ различій между горалами и ляхами. Болѣе всего бросается въ
глаза разница въ обуви: горали носятъ *krupcie* и *kierpse* (т. е. лапти), ляхи—
сапоги съ подковами. Въ одеждѣ тоже замѣчается большая разница: брюки
горалей уже, чѣмъ у ляховъ, и чаще суконныя, а не полотняныя, какъ у
ляховъ. Сукманы (серяги) горалей короче, чѣмъ у ляховъ, изукрашены
шитьемъ, безъ подкладки, между тѣмъ у ляховъ они и длиннѣе, и всегда на
подкладкѣ. Поясъ горалей гораздо шире, чѣмъ у ляховъ. Вмѣсто т. н. серда-
ковъ ляхи носятъ бѣлые суконные кафтаны. Не меньше различій можно ука-
зать и въ жилищѣ. У жителей равнинъ изба и конюшня находятся подъ одной
крышей, у горалей же каждая отдѣльно. Словарный матерьялъ языка горалей
находится подъ вліяніемъ языка румынскаго, чего нельзя сказать объ языкѣ
ляховъ; языкъ горалей пѣвучій. Горали болѣе развиты, чѣмъ жители равнинъ.
Наконецъ, между горалами мужчины красивѣе горалекъ.

Таковы отличія, подмѣченные авторомъ между горалами и ляхами. Авторъ
признаетъ, что почти каждую изъ указанныхъ имъ выше чертъ, отличія можно

объяснить вообще влияніемъ горной природы, а не различіемъ племеннымъ. Но совокупность всѣхъ ихъ, по его мнѣнію, дать право утверждать послѣднее, именно, онъ сближаетъ горалей со словаками.

Подводя итогъ, Буякъ повторяетъ, что по крайней мѣрѣ въ Лимановскомъ уѣздѣ употребляется названіе «ляхъ», но доказать, что оно обозначаетъ особое племя—нельзя. Вотъ въ какомъ положеніи находится ляхскій вопросъ въ настоящее время.

Какъ этнографическая секція III Сѣзда польскихъ историковъ, такъ и Буякъ признаютъ важность и интересъ поставленнаго Млынкомъ вопроса. Съ этимъ нельзя не согласиться. Въ противоположность прежнимъ изслѣдователямъ, разсматривавшимъ «ляніскій» вопросъ съ исторической точки зрѣнія (см. Потканскій: «Lachowie i Lechici»), онъ постарался доказать существованіе въ настоящее время особаго населенія, носящаго названіе «ляхъ». Доводы его были неубѣдительны; поэтому понятно несогласіе съ его мнѣніемъ его оппонентовъ. Съ своей стороны, послѣдніе были несправы, отрицая существованіе какихъ бы то ни было отличій между ляхами и ихъ сосѣдями. Такія отличія есть, какъ показываетъ Буякъ, и ихъ не такъ мало, какъ думали нѣкоторые. Вопросъ только въ томъ, даютъ ли указанная Буякомъ отличія право считать «ляховъ» за особое польское племя. По крайней мѣрѣ относительно Лимановскаго уѣзда мы можемъ сказать, что часть его населенія называетъ себя ляхами; но можно ли утверждать, что это названіе не заимствовано имъ у сосѣдей? Буякъ на оба эти вопроса отвѣчаетъ отрицательно. Такимъ образомъ онъ, самъ того не высказывая, придерживается мнѣнія Бодуэна-де-Куртенэ, который считалъ возможнымъ, что часть польскаго народа носить особое названіе «ляхи», но отнюдь не составляетъ особаго племени, какъ это думалъ Млынѣкъ. Разница между Буякомъ и Бодуэномъ-де-Куртенэ только въ томъ, что первый считаетъ недоказаннымъ противоположное мнѣніе, т. е. утвержденіе Млынка, а второй прямо считаетъ невозможнымъ положеніе Млынка. Если принять во вниманіе, что есть отличія между ляхами и горалами, чего, какъ думалъ Бодуэнь-де-Куртенэ, нѣтъ, то самымъ вѣрнымъ является выводъ Буяка, т. е. что есть народъ (именно—часть населенія Лимановскаго уѣзда), который называетъ себя ляхами, и что онъ рѣзко отличается отъ своихъ южныхъ сосѣдей горалей.

В. Колашевскій.

Примѣчаніе. Мѣстность, населенная теперь польскими горалами, нѣкогда принадлежала галицкимъ князьямъ и входила въ составъ Галицкой области. «Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ покойный Барсовъ («Очерки русской исторической географіи», изд. 2-ое, 1885 г., стр. 109—110), что Перемышльская земля простиралась гораздо далѣе на сѣверъ, за Любачевъ, Ярославль, Переворескъ (Przeworsk), галицкіе города, извѣстные уже съ XIII вѣка, и отдѣлялась отъ лядскихъ владѣній болотистыми низинами Сана и Лонки...

Западная граница съ ляхами шла, кажется, по водораздѣлу между двумя Вислоками, Саноцкимъ и Вислянскимъ, и захватывая верховья послѣдняго и верхнія теченія притоковъ его Яслы и Ропы, спускалась въ юго-зап. напра-

вденіи къ Карпатамъ, къ истокамъ Бѣлой, Попрада и Дунайца въ сосѣдство Кракова, который въ одной изъ грамотъ X вѣка, указывается на русскихъ границахъ. Здѣсь (къ сѣв.-востоку отъ Дукли, въ одной милѣ) находится сел. Роги, которое еще въ XIV вѣкѣ считалось въ Русской землѣ. Въ виду этого польскихъ горалей можно считать потомками русскихъ горцевъ, усвоившихъ польскую рѣчь подъ вліяніемъ сосѣднихъ жителей равнины поляковъ, но сохранившихъ особенности и въ типѣ, и въ одеждѣ, и вообще въ бытѣ. Такъ какъ русскіе горцы называли всѣхъ поляковъ обычнымъ для послѣднихъ названіемъ «ляхи», не заключавшимъ въ себѣ ничего оскорбительнаго, то, понятно, это названіе было принято (по крайней мѣрѣ въ сношеніяхъ съ русскими) ихъ сосѣдями, поляками, и за ними осталось. Отсюда и употребленіе нынѣшними поляками горалами названія «ляхи» для поляковъ равнины, и пользованіе, впрочемъ относительно слабое, тѣмъ названіемъ у самихъ поляковъ равнины, болѣе или менѣе близкихъ къ гораламъ.

А. Соболевскій.

II.

Свадебные обычаи, пѣсни и приговоры.

Записаны въ Рыбинской волости, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губ. въ 1903 году.

Почти всѣ свадьбы у крестьянъ Рыбинской волости совершаются зимой во время мѣсяца, приблизительно между Крещеньемъ и масленицей. Браки весною и лѣтомъ крайне рѣдки и вызываются обыкновенно случаями неотложной необходимости, какъ, напримѣръ, смерть у многолѣтняго крестьянина единственной работницы — жены, нравственное паденіе дѣвушки и т. п. Такія свадьбы не отличаются излишествомъ въ угощеніяхъ и совершаются очень скромно. Не то бываетъ зимой, когда въ крестьянской семьѣ есть почти все необходимое, есть деньги и есть свободное относительно время отъ крестьянскихъ работъ. Свадьбы эти празднуются по нѣскольку дней (отъ 3 до 9) и отличаются богатствомъ и изобиліемъ угощеній.

Главные мотивы брака — забота объ увеличеніи числа рабочихъ рукъ въ крестьянской семьѣ, отчасти боязнь за нравственное паденіе молодежи и — въ рѣдкихъ случаяхъ — любовь. Замужъ выходятъ начиная съ 16 лѣтъ и преимущественно до 23-хъ. Послѣ этого возраста рѣдко вступаютъ въ бракъ, и такихъ случаевъ немного; называютъ ихъ въ деревняхъ «вѣкоушамъ». А женятся съ 18 лѣтъ, и бываютъ случаи вступленія въ бракъ и ранѣе, но это рѣдкое исключеніе. Въ возрастѣ 24-хъ лѣтъ в болѣе въ деревняхъ рѣдко встрѣтить холостого парня Старыхъ холостяковъ среди крестьянъ или пожилыхъ и незамужнихъ женщинъ почти нѣтъ. такъ какъ женщина въ крестьянствѣ не служитъ обузой, а представляетъ изъ себя рабочую силу.

Главные заботы и участіе въ организаціи сватовства и свадьбы выпадаютъ на долю родителей. Когда отецъ или мать видятъ, что надо сына женить, то обыкновенно говорятъ ему объ этомъ, причемъ указываютъ на тѣ причины, какія вызываютъ женитьбу. Въ настоящее время, какъ и въ старину, въ большинствѣ случаевъ сами родители подыскиваютъ невѣсту и рѣдко самъ сынъ заявляетъ, что невѣсту себѣ уже присмотрѣлъ. Начинается сватовство. Обычво сватами бываютъ ближайшіе родственники жениха, не исключая и отца. Мать-вдова ѣздитъ рѣдко, хотя подобные случаи бываютъ. Сваты одѣваются въ праздничныя одежды, надѣваютъ хорошую сбрую на лошадей и ѣдутъ, помолвившись, уже по намѣченному пути свататься. Пріѣхавъ въ желаемую семью, сваты входятъ въ избу, крестятся, здороваются и одинъ изъ нихъ говоритъ:

— Пришли къ вамъ не кумиться, не брататься, а пришли посвататься; у васъ есть невѣста, а у насъ женихъ.

Если все сватамъ благопріятствуетъ и женихъ желательный, то ихъ усаживаютъ за столъ и угощаютъ чаемъ, ввномъ и яичницей. Чай обыкновенно разливаетъ невѣста, причемъ ее тутъ же спрашиваютъ о согласіи. Если невѣста согласна, то приступаютъ къ рѣдъ приданого, которое бываетъ отъ 3 р. до 50 и болѣе. Бывали случаи, что сватовство разстроивалось, напр., изъ-за жилетки, которую родные невѣсты не соглашались дать жениху. Во многихъ случаяхъ пишутъ рядную приданому, въ которой все приданое перечисляютъ и указываютъ стоимость каждой вещи. Въ этотъ же разъ назначаютъ день рукобитья, когда окончательно должны рѣшить дѣло. При удачномъ выполненіи своей миссіи сваты получаютъ залогъ отъ невѣсты жениху въ видѣ платка, шарфа,

ч т. п. При неудачѣ, послѣ объявленія сватами о цѣли прѣзда, ихъ не угощаютъ и даже иногда, не слѣзая съ печи, отвѣчаютъ, что такихъ жениховъ не желаютъ или что еще не думаютъ отдавать дочь въ замужество и т. п.

Рукобитыѣ заключается въ томъ, что приходятъ снова сваты въ домъ къ невѣстѣ, куда на этотъ разъ собирается много народу и приходятъ подруги невѣсты. Сваты садятся за накрытые столы, на которые хозяйка ставитъ яичницу, блины, вино и хлѣбъ. Когда все это поставлено, сваты поднимаются съ мѣстъ, заворачиваютъ въ правыя полы своихъ поддевокъ правыя руки и ударяютъ нѣсколько разъ по рукамъ, такъ же завернутымъ въ поддевки у сватовъ со стороны невѣсты, которыми въ большинствѣ случаевъ бываютъ отецъ или дядя, а иногда и братъ невѣсты. Послѣ этого молятся. цѣлуются и садятся за угощеніе. Начинаютъ раздавать дары: жениху — полотенце, кисеть съ придаными деньгами, свекру полотенце, свекрови посылаютъ рукава и повойникъ или сборникъ (головной уборъ замужнихъ женщинъ) и сватамъ дарятъ тоже по полотенцу. Получивши дары, сваты тутъ же отдариваютъ деньгами невѣсту и даютъ отъ 1 р. до 10 р. и болѣе, смотря по достатку жениха, а подаренными полотенцами опоясываются, какъ кушаками и черезъ плечо, что тоже дѣлаютъ и въ дни брачныхъ торжествъ въ доказательство домовитости и руководливости невѣсты. Невѣста въ это время садится около печи и начинаетъ голосить или вопить.

Запоручилъ кормилецъ-батюшка,
За поруки за крѣпкія,
За крѣпкія — вѣковѣчныя.
Не гниютъ эти поруки, не ржавѣютъ,
А живутъ до гробовой доски...

Собравшіяся дѣвушки на рукобитыѣ, послѣ раздачи подарковъ, поютъ слѣдующую пѣсню:

Ты измѣнъ — наша измѣнщица,
Измѣнила красныя дѣвушкамъ,
Говорила: замужъ не пойду,
Говорила: — не подумаю
Ни за князя, ни за барина,
А сама пошла — задумала
За Алексѣя Ивановича (имя жениха).
Не кладу я, млада, жалобу,
Ни на батюшку, ни на матушку,
А кладу я, млада, жалобу,
Я на свата, — приговорщика.
Какъ ходилъ онъ къ намъ частехонько,
Говорилъ рѣчи гладехонько;
Онъ хвалилъ чужую сторону,
Какъ чужая-то сторонушка
Она сахаромъ усѣяна,
Медовой сотой поливана.
Не жила млада, не вѣдала,
Пожила млада, сировѣдала.
Чужая-то сторонушка
Она горемъ усѣяна,
Горючими слезами усыпана
И кручиной огорожена.

Послѣ этой пѣсни сваты и народъ расходятся по домамъ.

Начиная съ этого дня, невѣста утромъ и вечеромъ каждый день до свадьбы вопить или голосить такъ:

Ахъ, я сяду подъ окошечко,
Подъ окошечко подъ косяцато,
Ты, заря ли моя, зоренька,
Ты, заря ли моя утренняя!
Ты зачѣмъ рано загораясь?
Не даешь ты мнѣ, зоренька, повыспаться,
У слово родина батюшки,
У своей родимой матушки.

Если у невѣсты нѣтъ отца и матери, то она перечисляетъ тѣхъ родныхъ, у которыхъ живетъ.

Вечеромъ невѣста голосить такъ:

Ахъ, какъ сяду я подъ окошечко,
Подъ окошечко подъ косяцато.
Ты, заря ли моя, зоренька,
Ты, зоря-ль моя вечерняя,
Зачѣмъ рано занимаешься?
Не даешь ты мнѣ, зоренька
Посидѣть у родна батюшки,
У родимой своей матушки ..

Сирота-невѣста добавляетъ:

Запою я, сиротинушка,
Звонкимъ голосомъ серебрянымъ:
Ты раздайся, мать сыра земля,
Ты раскройся, гробова доска,
Ты возстань, родимый батюшка,
Ты возстань, родина матушка.
Благословите дитятко,
Дочку-горьку, сиротинушку,
Спасомъ образомъ пресвѣтлымъ,
Богородицей матушкой.

Во время дня невѣста каждую посѣтительницу изъ подругъ встрѣчаетъ, здоровается и, кладя голову ей на плечо, такъ голосить:

Здравствуй, милая подруженька!
А ты знаешь ли про мое горе крѣпкое?
Запоручилъ меня родимый батюшка,
Запоручила родна матушка
Въ чужу дальнюю сторонушку,
За поруки вѣковѣчныя.

Или такъ:

Ахъ, скажи, жаланна тетушка,
Каково жить во чужихъ людяхъ,
Во чужихъ людяхъ за порукою
У чужого отца—матери?
Каково, моя голубушка.
Угождать имъ да услуживать?..

Посѣтительница отвѣчаетъ и тоже голосить:

Тяжко, тяжело, другъ мой миленькій.
Тяжко жить намъ во чужихъ людяхъ.

Во чужихъ людяхъ незнакомыхъ,
У чужого отца съ матерью.
Насидишься во чужихъ людяхъ
На концѣ стола дубоваго,
Понаплачешь ясны оченьки
Горючьми слезами горькими.

Всѣ дни до свадьбы, какъ семья невѣсты, такъ и семья жениха усиленно занимаются приготовленіями къ вѣнцу и работой приданого. Женихъ выправляетъ необходимые письменные документы, на что тратится немало времени и денегъ.

Въ зимній свадебный сезонъ, т. е. мясоѣдомъ до маслинны, въ деревняхъ по вечерамъ устраиваются такъ называемыя «посѣдки» или «святки». Нанимается молодежь изба, собираются въ ней дѣвцы и парни и проводятъ время въ пѣсняхъ, пляскахъ, угощеніи; рассказываютъ сказки и прибаутки. Дѣвцы обыкновенно являются на посѣдки съ работой, напр. съ прялкой, шитьемъ и т. п. Угощеніе—наливку, орѣхи, конфеты, пряники и заѣдки покупаютъ парни. Всѣ одѣваются въ праздничныя платья и сарафаны, которые еще по сіе время въ деревняхъ сохранились, хотя измѣнили нѣсколько свой старинный покррой. Невѣста почти всегда бываетъ на посѣдкахъ, гдѣ и имѣетъ свиданіе съ женихомъ, который обыкновенно привозитъ угощеніе дѣвцамъ и невѣстѣ.

Такъ проходитъ время до дѣвичника, устраиваемаго въ домѣ невѣсты, и парничика—въ домѣ жениха. Дѣвичникъ и парничикъ—это дни прощанія жениха и невѣсты съ своей холостой и дѣвической жизнью. Невѣста въ день дѣвичника съ своими подругами отправляется въ баню, которую въ этотъ разъ топить или самая любимая подруга ея или родная сестра. Невѣсту моютъ или парятъ подруги, за что она ихъ вечеромъ угощаетъ чаемъ, ужиномъ, сусломъ и разными заѣдками.

Въ этотъ же день подруги заплетаютъ невѣстѣ косу, вылетая въ волосы яркія ленты в тряпки, а вечеромъ въ банѣ расплетаютъ ее, и каждая дѣвица получаетъ въ подарокъ по лентѣ или коснику. Невѣста при этомъ причитаетъ такъ:

Ты поди-ка, поди, Марьюшка,
Ты поди ка, свѣтъ-Захаровна,
Расплети-ка ты мою косу
Во остаточки въ послѣдочки.

Лѣтъ 15—20 назадъ дѣвичникъ во многихъ семьяхъ справлялся нѣсколько иначе. Когда баня была готова, одна изъ подругъ шла къ невѣстѣ въ избу и, отворяя дверь, приговаривала на распѣвъ:

Отворю я, млада, дверь на пята,
Положу я, млада, руку на скобу,
Ты пожалуй-ко, сестрица моя,
Ты пожалуй-ко, желанная,
Во паровую во баенку,
Во зеленому ко вѣннику.
Смою я твою слезюпочку
Съ ретива сердца горюпочку.

Невѣста отвѣчала на это:

Ахъ, спасибо тебѣ, сестринька,
За привѣтливое, ласково слово,
За паровую за баенку.

Послѣ этого приходшія подруги расплетали невѣстѣ косу, а невѣста должна была, плача, приговаривать:

Ахъ, вы душеньки-подруженьки,
Вы, голубушки сердечныя!

Не трепайте мою русую косу;
Вы не рвите волю дѣвичью!..

Съ расплетеной косой невѣста подходила къ отцу в матери или къ ближайшему родственнику и голосила:

Ты, родимый соколъ—батьюшка,
Голубынька, моя матушка,
Поглядите вы на доченьку:
Растрепали косу ейную.
Разорвали волю дѣвичью!

Послѣ этого невѣста кланялась родителямъ въ ноги и приговаривала:

Благословите меня—горькую,
Во паровую во банюку,
Ко зеленому ко вѣнчику.

Родители благославляли невѣсту, и она шла съ подругами въ баню, причесть дорогой пѣлись разные свадебныя пѣсни. Отдохнувъ послѣ бани, невѣста съ роднымъ братомъ или съ другимъ ближайшимъ родственникомъ шла приглашать къ себѣ на дѣвичникъ гостей: въ каждомъ домѣ кланялась въ ноги и приговаривала:

Милости прошу на дѣвичникъ мой,
Милости прошу за почестень столъ.

А сопровождавшій невѣсту приговаривалъ такъ:

Милости просимъ къ нашей невѣстѣ,
Къ Марѣ Петровнѣ,
Хлѣбъ-соль откусать,
Вечерокъ прокоротать.

Когда нѣ гости собрались, выходитъ невѣста, въ праздничномъ нарядѣ и иногда съ цвѣтами на головѣ, кланяется всѣмъ въ поясъ, благодаритъ гостей и усаживается за столъ подъ образа, а на столъ передъ ней ставятъ чашку деревянную, пустую, въ которую приходящіе гости кладутъ деньги—серебряные пятачки и гривенники.

Рядомъ съ невѣстой по правую руку садится родная сестра или ближайшая подруга, а по лѣвую остальные подруги, а потомъ гости. Когда всѣ соберутся, начинаютъ пѣть пѣсни подруги невѣсты.

При вечерѣ, вечерѣ,
При послѣднемъ было времячкѣ,
Какъ у Марьи на дѣвишникѣ,
Приметалъ тутъ младъ ясенъ соколъ.
Онъ садился на окошечко,
На серебряну привеленку,
На золотую закронку.
Увиѣла, узрѣла Марьюшкина матушка:
Ты, родимое дитятко,
Привѣчай къ себѣ сокола,
Ясна-сокола залетнаго,
Добра-молодца прѣзжаго,
Алексѣя, свѣтъ, Ивановича.
Ужъ я рада бы привѣтять сокола
Языкъ мой не ворочается,
Уста не отверзаются,
Сердце кровью обливается...

Иногда поютъ такой вариантъ той же пѣсни:

Какъ при вечерѣ, было вечерѣ,
Какъ у Марьи на дѣвишничѣ,
У Петровны на веселеньѣ,
Прилеталъ туда ясенъ соколъ.
Онъ садился на окошечко,
На рѣшоточку серебряну.
Что никто-то сокола не видалъ,
Что никто-то яснаго не высмотрѣлъ.
Высмотрѣла Марьиная матушка:
Мое милое ты — дитятко,
Приголубь ты ясна сокола,
Ясна сокола залетнаго,
Добра молодца заѣзжаго! —
— Ахъ, родимая ты матушка,
Мой языкъ съ нѣмъ не воротится,
Сердце камнемъ оборотится.

Дальше поютъ пѣсни гостямъ, каждому отдѣльно, и въ пѣсняхъ требуютъ золотой казны. Сначала поютъ невѣсты:

Нареченная княгиня, послушай,
Отецка дочь, догадайся,
За пошловочку принимайся!

Гостю холостому поютъ такъ:

Нора тебѣ, Алексѣюшка, жениться,
Твоя-то сужена повыросла,
Широки платочки повышила,
Скатерти браны по выбрала.

Если гости долго не расплачиваются съ дѣвицами, то, какъ бы задабривая ихъ, онѣ поютъ:

Сергѣй ходитъ по двору,
Захарычъ по широку.
Люди скажутъ: чей такой?
Степанида (жена) скажетъ: мой дворянинъ.
Петровна молвить: мой господинъ.

Поютъ и такую пѣсню:

Ты, Митряшка (или другое имя), кудрава голова,
Не садись-ка ты возлѣ меня,
Что ни возлѣ, ни подлѣ, ни супротивъ меня.
А то всё скажутъ, что любишь меня.
— Я тебя, Митряшка, не люблявала,
Съ тобой въ лѣсъ по молину не хаживала,
Мужа своего малвнкой не потчивала.
Какъ пойду я, молода,
На широкій дворъ,
Я съ на шести возьму пѣтушка,
Пѣтушка за право крылышко.
Вотъ тебѣ, пѣтушокъ,
За ночной грѣшокъ;
Ты зачѣмъ рано встаешь,
Громкимъ голосомъ поешь,
Съ милымъ спать не даешь.

На дѣвичникъ иногда прѣзжаетъ женихъ, хотя это бываетъ рѣдко. Невѣста его встрѣчаетъ молча, низко кланяется и онъ, въ свою очередь кланяясь низко, садится рядомъ съ ней. Обычно женихъ привозитъ разные угощенія невѣстѣ и угощаетъ ими ее и подругъ, которые ему за это поютъ пѣсни:

Ужъ вы соколы, соколы,
Далеко ли вы летали?
А мы летали, летали,
Съ моря на море летали.
Чего же вы тамъ видѣли?
Мы видѣли, слышали
Сѣру утвцу ва заводѣ.
Для чего же вы ее не взяли?
Мы хотѣли ее взять,
Сизы перья разбити,
Горючу кровь пролити.
Ахъ, вы, бояре, бояре,
Далеко ли вы ѣздили?
Съ городу на городъ мы ѣздили.
Чего же вы тамъ видѣли?
Красну дѣвицу во теремѣ.
Для чего же вы ее не взяли?
Мы хотѣли ее взять,
Русу косу расплести,
Горючу слезу пролити..

Поютъ и такую пѣсню:

Ты, голубушка, мила сестра Марья Петровна,
Мнѣ сегодняшняя ночь не спалось,
Не спалось, все снилось.
Будто летить гусей стадо;
Напередъ-то летить ясенъ соколъ.
Ты, голубушка мила сестра,
Ты, Марія Петровна-свѣтъ,
Я твой сонъ разберу, расскажу,
Разгадаю его. расскажу.
Это не гусей стадо летить,
И на передъ-то не ясенъ соколъ.
Это--Алексѣй-то ѣдетъ съ поѣздомъ.
Сергѣевичъ со краснымъ по тебѣ,
По тебѣ-ль, моя голубушка,
По твою ли косу русую;
Ко вѣнчанью поведутъ тебя,
Косу на двѣ расплетутъ тебѣ,
И снохою назовутъ тебя,
Какъ женою Алексѣевой.

Послѣ ужина гости и женихъ разъѣзжаются по домамъ, а невѣста, оставшись
1 съ своими, начинаетъ голосить:

Ахъ, ты, батюшка родимый мой,
Ахъ, ты, матушка родимая,
Благословите вы меня, молодую,
Отдать свою дѣвичью красоту!

Кончая этотъ приговоръ, невѣста кланяется родителямъ въ ноги, а тѣ ее благославляютъ.

Парничникъ или мальчишникъ справляется женихомъ такъ. Въ этотъ день женихъ съ товарищами идетъ въ баню, куда захватываютъ съ собой водки, пива и закусокъ. Пѣсенъ и причитаній вьвакихъ нѣтъ. Придя въ баню, пьютъ водку, пиво и закусываютъ; на каменку льютъ пиво; жениха моетъ одинъ изъ товарищей. По возвращеніи жениха изъ бани его немного подстригаютъ. Женихъ вмѣстѣ съ однимъ или дружекъ или шаферовъ отправляется по сосѣдямъ и знакомымъ звать къ себѣ на парничникъ, причемъ, войдя въ домъ сосѣда, шаферъ приглашаетъ:

Милости прошу къ нашему жениху.
Алексѣю Ивановичу, хлѣба-соли откусать,
Вечерокъ посидѣть!

Пригласивъ сосѣдей и гостей, женихъ одѣваетъ праздничную одежду, въ которой будетъ вѣнчаться, и подходитъ къ отцу и матери подъ благословеніе. Отецъ беретъ хлѣбъ съ солью и, образомъ благословивъ сына, передаетъ ихъ матери, которая—обыкновенно со слезами—тоже благословляетъ и передаетъ ихъ крестному отцу жениха и, такимъ образомъ, образъ переходитъ изъ рукъ въ руки всей собравшейся родни, которая и благословляетъ жениха, высказывая ему различные пожеланія. Послѣ этого жениха усаживаютъ подъ образа за столъ; по правую сторону его садится крестный, а по лѣвую братъ или лучшій товарищъ, а потомъ остальная родня и почетные гости. Передъ женихомъ ставятъ пустую деревянную чашку, въ которую каждый изъ гостей, поздравляя жениха, кладетъ, по доставку, отъ 10 к. и болѣе, а женихъ каждому гостю, вставая, кланяется три раза въ поясъ. Подаютъ угощенія: водку пиво, пироги—начинается пиръ, во время котораго собравшіяся женщины (а иногда и дѣвцы) съ товарищами поютъ пѣсни. Поютъ уже приведенную выше пѣсню: «Ужъ вы, соколы, соколы», потомъ поютъ:

Алексѣева-то матушка
Въ воскресенье вспородила,
Въ воскресную заутреню снаряжала;
Снаряжала его матушка жениться.
Говорила ему, наказывала:
Ты пойдешь, мое дитятко, жениться,
Ты придешь на тестень дворъ:
Не пускай-ка коня по двору,
Ты отдай-ка коня конюхамъ,
Чтобы свелъ онъ на конюшенку.
Ты взойдешь во высокъ теремъ,
Ты недолго Богу молися,
Не низко тестю кланяйся;
Примѣчай-ка свою сужену,
Свою сужену-ряжену.
Что твоя-то ли сужена,
Сидитъ она невесела,
Буйну голову повѣсила,
Руса косышка расчесана,
Но плечамъ ея разбросана.

Поютъ и такую пѣсню:

Воску ярова свѣчи теплятся,
Алексѣй-то Богу молится,
Со слезами низко кланяется.
Увидала, узрѣла Алексѣева матушка:
Ты, родимое дитятко,
Ты о чемъ же Богу молишься,
Со слезами низко кланяешься?

— Ужъ и какъ же мнѣ не плакать.

Мнѣ дорога будетъ дальняя,
Повязане будутъ пьяные,
А кони будутъ игривые,
Игривые, вертливые;
Потеряютъ мою суженую
По ухабамъ по глубокимъ,
По раскатамъ по широкимъ.

Если женихъ—сирота, то поютъ:

Ты рѣка ли, наша рѣченька,
Ты рѣка ли наша быстрая,
Ты течешь не колынешься,
Со желтымъ нескотъ не возмудишься.
Во тебѣ ли, моя рѣченька,
Много камня жемчужнаго,
Одного нѣтъ дорога камня.
У Алексѣя гостей много,
Всѣ бояре со боярынями,
Все князья-то со княгинями,
Одного нѣтъ дорга гостя ¹,
Дорга гостя—батюшки.
Погодите, люди добрые,
Подвигать столы дубовые:
Подъ окошкомъ, что-то стукнуло,
У калитки кольцо брякнуло.
Не кормилецъ ли — батиска,
Не несетъ ли Спаса образа—
Благословеніе великое.

Поютъ еще пѣсню:

Среди-то было горницы столовой,
Алексѣй играетъ во цимбалы,
Ивановичъ во звончаты.
Подошедши, Марьюшка выслушивала,
Подошедши, Петровна выдумывала,
Что это цимбалушки возговорили?
Говорили цимбалушки звончатые:
Свекра-то велятъ звать батюшкой,
Свекровъ-то велятъ звать матушкой.
Деверьевъ-то велятъ звать милыми братцами,
Золововъ-то велятъ звать милыми сестрицами,
Алексѣя-то велятъ звать милымъ дружкой:
Онъ мнѣ милѣе роду-племени.

Кромѣ этихъ пѣсень поютъ еще плясовые, подъ которыя собравшаяся молодежь пляшетъ. Чаще можно слышать изъ плясовыхъ такіа.

Я по жердочкѣ шла,
Я по тоненькой, по словенькой.
Только жердочка гнется, не ломится,
Хорошо съ милымъ водиться,
Ночки темны коротать.
Ахъ, ты, Ванюшка, мой разлапушка,
Позвола бы ты на ночку, —
Повалишься ходить.
Положила бы на ручку,
Разоспишься, не проснишься.

¹ В. М. дорога.

Или:

Ахъ, несырой ли то дубъ разгорается,
Ай люли, ай люли, разгорается.
Ужь не мой ли то мужъ размогается,
Ай люли, ай люли, размогается.
Я пойду, молода, ко милу дружку,
Ай люли, ай люли, ко милу дружку.
Ко милу дружку, ко Иванушкѣ,
Ай люли, ай люли, ко Иванушкѣ.
Ты, Иванушка-дружокъ, чего хочется?
Ай люли, ай люли чего хочется.
Сладкой водочки ли, чаю или кофею?
Ай люли, ай люли, или кофею.
Я хочу, я прошу студеной воды,
Ай люли, ай люли, студеной воды.
Студеной воды со Дунай-рѣки.
Ай люли, ай люли, со Дунай-рѣки.

Еще поютъ плясовую пѣсню:

Ахъ, во лузяхъ, ахъ, во лузяхъ,
Какъ во лузяхъ зеленыхъ лузяхъ.
Выростала трава шелковая,
Расцвѣли цвѣты лазоревые.
Я во тѣхъ лузяхъ выкормлю коня.
Ужь я выкормлю, выгляжу его.
Я надѣну золотые удѣла,
Подведу коня я къ батюшкѣ.
Ужь ты, батюка родимый мой,
Гдѣ вскормить мнѣ своево ворона коня.
Ужь я выкормлю, выгляжу его.
Ахъ, какъ во лузяхъ, зеленыхъ лузяхъ.

(И опять начинается съ начала).

Подъ пѣсни пляшутъ, въ послѣднее время, впрочемъ рѣдко, и чаще подъ гармонію, которая есть въ каждой деревнѣ. Послѣ ужина, продолжающагося довольно долго и сопровождаемаго довольно значительнымъ угощеніемъ водкой, гости часовъ около 11 вечера разѣзжаются по домамъ.

День свадьбы въ семьяхъ какъ у жениха, такъ и у невесты полонъ приготовленій и хлопотъ, которые заканчиваются часамъ къ 9 или 10 утра. Тутъ готовятъ и купанья и закуски, разливаются водка и пиво, прибираются въ избу и приготовляются къ поѣзду, т. е. къ поѣзду жениха и невесты къ вѣнцу. Въ этотъ день назначаютъ, кому быть дружкой, подруженьей, тысяцкимъ и т. д. принять участіе въ свадебномъ поѣздѣ. Одинъ изъ дружекъ, назначается старшимъ еще наканунѣ (старшій шаферъ). Въ этотъ день старшій дружка, прійдя въ домъ жениха, начинаетъ приговаривать такъ: «Иванъ Ивановичъ (крестное имя жениха), повѣдайте, повѣстуйте, по свѣтлицѣ пройдите, платочкомъ махните. Вашу честь нареченный князь проситъ быть тысяцкимъ честнымъ.» На этотъ вызовъ выходитъ крестный, моетъ руки, крестится и садится за столъ. Потомъ дружка почти въ такихъ же словахъ вызываетъ большого боярина, меньшого боярина, дружекъ и подружекъ; всѣ перечисленные выходятъ, кланяются, моютъ руки и садятся за столъ закусывать. Женихъ до вѣнца ничего не ѣстъ и не пьетъ. Собравшіяся дѣвицы поютъ пѣсни и одну специально для старшаго дружка, который принимаетъ на себя обязанность угощать собравшихся пивомъ и водкой.

А кто у насъ удалой, а кто у насъ пригожій?

Павелъ (нимя дружки)—соколъ удалой,
Ивановичъ пригожій.

Онъ и добръ и пригожь,

Красныхъ дѣвицъ любить.

Дружкой звать. величать

Старшимъ по прозванью.

Ахъ, ты, друженька хорошій.

Ахъ, ты, друженька пригожій,

Сахарны уста твои.

Вокругъ тебя поютъ дѣвицы,

До пѣсенъ большія мастерицы,

Подарочка ждуть.

Дружка беретъ кружку съ пивомъ и опускаетъ туда гривенникъ, то же дѣлають и тѣ изъ гостей, которымъ дѣвицы поютъ пѣсни, а потомъ эти деньги идутъ на подарки дѣвцамъ за пѣсни. Закусивъ, гости встають. Дружка обращается къ присутствующимъ и говоритъ: «Обернемся, оглянемся по новой горницѣ, по свѣтлой свѣтлицѣ, братцы. Молодые, усатые, бородатые, благословляйте нашего князя нареченнаго, вашего князя—состѣла любезнаго ѣхать намъ, добрымъ молодцамъ, во путь, по дорогу, мѣрными верстами, точеными столбами, пріѣзжать намъ въ деревню За-ручье (гдѣ невѣста жаветь). Стоять наши кони въ чистомъ полѣ, коврами пріодѣты ѣхать траву шелковую, пьютъ воду ключевую: брать намъ сужену-ряжену у Петра у Ивановича». Въ дорогу укладываютъ свадебные запасы, водку, пироги, пиво и берутъ образъ, свѣчи, скатерть и солонку. Все это забирають большой и меньшей бояре. Запрягаютъ лошадей, наѣзжаютъ самую лучшую сбрую, бубеньчики, колокольчики и въ гривы и въ хвосты влетаютъ цвѣтныя тряпки и ленты. Когда все готово, дружка зоветъ всѣхъ—благословить князя нареченнаго во путь, во дорогу, послѣ чего отецъ, мать и вся родня благословляютъ жениха, высказываютъ ему лучшія пожеланія и поѣздъ отправляется въ такомъ порядкѣ: впереди на одиночкѣ ѣдетъ дружка съ поддружьемъ, за ними на нарѣ женихъ съ тысяцкимъ и провожатымъ, потомъ на одиночкѣ бояринъ большой и меньшей съ свадебными припасами. Пріѣхавъ къ невѣстѣ, выходятъ и стоятъ у сѣней. Дружка кнутомъ ударяетъ по двери со словами: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа». Изъ дверей, которую открываетъ дружка невѣсты, отъѣзжаютъ: «аминь». Поѣзжане всѣ входятъ. Дружка, войдя, начинаетъ такъ: «Прислалъ нашъ князь нареченный про ваше здоровье узнать, про свое рассказать, какъ вы живете, здоровы, а мы все—слава Богу». Столъ бывають занять подругами невѣсты и потому вошедшимъ приходится стоять нѣсколько времени у дверей. Дѣвицы начинаютъ требовать съ пріѣхавшихъ подорожную. Дружка на это показываетъ полотенце, на что дѣвицы отъѣзжаютъ, что полотенце знакомое и шито при нихъ. Потомъ требуютъ отъ дружки, чтобы онъ показалъ, что бываетъ красивѣ краснаго солнышка и свѣтлѣ яснаго мѣсяца? Дружка на это подаетъ образъ, который ставятъ на божницу. На вопросъ: «Чего у отца съ матерью въ домѣ не осталось?» дружка указываетъ на жениха. На вопросъ—показать самую крутую гору и синее море, дружка подаетъ имъ хлѣбъ и пиво. Послѣ этого съ дружки начинаютъ требовать золотой казны Дружка вынимаетъ мелкія деньги и одѣляетъ каждую дѣвицу, и только послѣ этого дѣвцы выходятъ изъ-за стола. За столомъ остается братъ невѣсты и требуетъ съ дружки выкупа за косу сестры. Когда дружка уплачиваетъ выкупъ, всѣ пріѣхавшіе поѣзжане съ женихомъ садятся за столъ, причемъ жениха садятъ съ невѣстой рядомъ, и дружка начинаетъ угощать присутствующихъ маленикомъ (пирогъ), водкой и пивомъ. Угощая подругъ невѣсты, онъ говоритъ: «дѣвицы-пѣвицы, пирожны мастерицы, горшечны нагубницы, угощайтесь въ честь нашего нареченнаго князя съ княгиней». Обращаясь къ ребятишкамъ, безъ которыхъ ни одно деревенское событіе не обойдется и которые почти всегда забираются на печку, чтобы не мѣшать взрослымъ, дружка говоритъ: «запечнички, запа-

латнички, гороховы разбойнички, угощайтесь въ честь нареченнаго князя съ княгиней». Дѣвицы въ это время поютъ пѣсни».

Отвалилася вѣточка
Отъ сахарна древичка,
Отставала лебедушка
Прочь отъ стала лебединаго.
Приставала лебелушка,
Что ко стаду сѣрыхъ гусей.
Ее стали гуси щипати,
А бѣла лебедушка кликатъ:
Не щиплите, гуси сѣрые.
Не сама я къ вамъ залетѣла —
Занесли меня вѣтры буйныя.

Потомъ поютъ:

Ахъ, посадили молодца
Возлѣ нашего золотца.
Ахъ, какъ вашъ-то молодецъ
Ни однажды не золочень,
А наша-то дѣвица,
Она вдвое, втрое золочена.

Потомъ поютъ опять предыдущую пѣсню съ такимъ измѣненіемъ:

Отвалилася вѣточка,
Отъ сахарна древичка,
Отставала Марья-душа свѣтъ-Петровна
Прочь отъ красныхъ дѣвушекъ,
Приставала ко толпѣ-то мужицкой,
Ее стали люди хаати,
А она стала плакати:
Вы не хайте, люди добрые,
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Завезъ меня добрый конь и добрый молодецъ.
Алексѣемъ звать свѣтъ-Ивановичемъ.

Потомъ поютъ пѣсню:

Ахъ, не этотъ ли нашъ князь молодой,
Что не этотъ ли нашъ тысяцкой большой,
Онъ сидитъ да во честномъ мѣстѣ,
Во честномъ мѣстѣ, на лавочкѣ.
Что вокругъ не соловьи поютъ,
А поютъ вокругъ пѣвицы, души красныя дѣвицы.

Потомъ поютъ:

Нареченный князь, послушай,
Ты, отецкій сынъ, догадайся,
За мошоновку принимайся,
Золота гривна вынимайся.
Насъ пора, дѣвицъ, подарить,
Намъ на бѣлы на бѣлила,
Намъ на красны на румяна,
Мы, дѣвушки, новгородски,
Мы живемъ здѣсь при ногостѣ.
За водой пойдемъ — набѣлимся,
Со воды прійдемъ — нарумянимся.

Передъ окончаніемъ закуски поютъ пѣсню:

Ахъ, родимый батюшка съ родной матушкой,
Умѣли вы дѣтище вырастить,
Умѣйте же въ путь-дорожку благословить, —
Ѣхать намъ путемъ широкимъ,
Чистымъ полямъ, зеленымъ лугамъ,
Темнымъ лѣсамъ, по мѣрнымъ верстамъ.
По темнымъ лѣсамъ, по точенымъ столбамъ,
Ко сіянію церковному, что ко звону колокольному.
Благословите златъ вѣнецъ принять.
И животворящій крестъ цѣловать

Послѣ этого всѣ встаютъ. Родные каждый особо—благословляютъ невесту по три раза образомъ, всѣ молятся, высказываютъ невестѣ и жениху лучшія пожеланія и ѣдутъ въ церковь. На первой лошади дружка съ поддрузьемъ, на вторыхъ саяхъ женихъ съ тысяцкимъ, на третьихъ невеста со свахой, на четвертыхъ большой и меньшей бояре и на остальныхъ прочая родня и гости. Мать и отецъ невесты и жениха въ церковь не ѣдутъ. Поѣзжанъ въ деревняхъ никто не останавливаетъ, такъ какъ остановить свадьбу считается дурнымъ предзнаменованіемъ. Женихъ и невеста кланяются на обѣ стороны встрѣчавымъ при проѣздѣ по деревнямъ. Невеста ѣдетъ закрытая платкомъ. Подъѣхавъ къ селу или погосту, поѣзжане всѣ идутъ въ сторожку церковную; злѣсь пишется свадебный обыскъ и производится плата за вѣнчаніе. Когда всѣ формальности окончены, жениха и невесту ведутъ въ церковь, куда идутъ и всѣ пріѣхавшіе поѣзжане. Обыкновенно передъ аналоемъ разстилаютъ полотенце или платокъ, на который и становится женихъ съ невестой, причемъ женихъ становится съ правой, а невеста съ лѣвой стороны и снимаетъ съ своего лица платокъ. Происходитъ вѣнчаніе, потомъ почти всегда молебень. Во время вѣнчанія на головы жениха и невесты надѣваютъ вѣнцы и шафера ихъ не поддерживаютъ. Изъ церкви всѣ идутъ въ сторожку, гдѣ надѣваютъ молодой повойникъ, т. е. головной уборъ замужней женщины, и молодая кланяется первый разъ своему мужу въ ноги, что означаетъ повинновеніе ему и любовь. Послѣ передѣванія, свадебная публика опять немного закусываетъ, выпиваетъ и потомъ всѣ ѣдутъ въ домъ жениха, причемъ молодые ѣдутъ вмѣстѣ въ саяхъ жениха. Въ сѣняхъ дома собравшіяся дѣвцы встрѣчаютъ молодыхъ и поютъ:

Ворота-то отворялися,
Вода подливалася,
Три кораблика приплыли:
Первый корабль съ золотомъ,
А другой съ чистымъ серебромъ,
А третій съ красной дѣвицей.
Алексѣю мать говорить:
— Ты, родимо мое дитятко,
За который корабль приниматися?
— Мнѣ не надо злата-серебра,
А мнѣ надо красна дѣвица.

Дружка первый входитъ въ избу и, обращаясь къ отцу и матери молодого, говоритъ: «Нашъ князь удалой просить встрѣтить его съ княгиней молодой. Чего желали, то и случилось». Отецъ и мать встрѣчаютъ молодыхъ съ хлѣбомъ и солью и осыпаютъ ихъ житомъ, причемъ отецъ надѣваетъ на себя для встрѣчи овчинную шубу мѣхомъ къ верху. Новобрачныхъ тотчасъ же усаживаютъ за столъ, причемъ лицо молодой уже не закрываютъ. Дѣвцы начинаютъ пѣть пѣсню:

Не тошно ли тебѣ, Марьюшка,
Не грустно ли тебѣ, Петровна?
По всѣ стороны обѣла чужая сторона:

По правую сторону князь молодой,
 Но лѣвую сторону священника,
 Супротивъ на скамейкѣ—бодре.
 Сваха съ боярами говорила:
 Вы пойдете, бодре, въ Новый-городъ,
 Вы купите, бодре, соловейку,
 Привяжете соловейку къ краваткѣ,
 Чтобы наша соловейка распѣвала,
 Чтобы нашихъ молодыхъ разбужала.

Потомъ поють пѣсню:

Какъ изъ лѣса, лѣса темнаго,
 Вылетало стадо сѣрыхъ гусей;
 А изъ-за горъ крутыхъ, высокихъ,
 Вылетало стадо лебедей.
 Отставала лебедушка
 Какъ отъ стада лебединого,
 Приставала лебедушка
 Что ко стаду сѣрыхъ гусей.
 Не стали гуси обижать
 А лебедушка громко причитати:
 — Не обижайте меня, гуси сѣрые,
 Не сама я къ вамъ залетѣла,
 Занесло меня погодою,
 Занесло дождю, бурю.
 Какъ по улицѣ, улицѣ,
 Идетъ веселый табунъ молодушекъ,
 А другой-то красныхъ дѣвушекъ.
 Отставала Марья-душа
 Прочь отъ красныхъ дѣвушекъ,
 Првставала Марья-душа
 Къ молодымъ-то молодушкамъ.
 Стали надъ ней люди смѣяться.
 — Вы не смѣйтесь, люди добрые,
 Не сама я къ вамъ захлала,
 Завезли меня удалы кони,
 Что удалы кони Алексѣевы.

Пронеходить обѣдъ, за которымъ принимаютъ участіе всѣ собравшіеся родные и знакомые. Много ѣдятъ, а еще болѣе пьютъ. Гости приговариваютъ, кричатъ: «горько!» послѣ чего молодые должны цѣловаться. При выпиваніи, все время бываютъ различные приговоры, какъ, напр., дружка, обращаясь къ крестному, говорить: «Батюшка тысяцкій, нутеко кракните, въ рюмочку брякните!» На это крестный, взявъ рюмку, смотреть въ нее и говорить: «Въ водкѣ-то тараканъ съ ушами». Послѣ этого молодая беретъ мужа за уши и цѣлуетъ его три раза. Другой кто-нибудь, принимая рюмку, говорить: «Что это, въ водкѣ видна плѣшка». Молодая, слыша это, должна поцѣловать мужа въ маковку. На замѣчаніе, что въ водкѣ видна рожа, молодая отвѣчаетъ: «мой мужъ хорошъ!» На замѣчаніе, что видна дуга, молодая отвѣчаетъ: «я—Алексѣя Ивановича слуга». На замѣчаніе, что надо бы въ водку подбавить пшена, молодая отвѣчаетъ: «Марья Петровна — моя жена». Послѣ обильнаго обѣда, молодыхъ ведутъ изъ-за стола въ особую комнату и, накорнивъ ихъ, укладываютъ спать. Гости обыкновенно остаются и продолжаютъ пировать иногда до утра.

На другой день молодыхъ поднимаетъ дружка, а вногда и сваха. Начинается закуска, послѣ которой молодая подаетъ умывать руки свекру и свекрови, причемъ кланяется имъ въ ноги. Послѣ этого молодая даритъ родныхъ мужа полотенцами, платками,

сборниками, шарфами и т. п. После раздачи, снова садятся за столъ и начинают опять пить и закусывать, причемъ дружка, наливая рюмку водки, выкрикиваетъ такъ (обращается сначала къ отцу и матери, а потомъ и къ остальной роднѣ): «Встаньте на лыжи, подвиньтесь поближе, вино выжимайте, а нашихъ молодыхъ серебромъ надѣляйте». Каждый изъ присутствующихъ, выпивъ рюмку, кладетъ на деревянное блюдо на столъ деньги, смотря по достатку. Потомъ молодая поднимается полъ, заваленный нарочно передъ этимъ соломой. Ей бросаютъ присутствующіе деньги и она за это каждому кланяется въ ноги.

Въ этотъ же день къ молодой ѣдутъ въ гости на отъ-однины, причемъ съ молодыми ѣдутъ свекоръ со свекровью и прочіе родственники мужа. Молодые остаются гостить у родныхъ молодой два 2 или 3. Приѣхавъ, молодой обращается къ родителямъ жены, кланяется имъ въ ноги и говоритъ: «Благодарю, вѣдь на всенъ, ваша дочь какъ была въ купели, такъ осталась и теперь». Начинается опять угощеніе, чай, закуска, водка, пиво и сласти. Пируютъ иногда долго за полночь, поютъ пѣсни и пляшутъ. После ужина, молодыхъ улаживаютъ спать отдѣльно въ другой избѣ. На другой день или черезъ два молодые возвращаются домой вѣтви заканчиваются свадебныя пиршества. Возвращаясь съ отводниъ, молодые обыкновенно захватываютъ съ собой и приданое, которое везетъ дружка.

Въ первую субботу молодая топитъ у себя баню и зоветъ сюда мыться всю родню своего мужа, причемъ каждому кланяется въ ноги. Этимъ и заканчивается свадьба у крестьянъ Рыбинской волости. Затѣмъ, для молодой наступаетъ обыкновенная, будничная жизнь.

15 іюля 1903.
С. Рыбинское.

Собравъ членъ-сотрудникъ С.-Петербургскаго
Археологическаго Института В. Н. Мильковскій.

I.

Нѣсколько замѣчаній

объ особенностяхъ говора въ Устюжинскомъ уѣздѣ,
Новгородской губерніи.

Буква *ч* замѣняется буквой *ц*, напр.: чай (чай), дощечка (дощечка). Въ нѣкоторыхъ словахъ буквы *ч* и *ж* замѣняются буквой *ш*, напр.: пошто (почто), можно (можно): нѣшто можно ѣвто дѣлать? т. е. развѣ можно это дѣлать?

Говорятъ «свободно» вм. свободно. Звукъ *о* въ нѣкоторыхъ словахъ слышится, какъ *у*, напр.: уить (опять), освѣтить (освѣтить). Въ концѣ словъ часто употребляется членъ *ота*, *то те*, напр.: ѣвтотъ человекъ-отъ нѣтъ чѣмъ бѣдѣтъ, т. е. кто этотъ человекъ? (См. Частушки, №№ 95, 105, 146, 148...). Въ повелительномъ наклоненіи употребляются частицы *ко* и *кось*, напр.: мотрико (смотри), глянь-ко (взгляни), оглянь-кось, нѣтъ-ко, подь-ко (подойди). Въ творительномъ падежѣ употребляется окончаніе дательнаго падежа, напр.: подѣма за гриба́мъ (за грибами), рыбу лѣвнмъ неводѣмъ. Эта особенность встрѣчается не только среди простонародья, но даже среди мѣстной интеллигенціи. Въ личныхъ мѣстоименіяхъ замѣчаются слѣдующія особенности: дат. падежъ, напр. мнѣ́ (мнѣ), тебѣ́ и те (тебѣ), говорятъ, напр., ужѣ-ко я́ те дамъ; винит. падежъ ты (тебя): за ѣвто я́ ты (тебя) такъ свисну (ударю). Личное мѣстоименіе 3-го л. употребляется ѣнѣ́, ѣва́, енѣ́, род. и винит. п. нѣ́ (см. Частушки, № 213), им. мн. ч. онѣ́. *Е* замѣняется звукомъ *и* не только въ личныхъ мѣстоименіяхъ, но также въ нѣкоторыхъ существительныхъ, напр., мѣ́ня высушилъ милѣночѣ́къ въ ѣти двѣ́ нѣдѣ́люшки́ (см. Частушки, № 92).

Указательное мѣстоименіе *ѣто́тъ* слышится въ разговорѣ со вставкой буквы *е* *ѣвто́тъ*.

Въ творительномъ и предложномъ падежахъ нѣкоторыхъ мѣстоименій и прилагательныхъ вставляются гласныя *е* или *и*, напр.: другѣ́мъ, въ другѣ́мъ, всѣ́мъ, во всѣ́мъ дѣ́лѣ́, въ ка́жнѣ́мъ (каждомъ) (см. частушки, № 121, 166). Въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ выделяется окончаніе *ьской*, напр., ка́късѣ́кой (какой), та́късѣ́кой, Дубро́всѣ́кой (Дубровский).

Въ 3-мъ лицѣ́ ед. ч. наст. вр. вспомо́г. гл. *быть* употребительна форма *ѣте* (есть), напр.: ѣте ли гриба́-те у́васъ? Въ 1 лицѣ́ мн.ч. въ глаголахъ встрѣчается окончаніе *ма*, напр.: мы тудѣ́ не хѣ́дима; или: нѣ́вѣ́ хлѣ́бъ-отъ́ рано поку́паема. Во 2-мъ лицѣ́ ед. ч. употребляется окончаніе *ша*: помни́ша, знае́ша, напр.: помни́ша, я́ тебѣ́ вчера́снѣ́ко о ѣ́мъ сказа́ыва́лъ; бѣ́дета́ вм. *будетъ*.

Удивленіе выражается словомъ *нѣшто* (неужели). Слово очень постоянно замѣняется словами: *горазво́* и *больно́*, напр.: ѣнѣ́ *горазво́* проси́тъ мнѣ́я (заходить) къ сѣ́бѣ. Вмѣ́сто словъ: *почему́*, *зачѣ́мъ* употребляютъ: *длѣ́че* или *пошто́*.

Во *тѣ́* часто въ рѣ́чи замѣняется *нѣ́шъ*, напр.: *нѣ́шъ ты ка́кой* — на, гро́шъ аму́нїи́нъ, а на рублѣ́ амбїи́нъ.

Наконецъ, нужно замѣтить, что мѣстное прозвищеніе отличается протяжностью, тагучестью.

Къ числу мѣстныхъ словъ относятся слѣдующія:

1) Балахры́стича́тъ — бездѣ́льнича́тъ, даромъ́ время́ проводить.

- 2) Балунъ—шалунъ
- 3) Безструнная балабайка—кто много пустого болтаетъ.
- 4) Болѣсть—болѣзнь.
- 5) Вечёръ, вчерась, вчерасинька—вчера.
- 6) Вольница—шалунъ, напр.: полно ли те, вольница, дурачиться-то?
- 7) Втѣпоры, втѣпоръ—въ то время.
- 8) Глубка—трѣпка.
- 9) Городить—нагородъ ставить; въ переносн. см. говорить не кстати.
- 10) Давеча—недавно.
- 11) Деревѣнной—односольчанинъ: то мой, деревѣнной, т. е. изъ одной деревни со мной.
- 12) Закѹкры—плечи. Часто маленькихъ ребятъ носить на заѹкрахъ, т. е. на плечахъ.
- 13) Закѹтать, откѹтать—затворять, отворять: откѹтай-ко мнѣ ворота-то (см. частушки, № 205).
- 14) Закѹтаться—тепло одѣться.
- 15) Завсѣ—постоянно.
- 16) Зимѹсь—зимой.
- 17) Знамо дѣло—известное дѣло.
- 18) Идти—итти.
- 19) Казачиха—работница, прислуга.
- 20) Калабродиться—водиться за кѣмъ-нибудь.
- 21) Калитка—рѣзанная лепѣшка съ творогомъ; есть и другія названія «ватрушка», «рогушка».
- 22) Клянчить—попрошайничать.
- 23) Крѣду—сразу.
- 24) Контъ—черта, граница, кругъ.
- 25) Курѣжиться—ломаться, сразу не соглашаться на что-нибудь.
- 26) Лодаря кѹрчить—бездѣльничать.
- 27) Лѣтось—лѣтомъ.
- 28) Мольный—молнія.
- 29) Мотри!—смотри.
- 30) Налѹмнить—напомнить: хощь бы ты, братъ, надѹмилъ меня объ этомъ.
- 31) Не пѣуть—дорога такая скверная, что не пѣуть, т. е. пѣть возможности итти или ѣхать.
- 32) Несурѣха—неряшливая.
- 33) Нейтъ—не осилить: въ гору-то, вѣдь, ему съ такимъ возомъ нейтъ будѣть.
- 34) Обогнуть—прикрыться, одѣться.
- 35) Обормѹтъ—бранное слово.
- 36) Одѣръ—телѣга. на которой перевозятъ съ поля снопы ржи, овса, а также и сѣно.
- 37) Ономѣдни—не давно.
- 38) Опричь—кромя.
- 39) Отбѹчить, отбѹтитѣнить—бить, ударять.
- 40) Осерѣдь—среди.
- 41) Рѣжій—важный, хорошій.
- 42) Сторонникъ—уродъ.
- 43) Сторѹнникъ—странникъ, — со стороны пришедшій.
- 44) Тамѹ—тамъ.
- 45) Тѣрѣзный—трезвый.
- 46) Тонѣречка—теперь.
- 47) Упаки—тяжелые крестьянскіе савоги.
- 48) Учалъ—началъ.

- 49) Хлёско—сильно, хорошо.
50) Шантропá—всякая мелочь, сбродъ, дрань.
51) Шипичаться—шептаться.
52) Фрй—изысканно наряженная, хорошо одѣтая, форейстая.

II.

Частушки ¹.

1.

Пойдѣшь миленькій во путь,
Меня дѣвченку не забудь,
Сядѣшь въ Рыбинскомъ за чай,
За каждой чашкой величай.

2.

Пойдѣшь миленькій жениться,
Встану на запяточкѣ,
Последне словочко скажу:
Отдай кольцо, перчаточки.

3.

Неужели ты завянешь,
На горѣ зеленый садъ,
Неужели не дождешься
Меня, милая, изъ солдатъ.

4.

Милёночекъ часы у васъ,
Покажи, который часъ.
Это, милая, не часы,
Дѣй цѣпочка для бабы ².

5.

Гдѣ я спать буду ложиться,
Тамъ окошко отворю,
Пойдѣтъ миленькій жениться—
Договорю да сговорю.

6.

Пришелъ милёнокъ съ ярмарки
И постоялъ у яблоньки;
Сѣлъ на доску тонкую
И развѣлъ гармошку звонкую.

7.

Распахну я, распахну
На горѣ поляночку.
Люблю одного за часы,
Другого за тальяночку ³.

8.

Хотѣла съ мосту утониться—
Жалко жизнь свою рѣшить,
Мой-то миленькій останется,
Бого будетъ любить.

9.

Мнѣ сказали на вокзалѣ,
Что желанный убить,
Въ высокомъ домѣ на балконѣ
Бисеръ бѣлой покрытъ.

10.

Во своей деревнѣ милой
Надо съ опасомъ ходить,
У насъ бабы молодыя
Любить очень посудить.

11.

Не горюйте вы, родители,
Теперь обо мнѣ,
Обгорю свое горюшко
Одна на—единѣ.

12.

Мой милёнокъ въ кабакѣ,
Мое колечко на рукѣ,
Отдавала - хохотала,
Получала—плакала.

13.

Дорогой-то, дорожничка ⁴.
Вчера съума сегола.
Со веселой со бесѣдушки,
Ранёхонько ушелъ.

14.

Раньше было намѣренье
Посидѣть въ своей деревнѣ,
А теперь наплевать,
О немъ не стоитъ горевать.

¹ О частушкѣ вообще и литературу о ней см. Д. Зеленина: Пѣснь деревенской молодежи. Вятка. 1903. А также «Биржевыя Вѣд.» за 1903 г. № 379.

² Т. е. для красы.

³ Тальянка—гармоника.

⁴ Отъ слова «дорогой».

15.

По дороженькѣ считала
Телеграфные столбы,
Раньше былъ дружокъ—Ваня,
А теперь Петья—ты.

16.

Нѣтъ цвѣточка веселѣе,
Какъ земляночки цвѣтуть,
Нѣту инычка милѣе,
Кое Петенькой зовутъ.

17.

Попросила я у батюшка
Суконного пальта;
Посушить родимый батюшко
Ременный кнута.

18.

Мой милой мастеровой,
Въ трактирѣ первый половой.
Чашки, чайники бряncать,
Въ трактирѣ милого кричать.

19.

Дома ужинатъ садятся,
Сомнѣваются о насъ,
Гдѣ отчаянны головушки
Шатаются у насъ.

20.

Вы подуйте вѣтры буйны,
Съ четырехъ сторонъ въ одну,
Унесите съ горъ песочки,
Еще думушку мою.

21.

Всѣ милёнковы родители
Сердиты на меня,
Не хожу, не набиваюсь,
Не берете вы меня.

22.

Желаютъ ли желавиенькій
Родители меня?
— Желаютъ я, моя сударушка,
Желаетъ вся семья.

23.

Не пойду въ большую семью,
Гдѣ двѣнадцать душъ семьи;
Пойду за парня одинокаго,
Большухой¹ буду я.

24.

Я любила жито жать,
Любила семью уважать,
Свекра и свекровушку,
Дѣверя, золовнушку.

25.

Бѣлый фартучекъ кроила,
Оставляла на мысы,
Я того дружка любила,
У котораго часы.

26.

Не летай-ко низкий голубь,
Не лопай зеленый лѣсъ,
Не форси ты, мой желанный,
Много лучше тебя есть.

27:

У милёночка въ дому
Лампа разгорается—
Мой милой мастеровой
Машиной занимается.

28.

Дайте гербовой бумаги,
Напишу милому листъ—
Пуцай узнаетъ, прочитаетъ,
Какова въ разлукѣ жизнь.

29.

Поживи милой въ разлукѣ,
Понщи лучше меня.
Красотой лучше найдешь,
Характеромъ не подберешь.

30.

На заводъ люблю ходить—
Любимая дорежка,
Сепаратъ² люблю вертѣть
У самаго окошка.

31.

Всю я ночьку провертѣла
Визговатый сепаратъ,
Отдала вертѣть крестовой,³
А милой того и радъ.

32.

Не заводи, милой, гулявья
У окошекъ у своихъ—
Я большая супротивница
Родителямъ твоимъ.

¹ Т. е. старшой — главной въ семьѣ.

² Искривленное: аппаратъ.

³ «Крестовой» называютъ подругу и вообще это слово служить обращеніемъ ко всякой и вообще женщинѣ.

33.

Я гуляла въ Рѣменѣхъ
Въ сарафанѣ маминѣхъ,
Зацѣпила за дрова—
И сарафанъ изорвала.

34.

Бѣло платьице одѣну,
Опояшу ремешокъ,
Во своей деревнѣ милой—
Только нѣтъ не женишокъ.

35.

Шла я, кроила я
Рубашку колѣнокорову;
Думала, гадала я—
Выходить не по моему.

36.

Бѣла рыбу, бѣла бѣлу,
Бѣла бѣлые свѣтки.
Недождавшись мясѣда,
Вышла за мужъ во святѣй.

37.

Тебѣ спасибо, куманѣкъ,
Что хорошо меня зовѣшь:
При народѣ кумушней,
А бѣсъ народа любушкой.

38.

Меня дома караулятъ,
Караулятъ за одно:
У меня и у милѣночка
Задумано одно.

39.

Что родители глядите,
Маленьку не учите,
А большая вырасту,
Съ милѣнкомъ не разлучите.

40.

Я живу на бережку,
Два окошка въ воду;
Расхорошенькій ты мой,
Любовь-то слаще мѣду.

41.

Заиграю, разведу
Двѣнадцати-боровую,
Коли спать, такъ разбужу
Милушку чернобровую.

42.

Ты играй, играй тальяночка
Разорваны мѣхи,
Возьму я замужъ старовзрочку
Замолить за грѣхи.

43.

Черезъ рѣчку, черезъ мостъ,
Милой тальяночку пронесъ,
О тѣ пору пьянъ онъ былъ.
Тальянку съ зеркаломъ разбилъ.

44.

Какъ Никольски дѣвки модны,
По три дня сидятъ голодны;
На четвертый пойдятъ,
Никого знать не хотятъ.

45.

Гдѣ любушка пройдетъ,
Тамъ земелька гнется,
Правой ручейкой махнетъ—
Сердце завернется.

46.

По половничникѣ иду,
Другая нагибается;
Одного дружка люблю,
А двое набиваются.

47.

Ты, сударушка моя,
Какая ты, бѣдовая,
Съ головы до самыхъ пятъ
Сладкая, медовая.

48.

На высокіе хоромы
Не гляди, родитель мой,
Былъ бы парень-то хорошъ,
Въ хоромахъ счастья не найдешь.

49.

Тятенька и маменька,
Счастье отнимаютъ,
Бого люблю я всей душой,
За того ругаетъ.

50.

Думала, что успокоила
Ретивое свое,
А еще больше растревожила—
Увидѣла его.

¹ Т. е. гармонику двѣнадцати-рядовую.

51.

Думала, что не разстанься,
А разсталась легко:
Сердце замерло моё,
Теперь же надо никого.

52.

Все бы пѣсни пѣла,
Все бы веселилася,
Какъ бы прежняя любовь
Назадъ бы воротилася.

53.

Мы, крестовая, съ тобой
Буйныя головушки,
Попадай ко мнѣ въ снохи,
А я къ тебѣ въ золовушки.

54.

Пѣсни пой, пока поется,
Замужъ выйдешь, не придется;
Не придется пѣсень пѣть,
Придется горюшко терпѣть.

55.

Сударушка, изсохъ я весь,
Не позабыла ли ты бѣтъ?
Гдѣ же, гдѣ же позабыть,
Какъ обѣщалась я любить.

56.

Говорила я Ивану,
Не садись со мной при мамѣ,
Сядь къ крестовой, не ко мнѣ—
Крестова скажетъ послѣ мнѣ.

57.

Кому велю ходить почаще,
Тотъ жалѣетъ сапоговъ;
Кого душа не принимаетъ,
Тотъ навязываетъ любовь.

58.

Не ходи, милашка, тутъ,
Ты утонешь: берегъ крутъ.
Ягодничка ¹, ты мой,
Рада я товуть съ тобой.

59.

Сударушка, купи вина,
Изюмина, ² напой меня;
Купи болѣ, любви долѣ
Завсегда будешь моя.

60.

Напишу царю прошение
На гербовомъ на листу,
Чтобы вышло разрѣшенъ
Сватать дѣвокъ во посту.

61.

Попросила я у батюшки
Пяти рублей на шаль,
Какъ бы была дочка милая
И десяти рублей не жалъ.

62.

Я любила и люблю
Одного человѣчка,
За него родилась
Не скажешь ни словечка.

63.

Я у Конъ рѣки стояла,
Грудью въ Конъ рѣку пѣдала.
Я стою и говорю:
Изъ-за тебя, милой, тону.

64.

Милый, женишься—покаешься,
Не возмешь ты меня,
Возмешь дальнюю, хвалѣвую,
Подмѣточка моя.

65.

Сядь-ко, сядь со мной рядомъ,
Земляничника моя,
Чтобы скука отлетѣла
Отъ тебя и отъ меня.

66.

Татьяночка—зеленый мѣхъ,
Куманька любить не грѣхъ,
Куманька и сватушка
Не заругаетъ матушка.

67.

Я къ обѣднѣ ходила,
Становилась наперекъ,
Не мое ли красно одинымъ
На клирѣсть мостъ.

68.

Меня мамаша берегла,—
Каждый день блинны пекла,
Варила рыбу окушки,
Чтобы любил парнишки.

¹ Ласкательное слово.

² Ласкательное слово.

69.

У насъ семейка велика,
Не похлебашь молока;
Не успѣшь ложку взять,
У чашки добышно видать.

70.

Я пойду, пораскачаю
Во полюшкѣ рябинушку,
Вотъ еще позавлекаю
Нѣнѣшную зимушку.

71.

Во гуменинкѣ ¹ косила,
Утѣхъ ноги подкосила,
Думала утѣночку —
Своему милѣночку.

72.

Миленькій милѣночекъ
Купи-ко пять иглочекъ,
Шестую-то булавочку
Сяду шить на лавочку.

73.

Милый бѣгѣкъ осыкалъ ²,
Соломой перевязывалъ,
Не съ надежнѣмъ нѣтъ люлякъ
Поклончики наказывалъ.

74.

Косила я, косила я,
Подъ кустикъ кобу бросила,
Лопаточку подъ ёлочку,
Сама пошла къ милѣночку.

75.

Дѣвица—лебедь бѣлая,
Куда съ ведеркомъ бѣгала?
Милый мой, не за тобой,
На колодезь за водой.

76.

Те ли милую не тѣшилъ,
Те ли я не уважалъ,
Каждый вечеръ со бесѣдушкой
До дому провожалъ.

77.

Пташечки, воробушки
Летите по занебышкѣ ³,
Скажите дружкѣ моему,
Что низко кланяюсь ему ⁴.

78.

Сударушка — не Вѣра
Самовара не загрѣла,
Не сама поставила,
Свою сестру заставила.

79.

Пушай — говорятъ,
Славушку наносятъ.
Погоди, редимая,
Поговорить да бросать.

80.

Не чуть и не играётъ
Дорогова моево,
Сижу ни съ кѣмъ не занимаюсь,
Дожидаюся своо.

81.

Сдали милова въ солдаты,
Мамѣ горя не скажу,
Вышитѣе полотенцо
На дорогу положу.

82.

Въ прѣмѣхъ пожинать забрикали,
Мой миленькой упалъ:
Умолила ты, хорошая,
Въ солдаты не попалъ.

83.

Пряла лёнъ не пачеси,
Милой глядѣть на часы —
Послѣ первова второй,
Пойдѣмъ, сударушка, домой.

84.

Погодите, не валитесь
Бѣлиньки градиночки,
Дайте полѣ перейти
Моему ягодиночкѣ.

¹ Мѣсто около гумна.

² Городилъ огородъ.

³ Отъ слова «небо».

⁴ Частушки съ 1—по 77 записаны мною въ д. Сычево и селѣ Никола—Громово, Ра-
стороповской волости, Устюжи. уѣзда. Новгородской губерніи.

85.

Не мов ли бѣлы ручнѣмъ
На сѣннѣхъ горахъ,
Не про миня ли, ~~издѣлю~~^{издѣлю},
Напрасно говорить.

86.

Бѣло платье одѣвала,
Становилась подъ вѣнецъ,
Погляди, родина матушка,
Брасть мой конецъ.

87.

Дѣдушко любить баушку.
Синовою придетъ,
Онъ — сударушку.

88.

Возьму я двѣ кудѣленки,
Пойду я вдоль деревѣнки,
Вдоль деревни въ тотъ конецъ
Прямо къ милѣнку на крылечъ.

89.

Не дай, Господи, крестова,
Трѣхъ тальянничковъ любить,
Хоть какою ~~шаромъ~~^{шаромъ} и стужа
Надо слушать выходить.

90.

У насъ тальянничковъ-то много,
А гармонщикѣхъ одинъ,
Ужъ мы этому гармонщику
По поясу дадимъ.

91.

Я ребнущку ломала,
Вѣточку кидала звязъ,
Я милѣночку кричала:
Приходи ребнущу нѣ.

92.

Надоѣли бѣлы бусы,
Розвяжу я съ шешень,
Миня высушилъ милѣнокъ
Въ эти двѣ недѣлюшки.

93.

Красно солнушко стасть,
На обѣдъ сворачивать ¹,
У мнѣ ² милѣнкой идеть,
Сапожки околачивать ³.

94.

Поль окошечкомъ сидѣла,
Прала бѣлинькой лѣнокъ,
Тудъ дороженьку глядѣла,
~~Окула милѣночку~~^{Окула милѣночку}.

95.

Посылають рожь-то жать—
Рожь-то вся зелѣная,
На Тимонинѣ гулять —
Деревѣнка веселая.

96.

Я косила, поумаялась,
Лѣгла на бережокъ.
Мнѣ хорошей сонъ приснился,
Розбуждѣлъ миня дружокъ.

97.

Я дѣвчонка не впорѣ,
Жито жала на горѣ,
На милѣнкову постройчку
Я глядѣла отдалѣ ⁴.

98.

Деревѣнка веселая,
Виноградомъ обнесѣна,
Еще садомъ обнесу,
Съ милѣнкомъ дѣло порѣшу—

99.

Нашѣ поляшко широко—
Десятисто десятинъ,
Можетъ милѣнкой здоровой
Обработывать одинъ.

100.

Восотинско ⁵ полѣ мало,
Тамъ я вѣтничку ломала,
На кажнѣнной ⁶ вѣточкѣ
Милѣнковы примѣточки.

101.

Дома корочекъ поѣла,
На роботѣ пѣсни пѣла;
Въ людяхъ чаю напилась,
Пошла слѣзами облилась.

102.

Я купила много мыла,
Мытцы не охотница.
Росчитай миня, хозяйка,
Я те ⁷—не работница.

¹ Вм. сворачивать. ² Вм. у меня. ³ Вм. околачивать. ⁴ Т. е. издали. ⁵ Отъ деревни Восотино. ⁶ Вм. каждой. ⁷ Вм. тебѣ.

103.

Тимонинскихъ робѣтъ
Не спускаютъ ¹ погулять.
Онѣ дома-то солгутъ,
Будто за дѣлкомъ пойдутъ.

104.

Увѣрала, увѣрала,
Увѣрахнулась,
По дорожкѣ шла,
Чуборахнулась ².

105.

Восотински-то идутъ,
Пушай онѣ воротятцы,
На ихъ глаза не глядятъ
Говорить не хочѣтцы.

106.

На Обухово ³ ходить
Баянки ⁴ мѣшаютъ;
Намъ съ Обуховскимъ ходить
Да бабы осужаютъ ⁵.

107.

На рѣкѣ широка лава,
Пре мина—худая слава,
Лѣтъ пройдетъ, воды убудѣтъ.
Пре мина славы не будѣтъ.

108.

На горкѣ на крутой,
Прихлѣбнѣ ⁶ пить лютой,
На крутой, раскатистой —
Пьяной да ухватистой.

109.

Я стояла у чуланчика,
Дожидала новобранчика,
Я стояла у новинькова
Дожидала чернобровинькова.

110.

У правленья милой тѣсъ дорожилъ ⁷.
Но сказали, что мина приворожилъ,
Милой тѣсу не доразжилъ,
Онѣ мина не привораживалъ.

111.

Ты шкатулка, шкатулка моя,
Шкатулка не окованная,
Я давно въ тебя не хаживала,
Цвѣтнова платья не гляживала.

112.

Не судите, бабоньки,
Мы васъ не боимся:
Мы за вашихъ эмцовей
Замужъ наравимся.

113.

Ужъ я пѣть не мастерица,
Выставляешь дорогѣй,
На нѣмъ стоитъ, играетъ—
Дорогая, пѣсни пой.

114.

Ты, сударушка, не хужи —
Мнѣ въ солдатахъ не бывать,
За мина замужъ готовься,
Мнѣ тебя не миновать.

115.

У милѣнка завтра помочь;
Позовѣтъ, дакъ буду жать;
Не напьюсь, дакъ поприкинусь,
Какъ онѣ будѣтъ уважать.

116.

А моя, родина матушка,
Съ милѣнкомъ за одно,—
Прошла мою головушку
За рюмку за вина!

117.

Я коровушку доила,
А корова не стоитъ;
Я корову кулакомъ —
Богъ съ тобой и съ молокомъ

118.

На горушкѣ была,
Я волнушкѣ брала,
Тятя ухъ, мама ухъ,
Не хочу вашихъ волнухъ

119.

Моетъ милой рыбку удить,
По берѣжку ходить—блудить.

120.

Тятя шѣлковы судить ⁸,
Отстать отъ милова велить.
Безъ шѣлковыхъ остануся,
Съ милѣнкомъ не разстануся.

¹ Т. е. отпускаютъ. ² Т. е. упала. ³ Деревня. ⁴ Т. е. бани. ⁵ Вм. осуждаютъ. ⁶ Судар-
чикъ-любовникъ. ⁷ Отъ глаг. дорожить, т. е. дѣлать дорожки на тѣсу. ⁸ Т. е. общается.

121.

Каждый праздник фарукъ разной,
Сарафану ситны нѣтъ,
Не любимъ парнемъ дразнить,
Мнѣ, дѣвчонкѣ, нужны нѣтъ.

122.

Ой, по морю по свѣтому
Плыла лебядь сизая,
За лебедью лебядишь плывѣть.

123.

Ой, дѣушки, ой, дѣушки,
Молодѣхонька,
Хоть у меня нѣтъ дружка,
Я радѣхонька.

124.

На колодцѣ сидитъ утка,
Воду черпаетъ Анютка,
Божья поночь—Аннушка,
Спасибо, милой Ванюшка,

125.

На Тимоинѣ деревнѣ
Лампа съ абажурикомъ,
Мнѣ не велѣно ходить
Съ эдакимъ мазурикомъ.

126.

Мо-етъ милой на ковшѣ,
На работѣ земляной —
Землю роетъ, сердце воетъ
По сударушкѣ своей.

127.

Брала ягодку морошку
Во казенноемъ лѣсу,
Изорвалась подцѣпочка
Несу на поясу.

128.

Неужели лѣсу нѣту
На мою на прилочку;
Не меня милѣнокъ любить,
А мою товарочку.

129.

Намъ не надо свѣчка сална,
У насъ пальмова горитъ;
Намъ не надо чужо-дальнихъ,
У насъ ближніе сидятъ.

130.

На улицѣ морозъ,
Подъ окошкѣмъ лѣто;
Всѣ робятюшка прашили,
Мосво-то нѣту.

131.

У меня милѣнка два
Въ томъ краю и этомъ:
Одного дружка люблю зимой,
А другого—лѣтомъ.

132.

Шелъ я узенькой дорожкой,
Стало темно не видать,
Подошелъ къ зеленой рощѣ,
Сталъ въ тальяночку играть.

133.

По полю по бѣлому
Плясать пойду, разудѣлаю ¹.
Кругъ бесѣды парень ходитъ,
На бесѣду хочеть,
Онъ робять-те не бѣтцы,
Дѣушкѣ стыдитцы,
Которой стыдился,
Возлѣ той садилсы.

134.

У насъ стрѣпуха—несуриха ²
Не попахана ³ изба,
Подпашите угольки,
Замараю башмачки.

135.

Ужъ я въ гору шла,
Тяжело несла,
Каромысѣтъ да валѣтъ,
Еще съ милова платокъ,
Я забыла—навозила,
Плечонки полинялъ,
Милой въ глаза напелялъ.

136.

Борошила я на шарѣ,
Моетъ милой на одной,
По милѣнковой полосынкѣ
Проѣду разъ-другой.

137.

Въ томъ краю на улицѣ
Гуляли бѣлы курицы,

¹ Вм. раздѣлаю. ² Не суриха, т. е. неряшливая. ³ Не подметена.

Самой главной пѣтушокъ
Записанъ миленькой дружокъ

138.

А моя родима матушка
Лѣжить и не стаётъ,
На мина, на молодёховьку,
Всю большину ¹ сдаётъ.

139.

У тяти новым хоромы,
Не обдѣланной нарядъ,
Послушай-ко, кормилецъ батюшко,
Что люди говорятъ.

140.

На дорогѣ сѣбѣгу пѣту,
Вѣрно кони выбили,
Всѣ пришли, милашки пѣту—
Вѣрно замужъ выдали.

141.

Тѣ счастливы подружки,
Кѣмъ съ матушкамъ живутъ,
Онѣ не болѣ насъ работаютъ,
Ихъ бойкімъ зовутъ.

142.

До чего ты, милой, допиль,
До чего, ты догулялъ,
Осерѣлъ широкой улицы ²,
Болоши потерялъ.

143.

Ужъ ты вспомни, дорогой,
Старую старинушку,
Занимались мы съ тобой
Прошлогодно зимушку.

144.

На сараѣ стоятъ саночки,
Зелёны съ тормазамъ,
И невѣрнаго милёночка
Узнала по глазамъ.

145.

Неужели насъ не парочка
Съ тобой, мой дорогой,
Изъ деревни,—я съ другой—
Завятыцы некогда съ тобой.

146.

Восотѣвски ³ то идуть,
Напомни наливочкой,
Проводимъ съ карасиночкой ⁴.

147.

Гдѣ ты, Ванька, замараленъ?
— Я картошку въ рытѣ ⁵ пѣкъ,
Свою отчаянну берёгъ.

148.

На окошкѣ сидитъ кошка,
Бѣлолапнишкой мотокъ,
Что-те, матушка, за дѣло—
Отдала дружку платокъ.

149.

Гдѣ окошка растворили,
Тутъ ребята озорили.
Гдѣ окошка въ самый разъ,
Тутъ ребята любить насъ.

150.

Ты сарай ли, мой сарай,
Соломенная крыша,
По тебѣ ли, мой сарай,
Пробѣжала крыса ⁶.

151.

Кто солдатиковъ не любитъ,
А я стала бы любить.
Образованные люди,
Знаютъ, что поговорить.

152.

Солдатики—не люди,
Ихъ и дѣушки не любятъ,
Про ихъ слава и почётъ,
Всякій скажётъ—бритой чортъ.

153.

Полно, полно пофорсила,
Бѣлы бусы повесила;
Бѣлы бусы, какъ горохъ,
Мой милёнокъ нездоровъ.

154.

Шёлъ тропинкой лѣсовой,
Нашёлъ платочикъ носовой;
Развернулъ каёмочки,
Платокъ мой милёночки.

155.

Шёлъ деревней—дѣвки спали,
Заиграли въ тальянку—встали;
Для мина, для молодца,
Стояла дѣвка у крыльца.

¹ Всякую работу. ² Вм. средн. ³ Разумѣется дер. Высотино. ⁴ Т. е. лампа. ⁵ Вм. рытѣ.
⁶ Эта частушка служить призывомъ, когда ходить со вьюномъ.

156.

Дѣвушка, — эго горюшко!
Завела дружка чрезъ полюшко.

157.

Не пиши, милёнокъ, писемъ,
Не владь печальныхъ слёзъ,
Не порти бѣлинькой бумажки,
На концахъ съ тобой любовь.

158.

Сидѣла я у камушка,
Видѣла Иванушка;
Сидѣла у синяго,
Видѣла Васильева.

159.

Кабы ¹ ты, моя Анютинька,
Не къ дѣшненькѣ была,
Не прогуливалъ бы ночиньки,
Поздѣи вѣчоркѣ.

160.

Ужъ ты, тетюшка, откуда,
Разжеланная, куда?
Не пойдёшь ли въ ту деревню,
Посылай робать сюда.

161.

На Тимонинѣ въ деревнѣ
Нѣтъ зелёнова ложки ²,
Завлекательнова нѣту —
Вѣрно я не дѣушка.

162.

Милой полюшкою вѣдѣть,
Тросью упераетцы:
Дѣвчонку горюшко беретъ,
Никто не слогааетцы.

163.

Не пиши, милёнокъ, писемъ,
Не подамъ твоѣ отвѣтъ;
Сама писать я не умѣю,
Писарѣвъ знакомыхъ нѣтъ.

164.

Если стѣснѣтцы, ³ мой мнливькой,
Пришли-ко письмоцо,
Сресую русое волосеньцомъ
Бѣлое лицо.

165.

До чего дозавлекала
Молодова парнишка,

Нечего его не держать —
Не болото, не рѣка.

166.

Нелюбой сидѣть на лавочкѣ,
Любѣтъ на полу,
Не съ любимымъ говорю,
Любому голосъ подаю.

167.

Потеряла я колечко,
Потеряла и любовь,
Я по ётому по колечкѣ
Буду плакать день и ночь.

168.

Ужъ я по полу хожу,
Пола не хватаю;
Не изъ солдатъ милова жду,
Въ солдаты перевожаю.

169.

Пѣсни пѣть, душа моя,
За пѣсенки бранять меня;
Бранять меня за то,
Пѣсни я пою люто.

170.

Изъ приёму вышелъ я,
Вся обрита голова,
Чернобровая сударушка,
Узнала ли меня?

171.

Полъ нерѣвѣнъ,
Половнички гладки,
Моётъ милой неумѣнъ,
Да знаетъ всѣ порядки.

172.

Моётъ миленькой хорошъ,
Хорошъ, да сиротиночка;
Надѣнѣтъ бѣлиньку рубашку,
Выидетъ, какъ картиночка.

173.

Бабы судятъ за двернѣ,
Низко глядочка глазамъ,
Дѣвчонка низкоглядочка
Люблю парнишка яблочка.

174.

Не пойду я по дорожкѣ,
Пойду по закапашкѣ,

¹ Вм. какъ бы. ² Вм. лужка. ³ Отъ слова «тосковать». ⁴ Съ 78 по 167 записаны въ деревнѣ Тимонинѣ, Устюжинскаго уѣзда.

Изъ-за тея, милёночекъ,
Пропадаю во снѣушкѣ.

175.

До своёго до онина
Проводила Михайла,
Проводила за онинѣ
Иди Ивановичъ одинѣ.

176.

Вхалъ Ваня изъ Казани,
Полтараста рублей сани,
Овалёная дуга,
Ему Палавиюшка любѣ.

177.

Розсохсы—потѣкъ,
Не розсохсы потѣкъ;
Розсѣпался бочёночекъ,
Вытѣкъ дѣготѣкъ.

178.

Моетъ милянкой тонулъ,
Два разочка вынурулъ,
На-споминѣ¹ сударушкѣ
Два колечка выкинулъ.

179.

Эка, эка, эка я,
Экая привычка,
Руку суну во карманъ
Прямо за колечко.

180.

Яму рыл, яму рыл,
Въ яму сыпался песокъ,
Дала милёночку ни память
Двоёсловный пососокъ.

181.

На горѣ я жито жала,
Платъ на выпуску держала,
Куды вѣтеръ, туды платъ,
Моетъ милянкой солдатъ.

182.

Куды вѣтеръ не залуётъ,
Всё берёзку шевелитъ;
Куды милой не пойдётъ,
Менѣ плакать не велитъ.

183.

Какъ у нашей у бесѣды
Бугорки да ямки,
Не проѣхать, ни пройти
Милому безъ тальянки.

184.

Не вино меня шатаётъ,
Миня горюшко берётъ,
У милки скоро праздниѣ—
Милка въ гости не зоветъ.

185.

Моетъ милянкой хорошъ,
Хоть въ запазуху положъ.

186.

Миня хаютъ и ругаютъ,
Не расхаютъ будетъ въскъ:
Не хоромы завлекаютъ,
Завлекаетъ человекъ.

187.

Какъ во нашѣмъ-те приладѣ
Колокольни на боку;
Ужъ какъ наши-те ребята
Почернѣли съ табаку.

188.

Пойдемъ-те, дѣушки, во рошу,
Во малиновой лѣсокъ;
Услышу Ванину тальяночку,
Марьинѣ голосокъ.

189.

Въ полѣ травывька завяла,
Ровно подкошенная;
За милёночкомъ гоняюсь,
Какъ приворожёная.

190.

Въ полѣ камышокъ бѣлѣтъ,
Бѣлѣ ево вѣтъ;
Придѣтъ милой на бесѣдушку,
Милѣ ево вѣту.

191.

Дѣушки, вы милы,
Какъ мнѣ вѣтъ-отъ жить-то:
Отдали дружка въ солдаты
Какъ ево забыть-то!

192.

Дѣушка я розвесѣла,
Горюшка не скажу,
Хоть какѣ бы мнѣ горюшко—
На радость воложу.

193.

Дѣушки, вы, милы,
Я поразстрѣпалася,

¹ Т. с. на память.

Мини пьяну напоили,
Я поразгулялася.

194.

На рѣкѣ на Талицѣ
Кунаютцы красавицы,
Косы завиты назадъ,
Не могъ красавицъ я узнать.

195.

Дѣвки, бабы, я вамъ дядя:
Заплатите мнѣ оброкъ—
Кажней день по три копѣйки,
Въ воскресенье пятачекъ.

196.

Износилсы ремышѣкъ ¹,
Опояшу витку;
Полюблю я, полюблю,
Милова я Мишку.

197.

Дѣвки, тише возлѣ крыши,
Вижу домикъ голубой,
Раскрасивый Ваня Слезарѣвъ
Мнѣ, дѣшки, любой.

198.

На рѣкѣ я платѣ мыла,
На берегу вѣсила;
Я мылова не любила,
Только словомъ тѣшила.

199.

Картошку копалъ,
Въ несчастьѣ попалъ;
Коренику—ногой,
Прощай, дорогой!

200.

Я въ полюшкѣ картошку рыла,
Милой ѣхалъ за снопомъ,
Я объ ѣмъ горазво вѣла—
Милинькой фуражку снялъ.

201.

На рѣкѣ я платѣ мыла,
На камышкѣ колотила;
Я увидѣла дружка,
Чуть не пала съ камушка.

202.

У милѣнка домъ вербажъ ²,
Хоть соломенной шалашъ;
Нечего, что въ шалашъ—
Былъ бы парень по душъ.

203.

Ужъ какъ наши-то, дѣвки-те,
Чайницы-самоварницы,
Самовары оловянные,
Чашки деревянны.

204.

Всѣ вы, дѣшки, крѣпитесь,
Какъ въ рѣкѣ осенней лѣдъ—
Развеселое гуляныцо
До славы доведетъ.

205.

Откутай ³, матушка, окошечко—
Голубшка болитъ.
— Врѣшь, обманывашъ, морозка,
Ты къ себѣ парня манишь.

206.

Мѣсть милой хитѣрь, хитѣрь,
На машину да и въ Питѣрь.
Я къ вагону подошла,
Машина свиснула, пошла.

207.

Какъ на нашей на бесѣдѣ
Разведённой карасинѣ,
Ты гори семи-линейная,
Пока не угасимъ.

208.

Какъ на нашей на рѣкѣ
Прутиковъ рѣдёнько;
Походилъ милёночекъ
Съ осени маленько.

209.

Пожила у мамы зиму,
Похлѣбала кислыхъ щей;
Я попала на чайкъ,
Каждой плачу вечерокъ.

210.

Неужели насъ ве парочка
Съ тобой, мой дорогой.
Ты въ деревнѣ, я—въ другой—
Свиданье рѣдкоё съ тобой.

211.

До чего до завлекала
Я любѣва паренька;
Нечего его не дѣржитъ
Не дорога, ве рѣка.

¹ Т. е. ремешъ. ² Т. е. неважный. ³ Откутать—отворять.

212.

Неужели не сольетца,
Съ горъ не скатитца вода,
Неужели насмѣетца,
Когда милому любѣ.

213.

Котора хѹднѣйка, да малинька
Сударушка моя,
Всѣ нѣ робята любятъ,
Не одинъ—мальчишко я.

214.

Милая моя,
Какую пулю вылила—
Съ богатымъ связалася,
Со мной не росчиталася.

215.

Какъ по нашей по деревѣнкѣ
Прѣхалъ становой,
Подаль старостѣ записочку—
Записанъ милой мой.

216.

Капуска моя
Въ кадушечкѣ;
Не сыпала я три ведѣли
На подушечкѣ.

217.

Я стояла у прѣма,
У стекла розбитона;
Дожидаюсь милова
Изъ Істюжны забрিতова.

218.

Миня мама рано будить,
Я не знаю и куда:
Ты станай, мое роженое,
Просватали тебя.

219.

Ужъ ты, милинькой, ты мой,
Отстаешь—такъ Богъ съ тобой,
Отстаешь—такъ наплѣвать!
У миня любимыхъ пять,
Неужели изъ няти—
Любова дружка не найти.

220.

Изъ конца въ конецъ идѣтъ
Собака бѣдолопая;
Не нашто я не гляжу,
Што милая не богатая.

221.

Нашѣ полѣ съ вашимъ рядомъ,
Нашѣ—колосистѣе.
Моетъ милой твоею
Горазно пофорсистѣе.

222.

Липа листикомъ красива,
А черѣмуха—корешкомъ,—
При такой большой кампанѣ
Укоряють женишкомъ.

223.

Какъ надъ рѣчкой, нахъ рѣкой
Нагнута вѣточка дугой,
Мнѣ дѣвчонкѣ бѣжовато ¹,
Мой милой пошѣлъ съ другой.

224.

Дѣушки, какое горѣ,
Въ кабацѣ вино худѣ,
Розведеное водой,
Всѣ робяташки сердиты—
Розведутъ насъ, милъ, съ тобой.

225.

Я у батюшки косила,
Кофту драпову просила.
Роботай, дочка, люблю,
Кофту драпову куплю.

226.

Вспомни, вѣдумай, милой мой,
Какъ ходила за тобой:
Хоть какой морозъ и стужа
А я въ кофточкѣ одной.

227.

Ты, миляшка-петеряшка,
По субботамъ мыла нолъ,
Перепахкала подолъ.

228.

Я любила семь поповъ,
Молодчиковъ до-триста.
Говорите, что хотите,
Моя душа чиста.
— Врѣшь, расподлая душа,
Любишь трубочиста.

229.

На печѣ я молотилъ,
На ошестѣ вѣялъ,
Дома мѣру позабылъ—
Голсиницѣмъ мѣрялъ.

¹ Т. е. обидно, досадно.

230.

Въ людяхъ худо, въ людяхъ худо,
Въ людяхъ худо привыкать,
Съ половицы на другую
Не дають переступать.

231.

По дорожкѣ грязно, грязно,
Подъ березкой нѣтъ лужка,
Забрили милова дружка.

232.

Милой пей, милой пей,
Пьяной не напейся.
На миня, на дѣушку,
Горазно не надѣйся.

233.

Ты, сударушка, Варварушка,
Конфетница моя,
Конфеты ѣла — говорила
Пойду замужъ за тебя.

234.

Я милѣнка на обманъ
Руку сунула въ карманъ:
Всѣ гостинцы обрала.
Ротозѣемъ назвала.

235.

Милой въ Рыбинско ¹ поѣхалъ,
Я бы, дѣушка, туда,—
Не побоялась бы стыда!

236.

На горюшкѣ на кругой
Стоитъ кадучечка съ водой.
Дѣвки были, ноги мыли,
А робята воду пили.

237.

Не умѣю молотить,
Надо поучитца.
Не за любова отдають,
Надо воротитцы.

238.

Гдѣ ты, милая моя,
Вся перемочилася?
Я у дяди во полѣ
Сѣно грестъ училася.

239.

Милой пьяной не напейся
И тверёвой ² не гуляй;
Выпей рюмочку для смѣлости —
Къ сударушкѣ ступай.

240.

Ты, сударушка, не вой —
Мальчикъ бѣливкой не твой;
Мальчикъ бѣленькой-румяненькой —
Солдатикъ рядовой.

241.

Всѣ вы, дѣушки, сидите,
Не глядите на миня.
У миня милова нѣту
Наживать не буду я.

242.

Завлекательныя пѣсенки
Для милова пою.
Боль не дуракъ, такъ догадасцы —
На вѣсточку даю.

243.

Ты ни смѣйся, ягодка —
Мнѣ не двадцать-два годка.
Мнѣ всево семнадцать лѣтъ,
Отъ робать отбою нѣтъ.

344.

Вы, родители, я въ Питѣрѣ
Сударушку завёлъ.
Изъ-за сударушки я въ Патерѣ
Всѣ денёжки провёлъ.

245.

Поставлю новую часовѣнку,
Я Богу помолюсь,
За свою судьбу несчастную
Повиже поклонюсь.

246.

Шуботѣвскінхъ ³ робать
Надо въ рѣчкѣ покупать;
Вынять да поколотить —
Караκτηръ вызнать да любнѣ.

247.

По дорожкѣ узинькой
Шла я съ парнѣмъ Кузньвкой;

¹ Разумѣется г. Рыбинскъ. ² Т. е. трезвый. ³ Разумѣется деревня Шуботова.

Нечего, что узинька—
Хорошой наревь Кузинька.

248.

Ужъ какъ нѣ Устюжву дорожка
Солнышкомъ не освѣтитъ ¹
Отчево не освѣтитъ—
Што тамъ высокій лѣсъ стоитъ.

249.

Милка платьё полоскала,
А я вѣники мочилъ;
Милка въ воду потонула,
А я по пазухи скочилъ.

250

Давай, крестовая, упять ²
По одинакимъ ³ покупать,
По буровымъ съ лапочкамъ
Останёси солзаточкамъ.

251.

У мнѣ умокъ качаетцы,
Что лодка на водѣ:
Больше горя прибавляетцы —
Милой на черёдъ ⁴.

252.

Какі тяжёлыя дрова,
Ставоётцы лошадки.
Настоишьси, мнѣннёй,
Предо мной безъ шапка.

253.

Не было у меня горюшка
До выѣздивей зими.
А новѣшнюю зимушку
Хоть съ горюшка помри.

254.

Ты не ѣзди, милой, въ Питѣръ,
Тамъ чужая сторона;
Тамъ полюбишь Питенбурочку
Забудёшь и мнѣя.

255.

Попляши, моя сударушка,
На новоёмъ полу.
Самъ въ тальяночку играю,
Тибѣ возюшку даю.

256.

Мнѣя тятинька просваталъ,
Засѣвавши въ полѣ рожь:

Пострѣйка нова, хлѣба вного ⁵,
Только парень вехорощъ.

257.

Я у батюшки жила,
Была какая рѣзва,
Подоставила скамелку,
На палаты взлѣзла.

258.

У мнѣ сударушка богата,
Носить въ талію пальто;
Денёгъ дашь, виновъ напоить—
Я люблю её за то.

259.

Все бы дѣвушка плясала
У крашѣнныхъ воротъ.
То и дѣлала на совѣсть,
Чтобы хаяли народъ.

260.

Черноброва вышла дама
На колодець за водой.
Милка, модничай, не модничай—
Приду на перебой!

261.

Изъ деревни изъ одной
Ходили двѣ брата къ одной.
Я осмѣлюсь—да снажу:
Меньшому брату откажу.

262.

Остаётца тятѣ болышина,
Соха и борона
А мнѣ несчастному мальчишечкѣ,
Чужая сторона.

263.

Пѣсни пѣть я не умѣю,
И во школѣ не была.
Вѣрно ты, родима матушка,
Весёлу родилъ.

264.

Купи, тятинька, икону,
Я гуляю по закону.
Нечего, что—бѣдная:
Изъ бесѣды первая.

265.

Изъ-за тибя, моя сударушка,
И свѣтъ-отъ былъ немиль:

¹ Вѣсто освѣтитъ. ² Вѣ. опять. ³ Сокращенное —одинаковый. ⁴ Т. е. на очереди. ⁵ Вѣ. много.

Ты зачѣмъ приворожила—
Я и такъ тебя любилъ.

266.

Прислалъ милой писемцѣ,
Не износила ли кольцо?
Я милому отпишу:
Кольцо по праздникамъ ношу.

267.

Ужъ ты, милка ягодка,
Я любилъ ты два годка;
Два годочка—девять лѣтъ
Отъ родныхъ совѣту нѣтъ.

268.

Я по улицѣ иду
Въ кожаной обувкѣ.
Дѣвки дуры, я не къ вамъ—
Ко своей Анютѣ.

269.

Сыроварочки—дѣвчѣнки
Не умѣютъ работать;
Только знаютъ, сыроварочки,
Свои рожки намыывать.

270.

Шуботовскую деревенку
Пройду наперекъ.
Про мнѣ милашка судить,
Про себя не разберѣть.

271.

По деревенкѣ иду,
Деревня колыбаецъ;
Съ одной сударушкой сажу,
Другая набиваетъ.

272.

На нашѣмъ полѣ
Сосѣнь восемь,
А девята стоитъ ель.
Приниши, милой, извѣстико—
Пристала ли шинель?

273.

Я во Ванское ¹ во полюшко
Поставлю помяло,
Чтобы Ваньскіхъ робатушекъ
Въ ольшину ² завелю.

274.

Я поѣду боронить,
Платочекъ бѣльничій пылить,

Брошу вожжи и кнутокъ,
Пойду ва рѣчку мыть платокъ.

275.

Кину, кину кирпичину
На зарѣцкой бережокъ,
А зарѣцкіи робатушка
Подайте голосокъ.

276.

Не любила чаю пить,
Любила по воду ходить.
Оттого любила я,
Что мимо дому милова.

277.

Писала милому письмо,
Брѣшко запечатала,
Въ Стару-Русу отсылала,
Больно слезно плакала.

278.

Красно солнышко съ полднѣмъ,
Уѣхалъ милой на семь лѣтъ,
На цѣлую недѣлюшку
Оставилъ мнѣ, дѣушку.

279.

Сороковочка винца,
Сахаромъ настояна.
Милка въ гости зазвана,
Добрына набоена.

280.

Четвертная—мать родная,
Полуштовъ—отецъ родной
Сороковочка—сетрица,
Танцевать со мной подѣмъ.

281.

Сороковки пѣсни пѣли,
Рюмки танцовали,
Увидали шкалика,
Рюмки на палъ пали.

282.

Поглядѣла въ Троицу,
Милой конфетамъ роетъ;
Поглядѣла въ Духовъ лѣнь,
Милой пьянѣ всѣхъ людей.

283.

Пойду, выйду на колодець,
Покачаю оцѣнкомъ,

¹ Деревня. ² Ольховый лѣсъ.

Не придётъ ли ко мнѣ миленькой
Сегодня вечеркомъ.

284.

Что-жъ ты, морозъ,
Не боишься стужи.
Милой хвастаетъ—хорошъ,
Я его не хуже.

285.

Не придѣтцы вамъ смѣянтцы
Голыкамъ надъ вѣшникамъ 2 раза
Робятушкамъ надъ дѣвушкамъ.

286.

Не ходи, милой, по саду,
Не притапывай ногой:
Не придѣтца тебѣ, миленькой,
Смѣянтцы надо мной.

287.

Дайте ходу пароходу,
Пусть ломаетъ бѣлой лѣдъ.
Разлучилась я съ милёночкомъ
На цѣлой круглой годъ.

288.

Пароходъ бѣжить навизъ,
Съ парохода кланялись.
Мнѣ милёнковы поклонны
Лучше всѣхъ понравились.

289.

Пароходъ бѣжить «Марія»,
Изъ-подъ чёрнова мыса.
Милёнокъ въ вышитой рубашкѣ
Стоять у колёса.

290.

Машина къ станціи подходитъ,
Все свисточикъ подаётъ,
Изъ вагону милъ выходить,
Праву ручку подаётъ.

291.

У миня-то во косѣ
Ленточка отласная.
По миня, про дѣушку,
Слаушка напросная.

292.

Постой, дорогой,
Дай расчитатцы:
Отдай платочикъ носовой—
Больше не видатцы.

293.

Цвѣточки мои, бѣлорозовыя,
Были синіи штаны
Дѣвки разорвали.

294.

Знаю, знаю, дорогой,
Укоряютъ дома мной.
Успокой своихъ родителей—
Сидись возлѣ другой.

295.

Не любитъ на колѣняхъ,
А любитъ на полу.
Не съ любимымъ говорю—
Любому голосъ подаю.

296.

Нѣтъ на свѣтѣ лучше цвѣту,
Какъ цвѣтѣтъ нѣ полѣ овёсъ.
На память миленькой оставилъ
Прятку русыхъ волосъ.

297.

Извини, моя сударушка,
Что гостинцевъ не принёсъ:
Положилъ въ сѣняхъ на полочку,
Не знаю, кто унёсъ.

298.

Посмотрите-ко, подружки,
Кто-то ѣдетъ на телушкѣ—
Два Ивана на баранѣ
Сороковочка въ карманѣ.

299.

Тальянка идѣтъ,
Потрёнъкинваетъ.
Миня миленькой не любить,
Всё подѣргиваетъ.

300.

Ѣхалъ баринъ по дорогѣ,
Таракана задавилъ.
Онъ за эту за скотину
Три съ полтиной заплатилъ.

301.

Глазы малы,
Гдѣ вы были?
Я не съ той гулять пошѣлъ.
Извини, моя сударушка,
Я искалъ да не нашѣлъ.

302.

На красивую сударушку
Надѣятца нельзя:

Она одѣла чёрно платицо
Въ мошашинки пошла.

303.

Въ тѣмномъ лѣсъ ёлокъ вѣту.
Вересиночку срублю.
Вересиночку срублю.
У милѣнка батька вѣту,
Сиротиночку люблю.

304.

Въ Щубово — то — дорожка,
А на Ванско-то — глоба ¹.
Не пойду я по дорожкѣ,
Мини трѣпочка любѣ.

305.

Сказали, что любовь покончена,
Зачѣмъ ты ходишь къ намъ?!
Изъ-за тебя, милъ, вѣту волюшки
Гулять по вечерамъ.

306.

Есть цвѣточки розцвѣтають,
А минѣ отрады вѣту.
Я пойду, спрошу у милянъкаго,
Любить, али вѣтъ?

307.

Носовой платочикъ
Вышить уголочикъ,
Я дала бы милому,
Скоро заволочить.

308.

Я пѣсню спѣлъ,
Коровай свертѣлъ,
Два вѣроха блиновъ,
Костѣрь пероговъ.

309.

Охъ, ты дѣдушко мой.
Сивая борода!
У васъ вѣтъ ли паринька,
Я — твоя молодека.

310.

Дѣушка — кручинаушка,
Не горитъ лучинушка.
У насъ лучинушка сыра,
Посумерничать пора.

311.

Было лѣто, теперь осень,
У миня милѣнковъ восемь,
Было восемь, теперь семь
Не поспѣтъ ходить за всѣмъ.

312.

Я сижу на берегу,
Чужу шубу стерегу.
Чужая шуба не одѣжа,
Старой милой — не надежа.

213.

Походила съ милымъ годикъ,
Начинаю и другой.
Позамѣтила милѣночка —
Карактеромъ худой.

314.

Вы, родители грубители,
Грубительница-мать,
Дали волю любить Колю,
А теперь велать отстать.

315.

Ты, родима, моя матушка,
Совѣтъ твой дорогой.
Посоветуй-жо, родимая,
Кого любить зимой?

316

Всѣ платочки явнесила,
Бѣлинькой веношеной.
Прихихѣя дорогой
Къ призову не вѣженой.

317.

Всѣ платочки приносила
Голубой на головѣ.
Всѣхъ робятъ въ солдаты сдали,
Милянкой на чередѣ

318.

Шила милому кисеть,
Не хватило шёлку.
Хотѣлъ милѣнокъ просмѣять,
Да не хватало толку.

319.

Миня мамашинька за Яшиньку
Пытала ухать.
Не брани, мамашинька:
Хорошій паревъ — Яшинька.

320.

Миня матушка за милова
Хотѣла палкой бить.
Я родиминькой сказала:
Хоть убей — буду любить.

321.

Одѣву бѣлиньскую кофточку,
Тихонько уйду,
Шантропы ² любить не буду,
Пофартовѣ вайду,

322 ³.

Всѣ запоры дома знаю,
Пойду съни отперу.
За кого дома ругаютъ,
Самоходочкой уйду.

И. Судакова.

¹ Т. е. тронка. ² Т. е. всякую сбродъ, дрянъ. ³ Частушки съ 167 по 322 записаны въ деревнѣ Ванскомъ, Устюжпискаго уѣзда.

III.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. М. Тупиковъ. Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ. СПб., 1903.

Огромный томъ, отпечатанный послѣ смерти автора подъ редакціей и съ большимъ предисловіемъ акад. А. И. Соболевскаго, вноситъ много новаго въ наше представленіе о происхожденіи и характерѣ древне-русскихъ именъ.

Наша научная словарная литература, несмотря на то, что первые опыты относятся къ концу XVI в., когда въ 1596 г. появился «Лексень» Лаврентія Зизанія, очень бѣдна. Болѣе или менѣе удовлетворительныя работы въ этой области относятся къ второй половинѣ XIX вѣка, когда появились словарь церковно-славянскаго языка Востокова, «Толковый словарь живого русскаго языка» Даля и нѣсколько словарей отдѣльныхъ говоровъ и нарѣчій, составленныхъ Желиховскимъ, Подвысоцкимъ и др. Историческаго же словаря, составленнаго полно и научно, если не считать «Славянскаго именослова» священника Морошкина, у насъ нѣтъ, и необходимость составленія его сознается всѣми учеными. Словарь г. Тупикова, хотя и не претендуетъ на восполненіе этого пробѣла, тѣмъ не менѣе заслуживаетъ большого вниманія, какъ подготовительная работа. Такіе труды много помогаютъ при изученіи произведеній народнаго творчества, при уясненіи даже народнаго міровоззрѣнія и освѣщаютъ многія запутанныя историческія данныя. По этому поводу г. Тупиковъ говоритъ: «Въ составленномъ нами словарѣ мы находимъ, что извѣстное лицо носить некрещеное имя, употребляющееся у иноземцевъ, напр., Рудолфъ (XVI в.). Существованіе подобныхъ некрещеныхъ именъ, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что они давались отцомъ сыну въ честь знакомаго иноземца. А такіе факты могутъ, кажется, указывать на то, что въ до-Петровской Руси вовсе не было тѣхъ непріязненныхъ отношеній къ иностранцамъ, какія ей такъ часто навязываются» (стр. 2). Словарь состоитъ изъ трехъ частей, въ соотвѣтствіи съ тѣми задачами, какія могутъ быть поставлены при изученіи древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ. Первая часть носитъ характеръ филологическій: въ ней разсматриваются, напримѣръ, отношенія между собой именъ въ родѣ Доброславъ, Добрило, Добрята; типы и строенія сложныхъ именъ въ родѣ Мстиславъ, суффиксы, при помощи которыхъ образуются имена и т. д. Вторая часть посвящена исторіи именъ; въ ней указывается, въ какой мѣстности и въ какомъ классѣ народа возникли извѣстныя имена, какое отношеніе имѣли древнія языческія имена къ христіанскимъ и т. д. Въ послѣдней части своего труда г. Тупиковъ выясняетъ, какія понятія, абстрактныя или конкретныя, участвовали при образованіи личныхъ собственныхъ именъ.

Въ краткомъ обстоятельномъ предисловіи г. Тупиковъ даетъ характеристику коренныхъ русскаго именъ и очеркъ постепеннаго перехода ихъ въ отчества, фами-

ліи и прозвища. Въ одномъ изъ старинныхъ азбукониковъ, въ статіѣ «Предисловіе именъ человѣческихъ», находится слѣдующее замѣчаніе: «Первыхъ родовъ и временъ человѣцы бывше и прежде закона и сущіи въ законѣ и въ благодати до нѣкоего времени даяху дѣтемъ своимъ имена, якоже отецъ или мати отрочати изволить, или отъ взора и естества дѣтища, или отъ времени, или отъ вещи, или отъ притчи... Такожде и Словяне прежде крещенія ихъ даяху имена дѣтямъ своимъ сиде: Богданъ, Бажень, Первый, Второй, Любимъ и ина такова». Съ принятіемъ христіанства въ Россію перешли и греческія имена, которыя встрѣчаются уже въ началѣ XI вѣка, напримѣръ, въ 1018 году — «посадникъ Костянтинъ сынъ Добрынь» (*Давр.* 100), 1122 — «Дмитровна Завидовича» (супруга Мстислава Владимировича). *Лѣт.* XV. 193) и т. д. Но данныя при крещеніи христіанскія имена замѣнялись въ общежитіи языческими, причеиъ первоначально этому слѣдовало даже и духовенство, и особенно долго этотъ обычай держался въ вѣ Юго-западной Руси. Часто, особенно въ XI—XIII вв. князья, дружинники, бояре и духовные носили два имени сразу, христіанское и русское (древнее или вновь образовавшееся), причеиъ г. Тупиковъ высказываетъ предположеніе, что русское имя считалось среди князей главнымъ, такъ какъ христіанское имя, нѣрѣдко вѣстѣ съ русскимъ, употреблялось при упоминаніи ихъ кончины.

Среди же высшего класса оба имени имѣли равное значеніе. Это можно видѣть изъ обследованныхъ перечней, гдѣ одни бояре назывались христіанскими именами, другіе — коренными русскими, напримѣръ, Константинъ Лугойничъ, Юрѣя Пинеишничъ, Наличетъ и Дрочилю Нѣздыловъ — новгородны (*Лѣт.* XV., 380. 1241 г.). Но начиная съ XIV вѣка, обычай употребленія рядомъ двухъ именъ, среди высшего класса общества постепенно забывается и въ XVII вѣкѣ почти совсѣмъ уничтожается. Въ низшемъ же классѣ народа, наоборотъ, съ XV вѣка нѣрѣдко употребляется рядомъ два имени, христіанское и русское, причеиъ русское иногда становится прозвищемъ, и не только среди простого народа, но и среди бояръ и князей, напримѣръ, «князь Литовскій Иванъ, а прозвище ему Баба» (*Лѣт.* IV, 210), Богданъ, а имя ему Богъ вѣсть» (642, казакъ [с. в.] А. Э. III. 456) и т. д. Перечисляя приемы для отличія русскихъ личныхъ именъ отъ прозвищъ, г. Тупиковъ приходитъ къ выводу, «что русскія имена до XVII в. включительно имѣли одно значеніе личныхъ именъ, какъ и христіанскія. Часто они употреблялись вѣстѣ съ христіанскими. Иногда имѣли значеніе прозвищъ, но какія имена и когда переходили въ прозвища, рѣшить невозможно. Мы склонны думать, что признаніе русскаго имени равноправнымъ съ христіанскимъ или же имѣющимъ значеніе только прозвища, зависѣло отъ воли отдѣльныхъ лицъ, носившихъ это имя или писавшихъ документъ, куда заносился владѣлецъ имени» (стр. 16).

Кромѣ того, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ классахъ встрѣчались случаи, когда какое-нибудь лицо носило два имени, и оба коренныя русскія, причеиъ второе имя иногда указывало на происхожденіе, родъ занатіи, черту характера и т. п., напримѣръ, Упырь Лихый, 1047. священникъ, Добрыня Долгой, ростовскій бояринъ, 1177 (*Давр.*, 261), Иванъ Свѣтило Рыжко, смоленскій посадникъ, 1609, (*А. И.* II, 95), Второй Кубанецъ, стряпчій монастырскій, 1625, (*А. Ю.*, 284) и др. Нѣрѣдко также давались одному и тому же лицу и два христіанскія имени. Востомаровъ и м. Евгенийъ объясняютъ этотъ обычай тѣмъ, что одно имя употреблялось въ общежитіи, а другое хранилось въ тайнѣ для предупрежденія злодѣяства надъ этимъ именемъ.

Переходя отъ отца къ сыну, коренныя русскія имена постепенно теряли свое первоначальное значеніе и становились фамильными прозвищами, образовавшимися какъ изъ прилагательныхъ, такъ и изъ существительныхъ, напримѣръ, Никета и Судокъ Мясные, пристава, 1598, (*А. Э.*, II, 44), «язъ Кирило, прозвище Третьячко, да язь Нестерко Третьячко Ѳедоровы дѣти Поповы», кабалы (сѣв.) 1600, (*А. И.*, II, 129) и т. д. Особенно часто это встрѣчалось въ юго-западной Руси, напримѣръ, Яцко и Занко Братеники, крестьяне. 1595. Фялонъ Гаврушковичъ, Иванъ Нартовичъ Ноздрыни Плотноцкіе земляне, 1671, (*Арх. Сб.*, VI, 230), и т. д. Въслѣдствіе трудности а даже невозможности точнаго отдѣленія отчествъ отъ фамилій, г. Тупиковъ присоединяетъ

ихъ къ отдѣлу фамилій. Отчества появились очень рано. Впервые мы встрѣчаемъ ихъ въ спискѣ русскихъ пословъ 945 года и далѣе, подъ 968 году упоминается воевода именемъ «Прѣтъчъ». Но относительно послѣдняго г. Тупиковъ думаетъ, что оно, можетъ быть, употреблено какъ имя. Особенно сильное распространѣніе отчества началось съ XIII вѣка, причемъ преимущественно въ средѣ высшаго класса народа. Что же касается до болѣе или менѣе широкаго распространѣнія отчества по областямъ, Тупиковъ, на основаніи наслѣдованія многочисленныхъ документовъ, предполагаетъ, что въ большей мѣрѣ отчества употреблялись въ Сѣверо-восточной Руси, чѣмъ въ Юго-западной. При этомъ нужно замѣтить, что отчества нерѣдко производились отъ женскихъ именъ, напримѣръ, Сенька Оривинъ, своеземецъ, 1495. (*Лиси.* II, 411), Василій Маричинчъ, сынъ княгини Маріи, дочери Владиміра Мономаха, † 1136, (*Лавр.* 288) и т. д.

Такъ какъ отчества были распространены какъ у бояръ, такъ и у простого народа, то они нисколько не увеличивали почета. «Главнымъ образомъ здѣсь играютъ роль обычаи,—говоритъ г. Тупиковъ,—по которому лица высшаго класса ревниво оберегали указаніе на свое происхожденіе и къ своему имени прибавляли отчество и фамилію; лица же низшаго класса считали это лишнимъ и часто обозначали себя однимъ только именемъ». Можно еще упомянуть, что иногда образовавшіяся уже прозвища замѣняли собой имена, напримѣръ, «оженися Мстиславъ Володимеричъ, поять за себя Дмитровну Завидовича», 1122 (*Лѣт.* XV, 193) и др. Такъ какъ прозвища провозились отъ именъ, то поэтому каждая патронимическая форма (на овъ, инъ и нчъ) ясно показываетъ на существовавшее вѣкогда имя, изъ котораго она и образована.

Относительно коренныхъ русскихъ женскихъ именъ надо замѣтить, что они въ большинствѣ случаевъ мало чѣмъ отличаются отъ мужскихъ. Наиболѣе древнія изъ нихъ такъ называемыя старшія: Болеслава, XII в., Верхуслава, XII—XIII вв., Всеслава, XII в., Добрева, XIII в., Измарагдъ, XII в., Малуша, X в., Ольга, X в., Рогѣда, X—XII, и др. Младшія имена слѣдующія: (общерусскія) Богдана, Вѣра, Ждана, Короткая, (юго-западные) Богумила, Бѣлуха, Люба, Людмила, Найда, Немила, Томила и др., (сѣверо-восточныя) Голуба, Досада, Будра, Некрасья, Любава, Малюта, Несмѣяна, Смиревка, Чернавка и др. Эти имена также иногда употреблялись въ качествѣ прозвищъ.

Хотя при составленіи своего очерка г. Тупиковъ пользовался работами Морозкина, Чечулина и Соколова, тѣмъ не менѣе цѣнность его труда, въ которомъ высказано много новыхъ замѣчаній на основаніи изученія огромнаго матерьяла, нисколько этимъ не уменьшается.

А. И. Яцимирскій.

Николай Харузинъ. Этнографія. Изданіе посмертное, подъ редакціей В. Харузиной. Вып. II. Семья и родъ. СПб. 1903. Цѣна 2 руб.

Полный курсъ «Этнографія» Харузина, читанный въ видѣ лекцій студентамъ Московскаго университета, долженъ состоять изъ слѣдующихъ четырехъ отдѣловъ: 1) Матерьяльная культура, 2) Семья и родъ, 3) Собственность и первобытное государство и 4) Вѣрованія. До сихъ поръ вышло двѣ первыхъ части. Въ нихъ собраны такія богатые свѣдѣнія о бытѣ народовъ первобытныхъ и античныхъ, инородческаго населенія Россіи и культурныхъ племенъ Европы, что приходится только удивляться начитанности автора и его умѣнью пользоваться этимъ колоссальнымъ сырымъ матерьяломъ. Излагая свой собственный взглядъ на происхожденіе какого-нибудь обычая, Харузинъ приводитъ мнѣнія по давнему вопросу всѣхъ своихъ предшественниковъ и освѣщаетъ ихъ тѣми примѣрами, которые собраны русскими этнографами.

Очень интересна исторія семьи, какъ правового института. Исследователь останавливается очень подробно на патриархатѣ и постепенномъ переходѣ его въ патернистѣ, какъ болѣе высокую ступень въ культурной жизни народовъ. Характерны также его выводы, слѣданныя при изученіи эвокомическихъ причинъ нашего снохачества. Этотъ обычай, вѣстѣ съ такъ называемымъ гостепріимнымъ гетеризмомъ, Харузинъ считаетъ слѣдами беспорядочнаго полового сожителства, бытовавшаго въ

очень отдаленное время и послѣдней формой полиандріи, т. е. многомужества. Широко распространенный народный обычай снхачества разрѣшает и узаконивает сожителство отца съ женой сына. Прежніе этнографы думали, что вынравленіе полиандріи совершалось путемъ постепенныхъ ограниченій свободы общенія внутри группы, а снхачество—объясняла тѣмъ, будто послѣ конецъ существованія полиандріи общеніе съ одной женщиной дозволялось только отцу и его сыну, причемъ дѣти, рожденныя отъ отца, считались законными дѣтьми сына. Н. Харузинъ опровергаетъ эту теорію.

Оказывается, что у реддеевъ южной Индіи обычны браки женщинъ 16—20 лѣтъ съ мальчиками 5—6 лѣтъ. Уже Леббокъ замѣтилъ, что при такихъ раннихъ бракахъ женщина живетъ обыкновенно съ какимъ-нибудь взрослымъ мужчиной изъ той же семьи. Если отъ подобной связи у нея являются дѣти, то они считаются дѣтьми малолѣтняго мужа. Къ этому же времени, когда мальчикъ вырастетъ, жена его оказывается уже слишкомъ старой или неспособной производить дѣтей; тогда и онъ въ свою очередь сходится съ женой какого-нибудь другого мальчика на тѣхъ же основаніяхъ и производитъ на свѣтъ дѣтей, которые считаются дѣтьми малолѣтняго мужа. То же самое можно наблюдать и у русскихъ инородцевъ, у донскихъ казаковъ, въ Воронежской, Томской, Енисейской, Тамбовской, Харьковской, Курской, Архангельской и другихъ губерніяхъ. Старики-бурята рассказывали этнографу Кулакову, что первѣе жены, отправляясь донть коровъ, носили на рукахъ своихъ мужей съ собой. Изъ многихъ разсмотрѣнныхъ фактовъ Харузинъ дѣлаетъ заключеніе, что отлчіе снхачества отъ полиандріи заключается въ томъ, что въ первомъ сожителствѣ разрѣшается молодой только съ однимъ изъ членовъ семьи, въ полиандріи же женщина живетъ съ группой мужчинъ. Несмотря на нѣсколько тяжелое изложеніе и замѣтное злоупотребленіе иностранными словами, книга читается съ интересомъ. Была бы желательна болѣе популярная переработка «Этнографіи» Харузина.

А. И. Яцимирскій.

Б. Фармаковскій. Аттическая вазовая живопись. Спб. 1903.

Капитальное изслѣдованіе Б. В. Фармаковского представляетъ несомнѣнный интересъ и для этнографіи. Оно переводитъ насъ въ ту область эллиническаго изобразительнаго искусства, о которомъ ничего почти неизвѣстно. О такой блестящей порѣ въ искусствѣ, какъ греческая живопись времени Александра Македонскаго, мы не знаемъ ничего, такъ какъ подлинныя картины до насъ не дошли. Помпейскія раскопки также не даютъ представленія о лучшихъ греко-римскихъ фрескахъ, ибо онѣ были написаны заурядными малярами-профессіоналами. Поэтому о картинахъ Подагнота, Паррасія и Зевксиса мы знаемъ только изъ отрывочныхъ описаній ихъ у современниковъ. Но ихъ произведенія не погибли для науки безвозвратно, потому что на рисункахъ вазъ, исполненныхъ, правда, ремесленниками, отразилось вліяніе современной имъ свободной живописи. Мастера брали цѣлыя композиціи у лучшихъ художниковъ, мало ихъ измѣняли и переносили на свои вазы отдѣльныя фигуры, группы, орнаменты и т. д. По этимъ копіямъ можно возстановить цѣлое.

Первыя росписныя вазы были найдены въ Италіи, и долгое время археологи причисляли ихъ къ произведеніямъ художественной промышленности этрусковъ. Только благодаря новѣйшимъ находкамъ ихъ и въ Греціи явилась возможность констатировать, что вазы эти ввозились въ Италію изъ Греціи, и только въ самое позднее время прекратилась выдѣлка ихъ въ самой Греціи. Въ большинствѣ случаевъ итальянскія копіи передавали тотъ же высокій греческій стиль, сохранили простой и благородный духъ. Собранныя въ разныхъ музеяхъ, аттическія вазы даютъ богатый матеріалъ для исторіи живописи въ Греціи. Изслѣдователь знаетъ около четырехъ тысячъ вазовыхъ картинъ. Бытовой жанръ, этнографическіе, мнѳологическіе и историческіе сюжеты, типы и орнаментальные рисунки на вазахъ имѣютъ ближайшее отношеніе къ «настоящей» живописи. Особенно сильно было вліяніе на вазовую живопись Подагнота. Хотя объ его картинахъ приходится судить главнымъ образомъ по вазамъ,

тѣмъ не менѣе на основаніи этихъ копій можно составить вѣрное представленіе о характерѣ произведеній кисти «великаго Фасосца». Б. Фармаковскому удалось установить, что рисунокъ, композиція, формы, трактовка сюжетовъ, даже отчасти техника, всѣ эти элементы художественнаго творчества и средствъ въ передачѣ образа у мастеровъ вазъ находились подъ вліяніемъ произведеній Полигнота. Интересно также, что ва живописи вазъ нельзя замѣтить рабскаго и неосмысленнаго копирования. «Мастера вазъ,—говоритъ изслѣдователь,—всегда считались съ требованіями своего искусства и брали у Полигнота лишь то, что не противорѣчило ихъ задачамъ. Вліяніе его замѣчается на вазахъ, которыя можно отнести къ 470—460 годамъ. Въ то время старый, строгій, архаичный стиль подъ вліяніемъ Полигнота начинаетъ мало по-малу преобразовываться въ новый, свободный. Къ этому періоду относятся вазовыя картины, стиль которыхъ представляетъ смѣсь архаическихъ и свободныхъ формъ, и особенно сильно вліяніе этого художника на вазахъ 460—450 годовъ» (стр. 613). Къ изслѣдованію приложено 20 таблицъ спикеръ; многія изъ нихъ въ краскахъ и исполнены удачно.

Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовыя картины Россіи XVII вѣка. Рисунки Дрезденскаго альбома, воспроизведенные въ натуральную величину. СПБ. 1903. Изд. А. С. Суворина. Цѣна 15 руб.

Въ 1827 году вышла извѣстная книга Федора Аделунга «Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи, съ присовокупленіемъ рисунковъ, представляющихъ виды, обряды, портреты и т. п., въ продолженіе сего путешествія собранныхъ». Помимо того, что это изданіе въ настоящее время составляетъ библиографическую рѣдкость, атласъ Аделунга никогда не могъ дать вѣрнаго представленія о характерѣ рисунковъ подлиннаго альбома, потому что всѣ изображенія для литографій были воспроизведены отъ руки и въ смыслѣ точности оставляли желать лучшаго. Тѣмъ не менѣе, альбомъ наблюдательнаго и просвѣщеннаго путешественника сохранилъ намъ необыкновенно цѣнныя данныя о старинномъ русскомъ бытѣ, почему нашимъ этнографамъ и археологамъ волей-неволей приходилось довольствоваться прежнимъ изданіемъ. Теперь мы имѣемъ фотографическое воспроизведеніе всего альбома; здѣсь не пропущено ни одного рисунка, и такіе даже небольшіе наброски, какъ «Древній псковскій гербъ», «Новгородскій гербъ» (второй вариантъ), «Видъ Красной» и «Русскій алфавитъ», нашли себѣ мѣсто въ новомъ роскошномъ автотипическомъ изданіи.

Царское посольство, во главѣ котораго стоялъ любознательный посланникъ и образованный туристъ Августинъ Мейербергъ, прибыло въ Москву въ 1661 году и отбыло въ Вѣну только въ слѣдующемъ году. За это время авторъ Путешествія успѣлъ хорошо ознакомиться съ бытомъ полуварварской Москвиты. Мы не будемъ говорить о научномъ значеніи текста его Путешествія, переведеннаго А. Н. Шенякинскимъ въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей русскіихъ» за 1873 и 1874 годы. Всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя просвѣщеннымъ посломъ, отличаются точностью, можно сказать, даже нѣкоторой научностью; всѣ наблюденія его обнаруживаютъ въ немъ челоѣка, понимавшаго оригинальныя черты частнаго быта и общественной жизни Москвиты. Мейербергъ сумѣлъ быть въ одно и то же время и государственнымъ дѣятелемъ и этнографомъ, археологомъ и чуткимъ художникомъ. Последняя черта сказалась на всѣхъ рисункахъ его Альбома, сдѣланныхъ по его заказу пріѣзжавшими вмѣстѣ съ нимъ художниками.

Для того, чтобы показать, насколько интересны эти рисунки, мы приведемъ хотя бы заглавія наиболѣе выдающихся въ архологическомъ отношеніи: «Посольскій въѣздъ», «Аудиенція пословъ», «Посольскій дворъ» (до нашего времени не сохранившійся), два вида Кремля, «Большой колоколъ», «Въѣздъ царя въ саняхъ», «Шествіе на ослати», «Выходъ царицы съ царевичемъ», «Подача челобитной», наковецъ, портреты царя Алексѣя Михайловича, царицы Маріи Ильиничны, патріарха Никона, митрополита Питирима и др. Прибавимъ къ этому виды многихъ церквей, монастырей, селъ и городовъ, или совершенно исчезнувшихъ, или же измѣнившихъ свой первоначальный видъ; далѣе—стѣнныя росписи царскихъ палатъ въ Московскомъ Кремлѣ,

нѣкоторыя иконы, костюмы бояръ, боярынь, духовныхъ лицъ, военныхъ, инородцевъ и т. д. Вся эта обстановка переноситъ читателя въ старую Москву со всеми атрибутами патріархальнаго быта, и можно только пожалѣть, что слишкомъ высокая цѣна Альбома лишаетъ возможности приобрести его для многихъ учебныхъ заведеній, гдѣ онъ оказалъ бы немалую услугу при ознакомленіи учениковъ съ исторіей Россіи XVII вѣка.

А. И. Яцимирскій.

Я. Б. Шницеръ. Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ. С-Пб. 1904. Стр. 264. Ц. 4 р.

Настоящая книга, распадаящаяся по своему содержанію на два отдѣла—по исторію письменъ до появленія алфавита и на исторію алфавита,—является цѣннымъ вкладомъ на нашу литературу, такъ какъ въ ней до настоящаго времени нѣтъ ни одного полнаго и сколько-нибудь систематическаго труда по этому вопросу. Главная задача, которую преслѣдуетъ въ своемъ сочиненіи г. Шницеръ, состоитъ въ томъ, чтобы выяснить существованіе связи между всеми письменами на земномъ шарѣ и прослѣдить преемственность и зависимость одного отъ другого, т. е. «показать, на основаніи сравнительнаго изученія различныхъ памятниковъ древней письменности,—какъ говорятъ самъ авторъ,—что письмена, подобно языкамъ, не выдумывались и не изобрѣтались отдѣльными личностями, какъ это принято было думать на основаніи преданій, а вырабатывались и развивались одно изъ другого, подчиняясь тѣмъ же законамъ эволюціи и постепеннаго развитія, какимъ подчинено происхожденіе міровъ, происхожденіе животныхъ, растений и вообще всего того, что когда-либо возникало или возникаетъ въ природѣ». Мы можемъ сказать, что вышеуказанная задача выполнена г. Шницеромъ удовлетворительно, и книга его представляетъ интересъ для этнографовъ, чему немало способствуютъ рисунки (числомъ 155) и таблицы (числомъ 19), на которыхъ воспроизведены образцы письменъ древнихъ и дикихъ народовъ.

Первая часть этого сочиненія, какъ мы уже сказали, посвящена исторіи развитія письменъ до изобрѣтенія алфавита. На ней мы и остановимся. Тотъ способъ выражать письменно свои мысли, которымъ располагаемъ мы, былъ неизвестенъ первобытному человѣчеству, и достигнуть только путемъ продолжительной, кропотливой работы. Содержаніе первой части книги г. Шницера составляетъ разсмотрѣніе всѣхъ стадій развитія письменъ, при чемъ авторъ всюду выдвигаетъ изъ первый планъ ту мысль, что у всѣхъ народовъ, путемъ или естественнаго возникновенія, или же преемственности, искусство письма первоначально было одинаково; только одинъ изъ нихъ счумѣли его развивать, а другіе, наоборотъ, остановились на достигнутыхъ результатахъ.

Авторъ начинаетъ свою книгу съ разсмотрѣнія такъ называемаго подготовительнаго періода въ исторіи письма. Послѣ того, какъ люди образовали божье или менѣе большія группы съ экономическими или стратегическими цѣлями, у нихъ появилась потребность выражать свои мысли не только словомъ, устно, но и письменно, когда, напримѣръ, люди не могли видѣться для переговоровъ. Эта потребность передавать мысли на первыхъ порахъ удовлетворялась при помощи предметовъ, вызывавшихъ въ умѣ обихъ сторонъ извѣстное и при томъ одинаковое представленіе, какъ-то: раковины или шнурковъ, цвѣтъ, форма, величина и разными комбинаціи которыхъ также означали извѣстные понятія. Узловое письмо употреблялось въ древности китайцами, персами и др. и наибольшаго развитія достигло у перуанцевъ. Последніе свивали длинную веревку и привѣшивали къ ней множество нитей, связанныхъ разными узлами и сплетеніями. Эти узлы и сплетенія служили для счета; а если были окрашены въ разные цвѣта, то выражали извѣстные, божье или менѣе отвлеченныя понятія. Напр., черныя узлы означали смерть или бѣдствіе, бѣлые—союзъ или миръ. и т. д. У древнихъ германцевъ для передачи мыслей служили палочки съ зарубками. На томъ же принципѣ у африканцевъ, яванцевъ, бирманцевъ, ескимосовъ и др. народы основаны «жезлы приказанія» или «жезлы посланниковъ». Раковинное письмо употреблялось гуаронами, прокезами и другими сѣверо-американскими племенами. Такимъ

образомъ, на этой подготовительной ступени историческаго развитія письма стояли почти всѣ до-культурные народы, а въкоторыя, какъ напримѣръ, перуанцы и мексиканцы, пользуются этимъ способомъ (именно, узловымъ письмомъ) и до настоящаго времени. Исторія же начертательнаго письма представляетъ, главнымъ образомъ, три стадіи своего развитія, именно, идеографическое или картинное письмо, іероглифическое и, наконецъ, фонетическое или буквенное.

Человѣчество перешло отъ предметнаго письма къ начертательному не сразу: между этими двумя способами существовалъ цѣлый рядъ переходныхъ ступеней, начиная съ обычая клейменія тѣла и кончая татуировкой. При этомъ нужно замѣтить, что начертательное письмо развилось и достигло своей высшей культуры преимущественно у тѣхъ народовъ, у которыхъ существовалъ обычай татуировки, такъ какъ послѣдняя научала людей выражать мысли и понятія съ помощью рисунковъ. Отвлеченныя понятія обозначались чрезъ изображеніе тѣхъ предметовъ, которые, по закону ассоціаціи, соединялись въ умѣ съ даннымъ понятіемъ. Такъ, напримѣръ, для обозначенія силы рисовали орла или льва, для обозначенія вѣрности—собаку, для обозначенія войны—сѣкиру, стрѣлу или какое-нибудь оружіе и т. д. Такія же отвлеченныя понятія, для которыхъ не было подходящихъ изображеній въ окружающей дѣйствительности, до-культурные люди обозначали при помощи условной символики. Напр., американскіе индѣйцы условились изображать понятіе «жизни» въ видѣ фантастической рогатой змѣи, «смерть»—въ видѣ животного, лежащаго вверхъ ногами и внизъ головой, «успѣхъ»—въ видѣ черепахи, «проворный», «ловкій»—въ видѣ чловека съ крыльями вмѣсто рукъ и т. д. Дни, мѣсяцы, годы также обозначались условно разными предметами. Идеографическое или картинное письмо, помимо индѣйцевъ, существовало въ Египтѣ, Китаѣ и Австраліи. «Замѣчательно, что народы самыхъ отдаленныхъ странъ и частей свѣта,—говоритъ г. Шанцеръ,—о взаимныхъ сношеніяхъ которыхъ не могло быть и рѣчи, совершенно самостоятельно и независимо другъ отъ друга выработали у себя одни и тѣ же приемы, одни и тѣ же способы для картиннаго обозначенія всевозможныхъ понятій». Размѣры рецензіи не позволяютъ намъ подробно остановиться на развитіи этого способа письма у египтянъ, китайцевъ, корейцевъ, японцевъ и др., тѣмъ болѣе, что для специалистовъ все это извѣстно.

Переходъ отъ картиннаго письма къ іероглифическому совершился въ Египтѣ, по справедливости считающемуся колыбелью общечеловѣческой цивилизаціи. Этотъ переходъ совершился слѣдующимъ образомъ: прислушиваясь въ теченіе многихъ вѣковъ къ своей рѣчи, египтяне замѣтили, что она состоитъ изъ звуковъ, повторяющихся въ разныхъ словахъ и въ разномъ порядкѣ. «Всѣ эти наблюденія навели египтянъ на мысль замѣнить существовавшее у нихъ образное или картинное письмо такими письменами,—говоритъ авторъ,—въ которыхъ бы каждый слогъ обозначался опредѣленнымъ условнымъ знакомъ. Для этой цѣли они рѣшили воспользоваться тѣми же рисунками, которые они употребляли въ картинномъ письмѣ, но среди нихъ они выбрали только тѣ, которые представляли наиболѣе легкое и наиболѣе простое начертаніе». Такимъ образомъ, рисунокъ изображалъ уже не цѣлое понятіе, а только одинъ слогъ слова; при этомъ обозначались только согласныя буквы слога, а гласныя пропускались, вѣроятно, потому, что всѣ восточные народы первоначально не дѣлали никакого (?) различія между различными гласными, не имѣвшими у нихъ яснаго произношенія. Затѣмъ, вскорѣ египтяне стали обозначать не слогъ, а только одинъ звукъ, и такимъ образомъ постепенно перешли отъ іероглифизма или силлабизма къ алфавитизму. Одновременно съ развитіемъ іероглифовъ, у египтянъ, ассири-вавилонянъ и индѣйцевъ шло развитіе клинописи, изобрѣтенной аккадами или сумирами, первобытными племенами Турана и Халдеи, а отъ вавилонянъ было заимствовано персами, армянами и другими народами Передней Азіи. Здѣсь также сначала употреблялась идеографическая клинопись, позже перешедшая въ слоговую систему, достигшую большаго развитія у персовъ. Клинопись на первыхъ порахъ состояла изъ разныхъ линейныхъ фигуръ, и только впоследствии изъ клинообразныхъ знаковъ.

Въ заключеніе мы повторяемъ, что эта книга представляетъ по своему содержанію большую цѣнность для этнографівъ, особенно въ виду того, что на русскомъ

языкъ сочиненія по этому вопросу сомнѣнъ нѣтъ, и рекомендуемъ се читателямъ, такъ какъ исторія письменъ есть въ тоже время часть исторіи человѣческой культуры. Шмидтъ сказалъ:

Тѣломъ и словомъ письмо облакаетъ безгласныя мысли,
Говорящій листокъ ихъ относитъ въ камъ.

Очень жаль только, что далеко не удовлетворительно разработавъ славянскій я, въ частности, русскій отдѣлъ; очевидно, автору остались неизвѣстными лучшія изслѣдованія, появившіяся въ недавнее время.

А. Н. Яцимирскій.

Въ Редакцію «Живой Старины» поступили книги:

Сборникъ Историко-Филолог. Общества. Томъ 13—Труды Харьков. Преварительнаго Комитета по устройству XII Археологическаго Съезда. Изданы подъ ред. Проф. Е. Б. Редина. Т. II, ч. 1-я и 2-я X. 1902.

Труды В. Сибирскаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества. Т. V. М. Н. Хангаловъ: Балаганскій Сборникъ (Сказки, повѣрья и нѣкоторые обряды у сѣв бурятъ), подъ ред. Г. Н. Потанина. Т. 1903.

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. 1903 г., т. VIII-го кв. 4-я Спб 1903.

Мончаловскаго, О. Х. Петръ В. Галиціи Руси. Львовъ. 1903.

Смоленскаго, Ст. В. О ближайшихъ практическихъ задачахъ и научныхъ разсужденіяхъ въ области русской церковно-пѣвческой археологіи. Спб. 1904.

Жуковича, П. Н. Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (съ 1609 г.). Вып. 1 Спб. 1903.

Боброна, Е., проф. Борисъ Ивановичъ Ордынскій (біограф. очеркъ). Варшава. 1904.

Соколова, Е. Пѣсни А. С. Пушкина и крестьянъ Саратовской губ. о Степѣ Разинѣ. Саратовъ.

Брандта, Р. Ѳ Освобожденіе. Болгарская народная пѣсня о послѣдней Русско-Турецкой войнѣ (Оттискъ изъ «Филолог. Зап.»). Воронежъ. 1903.

Извѣстія Красноярскаго подотдѣла Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Р. Географическаго Общества. Т. I, вып. V (м. прочимъ, напечатаны статьи: П. С. Островскаго: О положеніи женщины у инородцевъ Туруханскаго края. Его же. Мангазейская книга). Кр. 1903.

Родопски напредѣдкъ. Бя. III. 1903.

Wierzbowski. Teodor. Piesni, tańce, padwany XVII wieku. W. 1903.

Радлова, В. В. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Вып. 16-й. Спб. 1903.

Шренка, Л. Объ инородцахъ Амурскаго края. Т. III. Этнографическая часть Вторая половина: черты семейной общественной и внутрѣнной жизни. Спб. 1903.

Вестберга, Ф. Комментарій на записку Ибрагима Иби-Якуба о славянахъ. Спб. 1903.

Бессарабы, И. В. Матеріалы для этнографіи Стѣлечной губерніи. Спб. 1903.

Университетскія Извѣстія, № 1 за 1904 г. (между статьями—Лободы, А. М. «Русскія былины о сватовствѣ»). Кіевъ. 1904.

Зеленина, Д. Отчетъ о діалектологической поѣздкѣ въ Вятскую губ. Спб. 1904.

— Пѣсни деревенской молодежи. (изъ «Памятной Книжки Вятской губ.» 1903 годъ). Ватка. 1903.

— Свадебные приговоры въ Вятской губ. В. 1904.

— Народныя присловья о вятчанахъ. В. 1904.

— Этимологическія замѣтки (къ этимологіи русск. словъ: чередить, душка, коекъ, лыжа, комната, сыворотка, шесть ии. др.). I—V. 1—14 стр. Спб. 1904. Отд. Оттискъ изъ «Изв. Отд. р. языка и слов. и Акад. Наукъ», т. VIII (1904), кн. 4-я.

Записки Восточнаго Отд. Имп. р. Археологическаго Общества. Поль рел. В. Р. Розена. Т. XV, вып. II—III.

Содержаніе: Китаби-Коркудъ. IV. Бертольда В. Прологомона къ новому изданію Иби-Фазлани. I—X. Бар. В. Розена. Арабъ-Филологъ о монгольскомъ языкѣ. II. Мезіоранскаго. Отчетъ о командировкѣ въ Туркестанъ. В. Бертольда.

Сборникъ Музея по антропологіи и этнографіи при Имп. Академіи Наукъ. IV. Матеріалы по буддійской иконографіи. С. Ф. Ольдебурга. Сиб. 1903.

Дурново, П. Діалектологическая карта Калужской губерніи. Спб. 1903.

Славяновѣдѣніе въ 1901 году. Система указатель трудовъ по языковѣзнанію, литературѣ, этнографіи и исторіи. Спб. 1903.

Барскова. Я. Л. Списковъ трудовъ акад. А. Н. Пыпина. 1853—1903

Polivka, I Lud białoruski na Rusi litewskiej. Materyaly do etnografii słow. Przech. M. Fedorowskiego T. II Kł. 1902. XX—350 стр. Отд. Оттискъ изъ «Изв. Отд. р. яз. и слов. И. Ак. Наукъ», т. VIII (1903), кн. 4-я

Будде, Е. Θ. О говорахъ Тульской и Орловской губерній. Матеріалы, изслѣдованія и словарь. 1—148 стр. Спб. 1904 Отд. оттискъ изъ Сборн. Отд. р. яз. и слов. И. Ак. Наукъ, т. LXXVI.

Врабель, М. Угро-русски народны спѣванни. Спѣванки Марамарошски. Будапештъ 1900. Ц. 2 р.

Улашинъ, Генрихъ. Польскія періодическія изданія по этнографіи. (1900—1901 г.г.) Извлеченіе изъ Изв. Отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. VIII (1903), кн. 4.

Коршъ, Θ. Е. Турецкіе элементы въ языкѣ Слова о полку Игоревѣ. I—VIII. 1—58 стр. Спб. 1904. Отд. Оттискъ изъ «Извѣстій Отд. р. яз. и слов. И. Академіи Наукъ», т. VIII (1904), кн. 4-я.

Ивановъ, І. Культь Перуна у южныхъ славянъ. I—V. 1—35 стр. Спб. 1904. Отд. Оттискъ изъ Извѣст. Отд. р. языка и словесовѣств Имп. Ак. Н., т. VIII (1904), кн. 4-я.

V.

С М Ъ С Ъ.

Различія въ вѣрованіяхъ и обычаяхъ бѣлоруссовъ и великоруссовъ Смоленской губерніи.

Жители великорусскихъ и бѣлорусскихъ уѣздовъ Смоленской губерніи отличаются отъ своихъ сосѣдей бѣлоруссовъ наружностью, языкомъ, обычаями, вѣрованіями и поэтическими преданіями.

Поэзія бѣлоруссовъ состоитъ изъ обрядовыхъ пѣсень, которыя хорошо сохранились и раздѣляются на весеннія, лѣтнія, осеннія и зимнія.

Пѣсни великоруссовъ состоятъ обыкновенно изъ хороводныхъ пѣсень, скакухъ и пѣсень любовнаго содержанія; изъ обрядовыхъ пѣсень сохранились только пѣсни свадебныя.

У бѣлоруссовъ распространенъ тотъ родъ поэзіи, который носитъ названіе духовныхъ стиховъ, и пѣніе этихъ духовныхъ стиховъ сопровождалось у бѣлоруссовъ звуками особаго духового инструмента, который носитъ оригинальное названіе «свинья». Дѣйствительно, этотъ духовой инструментъ, издающій хрипящіе звуки, похожъ и съ виду на свинью, а клапаны его на свиныя ноги. «Взялъ старецъ свинью, говорятъ бѣлоруссы, и — пошелъ»!..

Пѣніе у великоруссовъ и бѣлоруссовъ сопровождается пляской, но пляска эта у тѣхъ и другихъ имѣетъ различный характеръ.

Нѣтъ ничего любопытнѣе для свѣжаго наблюдателя, какъ смотрѣть на пляску бѣлорусскихъ бабъ. Пляшутъ онѣ, сопровождая пляску взмахиваньемъ платочка, подъ игру какого-нибудь скомороха. Пляшутъ бабы топающа на одномъ мѣстѣ, во интересно наблюдать сосредоточенное выраженіе на ихъ лицахъ, съ отгѣнкомъ озабоченности — точно бабы производятъ молотьбу или какое-нибудь важное хозяйственное дѣло.

Другой характеръ имѣетъ пляска великоруссовъ. У нихъ бабы водятъ хороводы, принимающіе самое разнообразное построеніе. Въ Гжатскѣмъ уѣздѣ бабы выстраиваются въ кружокъ и водятъ хороводы вокругъ молодца, который стоитъ, почтительно склонившись на одно колено, въ кругу молодыхъ и дѣвокъ. Особенно разнообразное построеніе хороводовъ замѣчается у великоруссовъ Рославльскаго уѣзда, а именно, около села Рогнѣдина, имѣющаго историческое значеніе. Рогнѣдино считается мѣсто-пробываніемъ Рогнѣды, жены князя Владимира. Вблизи отъ этого села на одномъ полѣ стоятъ каменный идолъ, который носитъ названіе «пастушка». Около этого пастушка собирается молодежь и пляшетъ тамъ весною и осенью, во время храмовыхъ праздниковъ.

Невольно удивляешься разнообразію рогнѣдинскихъ дѣвичьихъ хороводовъ. Они видоизмѣняются въ связи съ содержаніемъ хороводныхъ пѣсень. Иной разъ и пѣсни

прививаетъ названіе отъ хоровода, сопровождающаго пѣсню. Есть пѣсня кочерга, столбика и т. д.

Пляска считается у жителей южной части Рославльскаго уѣзда (конечно, это слѣды старыхъ языческихъ воззрѣній) необходимымъ воздавніемъ должной чести празднику. Выпилъ мужичекъ и поплясалъ, какъ онъ самъ признается, Николушкѣ, Божьей Матери и т. д.

И въ пѣснѣ поется:

Я Ильюшечкѣ попляшу,
А Петрушечкѣ не хочу,
А Ильюшечка и накорміу, и напоіу,
А Петрушечка было съ голоду помаріу.
Ахъ, и дай Боже и два Ильюшки у году,
А Петрушки хоть и ни водныва.

Жители села Рогнідина отличаются большею привязанностью къ своему «пастушку». Проходятъ годы и измѣняются взгляды и сужденія крестьянъ, но у жителей Рогнідина осталась неизмѣнная любовь къ своему «пастушку». Они не согласились за деньги продать своего «пастушка» любителямъ древности. А когда тѣ овладѣли имъ и хотѣли взять съ собою, жители Рогнідина отняли его силою.

Различны отношенія у великоруссовъ и бѣлоруссовъ къ праздникамъ.

У бѣлоруссовъ особенно торжественно справляется коляда. Принадлежностью коляды являются игрища. Игрища бѣлоруссовъ до-нельзя разнообразны. Вотъ названія игрищъ: лось, медвѣдь, коза, кобыла (изображеніе звѣрей); журавль (изображеніе птицъ); осетръ, лещь (изображеніе рыбъ); дѣсь (изображеніе деревьевъ); блины (изображеніе домашнихъ работъ); мельница, кузня (изображеніе разныхъ ремеселъ); панъ, войтъ, докторъ, землемѣръ съ острелябѣй (изображеніе разныхъ отношеній). Разныя мистеріи, представленіе со звѣздой и вертепомъ, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются младенецъ Христосъ, Божья Матерь, Іосифъ, волхвы, Иродъ—всѣ эти мистеріи встрѣчаются гораздо южнѣе Смоленской губерніи, а именно въ г. Брянскѣ. Количество святочныхъ игрищъ слабѣетъ къ сѣверу и къ востоку. Особенное обиліе игрищъ замѣчается въ бѣлорусскихъ уѣздахъ Смоленской губерніи, какъ, напр., въ Краснинскомъ уѣздѣ. Въ числу особенно любопытныхъ игрищъ Краснинскаго уѣзда относятся Марьюшка и Аннушка Пряля-Самотока. Аннушка Пряля-Самотока является на сцену съ прялкой, снабженной большимъ колесомъ. Здѣсь символически изображается дѣйствіе весенняго солнышка.

Къ числу обычаевъ древнихъ, оставшихся только въ бѣлорусскихъ уѣздахъ, принадлежитъ дѣлаба быка. Разныя части быка—не на самомъ дѣлѣ, а въ пѣснѣ—распредѣляются между односельчанами, причемъ тѣ или другія части быка раздаются совершенно случайно, по созвучію рѣимы:

Маркинымъ почки—
У нихъ гладки дочки.

Встрѣчаются и у южныхъ великоруссовъ древніе святочные обряды, но ихъ не такъ много; напр., въ Орловской губерніи Авсєнєвыя пѣсни съ обсыпаніемъ овсомъ встрѣчаются въ Кромскомъ и Орловскомъ уѣздахъ Орловской губерніи (деревня Коселево).

Совершеніе святочныхъ игрищъ сопровождается у бѣлоруссовъ изрядною дикостью: въ большомъ ходу сильныя удары кнутомъ, жгутомъ, лопатою по мягкимъ частямъ тѣла, коловые острыми чѣмъ-нибудь при изображеніи смерти, которая является на сцену съ бурчаными глазами и иголкою въ рукахъ: смерть пугаетъ не только своимъ видомъ, но и дѣйствіемъ. Въ большомъ ходу вредныя обливанія холодной водою. Одинъ человѣкъ, изображавшій рыбу леща, былъ привязанъ къ саямамъ и облигъ водою, потомъ его вывели на улицу и покатали тамъ. Послѣ этого несчастный получилъ воспаленіе легкихъ и, просуществовавъ недолго, умеръ. Его не особенно сожалѣли, и онъ и до конца дней своихъ носилъ названіе леща. Родители дѣ-

внушекъ, которымъ достается на игрищахъ, не обижаются, а говорятъ: «бузо не хадить! Ты знаишь, што на игрищахъ бувантъ». На игрищахъ при раздѣлѣ «подарковъ», т. е. побоевъ, братъ не шадить сестру, и вообще наблюдается справедливость.

Въ Сычевскомъ уѣздѣ въ встрѣчается игрищъ, а святочные вечера проводятся такъ: молодухи и дѣвки собираются въ свѣтлицу и сидятъ совершенно спокойно. Пока одна изъ нихъ, словно по какому-то вдохновенію, поидетъ плясать по хатѣ, завопивъ пѣсню:

Пляшетца, скачитца;
Пивца, винца хочетца
Авось дадутъ, авось догадаютца.

Другія бабы, сидѣвшія до сихъ поръ спокойно, подымутся плясать по хатѣ, завопивъ каждая свою пѣсню:

Я скакала съ роднымъ братомъ,
А сказали что съ солдатомъ;
Я стояла — обвинялась,
А сказали: цѣловалась.

И поидетъ пляска по хатѣ.

Жительницы Сычевскаго уѣзда, нарядившись въ красивые платки и шали, встрѣчаютъ коляду веселыми пѣснями не въ душевой хатѣ, или избѣ, а на морозѣ, хотя бы онъ доходилъ до 25 градусовъ. И пищать онѣ тоненькими голосками похъ окнами, начиная съ сумерекъ до поздняго вечера: «А мы, царева, ѣдемъ къ вамъ», другая партія отвѣчаетъ: «А мы, бояре, на встрѣчу къ вамъ». У дѣвушекъ Сычевскаго уѣзда особая манера держать себя: на подобіе горожанокъ изъ уѣздныхъ городовъ онѣ ломаются (по народному выраженію, «кобенятся») и держатъ себя очень кокетливо.

Во время праздника Богоявленія можно видѣть большое собраніе дѣвушекъ-невѣстъ около церковной паперти. Нарядившись въ дорогія шали, рублей отъ 7 и дороже, стоятъ онѣ гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ, по народному выраженію, какъ «щипки», и привлекаютъ вниманіе жениховъ; молодые парни ими любятъ и высматриваютъ изъ среды ихъ себѣ невѣсть.

Празднованіе масленицы сопровождается разными обрядами преимущественно на сѣверѣ Смоленской губ., въ Бѣльскомъ уѣздѣ. У здѣшнихъ жителей является обрядъ сожженіе масленицы — сожигаютъ масленицу (т. е. смоляную бочку) и говорятъ: масленица сгорѣла. У жителей Дмитровскаго уѣзда, Орловской губ. во время масленицы такой обычай: по улицѣ ѣздитъ мужикъ съ прялкою, что вызываетъ общій смѣхъ. У жителей уѣздовъ Краснинскаго, Порѣчскаго и Смоленскаго послѣ масленицы происходитъ разсѣканіе вѣника на двѣ части. Въ пѣснѣ поется о тещѣ, которой зять Охремъ отсѣкаетъ гузницу, послѣ чего теща измѣнила свое положеніе и стала спать иначе. Прежде она спала къ избѣ плечами, а къ стѣнѣ глазами, а потомъ стала спать наоборотъ. И въ Смоленской губерніи и въ Калужской (именно въ Жиздринскомъ полѣсѣ) поется слѣдующая пѣсня, имѣющая отношеніе къ масленицѣ.

Выходила дѣвица,
Выходила красная
Въ ширь-боръ гулять (2 раза).
Выносила дѣвица,
Выносила красная
Жаръ въ рукавѣ (2 раза).
Зажигала дѣвица,
Зажигала красная
Сыръ у саснѣ (2 раза).
Да гори, моя сосинька,
Да гори, мая сырая,
Въ пирымъ бару (2 раза).

Въ сириди тебе, сосника,
Въ сириди тебе, сырая,
Пчолы ярыя (2 раза).
Въ каряни тебе, сосника,
Въ каряни тебе, сырая,
Гарь гарнастай (2 раза).
Вверху тебе, сосника,
Вверху тебе, сырая,
Ясенъ соколъ (2 раза).
Проклинали дѣвицу,
Проклинали красную,
Пчолы ярыя (2 раза).
Да када-бъ тебе, дѣвица,
Да када-бъ тебе, красная,
Погъ ни выичау (2 раза).
Проклинау жа дѣвицу,
Проклинау жа красную,
Гарь гарнастай (2 раза).
Да када-бъ тебе, дѣвицу,
Да када-бъ тебе, красную,
Свекоръ пабіу (2 раза).
Проклинау жа дѣвицу,
Проклинау жа красную,
Ясенъ соколъ (2 раза).
Да када-бъ тебе, дѣвицу,
Да када-бъ тебе, красную,
Мужъ не любіу (2 раза).

Христовъ день съ особенной торжественностью празднуется въ Смоленской губерніи. Столъ пасхальный отличается изобиліемъ яствъ: пасха, куличи, баранъ изъ масла и проч. На Христовъ день ходятъ волочебники, борятся между собою, состязаются и предлагаютъ другъ другу различныя загадки. Пѣсни волочебныя изображаютъ быть боярина или помѣщика, отличающагося богатствомъ, хозяйственностью, набожностью и миролюбивыми семейными наклонностями. Нарядившись въ кунью шубу, бояринъ непременно въ праздникъ побудетъ въ обѣднѣ. Пѣсня сулитъ хозяину хорошій урожай, тихій благотворный дождикъ, способствующій урожаю, а не гостепріимному хозяину или злодѣю хорошаго хозяина достается трескучее зелье:

А трескучее зелье—злѣдью,
Злѣдью-лихѣдью его.

Подъ трескучимъ зельемъ, вѣроятно, разумѣется градъ. Хозяйка, выносящая вино для угощенія и наполняющая имъ кубки, сравнивается съ благотворной тучей, напояющей нивы. Подъ Великъ день солнце играетъ. По народному повѣрью, если подъ Пасху встать очень рано, то можно видѣть при восходѣ солнца разноцвѣтные столбы, которыми сопровождается игра солнца. Предполагается связь между живыми и умершими. Дѣти и взрослые ходятъ на могилу и катаютъ тамъ яйца: такимъ образомъ христосуются съ умершими родственниками и даже зарываютъ яичко въ могилку. Во время пасхальной службы въ домахъ служатъ молебны за здравіе живыхъ и, вслѣдъ затѣмъ, панихиды за упокой умершихъ родственниковъ. Дѣти бьются на битки, катаютъ яйца, играютъ въ разбѣжки; дѣвочки ходятъ хороводы въ селѣ и подлѣ села, на большихъ дорогахъ. Дратся на Пасху нельзя; у той деревни, гдѣ произойдетъ драка, по мнѣнію крестьянъ, непременно произойдетъ градобитіе.

Отъ Пасхи до Вознесенья благочестивые мужики и бабы ходятъ за образами и поютъ «куралѣсу» Куріе Елѣісоу и разные духовные стихи.

Весенній праздникъ Благовѣщенья празднуется съ большою торжественностію, особенно у бѣлоруссовъ. Великій это праздникъ: въ этотъ день и птица гнѣзда

не вьеть. Въ этотъ день стараются не видѣть веретень, полагая, что это поможетъ не видѣть и змѣй. Дѣвки, взобравшись на завалени подлѣ оконъ, начинаютъ звать весну и слѣдующую торжественною пѣсней какъ бы открываютъ шествіе весны.

Благослови, Боже,
Весну кликаѣ,
Зиму провожаѣ,
Лѣта дожидая.
Вылеци, сивая галочка,
Вынеси золоты ключи,
Замкни холодную зимоньку,
Отомкни цеплое лѣдечко.

Эта пѣсенка встрѣчается и въ Дмитровскомъ уѣздѣ Орловской губ. Но тамъ открытіе весны сопровождается хороводною игрою «перцы-воротцы»: дѣвушка, изображающая весну, прогоняетъ вѣвникомъ изъ хоровода старуху-зиму. Въ весеннихъ пѣсняхъ поется про плодотворный весенній дождь, про восходъ и закатъ весенняго солнышка при ясной погодѣ, про будущій урожай. На Благовѣщенье пекутся особенные пирожки въ Смоленскомъ и Краснинскомъ уѣздахъ исключительно для дѣвушекъ, закликающихъ весны. Дѣвушки поѣдаютъ эти пирожки на улицѣ, на солнечномъ припекѣ, на высокомъ мѣстѣ, послѣ величанія весны.

Только у бѣлоруссовъ существуетъ правильное распредѣленіе весеннихъ пѣсень, причемъ наблюдается два момента: отъ Благовѣщенія до Христова дня и отъ Христова дня до Духова и Троицына дня.

Пѣсни духовскія, купальскія составляютъ особый отдѣлъ.

Въ Дмитровскомъ уѣздѣ Орловской губ. разные отдѣлы пѣсень характеризуются припѣвками. Припѣвокъ «лѣлимъ ю лѣлимъ» поется въ весеннихъ пѣсняхъ, когда окончится весенняя пахота.

Духовскія пѣсни величаютъ весеннюю и лѣтнюю природу; поется въ нихъ про шелковую травку, про кудрявую березку, про рожь и пшеницу, про разные цвѣты. На Духовъ день собираются цѣлѣбныя травы: буквица, полынь, любистикъ (заря), аеръ, а также листья черемухи и березы. Духовая трава освобождаетъ отъ града и отъ разрушительнаго дѣйствія грозы, если курить ею въ печуркахъ во время грозы. Даже вѣнокъ духовской, который надѣваютъ на голову дѣвушки на Духовъ день, имѣетъ цѣлительную силу, такъ какъ онъ вьется изъ чародѣйныхъ травъ.

Завиваніе вѣнковъ, развиваніе ихъ, бросаніе въ воду, загадываніе о судьбѣ встрѣчается почти во всѣхъ уѣздахъ Смоленской губерніи.

Въ субботу передъ Духовымъ днемъ церкви и дома внутри и снаружи украшаютъ «маемъ» — срубленными молодыми березками, кленомъ и липою; образа, окна и все, что можно, убираютъ цвѣтами, а полы усыпаютъ травою аеромъ (по мѣстному выраженію «яверомъ»). Если «май» дня черезъ три бываетъ свѣжъ, то ожидаютъ мокрыхъ сѣнокосовъ. Въ эту же субботу, называемую духовскою, обыкновенно послѣ бани сѣютъ коноплю; при этомъ наблюдаютъ, чтобы землю заборонить въ самый день посѣва, съ тѣмъ, чтобы потомъ уже не приниматься ни за какую работу.

Празднованіе русальнаго недѣли и семика находится въ связи съ вѣрованіемъ, что души умершихъ встаютъ весною для наслажденія новою жизнью. Названіе русальной недѣли произошло отъ русалокъ, нагихъ, прекрасныхъ, съ распущенными русыми волосами, обитательницъ водъ. Русалки эти суть души утопленницъ, мертворожденныхъ или же дѣтей, умирающихъ некрещеными. До Духова дня онѣ живутъ въ водахъ; въ этотъ же день онѣ выходятъ изъ своихъ жилищъ, плещутся въ полночь на поверхности воды или качаются въ лѣсахъ на деревьяхъ, или бѣгаютъ по полямъ, заманивая прохожихъ, чтобы потомъ зачекотать ихъ до смерти. Опасаясь послѣдняго, простой народъ не станетъ купаться ни въ Духовъ, ни въ Троицынъ день. Между многими другими пѣснями, поющими въ русальную недѣлю, въ представляемой ниже именно упоминается о русалкахъ:

На кривой бережѣ
Русалка сидѣла,
Рубаценыя прасила:
Дѣвки, молодухи,
Стойце,
Рубаценку дайце,
Хуть худу-худевку,
Да бѣлу-бѣленьку.

(Продлженіе будетъ).

В. Н. Добровольскій.

Этнографическія замѣтки по Зарайскому уѣзду, Рязанской губерніи.

1. Свадебный обрядъ. 2. Болѣзни и лѣченіе. 3. О столѣ и хлѣбѣ. ¹ 4. Сказки ².

С в а т а н ь е.

«Сперва какой-нибудь изъ родныхъ поидеть—болѣ бабы ходять—отъ жениха, а по новѣйшему времени и отъ невѣсты ходять, навязываются. Какъ они ужъ велятъ придти, съ женихомъ соберутся, пойдутъ. Тутъ немного ходють: женихъ, поидеть мать-отецъ, отецъ кресный, мать кресна, ну тамъ ежеля у жениха братья или сестры есть большіе, женатые—а то обидятся, все родные—человѣкъ 10—6 собирають. Они придутъ, всѣ посажаются по лавкамъ. Станутъ разговаривать объ приданомъ, объ дарахъ. Ужъ это тамъ столкнутся. Потомъ имъ выведутъ имъ (такъ!) невѣсту, они ее посмотрятъ, всѣ повертатъ. Потомъ ихъ выведутъ съ женихомъ двоихъ: у кого чуланчикъ или тамъ горница, или въ сѣни просто запрутся, ужъ тутъ народу не пускають. Потомъ они тамъ посидятъ, придутъ. Потомъ женихова родня—всѣ съ женихомъ выдутъ на дворъ, а невѣстина тутъ въ избѣ останется. Невѣстина родня у невѣсты спроситъ: что во вравъ тебѣ тамъ? А женихова у жиниха выпроситъ (записано такъ!). Ну всѣ опять соберутся въ избу, эта женихова родня. Ну скажутъ: въ добрый часъ. Сейчасъ лампадочку зажгутъ, всѣ присядутъ, Богу помолятся. Богу помолятся, ихъ за столъ посѣдятъ. Тутъ не готовятся, у кого что есть; вина тутъ выпьютъ, закусятъ: окурцовъ дадутъ, капусты, мяса, у кого есть. Ну потомъ, когда они тамъ... (слово не разобрано), домъ глядѣтъ. Ну тутъ у жениха ужъ это приготавливаются, стряпаются тамъ. Потомъ они придутъ къ жениху всѣ, въ избу вберутся. Потомъ посидятъ, поговорятъ кое-объ чемъ. Потомъ женихъ уберется, поведетъ ихъ въ ригу, на дворъ, все показываетъ: сколько хлѣба, сколько всего. Потомъ все тамъ посмотреть, поглядѣтъ, придутъ, ужъ ихъ и за столъ посѣдятъ. Тутъ ужъ имъ угощенье—то ни обѣду нѣтъ ничего: только поставятъ говядинки, огурчиковъ, капусты варѣжутъ, пшенички да и только. Кто побогатѣе, послѣ этого чаемъ напоитъ: ³ чай съ баранками, болѣ ничего имъ не очистится (т. е. не достанется). Поиграють, попляшутъ какіе есть помолоче развеселые, а инный тюлепень—наѣдятся, напьются да и пойдутъ.

До свадьбы женихъ бываетъ у невѣсты, съ братомъ или съ сестрой: тутъ много народу не ходитъ. Онъ приносить гостинцевъ. Его приготавливаются и тоже угощаютъ. Время проводить играя въ карты. Приданое отъ невѣсты, а прежде отъ жениха. И

¹ Записи со словъ пожилой хорошей, умной неграмотной женщины, Устиньи NN.

² Записаны со словъ ея дѣвочки.

Записи сдѣланы около 1892 года. Народное признание, къ сожалею, не передавалось на письмѣ. Лексическая и синтаксическая стороны рѣчи не испорчены.

³ Отсюда начинаются, очевидно, не точная запись словъ говорящей, но переложение

подарки отъ невѣсты, а прежде отъ жениха. За дары отдариваютъ деньгами. Даровъ, по народу глядя, рубль на 3—4, 10—12. Богатые приданого даютъ рублей на 80, да даровъ рублей на 20. Малое приданое отъ 20, 25 30 рублей, самые бѣдные 10. Въ старину болѣ 10 рублей не давали невѣстѣ, полушубокъ дубленый, коты, чулки.

ДѢВИШНИКЪ.

Вотъ на дѣвишникѣ приходятъ къ жениху съ елкой: дѣвки, много народу, у кого сколько, и дѣвки и бабы молодыя всѣхъ собираютъ. Надьсь вотъ къ нашимъ пришло 14 человекъ. Придутъ въ избу, поставятъ эту елку на столъ. Потомъ эту елку сейчасъ дружокъ окупить. Сейчасъ ее раскроютъ¹ платкомъ. Она убрана въ лентахъ вся. Потомъ эту елку долой со стола, ихъ посѣдять за столъ всѣхъ, имъ поставить говядины, пшениикъ, папушникъ. Потомъ это они закусятъ, имъ рюмочки по двѣ винца поднесутъ. Потомъ ужъ имъ чай пойдетъ, чаемъ пить будутъ. Чаемъ напоятъ, потомъ имъ закуска пойдетъ, все тоже: баранки, медъ, пряники, конфеты, яблоки, болѣ имъ ужъ ничего нѣтъ. Поѣдятъ и пойдутъ домой съ игрой, съ пляской. А надьсь у нашихъ—какъ мертвые, ни одинъ не поигралъ, хоть бы на смѣхъ голосокъ протанулъ: только жрать пришли! Потомъ отъ жениха стануть собираться туды. Отъ жениха хлѣбъ-соль пойдетъ, по пирогу ва каждый столъ, по больши... ищему, съ кашей—(или) на два стола,—по части говядины по большой, по пшенинику. Ужъ это угощается невѣстина родня жениховой хлѣбомъ-солью. Они ужъ до тѣхъ поръ сидятъ, пока ихъ совѣсть убьетъ, сами уйдутъ изъ-за стола. Тутъ ужъ нельзя сказать: будетъ. Надьсь у нашихъ полведра выпили. Вылѣзутъ ужъ они, женихову хлѣбъ-соль со стола уберутъ; какіе тамъ останутся кусочки, это себѣ. Потомъ ужъ женихову родню всю стануть сажать: они стояли, невѣстина угощалась родня. Потомъ ужъ имъ тутъ прямо пойдетъ обѣдъ: квасъ со студенью, за квасомъ щи, за щами лапша, за лапшей каша, за кашей другая каша: то черная, а то бѣлая. Потомъ они и вылѣзутъ. Играютъ тутъ пляшутъ, тутъ долго время проводить. Потомъ ихъ стануть сажать угощать—это закуски (Записано такъ!): подадутъ жареное горячее, потомъ тарелку студенью варѣжутъ, пшениикъ. Потомъ постановятъ баранокъ, меду, ситнаго варѣжутъ, бѣлаго, пряниковъ, ну канфеточекъ, яблочекъ. Посидятъ-посидятъ, ну и вонъ. Инный и жретъ! Особливо льяный, а инный бонится, опасается. (Разсказчица жалуется на то, что нѣкоторые угощаются безъ совѣти). Потомъ ужъ, болѣ этого угощенія, ничего не бываетъ. Потомъ иные молодые покуражатся и—домой «за хресты» и домой.

Свадьба.

Брагу варятъ, бабъ собираютъ—родныхъ и чужихъ, помоложе выбираютъ, какія бы поиграли, поплясали—виномъ ихъ поятъ. А потомъ ихъ заставятъ коровой сажать—пирогъ все равно. 2 караван (записано такъ) сажаютъ. Эти караван вынуть изъ печки, обвяжутъ ихъ въ платки и красенькой ниточкой. Потомъ положить ихъ на столъ, потомъ около ихъ нальютъ три штова. Штова такіе старинные были съ водой. Потомъ увяжутъ ихъ шолковыми лентами, урядятъ. А потомъ стануть родные находить съ хлѣбами. Сойдутся все родные съ хлѣбами—то это. Потомъ ихъ посѣдять всѣхъ за столъ, подадутъ имъ пирогъ, часть говядины, бутылку вина. Обнесутъ ихъ тутъ по два стаканчика. Только они закусятъ, потомъ ужъ стануть обсловлять. У насъ съ попомъ басловляютъ. Обсловятъ, потомъ посѣдять всѣхъ на посадъ это у насъ называется. Тутъ имъ угощеніе тоже небольшое: по рюмочкѣ поднесутъ. а бабы ихъ обыгрываютъ. Это ужъ чужія тутъ какія смотреть свадьбу (обыгрываютъ—пѣсни

¹ Накроютъ.

играють, а гости деньги даютъ: кто няточекъ, кто конейку, у кого сколько силы хватить). А потомъ они выلبзуть изъ стола, Богу помолитя и пойдутъ. Мать кресна—плакса возьметъ икону и пойдутъ всѣ изъ избы. Ихъ проводятъ изъ избы-то, всѣ выйдутъ побажаве эти, которые пойдутъ въ поѣздъ, а мать съ отцомъ за столъ сядутъ. Потомъ сейчасъ дружокъ и полудруги возьмутъ икону и жениха и кругъ лошадей три раза обойдутъ съ иконою-то. На углахъ говорятъ: святые отцы, обословите насъ. А народъ говоритъ: Богъ васъ обословитъ. Потомъ всѣ насажаются на лошадей и пойдутъ за вѣвѣстой. Подѣдутъ ко двору, ворота заворачаютъ отъ нихъ. Потомъ они стучатся. Имъ оттуда говорятъ: кто тамъ стучится? Потомъ они говорятъ: хозяинъ, пусти ночевать; ѣхали далеко, лошади отстали: намъ дневку нужно сдѣлать, лошадей накормить! Потомъ они оттуда отвѣчаютъ: у насъ не постоянные дворы, у насъ народъ не пускаютъ. Эти тутъ отвѣчаютъ: мы у васъ ночевали, народъ вы зваконный, хороший. Ну потомъ они отпрутъ. Тутъ имъ эти, какіе прѣехали, по стаканчику вина поднесутъ, и пустятъ ихъ. Потомъ они у кого дворъ большой всѣ...ѣ на дворъ въѣдутъ. Потомъ они остаются у крыльца всѣ рядышкомъ: тутъ образъ стоитъ и свѣчка. Потомъ имъ бы всходить въ сѣни, то выйдетъ какая-нибудь баба, возьмется, шубу выворотитъ. Шубу-то ова это выворотитъ, нальютъ ей стаканъ браги, а потомъ эта сваха отъ жениха-то съ виномъ, стаканъ вина у ней. Какая съ виномъ-то говорить: э, какая страсть-то идетъ, батюшки! Эта сваха говоритъ: поди, иди поближе.—Э, матушка, я стара, куда ужъ мнѣ идти (разсказчица здѣсь приняла старческую интонацію)! Ты подойди, ты помоложе, сватенька.—Потомъ они подойдутъ къ порогу, чтобы порогъ-то имъ не перейти: одна со двора, другая изъ сѣней. Три раза переминаются стаканами; потомъ страшная-то какая выйдетъ, стаканъ вина возьметъ у сваха-то да и выпьетъ; а эта сваха стаканъ браги и выльетъ подъ ноги или тамъ хоть на лошадей, хоть куда попало. Женихова сваха стаканы прикроетъ—стаканъ на стаканъ, себѣ ихъ оба возьметъ. Старается прикрыть женихова своимъ: жениха ужъ первое дѣло. Потомъ весь поѣздъ пойдутъ въ избу къ невѣстѣ. Всѣ...ѣ войдутъ въ избу, вберутся. Они сидятъ всѣ на посадѣ за столомъ: невѣста тамъ, сваха, отецъ кресный возлѣ ея. Весь столъ усадать не для чего, а для вина. Дружокъ окупаетъ столъ деньгами: по угламъ кладутъ семитки, четыре семитки, въ середину бѣленькій. Потомъ этотъ дружокъ обнесетъ вхъ по стаканчику вина. Потомъ эти всѣ изъ стола выльзутъ: невѣста и сваха останутся. Потомъ эта, женихова сваха-то, возьметъ жениха за руку и полѣзетъ на лавку въ передній уголъ. Потомъ она этой свахѣ говоритъ: свашенька, милая, подвинься! Она и говоритъ, эта сваха, которая сидитъ: эхъ, свашенька, больно мѣсто хорошо; я тутъ сажу-то давно. Она говоритъ: матушка, а я ѣхала издалеча, озябля. Ну, онѣ сейчасъ поздороваются, поцѣлуются то есть. Женихова сваха ей дастъ полбутылки вина да калачъ. Ну она и отъяднется. Тутъ и сидеть женихъ и сваха женихова. Потомъ ужъ эти всѣ жениховы поѣзжане-то всѣ кругомъ стола посажаются. Отъ невѣсты пойдетъ имъ обѣдъ. Подадутъ имъ щи—тутъ обѣдъ чуть-чуть, слава что обѣдъ—потомъ лапша, потомъ имъ стаканчика по два вина поднесутъ, потомъ каша, и все, и выльзутъ. Сейчасъ невѣсту одѣнутъ. Потомъ ихъ мать съ отцомъ обословятъ, выѣстъ ужъ съ женихомъ. Потомъ отецъ возьметъ женихову руку и невѣстину, потомъ ужъ это по-деревенски онъ вручать будетъ жениху ее. Ну ужъ онъ тутъ причитаегъ. Я впередъ-то не знаю что; называетъ его тамъ хоть Иванъ что ли. Вотъ тебѣ, скажетъ, жену, люби какъ душу, а трясъ какъ грушу. Сей левъ да конопи—спрашивай съ жены рубаху да порки. Потомъ ужъ онѣ уберутся, къ вѣнцу пойдутъ. Всѣ выдутъ, посажаются на лошадей, невѣсту посадятъ. Дружокъ возьметъ жениха, и обойдутъ съ иконою кругомъ поѣзда. Потомъ дружокъ и полудружокъ пойдутъ въ избу, двое только. Сейчасъ позовутъ этихъ сватовъ, потомъ они тамъ поканичелятся (пьютъ)—въ избѣ-то ихъ бабы и запрутъ. И играютъ тамъ, обѣ дверь стучать:

Вы дружки, повертышки,

Куда хошь, повернись:

Хошь на печку, хошь подъ печку,

Хошь подъ лавочку!

Ну они имъ дадутъ гривенникъ и дружокъ этихъ выпустяхъ. Садутъ они и пойдутъ къ вѣнцу. Придутъ ужъ тамъ живое повѣщаются: вѣчаться недолго, а особенно въ деревнѣ, лишь бы попу деньги взять. Придутъ отъ вѣнца ихъ тутъ встрѣчаютъ у воротъ мать, отецъ. У отца образъ, а у матери хлѣбъ съ салю. Сейчасъ они подпадутъ, и къ образу и къ хлѣбу приложатся, взойдутъ всѣ въ избу. Сейчасъ раздѣются всѣ ужъ тутъ повѣжаны в посажаются всѣ за столъ. Потомъ станеть дружокъ вино носить. Тутъ главное дѣло сперва отцу и матери подносить. Выпьютъ они, стануть невѣсту покрывать. Потомъ сейчасъ всѣ изъ стола вонъ. Станутъ молодыхъ однихъ кормить: вѣдь они до вѣнца не ѣдятъ. Выводятъ ихъ въ чуланчикъ какой-нибудь. Съ ними двѣ свахи. Потомъ имъ сейчасъ подадутъ самоваръ. Ну тутъ они чай съ баранками и будутъ пить, съ ситнымъ. Чаю напьются, закусятъ податутъ: жаренаго, курицу или телятину обжареную, у кого что, есть, подадутъ пшенничекъ имъ. Потомъ они тутъ закусятъ, ихъ поведутъ спать положить. А ужъ эти повѣжаны и будутъ убираться ряжеными. эти жениховы. Уберутся кто барыней, кто старикомъ, кто солдатомъ. Потомъ кто сидитъ масло мететь (?), кто прялетъ, кто ткеть, кто табакъ мелеть въ горшкѣ. А ужъ тутъ придутъ вечеровые, привезутъ сундукъ невѣсты, постелю. Вотъ ихъ на дворъ окупать эти жениховы дружокъ, полудружья. Окупать, имъ по большому стакану вина поднесутъ, вынесутъ просто ужъ четвертную, большимиими стаканами носить. Обнесутъ, сундукъ возьмутъ и постель и пойдутъ всѣ въ избу. Ну вотъ эти сидятъ ряженые за столомъ, играютъ пѣсни. Потомъ поиграютъ—поиграютъ. а потомъ всѣ выѣздутъ. Ужъ имъ тутъ нѣтъ, ничего не очистится: только для смѣха убираются. Потомъ невѣстину эту всю родню, какая прѣдетъ, посажаютъ за столъ. Потомъ сейчасъ подадутъ по пирогу на каждый столы, по части говядины, по блюду огурцовъ, у кого есть, по пшеннику. Тутъ имъ и зачнутъ вино носить: пьютъ и ѣдятъ, пьютъ и ѣдятъ. Потомъ выѣздутъ изъ стола играютъ—играютъ, пляшутъ тутъ, тутъ и гармонь и все. Потомъ молодыхъ разбудютъ караван носить. Сейчасъ посадятъ за столъ всю невѣстину родню и будутъ коровой носить. Всѣхъ ужъ тутъ будутъ носить, и невѣстину родню и женихову: невѣстина родня за столомъ сидитъ, а женихова такъ подходитъ, жениховы не сидятъ. Потомъ обнесутъ всѣмъ коровой—молодые и выѣздутъ (и уходятъ). Потомъ имъ пойдетъ обѣдъ. этимъ сватамъ: квасъ съ студенью подадутъ, съ яичами, потомъ щи, за щами лапша, потомъ каша, потомъ другая каша бѣлая. Потомъ свахи ужъ эта какая обѣдъ-то отдасть—ужъ это гдѣ какая положенія—гдѣ тряпкой грязной накроются, подойдетъ и стоитъ; это значитъ: обѣдъ отдала, а гдѣ руки подождать. Кѣй стаканъ вина поднесутъ изъ-за стола полѣзутъ. Опять пьютъ да играютъ, гармонія тутъ, разные дулки, у кого есть. Поиграютъ—поиграютъ, на вечеринки эти ихъ посодятъ угошать. Подадутъ имъ по части говядины, потомъ ужъ имъ тутъ всего сразу настановятъ: и пшенники, и тварожники, и палушники; потомъ ужъ пойдутъ имъ закуски. Настановятъ имъ баранокъ, медку, постанятъ конфеточекъ, пряничковъ, разныхъ орѣшковъ. Ну осеннее дѣло играютъ, тамъ яблоки, тамъ арбузы, ужъ это все настановятъ и проводятъ невѣстину родню всю. Утромъ встанутъ, тутъ у жениха всѣ, какіе тутъ есть родные, завтракъ пойдетъ имъ. Позавтракаютъ они кое-что холодное: говядину тамъ, огурчиковъ, студень, у кого что есть. Потомъ станутъ собирать(ся) за водой пить: молодые пойдутъ за водой. Съ ними ряженые пойдутъ: кто на помелѣ поѣде, кто на лошади верхомъ поѣде, кто медвѣдемъ уберется, поведутъ сго. Ну вотъ пойдутъ по деревнѣ: игра, пляска, и молодые тутъ идутъ. Ну сходить тамъ къ какому колодцу, хоть просто пройдутъ по деревнѣ и назадъ Назадъ воротятся, придутъ (съ) водой. Воды какіе приносятъ, какіе нѣтъ: проливаютъ, тутъ ужъ не изъ воды ходятъ, а ради игры. Всѣ ряженые разберутся, уберутся какъ слѣдуетъ и станутъ собираться къ новымъ гостямъ.

Новы гости. Уберутся, пойдутъ туды. Приходятъ туды въ избу, тамъ сидятъ ряженые за столомъ: кто старухой убранъ сидитъ, прялетъ, а старикомъ убранъ—лапти плететъ, миде сидитъ—табакъ мелеть въ горшкѣ; масло сбиваетъ—такая экономка сидитъ убраная, въ чепчикѣ сидитъ, уберется и сбиваетъ въ горшкѣ. Ну потомъ они поиграютъ-поиграютъ за столомъ да и выѣздутъ. Потомъ ужъ этихъ будутъ

сажать за столъ. Сажаютъ ихъ за столъ, наръжутъ имъ мяса, студени, пирога; потомъ виномъ станутъ носить. Потомъ имъ станутъ тутъ молодые коровай носить. Подносятъ коровай тутъ роднымъ, имъ деньги кладутъ на коровай. Дружокъ подноситъ коровай, ну тамъ баранки у него или что, а молодые вина подносятъ. Коровай обнесутъ, выльзутъ, попляшутъ, поиграютъ. Потомъ ихъ опять ставятъ сажать за столъ. Ужъ тутъ имъ обѣдъ поидетъ. Подадутъ имъ квасъ съ студенью, за квасомъ по стаканчику винца поднесутъ, потомъ щи, за щами каша, за кашей каша гречешка, за кашей пшенная. Потомъ ужъ тутъ опять выльзутъ, играютъ, пляшутъ какіе, молодой народъ. Потомъ тутъ долго канителися. Потомъ ихъ станутъ угощать, сажаютъ опять за столъ. Ужъ тутъ выѣстъ все на столъ постаноятъ: и студенью, и говядины, пшенникъ, баранки, пряники, конфеты; ну у кого вонъ осень, то становятъ арбузы, яблоки. Ну потомъ ихъ тутъ ужъ виномъ несутъ. Потомъ они посидятъ-посидятъ, тутъ ужъ и совѣсть возметь: выльзатъ нало, кончается. Выльзутъ, потолкутся, поиграютъ и домой пойдутъ или поѣдутъ».

Пируютъ три дня: въ новы гости ходятъ въ одинъ день отъ жениха къ невѣстѣ, а въ другой—отъ невѣсты къ жениху. Обряды тѣ же.

Свадебные обряды у всѣхъ, и бѣдныхъ и богатыхъ одинаковы: «И бѣдные тянутся изъ послѣдняго. Ужъ затѣялъ свадьбу... При дракѣ волосъ не жалѣютъ—такъ и это дѣло».

Отрывокъ изъ свадебныхъ причитаній. У кого отца или матери нѣтъ, кричатъ ' теперь рѣдко. Мать:

Всѣ сошлись, собралися,
Вся моя парь-бесѣдушка,
Одного у тебя, дитятко,
Батюшки-кормильца нѣтъ.
Выиди, дитятко, за воротушки,
Посмотри на всѣ четыре сторонушки:
Не летитъ ли твой батюшко
Сизенькимъ голубчикомъ,
Не басловятъ ли онъ те, дитятко,
На чужу дальню сторонушку,
Къ чужому къ отцу съ матерью.

Невѣста кричитъ:

Кормилецъ—батюшка,
Прилети, обослови меня
На чужую сторонушку...

Кто умѣетъ кричать, онъ много словъ паберетъ, а инныи онъ не умѣетъ чево и причитать.

А тутъ мать станетъ обословлять, она кричитъ: обослови меня, матушка, на чужую дальнюю сторонушку. Мать: не желай, дитятко, ни злата, ни серебра, а проси у нихъ Господняго благословенія. Причитанія рѣдки¹. Благословляютъ часто съ попомъ и тогда не причитаютъ. Пѣсенъ (такихъ) не знаютъ. Теперь пѣсни пошли новыя, старинныя всѣ бросили.

Болезни и лѣчение У кого болитъ голова—глины къ затылку привяжутъ, рѣдечки лотями наръжутъ, растираются рѣдкою съ виномъ и гасомъ растираются.

Въ кадушку сажаютъ, ванную имъ дѣлаютъ: опара это называется. Сѣнца положить въ кадушку, камня. Лошадинаго каза кладутъ инныя, а инныя опару дѣлаютъ—кладутъ муравьянище, съ муравьями и безъ муравьевъ; тутъ ужъ ничего больше не кладутъ. Потомъ кипятку наливаютъ. Больнаго раздѣваютъ совѣмъ, са-

¹ Т. е., громко плачутъ, голосятъ, вопятъ.

² Здѣсь начинается переложение рѣчи рассказчицы.

жають на кадущку, окутывают шубами, дерюжками — по-деревенски-то больше дерюжки: тамъ такихъ одѣяловъ нѣтъ, — потомъ сымають, какъ онъ испотѣеть, вытрутъ, бѣлье перебиваютъ и кладутъ на постель. Инному получишься, а инному... Это отъ простуды лѣчать.

А то тоже отъ простуды декохтъ пьютъ съ виномъ, это тоже дѣлають въ деревнѣ. Это декохтъ на винѣ, а кто на водѣ. Въ горшокъ его запопрѣютъ, гѣстомъ замажутъ, тряпчочкой обважутъ, поставятъ на загниѣтъ или на печь, а ночь въ печь ставятъ.

Вмѣсто чаю (травы) пьютъ, а то и отъ болѣзни, какія есть. Есть грудная трава, а то Иванъ-да-Марья пьютъ (отъ кашля, отъ простуды. Кому помогаетъ, а кому и не помогаетъ), а то кашка красненькая (тоже отъ простуды, а то и такъ пьютъ). Вотъ череду эту отъ золотухи пьютъ; майская полынь — пьютъ отъ кашля; ягодная трава, на чемъ ягоды растутъ, — пьютъ отъ простуды, отъ кашля; ее вмѣсто чаю пьютъ въ деревнѣ-то.. У кого кашель, удушье — вотъ и собираютъ разныя травы, а здоровый станеть ли набирать!

Это ребятишекъ, говорятъ, сглазили: уголечковъ девять бросятъ, да подъ порогъ выльютъ, а кто подъ крышу, кто какъ знаетъ. Тутъ считаютъ: на Бога уголечекъ пустятъ, а потомъ кто въ семействѣ есть; не хватить въ семействѣ, придумаютъ, кто былъ. Вотъ эта Марья или Дарья была, не она ли сглазила, у ней глазъ черныи, нехорошъ. Спрыснутъ стараются нечаянно а иные такъ маленькаго умоютъ.

А то крикъ у ребятъ отнимають. Моя свекры ходитъ — открикиваетъ. Она подъ курникъ (нашесть) ходитъ, а кто на погребницу холитъ. А что она тамъ говорить, я не знаю. Молитву какую-то говорить. Три зари она сходитъ съ нимъ, съ ребеночкомъ съ маленькимъ. Ну, вѣдь, ужъ и съ большими ходитъ, какіе очень кричатъ.

О столѣ и о хлѣбѣ. Послѣ ужина все уберутъ со стола, ничего нѣтъ; столъ прикрываютъ скатертью, полъ подметутъ. Назговариваютъ — иные говорятъ: на что дѣлаешь? — Какъ же, говорятъ, Божья мать ходитъ, къ каждому въ домъ приходитъ! — Утромъ, какъ встають, скатерть снимутъ. (Это дѣлается у немногихъ хорошихъ людей). Инной мужикъ говоритъ: о, богомолка, пришла она къ тебѣ, сиди, дождайся! Мало ли какихъ людей есть на свѣтѣ! (сказано съ выраженіемъ порицанія относительно такихъ сомнѣвающихся людей). Свекры наша какая она! Сядь (когда будешь ѣсть), да Богу помолись, да крошечки не урони, а то грѣхъ.

На Святой недѣлѣ, когда приходятъ образа, на столѣ стоитъ соль и хлѣбъ. Эту соль берегутъ. Когда кто заболѣеть, возьметъ хозяйка святой воды, соли, уголечковъ — спрыснетъ. Скотину также обливаютъ ей. Хлѣбъ этотъ сначала скотинѣ раздадутъ, лошадямъ, коровамъ, овечкамъ, а потомъ сами ѣдятъ.

С к а з к и.

1. Вотъ была падчерица у матери, а у ней трое дѣтей своихъ. И посылаетъ она ихъ скотину стеречь. Падчерицѣ даетъ пудъ льну прясть, а дочери фунтъ. Эта падчерица и говоритъ: — Сестрица, дай я тебя поищу. — Вотъ она и говоритъ: Глазокъ усни, другой усни и третій усни. Вотъ ова усветъ. Дѣвушка эта сядетъ подъ кустокъ и плачетъ. Подходить къ ней черная коровушка, спрашиваетъ: — Объ чемъ ты дѣвушка плачешь? — Какъ же мнѣ не плакать? Мнѣ матушка-мать дала пудъ конопели спрясть и ткать. — Эта коровушка скажетъ: Не плачь, дѣвушка, сейчасъ всю скотину приведу. Заставитъ какую на мыѣ мыкать, какую прясть, какую ткать. Вотъ ей все обдѣлають, ова и скажетъ: Сестрица, погонимъ скотину. Эта вскочитъ: — Ахъ батюшки, а я ничего не пряла, не ткала! — Ну тебѣ мать родная, она те не отругаетъ. Вотъ пригонять скотину, мать спроситъ: Ты что же не отпряла? — Я проспала, скажетъ. Ну она поругаетъ, поругаетъ, возьметъ да другую посылаетъ чetyрехъ глазъ. Вотъ дастъ этой фунтъ, а падчерицѣ опять пудъ. Эта опять приго-

нить скотину и скажетъ: Сестрица, давай я тебя поищу. Скажетъ: Глазокъ усни, другой усни, третій усни, четвертый усни. Ну она уснетъ, а падчерица подъ кусточекъ сядетъ и плачетъ. Ну коровушка подойдетъ и спроситъ: Что ты, дѣвушка, плачешь?—Какъ же мнѣ не плакать? Мнѣ мать дала пудъ прясть и сткать. Ну она всю скотину заставитъ, эта коровушка, какую на мыкѣ мыкать, какую ткать, какую прясть. Ну она, эта падчерица, и скажетъ:—Сестрица, погонимъ скотину.—Эта вскочитъ: Ай-ай-ай, а я не прала, не ткала!—Ну, у тебя мать родная, она не побьетъ. — Ну пригнали скотину—мать и говоритъ: Что такое скотина худа? Пяти глазочковъ и говоритъ:—Дай я погоя, я узнаю съ чего скотина худа. —Мать дала ей фунтъ, а падчерицѣ пудъ. Вотъ она и говоритъ: — Сестрица, дай я тебя поищу. — Ну она четыре раза говоритъ: Глазокъ усни, другой усни, а пятый позабыла. Пятымъ-то она и глядитъ. Эта дѣвочка сѣла подъ кустомъ и плачетъ. Ну вотъ коровушка подходить: Что ты, дѣвушка, плачешь?—Какъ же мнѣ не плакать? Вотъ мнѣ матушка дала пудъ прясть, ткать. — Вотъ она кого заставитъ на мыкѣ мыкать, кого ткать. Она: Сестрица, погонимъ скотину. Ахъ батюшки, я ничего не сѣлала. — Ну тебѣ мать родная, она тебя не заругаетъ. — Пригнали скотину. Мать-то ее: Ахъ ты такая-сякая!.. Ну, говоритъ, съ чего скотина худая? Ну она и говоритъ: Мамаша, она скажетъ: Сестрица, дай я тебя поищу, убавляетъ и сядетъ подъ кусточкомъ. Она шевя убавкала, а одинъ глазочекъ позабыла,—я видѣла. Она сядетъ подъ кусточекъ и плачетъ. Подходить къ ней черненька коровушка, заставляетъ всю скотину кого прясть, кого ткать: вотъ отчего худа скотина. — Не погонимъ черненьку коровушку съ скотиной. Маша говоритъ: И я ве погоню скотину. Ну погнали скотину двѣ дочери, Маша не погнала, оставили черненьку коровушку тутъ. Точать ножи коровушку рѣзать. Падчерица Маша выскочила, ей на шеюшку бросилась: Черненька коровушка, тебя хотятъ рѣзать. — Ну она и говоритъ:—Не плачь, Маша, собери мои кости, всю кровь; посади мои всѣ кости, поливай кровью, — вырастетъ у те садъ хорошій. Эта дѣвушка все собрала, посадила, кровью поливаетъ. У ней такой садъ выросъ! Гуляетъ, ходитъ. Ёдутъ господа: Ахъ садъ-то хорошъ! Подѣзжаютъ къ ней. спрашиваютъ: Дѣвушка, продай намъ садъ? Она и говоритъ: Нѣтъ, я не продамъ; возьмите меня замужъ за себя.—Ты-то намъ не нужна, а намъ садъ. —Нѣтъ, и садъ не отдамъ.—Ну, говорятъ, побѣдемъ. Взяли ее посадили и поѣхали къ церкви вѣнчаться. Ну, повѣнчались и пріѣхали домой. Они вѣнчаются—и садъ передъ церковью стоитъ; пріѣхали, сѣли въ избу—садъ передъ окнами стоитъ. Они куда, и садъ за ними. Они стали жить-поживать, Маша хозяйкой.

2. Пошли Аленушка, Маша, Анята, пошли въ лѣсъ за ягодами. Пришли онѣ поздно, постучались къ толкачу. Толкачъ весь въ желудяхъ. Наколуналъ овъ, себѣ щей наварилъ. Заставилъ ихъ: Садитесь дѣвки, со мной обѣдать. Ну онѣ сѣли. Анята, Маша ѣдятъ, а Аленушка что ни почерпнетъ—то подъ столъ. Ну вылезли. Это кто, говоритъ, покидалъ у васъ все подъ столъ. Ему и говорятъ на Аленушку. Ну этихъ двухъ отправилъ домой, а Аленушку у себя оставилъ и заставилъ самъ себя качать. Ну баюкаетъ: бай, толкачъ, бай, толкачъ! Онъ: Что ты меня такъ качаешь? Побьетъ ее. Она выйдетъ за ворота, тамъ поплачетъ. Ну ей опять крикнетъ баюкать. Ну опять все: бай, толкачъ, бай, толкачъ! — Не такъ меня баюкай! Она опять выйдетъ за ворота, плачетъ. Ёдутъ торгоши съ горшками:—Объ чемъ ты, дѣвушка, плачешь?—Какъ же мнѣ не плакать? Меня толкачъ заставилъ качать.— Садись ко мнѣ...

3.

Жилъ жилецъ, на кустикѣ дворецъ,
У него было пять овецъ, шестой козлецъ,
Быкъ полосатъ — Васинъ братъ,
Телушка пеструшка — Матрюшкина сеструшка.
Онъ Ваську женилъ — быка на свадьбу зарѣзалъ,
Матрюшку замужъ отдалъ—телушку въ приданое далъ.

В. Чернышевъ.

Загадки, привѣтствія при встрѣчѣ, шутки и остроты крестьянъ Вологодской губерніи.

1. Кто родился, не крестился, а на себѣ Христа носилъ (крестъ).
2. Яко дубъ, яко тлѣнь, яко платье надѣвъ, яко писаное, переписаное (икона).
3. Что съ ушами и языкомъ, а ничего не слышитъ и не понимаетъ (колоколъ и звонъ).
4. Уши и есть, да ничего не слышать (у колокола).
5. Клѣтъ плетена, она вверхъ ведена во сто угловъ (о сто концовъ) во тысячу рублей (церковь).
6. Подъ мостомъ подъ веретистомъ были вороны, да вылетѣли, одинъ коркунъ и тотъ спорхнулъ (церковь, прихожане, попъ).
7. За уши повѣсать, за языкъ подвергаютъ — станетъ говорить (колоколъ).
8. Не говорить, а все зоветъ (колоколъ).
9. Взойду я на горь-горь-горь, ударю я въ бомъ-бомъ-бомъ, утѣшу царя въ Москвѣ, короля въ Литвѣ, старца въ кельи, младенца въ зыбкѣ, красну дѣвицу въ высокомъ терему. Или же: Влезу я на гой, гой, гой, ударю я въ бирюль. люль, люль, утѣшу я царя въ Москвѣ, короля въ Литвѣ, старца въ кельѣ, младенца въ зыбкѣ, старую старушку на войлочкѣ (колокольный звонъ).
10. Ты еси великѣ, ты еси Филиппъ, ты еси Петровъ, ты еси Господь (четыре поста: великѣй, Филипповъ, Петровъ и Успенъевъ).
11. Вчера было, сегодня есть и завтра будетъ (время).
12. Нашелъ я 12 гнѣздъ, въ каждомъ гнѣздѣ по четыре яйца, а въ каждомъ яйцѣ по семи циплять (голъ).
13. Въ книгѣ шесть листовъ простыхъ, селъмой залотой (недѣля).
14. Ледъ трещитъ, вода плещется, молодая царица умывается (весна, озимь).
15. Лежитъ дерево безпиротое, на него летитъ птица безкрылая, приходитъ дѣвица безротая и сѣѣдаетъ птицу безкрылую (земля, свѣтъ, солнце).
16. Чего на свѣтѣ нѣтъ (всего) жирнѣе (земли).
17. Мужикъ купилъ козу за три рубля. Почему коза пришла (по землѣ).
18. Лѣтомъ грѣеть, зимой холодить (солнце).
19. Что выше лѣсу, краше свѣта (солнце).
20. Что всегда ходитъ, а съ мѣста не сходитъ (солнце).
21. Чего въ сундукѣ не запрешь (солнце).
22. На полѣ итальянскомъ много света бѣлянскаго, одинъ пастушокъ, какъ налитая ягодка (небо, звѣзды и мѣсяцъ).
23. Разсыпался горохъ на семьдесятъ дорогъ, никому не собрать: ни попомъ, ни дьячкомъ, ни серебряничкомъ. Или: Разсыпался корабль по мхамъ, по морямъ, по всѣмъ городамъ; ни собрать этого корабля ни князьемъ, ни попомъ, ни думнымъ дьякомъ, ни серебряничкомъ Или: Разсыпался туманъ, что не собрать ни дьячкомъ, ни пономоремъ (звѣзды).
24. Плоть плыветъ, попъ поетъ, ладонъ пышетъ, свѣчи горятъ (туча, громъ, молнія).
25. Ржеть жеребецъ на перегорождѣ, слышно его (голосъ) въ Новѣ-городѣ (громъ).
26. Чего на свѣтѣ нѣтъ буйнѣе (вѣтра и воды).

27. Не стукнетъ, ве брякнетъ, а ко всякому подойдетъ (ночь).
28. Что царь видитъ рѣко, Богъ никогда, а мы всегда (ровню, т. е. по-
лобнаго себѣ).
29. Чего у Бога нѣтъ, а у насъ есть (грѣхи).
30. Чего нѣтъ легче на свѣтѣ (смѣяться надъ другими).
31. Безъ чего человѣку нельзя жить (безъ имени).
32. Богъ на помочь, дѣвица жать пшеницу съ чужимъ мужикомъ!—Что онъ
мнѣ за чужой! Его-то матушка моей-то матушки свекровь (отецъ).
33. Одного отца матери дитя, а ни которому не сынъ (дочь).
34. За стѣной, стѣной таракашекъ косяной (младенецъ въ утробѣ матери).
35. Загорѣлся соборъ—никому не утешить. Шла баба пѣшкомъ, тряхнула
пѣшкомъ и соборъ утешила (младенецъ плачетъ, приходитъ мать и лаетъ ему
грудь).
36. Два братца черезъ дорожку стоятъ, а никогда не видятся (глаза).
37. Есть у меня возжечки: кругъ (вокругъ) поля станутъ, кругъ головы не
станутъ (глаза).
38. Стоитъ хата, кругомъ мохната, одно окно и то мокро (глазъ).
39. Полно подполье гусей-лебедей. Или: Полонъ подпечекъ бѣлыхъ лебедей
(зубы).
40. Доска лежитъ на болотѣ, не сохнетъ, не гниетъ и ржавчина ее не беретъ
(языкъ).
41. Деревяшка везетъ, сѣчка сѣчетъ, самъ Романъ поворачиваетъ. Сѣчки сѣ-
кутъ, деревяшки везутъ, самъ Мартынъ поварачиваетъ (зубы, ложка, языкъ).
42. Что у барина въ карманѣ, у насъ подъ пятой. Что мужикъ бросаетъ, а
баринъ подбираетъ (сопли).
43. Не живая, а подымается (опара).
44. Что въ набѣ за бѣлая Марья (соль).
45. Изъ воды родится, а воды боится (соль).
46. Сунъ да ударъ, да по плѣши ударъ (блины).
47. Катилися каточки по липовымъ мосточкамъ, увидали зорю, бросились въ
воду (горохъ варять).
48. Покойникъ, покойникъ, умеръ во вторникъ, пришелъ попъ казнить, а онъ
въ окошко глядитъ (хлѣбное зерно).
49. Свидитъ баба на грядкахъ вся въ заплаткахъ, кто ви взглянетъ—всякъ
заплачетъ (лукъ).
50. Маленькая крошка съвозъ землю прошла, красну шапочку вахла (макъ).
51. Красна дѣвица въ темницѣ, а коса на улицѣ (морковь).
52. Стоитъ попъ не высокъ, не низокъ, на немъ сто ризокъ (качанъ ка-
пусты).
53. Безъ оконъ, безъ дверей полна хранина людей (огурецъ).
54. Стоитъ домъ, безъ оконъ безъ дверей, а полонъ людей (стручекъ).
55. Весной ростетъ, лѣтомъ вьется, осенью цвѣтетъ, зимой въ дѣло идетъ
(хмѣль).
56. Безъ рукъ, безъ ногъ на батогъ ползетъ (хмѣль).
57. Зимой съ сѣдой бородой. лѣтомъ новая вырастаетъ, осенью отпадаетъ
(чернолѣсье).
58. Что лѣтомъ и зимой въ рубашкѣ одной (ель).
59. Съ лѣсомъ ровно, а не видно его (сердцевина дерева).
60. Влезу на горюшку, обдеру телушку, кожу кину, мясо кину, одно салцо
возьму (сосновый сокъ).
61. Косо-лукаво, куда побѣжало? зелено-кудряво тебя стерегчи (околица и
поле).
62. Подъ мостомъ, подъ ярустомъ лежитъ кафтанъ однорялошной (озимъ подъ
снѣгомъ).
63. Баба-яга желѣзная нога, весь міръ кормить, сама голодна (соха).

64. О кокорюки ва кокорюки, о два зада, о шесть ногъ, одинъ хвостъ (соха, лошадь и человекъ).

65. Поля обойдетъ и въ житницу уйдетъ (серпъ).

66. Сутулъ-горбатъ все поле перешелъ, всѣ загоны перечелъ (серпъ).

67. Шелъ я мимо Попова, видѣлъ диво такое: головы пробиты, брюха распороты (снопы).

68. Скрыпнѣть скрыпница, везуть красную дѣвицу. — Романъ Романовичъ, пусти ночку почевать, коли хорошая погодка, а худая такъ недѣлку прогощу (везуть снопы на овинъ для просушки).

69. Батюшка — шатеръ, матушка — ладья, сынки — хватки, дѣвушки — полизушки (овинъ, гумно, цѣпы и метлы).

70. Летятъ гуськи — дубовые носки, говорятъ: та-та-ты! та-та-ты! (молотьба).

71. Летятъ гуськи — дубовые носки, шейки кожаные (цѣпы).

72. Чего въ Питерѣ нѣтъ (овина).

73. Идетъ свинья изъ овина о два рыла (ночви).

74. Стучить, гремѣть на улицѣ весь вѣкъ, а не человекъ (мельница).

75. Голова трясется, губы дрожать, зубы вертятся, а изъ горла бѣлый паръ валитъ (мельница).

76. На горѣ-горнѣ стоитъ бѣленище, въ этомъ бѣленищѣ леготъ и леготъ и смерть ведалеко (вѣтряная мельница).

77. Летѣли колбикки черезъ нашу горенку, говорили колбикки: у нашей матушки каменное сердечушко (крошки, ступа, пестъ).

78. Утка (пука) въ морѣ, хвостъ на волѣ (ковшъ).

79. Ходитъ баранъ по подполью, бьетъ онъ рогами по уголью (мутьва).

80. Сколько ни мучь, ни кипяти, а бѣлый не сдѣлаешь (котелокъ).

81. Былъ я копанъ, былъ я топтанъ, былъ я на пожарѣ, былъ на кружалѣ, сто головъ кормилъ сдѣлался старъ — целенаться сталъ; выбросили за окно и собакамъ не надобно (горшокъ).

82. Царица — клюковица по полю скакала, красно золото зобыла. Пришелъ царь Косьмачъ и говоритъ: Богъ помочь, царица — клюковица, красно золото зобать! Она говоритъ: молчи, царь Косьмачъ, и тебѣ то же будетъ (кочерга и помело).

83. Лапочекъ пучекъ; утрое въ огонькѣ, ночью въ уголкѣ (помело).

84. Что въ углу за медвѣжья лапа (помело).

85. Скрученъ, связанъ по избѣ скачетъ (вѣникъ).

86. По полу гудокъ и по лавкѣ гудокъ, тотъ же гудокъ и сѣлъ въ уголокъ (вѣникъ).

87. Маленькій Ерофейко подпоясанъ коротенько (вѣникъ).

88. Черная цыганка изъ печи въ печь (сковорода).

89. Черный котъ Феклу третъ: Фекла дурить — поправавить велитъ (сковорода и сковородникъ).

90. Два бѣльца везуть червеца (чело у печки).

91. Мать толста, дочь красна, сынъ воробей (сынъ синь), въ небеса (подъ небеса) ушелъ (печь, огонь, дымъ).

92. На улицѣ столбомъ, въ избѣ скатертью (дымъ).

93. Половъ сусѣчекъ, красныхъ ячекъ (уголья въ печи).

94. День корпѣть и ночь корпѣть, одно утро спать (заслонка).

95. День и ночь торчитъ, одно утро спать (заслонка).

96. Сидитъ баба на печи въ бѣлой епанчѣ (труба).

97. Сорокъ полъ — одинъ подолъ (крыша).

98. Сама въ избѣ, рукава на дворѣ (матица).

99. Сорокъ братцевъ на одной подушкѣ спать (потолокъ на матицѣ).

100. Два быка бодутся въ одно мѣсто не сойдутся (полъ и потолокъ).

101. На улицѣ краюшки, въ избѣ лонотки (стѣны избы).

102. Что въ избѣ за тончикъ (воронецъ).

103. Два ворона летятъ, одну голову ѣдятъ (два воронца).

104. На улицѣ кляси, (т. е. кисточки) въ избѣ пояси (мохъ между бревнами).
105. Два стоять, два лежать, пятый ходить, шестой водить, седьмой пѣсенки поеть (дверь).
106. Поле хрустальное, межи деревяныя (рама).
107. Дерну-подерну по Герасимову горлу, по бѣлому суконцу, по бархатцу (подъемная рама).
108. Что въ избѣ за фляты (полаты).
109. Что въ избѣ за медвѣжий глазъ (сучекъ).
110. Что въ избѣ самодіется (щель въ бревнѣ).
111. Кланяется, кланяется (въ лѣсу кланяется), домой придетъ—растянется (топоръ).
112. Не ѣсть, не ластъ, а въ домъ ве пускаетъ (замокъ).
113. Не трогаешь — такъ не говоритъ, затрогаешь—заговорить (замокъ).
114. Стоитъ Тимошка на одной ножкѣ, крошить крошенину ни себѣ, ни людямъ (свѣтецъ).
115. Красенькій котикъ по шестикѣ ходить, коточигъ (т. е. кривое шило) сзади носить (горящая лучина въ свѣтцѣ).
116. Красенькій пѣтушекъ по жердочкѣ бѣжить (огонь).
117. Сама нага, а рубашка за пазухой (свѣча).
118. Сама бѣла, а дятятко красенъ (свѣча и огонь).
119. Четыре братца подъ одной шляпкой стоять (столъ).
120. Виситъ, болтается. всякъ не нему притыкается (рукомойникъ).
121. Встану я рано, пойду я къ Роману, къ толстой головѣ, къ широкой бородѣ (рукомойникъ).
122. Что всегда ходитъ, а съ мѣста не сходитъ (часы).
123. Стучитъ вертится. никого не боится, ходитъ весь вѣкъ, а не человѣкъ (часы).
124. Безъ рукъ, безъ ногъ Богу молится (зыбка, люлька).
125. Весь лѣсъ ровень, только двѣ ели повыше (ведро).
126. У нашей туши выросли уши, а головы-то и нѣтъ (ведро, ушатъ).
127. Самъ худъ, а голова съ пудъ (бевѣвъ).
128. Чѣмъ болѣе верчусь. тѣмъ болѣе толстѣю (веретено).
129. Сто кражевъ, а не будетъ (или вечѣмъ) печь истопить (береза).
130. Парень молодой, праздникъ годовой — ходитъ, вздыхаетъ, глубоко пихаетъ (сапоги).
131. Два конца, два кольца, въ серединѣ гвоздь (ножницы).
132. Шла свинья изъ Питера, вся кругомъ истыкана (наперстокъ).
133. На одной ямѣ—сто ямъ съ ямой (наперстокъ).
134. Черненько, маленько по городу скачетъ, всѣхъ людей краситъ (игла).
135. Желѣзная кошка, портяной хвостъ (игла съ ниткой).
136. Маленькій Ерофейчикъ въ петелькѣ заданился (уговница).
137. Подъ лѣсомъ, лѣсомъ колья съ вѣсомъ (серги въ ушахъ).
138. Въ одвой бочкѣ два винца: бѣлое да красное, болтаются не смѣшиваются (яйцо).
139. Чего на спичку не повѣсишь (яйца).
140. У моей-то у матушки семьдесятъ рубашечекъ, а выйдетъ на улочку и задъ голый (курица).
141. Дважды рожденъ, ни разу не крещенъ, въ Евангеліѣ помѣщенъ (пѣтухъ).
142. Не княжеской породы, а ходитъ съ кореной; не ратный ѣздокъ, а съ ремнемъ на ногѣ; не сторожемъ стоитъ, а всѣхъ рано будить (пѣтухъ).
143. Что перѣже (раньше) Богъ сотворилъ курицу или яйцо (курицу).
144. Рукъ нѣтъ, а строить умѣетъ (птица).
145. Безъ рукъ, безъ топоренка построена избенка (гнѣздо).
146. Маленько, тепленько, а мѣста много (гнѣздо).

147. Павъ пановичъ упалъ въ колодець и воды не помутилъ (перо).
148. Чего черезъ перекладъ (или: избу) не перекинешь (пера).
149. Изъ живого и мертвого вынуть, голову ему сынуть, сердце вынуть, дадутъ пить, станутъ говорить (гусиное перо).
150. Чего и въ Питерѣ никогда не найти (птичьего молока).
151. Сивую буренушку и дома не любить, и на торгу не мунять (мышь).
152. Мала и не кому не мала (мышь).
153. У насъ на лыжахъ въ подпольи лежить (мышь).
154. Подъ поломъ, поломъ ходить (или: сидеть) барыня съ коломъ (мышь).
155. Корова пестрая, титьки острыя, сука на боку, хороша къ молоку (пчела).
156. Что надъ нами вверхъ ногами (муха).
157. Летить птица орелъ, садится на престолъ, говорить со Христомъ: батюшко Христосъ, дай мнѣ волю надъ царемъ и надъ царицей и надъ красною дѣвицей (муха). Въ Несвойкомъ загадывается такъ: Летѣла птица орелъ, садилась на престолъ, говорила со Христомъ: далъ ты мнѣ волю надъ царемъ и королемъ, не далъ воли въ рыбѣ въ морѣ.
158. Милый мой спать со мной, въ траурѣ ходить—не знаетъ по комъ (блоха).
159. Въ полѣ, въ ramenъ кипить безъ воды и безъ огня (муравейникъ).
160. Черенъ да не воронъ, рогатъ, да ве быкъ, о шесть ногъ безъ копытъ (жукъ).
161. Летить, урчить, по-бычачьи мыить, по-медвѣжьимъ рычать, на землю падеть—землю дереть (жукъ).
162. Какова дѣтя мать не воспитаешь (рыба).
163. Ногъ нѣтъ, а ходить, крылья есть, а летать ва можешь (рыба).
164. По землѣ ползеть, а къ себѣ не подпускаешь (змиѣя).
165. Съ голову велико, а съ перо легко (пузырь).
166. Четыре ходаста, два бодаста, седьмой хлебестунъ (корова: ноги, рога, хвостъ).
167. Четыре дѣвицы въ одну кринку плюютъ (или: сеютъ) (вымя).
168. Въ полѣ, въ ровѣ, двѣнадцать сосенъ; въ Рыковѣ четыре, во Ржевѣ двѣ (сосны у свиньи, коровы, кобылы).
169. На дворѣ калачемъ, а въ избѣ пирогомъ (собака).
170. Четыре четверки, двѣ растопырки, однаъ вертунъ, да два яхонта (кошка).
171. Двѣ головы, шесть ногъ, одинъ хвостъ (верховой).
172. Лѣзу, лѣзу по желѣзу, ва мясную гору, на деревявную бесѣду (стремя, лошадь, сѣдло).
173. Двѣ Палашки бѣгутъ въ лески, загнувши носки (половья у саней).
174. Встану—такъ выше коня, лягу—такъ ниже кота (дуга).
175. Два брата по одной дорожкѣ бѣгутъ, а вмѣстѣ не сойдутся (колеса).
176. Бѣжать леска подлѣ лески закорюча ножки (лыжи).
177. Въ лѣсъ-то идеть, клѣтки кладеть, изъ лѣсу идеть—перекладываетъ (слѣлы).
178. Лежить брусъ во всю Русь; еслибы руки да ноги, то бы всталъ, да и до неба досталъ; а если бы ротъ да глаза, то все рассказалъ. Или: Кабы всталъ молодець—я бы до неба досталъ; кабы руки да ноги, я бы вора связалъ; кабы ротъ да глаза—я бы все рассказалъ (дорога).
179. Чего къ стѣнѣ не прилѣпишь (дороги).
180. Шуба новая, а на подолѣ дыра (прорубь).
181. Ъду, ѡду—слѣду нѣту, рѣжу, рѣжу—крови нѣту (ѣзда на лодкѣ).
182. Что растетъ вверхъ ногамъ (лѣсная сосулька).
183. Самъ Самсонъ мостъ смостилъ безъ топора, безъ клинья и безъ тесанья (морозъ).
184. Чего въ рѣшетѣ не унесешь (воды).
185. Чего кругомъ избы не обнесешь (воды въ рѣшетѣ).
186. Гдѣ вода продается очень дорого (въ трактирѣ).

187. Идешь въ баню черенъ, а выходишь красенъ (ракъ).
 188. Черненько, горяченько, а всё любятъ (чай).
 189. Кто безъ ногъ ходитъ (деньга).
 190. Кругло-мало—всёкому мило (деньги).
 191. Плелъ мужикъ зобенки (т. е. корзины) девять день, каждую зобенку по три дня, продавалъ мужикъ зобенки по три на деньгу. Велика ли добыча была (одна деньга).
 192. Сорока летитъ, собака на хвостъ сидитъ (на своемъ).
 193. Безъ рукъ, безъ ногъ, а вездѣ бываю (письмо).
 194. Все на ней ѣздятъ: и радость и горе (почта).
 195. Летитъ орелъ-птица, несетъ во рту огонь, по конецъ живота—человѣчья смерть (ружье).
 196. Безъ языка, а сказывается (болванъ).
 197. Умылся не такъ, нарядился на такъ, наѣхалъ не такъ, заѣхалъ въ ухабъ и не выѣхать никакъ (покойникъ).
 198. Дѣлаетъ мастеръ вещь не про себя, кто покупаетъ, тотъ не жалеетъ, а кто жалеетъ, тотъ не знаетъ (гробъ). Столяръ дѣлаетъ не для себя, кто знаетъ, тому не нужно, а кому нужно, тотъ не знаетъ.
 199. Тянуть раскоряку на пердачій дворъ (надѣваніе штановъ).
 200. Летѣли гуси надъ лѣсомъ и надо имъ сѣсть отдохнуть. Если они сядутъ по два на дерево—дерево останется, а по одному—гусь останется. Много ли деревъ и гусей (2 дерева и 3 гуся).
 201. Летѣло стадо гусей, увидалъ ихъ мужикъ и говоритъ: васъ подв сто? Они отвѣчаютъ ему: кабы васъ столько, да еще бы столько, да полстолько, да четверть столько, да ты бы съ намъ—было бы сто. Много ли гусей (36+36+18+9+1)? 36 гусей.
 202. Хотъ и летаю, да по не волѣ (дѣти пускаютъ змѣй).
 203. Прилетѣла тѣнь на Петровъ день, съла тѣнь на пенъ, стала тѣнь плакать, волосы выпнутъ, дубровка шумитъ (косыба).
 204. Шелъ я по тухъ-тахъ-ту, встрѣтилъ я бѣлахъ-тахъ-ту, кабы не малахъ-тахъ-то, я бы съ нимъ по барахъ-тохъ-та (шелъ медвѣдь за коровой [по тухъ-тохъ-ту], встрѣтилъ охотника [бѣлахъ-тахъ-ту], и еслибы у охотника не было ружья [малахъ-тахъ-то], то онъ съ нимъ поборося (по барахъ-тахъ-та).

Народныя привѣтствія при встрѣчѣ.

Съ работающимъ: Богъ на помощь! Богъ помочь! Помогай Богъ!
 Съ прохожимъ: Богъ по пути! Путемъ—дорогою!
 Съ рыболовомъ: Ловъ на рыбу!
 При входѣ въ лавку: Богъ за товаромъ!
 Съ чаепійцами: Чай да сахаръ!
 Съ обѣдающимъ: Хлѣбъ да соль! Хлѣба кушать, отвѣчаютъ.
 Когда квашню мѣсятъ: Спорынья въ квашню!
 Когда коровъ доятъ: Море подъ коровой!
 Съ играющими въ карты (трилистика): Игра на карты!

Шутки и остроты.

Вчера за устьемъ горѣло (говорятъ, что горѣло въ печи за устьемъ, а нѣкоторые думаютъ—горѣло за Устьемъ: Устье—богатое село въ Калнинскомъ уѣздѣ, близъ Кубенскаго озера).

Огурецъ соленой три пуда вывѣсилъ (огурецъ съ Оленой. Олена—женское имя).

Эта наловилъ мужикъ ерша!.. такъ вѣдь онъ сухой, около полупуда вытянулъ (сухой, т. е. съ ухой).

Тебѣ безъ узла ничего не сдѣлать (у младенца завязываютъ пупъ, слѣдовательно есть узелъ).

Тебѣ иголки безъ нитки изъ комнаты не вынести (то же самое).

Ложки безъ клина не разшибти (на одеждѣ клинья есть).

Сутками до Питера не дойти (съ утками—сутками).

На то мѣсто не сѣсти, на которое я сяду (еще бы я сяду, слѣдовательно мѣсто занято).

И 25 пудовъ ржи унесу на плечѣ до города (напишу на бумагѣ «25 пудовъ ржи» и унесу).

Дамъ я тебѣ камень съ головою, а тебѣ мнѣ стекла не разбить (можно дать камень съ комариную голову).

Я дамъ тебѣ ножницы, такъ ими тебѣ не разрѣзать платка на полу (я нари-сую ножницы и дамъ—разрѣжъ ими платокъ).

Сколько у тебя вши-то (вши-то, т. е. пришито).

Сказки

(Два брата.—Мужъ и жена.—Одна копеечка.—Три слѣпца и работники. Быль).

Два брата.

Жили, были на свѣтѣ два брата, сиротки. Отецъ съ матерью не успѣли поднять ихъ и оставили малѣхонькихъ: одного по шестому, другого по сѣмому годочку. Зимой какъ-никакъ сиротки пробивались, а наступило лѣто, нанялись оба въ подпаски. Жить было имъ нѣтъмъ—родни никакой, вотъ и стали оны мыкать горе по чужимъ людямъ, по подпаскамъ и пастухамъ. Долго ли, коротко ли такъ оны жили, только какъ подросли до жениховъ, меньшей и говорить старшему:—братецъ миленькой, полно намъ по пастухамъ ходить, совѣсно, пора учитьце крестьянству, нады намъ хоть въ работники иттить.

— Нѣтъ, Ваня, отвѣчаетъ старшой братъ, ты какъ хошь, а я въ работники не пойду, а пойду въ монастырь, попрошусь въ привратники, али въ сторожа и буду Бога замаливать.

Такъ и порѣшили: одинъ иттить въ монастырь, а другой въ работники. Пошли сумочки, взяли хлѣба и пошли дорогой. Дошли до кресцовъ, сѣли на камышокъ, поѣли, поговорили, поплакали.—Гдѣ же мы съ тобой сѣнемся, когда сдумамъ повидавать другъ дружку?—спрашиваетъ меньшей братъ.

— А вотъ што, Ваня, какъ стоснешься по мнѣ, приходи въ монастырь въ Тифину—далѣ этого монастыря я не пойду; а мнѣ тебя искать не рука: ты будешь жить по чужимъ людямъ, голъ въ одной деревни, на другой въ другой, уйдешь, можешь, и въ другую волость. Такъ гдѣ же мнѣ тебя искать-то будетъ.

Посидѣли, помолились, распростались горькимъ слезамъ и пошли: одинъ по большой дороги въ монастырь, а другой по поверткѣ.

Приходитъ меньшей братъ въ одну деревню и остановился на ночлегъ въ избенки, коя съ краю и похуже. А въ избы той жила вдова молодая и у ей семеро дѣтей, все малъ-мала-меньше.

— Ты паренекъ, не по казакамъ ли ходишь?—спрашиваетъ вдова.

— Да, тетинька.

— Такъ наймись ко мнѣ.

— Да гдѣ же у тебя мужикъ-то?

— Я, родимой, вдовица, а робять у меня семеро, малъ-мала-меньше. Сдѣлай милость, наймись, кормилецъ!

— Нѣтъ, тетинька, я по пастухамъ жилъ, крестьянской работы не знаю, сохи и боровы справить не умѣю, а мужика-то у тебя нѣту.

А у ей заведенъе настояще,—пара лошадей в корова.

— Ничего, говоритъ вдова, я, какъ нады пахать, принимаю старичка, ѣнъ соху, справить и борону свяжетъ; а ты, паринекъ, порадѣй на сиротокъ.

Малецъ согласился. Прошелъ годъ. Работникъ хотѣлъ уходить, но вдова уговорила его остатце:—все равно, живи-ты у мина, чѣмъ по работникамъ-то ходить.

Такъ и прожилъ у ей работникъ ни много-ни мало, а 16 лѣтъ. Дожилъ до того, што дѣтки ея подросли и паряя (сына) пора женить. Тогда вѣстяхъ со вдовой пожелали оны ейнова старшева сына. Послѣ сварьбы кавакъ и говорить вдовы:— есь топерь у тибя работники. Отпусти миня—ноетъ мое сердце, хочеть повидатце съ братомъ!

И стали тутъ передъ нимъ на колѣнки вдова съ сыновъ.—Поднялъ ты насъ вѣстѣ съ матерью, говорить сынъ, былъ намъ замѣсто отца роднова и на сварьбу насъ благословилъ. Останьсе, поживи еще годокъ: научи насъ съ молодой женой уму-разуму. Хорошо—молодуха у насъ ладно будетъ жить, а какъ задурочить? Што мы тогда будемъ дѣлать съ ей? Тибя же она постыдице и за годъ остепеннице—мы тогда тибя и проводимъ.

Пожалѣвъ Иванъ, осталсе.

Черезъ годъ упать попросилъ онъ у вдовицы расчета за 17 лѣтъ. Та вынесла изъ подклатъя вси деньги, какія были и высыпала передъ нимъ на столъ.—Чѣмъ я распачиваться буду за твою службу? заговорила старуха. Вотъ возьми сибѣ вси деньги, какіи есь, а чѣво не хватаетъ, то уплотнимъ, когда воротитсье, повидавше брата.

— Взять эти деньги, думаетъ Иванъ, обижу ихъ—вишь, у ихъ начево не осталось,—и взялъ всего-на-всего одинъ рубъ и одѣжду не то што новую и не то што старую. Вдова и дѣти проводили его за пять верстѣ, а какъ раставатце, стали передъ нимъ на колѣнки и слезно просили его:—пойди, спровѣдай своева старшова брата, говорить вдова, а потомъ воротисъ хъ намъ и живи у насъ до самой смере-душки. А какъ упокоить тибя Господь, твои косточки скороятъ мои дѣтушки, потому ты имъ былъ замѣсто отца роднова.

Приходитъ мевшой братъ въ тотъ монастырь, куды ушелъ спасатце старшой. Вошелъ въ церкву, тамъ была служба. Ётъ не столько молитце, сколько по сторо-намъ глядять: хочеть отыскать старшова брата. Но нѣту, не видать его нигдѣ—ни межъ монахамъ, ни межъ послухамъ. Вышелъ ётъ тогда вонъ изъ церкви, сталъ у воротѣ оградныхъ и плачетъ горькимъ слезамъ:

— Господи, Господи, открой мнѣ, грѣшному, живъ аль нѣтъ братъ мой. Если живъ, такъ какъ повидатце съ нимъ, а если умеръ, то хотъ помолитце за его.

И проходить въ эту пору мимо его старичекъ, не знамо, откуда взялсе, и говорить:

— Молодецъ, о чемъ ты плачешь?

— Охъ, ты, желанной старичекъ, вотъ ужъ 17 лѣтъ какъ не выдалсе я съ братомъ. Я осталсе въ деревни, а ётъ ушелъ въ этотъ монастырь. Топерь пришелъ повидатце съ нимъ и ни могу нигдѣ брата найтить.

— Я тибѣ помогу брата сыискать.

Ётъ бухъ старичку въ ноги.

— Ты стой тутъ въ воротахъ и смотри на того, кто сичасъ пойдетъ—ето братъ твой, да слухай!

Работникъ бухъ упать старичку въ ноги, а тотъ скрылсе, неизвѣсно куды. Встаётъ в видить: идетъ изъ собора анхирей, одѣжа у его вся золотомъ такъ и сіяетъ, а на головѣ чудная шапочка круглая, вся каменьемъ самоцѣвнымъ изукрашена; идетъ на посошокъ упираетце и ведутъ его два подьякова подъ руки въ келью. Иванъ поклонилсе ему до зени. Увидаль анхирей его и промовилъ: «иди за мной»!

Пошелъ Иванъ слѣдомъ, а самъ думать: Господи, неужто мой братъ анхирей? И какъ я съ нимъ буду говорить, у миня и слова не найдется: вишь, ётъ въ какихъ топерь!

Привели въ келью. Подьяконы взяли посошокъ, повѣсили шапочку на спицу, ризы на другую, подставили стулъ анхирею и ушли.

Анхирей и спрашиваетъ:—братецъ, гдѣ ты жилъ 17 лѣтъ?

— Бакъ разлучалсе съ тобой. братецъ родимой, прошелъ въ одну деревню и нанялсе хъ одной вдовицы въ работники: у ей 7 человекъ дѣтей малъ-мала-меньше. Тутъ и прожилъ вси 17 лѣтъ, покуда сына не женилъ.

— Ну што же, братецъ, много-ль ты въ 17 лѣтъ заработалъ?

— Да што, братецъ, давала мнѣ вдовца на прощанье вси свои деньги, да нять, думаю, ихъ обижу; пожалѣлъ и взялъ только одинъ рубль на дорогу.

— Эхъ, братъ, само лучшее ты время 17 лѣтъ прожилъ за одинъ рубль! Ни на тибѣ одѣжа хороша, ни на тибѣ обувь славна. Вишь за 17 лѣтъ ты могъ бы сберечь копеечку на черной день, а ты заработалъ одинъ рубль. О чемъ ты думалъ?

— Братецъ родненькой, оны не бросать миня: оны просили, штобъ я, какъ повидаясь съ тобой, вернулось хъ нѣмъ и жилъ у ихъ до самой смередушки.

— Вишь, не свои дѣтки, братъ. Какъ же ты на ихъ надѣялся. Ты, братецъ, посмотри на миня, я въ 17 лѣтъ, вишь, какъ заслужилъ, што миня въ Божій домъ полъ руки ведутъ и изъ Божьяго дома тожъ.

— Всякому своя щась, братецъ.

— Мнѣ на семь свѣтъ хорошо, да и на томъ не худо. Посмотри-ка, кака для миня гробница слажена, целеной обвита и золотымъ покровомъ покрыта — Сказалъ, подошелъ къ гробницѣ и раскрылъ ее. Вотъ я лягу, продолжалъ онъ, а ты покрой миня целеной, погляди, какъ мнѣ хорошо будетъ и закрой крышкой. — Взялъ легъ въ гробъ и руки запахнулъ. Братъ закрылъ гробъ. Глядь—полъ раступилсе и гробъ—пошелъ на низъ въ землю. Иванъ схватилсе, хотѣлъ поддержать не тутъ-то было: гробъ провалилсе, а полъ заровнялсе, какъ будто брата и не бывало.

Жалко стало Ивану брата. Сталъ онъ на колѣнки и просить Бога: Господи, вороти брата моего, изъ-за миня погибъ онъ безъ покаянья; кабы зналъ, такъ не спровѣдывель его — Плачетъ Иванъ до вечера горючими слезамъ.

Передъ вечеромъ вдругъ говоритъ икона съ божницы голосомъ человѣчьимъ: — рабъ, не плачь!

— Господи, какъ же мнѣ не плакать!

Съ иконы отвѣчаетъ:—какъ ударягъ въ большой колоколъ, надѣнь шапочку и ризы. поведутъ тибя подьяконы въ соборъ и поставятъ передъ престоломъ.

— Господи, што я буду у престола дѣлать, вишь, я—человѣкъ неграмотной, никакой молитвы не знаю.

— Поставятъ тибя у престола продолжалъ голосъ, берись за самую большую книгу, гляди въ нее и служи все равно, што братъ твой.

Ударили въ большой колоколъ. Иванъ приготовилсе, умылся, надѣлъ ризы и шапочку, сѣлъ и пригорюнился: думалъ, што придутъ манахи и узнають. Пришли манахи, взяли его подъ руки, свели въ алтарь и поставили къ престолу. Какъ взялся онъ за самую большую книгу, раскрылось ему все и сталъ онъ служить все равно, какъ братъ. Отслужилъ вечерню и никто не призвалъ его: анхирей и анхирей... Послѣ службы манахи взяли его подъ руки и отвели въ келью. Цѣлую ночь молился Иванъ за брата: — Господи, вороти мнѣ брата моего, изъ-за миня погибъ онъ безъ покаянья!

На другой день отслужилъ обѣдню и вечерню. Послѣ вечерни, когда манахи ушли, сталъ онъ упясть на колѣнкахъ молитце за брата. Въ тѣ поры полъ раступилсе, обозначилась яма и гробница стала подыматьсе кверху. Какъ вышла гробница, полъ задвинулсе и голосъ изъ гроба говорить:

— Братецъ, раскрой крышку скорѣй!—Иванъ снялъ покрывало, поднялъ крышку и поставилъ брата на ноги. Анхирей бухъ брату въ ноги —Братецъ родимой, прости ты миня! Господь наказалъ миня за то, што я тибя осудилъ, а сибя похвалилъ. А какъ взялъ миня Господь на тотъ-то свѣтъ, такъ узналъ я, што твоя заслуга дороже моей. Топерь не пущу я тибя хъ сиротамъ—оны ужъ подросли, а останьсе со мной и помоги мнѣ грѣхъ мой перелъ Господомъ Богомъ замолить.

Такъ и жили оба брата въ монастырѣ до самой смерти.

Мужъ и жена.

Жили въ онной деревни мужъ и жена, оба молоды. Баба передъ жнивомъ родила первова робеночка. Ковда наступило жниво, стали оны ходить жать на ниву, а нива была версты за три отъ деревни. Повѣсятъ робеночка въ зыбки за кустомъ, а сами жнутъ.

Вотъ разъ какъ-то на пабѣдѣ мужикъ съ бабой расхлопотались. Мужикъ молчить и баба тоже. Не пойду домой, думаетъ баба, пока ѣнъ жнетъ. Мужикъ жнетъ до вечера и баба съ нимъ. Только стало стемнѣть, мужикъ не стерпѣлъ и говоритъ:— ступай домой, пора обряжатце.— Ёна серпъ на плечо, да и покатила, а робеночка-то въ зыбки и забыла. Мужикъ видѣлъ это, да подумалъ, што она нарочно оставила робенка. Ну, думаетъ, пушчай, и я не возьму; сбѣгать и съ дому. Ёнъ пожалъ, пожалъ, да, какъ надо домою итти, и ѣнъ пошелъ, не назавъ тоже робеночка. Пришелъ домою. Баба убралась и ужинать собрала. Вотъ какъ стали оны ужинать, баба взглянула ва пустой оцепъ и скрикнула: о, Господи, да гдѣ же робенокъ-то?

— А гдѣ забыла, тамъ и есь,—отвѣчаетъ мужикъ.

— Да я-то забыла, а ты-то што-же!

— Нѣтъ, ты не забыла, а на зло оставила: хотѣла, штобъ я принесъ. Да не бывать тебѣ большухой надо мной.

Баба звывла и просить мужа итти вмѣстѣ за нимъ (вишь, бонтце итти).

— Нѣтъ, говоритъ мужикъ: пушчай до утра. По утру придешь и робеночекъ тамъ, не надо и носить.

Баба пошла овна—нѣшто мать-то оставить!

Приходить она хъ нивы, а ставше нянька хъ этой зыбки съ лѣсомъ наровень, качаетъ и приговариваетъ:

Бай, бай, дитятко! бай, бай, милое! Матушка забыла, а батюшка оставилъ. Бай, бай, дитятко! бай, бай, милое! Матушка забыла, а батюшко оставилъ.

Ну, какъ ей подойти?! Подошла эдакъ сторонкой и говоритъ: — кумынекъ, кормилецъ, отдай ты мнѣ робеночка!

А ѣнъ отбѣжалъ, захопалъ въ ладоши и закричалъ:—ха-ха, ха-ха, ха-ха, ха! Шелъ да шелъ, да кумушку нашелъ!—И гулко таково бѣжить по лѣсу, да все кричить:—ха-ха, ха-ха, ха-ха, ха! шелъ да шелъ и кумушку нашелъ!—Вишь, любо ему стало, што кумынкомъ назвала.

Баба схватила робенка, да опрометью изъ лѣсу.

Одна копеечка.

Бѣнной мужикъ покумилсе съ богачемъ. Разъ взялъ бѣнной у богатова кума въ займы десять рублей и выплатилъ ему по частямъ весь долгъ, окромя онной копейки. Одначе, богачу жалко и онной копейки. Кажинной разъ, какъ идетъ онъ хъ обѣдни въ церку кумъ жилъ въ другой деревни—заходитъ подъ окно хъ куму и спрашивать: скоро ли, кумъ, копеечку отдашь? Хоть Богу свѣчку на ю поставилъ бы! А кумъ, хотъ и имѣлъ деньги, а все говорилъ, што денегъ нѣтъ.—Подожди, кумъ, вотъ справлюсь, такъ отдамъ. Цѣлой годъ спрашивалъ богачъ копейку. Наконецъ надоѣлъ бѣнному.—Вить, эдакой кумъ-то «скупердай»! Вишь, жалко онной копѣйки! Вотъ што, жонка. Я притворюсь мертвымъ, а ты, какъ пойдетъ кумъ хъ обѣдни, попроси его аммытъ мнѣ и свезь въ церку.—Сговорились. Въ воскресенье, какъ только завидѣлъ бѣнной кумъ въ окошко богатова, легъ на лавку, захрипѣлъ, потянулось и точно померъ. Богатый подходит хъ окошку и стучитъ:—кумъ, а скоро-ль копеечку-то отдашь.—Охъ, ты кумынекъ-кормилецъ, отвѣчаетъ жена бѣннова, вить, померъ хозяинъ-то у мнѣ.—Што ты?—Взаболъ, продолжаетъ она, и просилъ тибя передъ смердушкой аммытъ его и въ церку свезь.—

— Охъ, кумъ, кумъ, вздыхалъ богатовъ, рано ты померъ и копейки не успѣлъ отдать!—Началъ онъ кума мыть горячей водой. Какъ плеснетъ на кума, а кумъ какъ сдрыгнеть. Омылъ кума; взяли сколотили домъ ему и принесли въ церку. — Вѣрно, думаетъ богатой, кумъ притворилеся мертвымъ и хочетъ што-нибудь счипить изъ церкы. Дай-ко я догляжу. — И спряталсе за печку.

Пришла ночь. Богатой стоимъ за печкой и ждеть.

Вдругъ што-то заюкатало, застукотало на паперти. Открылись двери, и въ церку ворвалась не святая сила:—вѣтъ, оны по ночамъ ходятъ въ церку-то.

Вошли, насыпали на полъ цѣлой ворохъ денегъ—гдѣ-то, не благословяся положены деньги-то! — и стали дѣлать.

— Ужо-ко, думаетъ богатой, а ихъ пугну, не бросятъ ли деньги то. — «Живыи и мертвыи ставайте», крикнулъ онъ! — Вдругъ крышка у гроба слетѣла, и мертвой кумъ поднялсе. Тутъ вся не святая сила скочила да вонъ изъ церквы. Забыли даже и дверь запереть.

— А што, кумъ, вѣтъ ты живъ? — Живъ. — Ну, такъ давай запремъ двери и подѣлимъ деньги. — Подѣлили. Черти, между тѣмъ, спохватились, што оставили деньги, и послали двоихъ посмотришь въ окно, сколько народу въ церквы: можетъ мало, такъ нельзя ли отнять у ихъ.

Два кума, подѣливши деньги, стали у окошка и разговариваютъ про междъ собой. — А, вѣтъ, кумъ, ты все ищо не отдалъ мни копейки-то! — Въ это время одинъ изъ нечистыхъ заглянулъ въ окно. Бѣняой кумъ цапъ съ его красной колпакъ. — На, гытъ, тебѣ копейка! — и бросилъ съ его колпакъ богатому. Тутъ черти безъ оглядки понеслись назадъ хъ своимъ. — Бѣгите далѣ, намъ тутъ дѣлать нечево: нашихъ денегъ по копейки только, да ищо онному и не хватило. (Вѣтъ оны думали, што ихъ такъ много, што на кажнава пришлось только полкопейки, и ищо онному не хватило).

Такъ и стали оба кума богатыи.

Три слѣпца и работникъ.

Жилъ мужичекъ со своей женой и дошелъ онъ до такой бѣдности, что нечего было ѣсть. Вотъ мужикъ и говоритъ своей женѣ: — ты, жена, останься дома, а я пойду въ Питеръ на заработки; пришлю тебѣ денегъ, а ты прихватишь кого-либо изъ сосѣдей на работу. — Мужикъ ушелъ въ Питеръ, а жена его осталась дома. Однажды видитъ она молодца, который идетъ по улицѣ; увидалъ и онъ молодуху, которая на этотъ разъ выглянула въ окно, и спрашиваетъ ее: — не надо ли тебѣ работника? — Молодуха позвала его въ избу и говоритъ молодцу: — нанять-то мнѣ нужно бы работника, да хлѣба-то у меня мало, а мужъ ушелъ въ Питеръ ва работу. — Молодецъ отозвался: если я наймусь къ тебѣ, такъ мы наживемъ себѣ хлѣба до прихода твоего мужа.

— А дорого ли ты возмешь? — Не дорого, только три копейки въ мѣсяцъ; но чтобъ только я былъ большимъ въ домѣ, а ве ты: я буду наряжать тебя на работу, а не ты меня. — не вѣрится молодухѣ, чтобъ за такую цѣну онъ сталъ жить, и она замѣтила ему: — ты меня обманеши, не доживеши и уйдешь отъ меня. Тогда ты меня поставиши. — Молодецъ увѣрялъ молодуху, согласились, Богу помолились и молодецъ остался.

— Собирай, хозяйка, теперь обѣдать, обратился къ ней молодецъ. — Она заохала: — Не что бы собрать тебѣ обѣдать, да хлѣба-то у меня нисколько нѣтъ. — А если нѣтъ хлѣба, возразилъ молодецъ, такъ пойди и займи у сосѣда: безъ хлѣба же намъ не жить.

Молодуха побѣжала къ сосѣду просить хлѣба въ займы, а сосѣдъ и гиворитъ ей: — чѣмъ же ты мнѣ отдашь, когда у тебя нѣтъ ничего. — Да вотъ я, отвѣчала молодуха, наняла работника, который увѣряетъ меня, что безъ хлѣба жить не будетъ.

Тогда сосѣдъ - отрѣзалъ полхлѣба и далъ молодухѣ. Ушла она, а старуха замѣтила мужу: что же ты далъ ей хлѣба, вѣдь она обманетъ насъ: напаяла работника, а самой ѣсть нечего; чѣмъ же она будетъ тебѣ отдавать?

Пришла молодуха домой, накормила своего работника обѣдомъ. Вышелъ онъ изъ-за стола и приказываетъ ей:— давай теперь мнѣ мѣшки, я поѣду на мельницу.— Она ему говоритъ: — съ чѣмъ же ты поѣдешь на мельницу, когда у меня нѣтъ ни ржанки?—Дѣла тебѣ нѣтъ до этого, замѣтилъ работникъ, а ты давай мнѣ мѣшки, не жить же намъ безъ хлѣба.—Принесла молодуха два мѣшка и отдаетъ ихъ работнику. Мало показалось ему двухъ мѣшковъ и проситъ, чтобы она принесла еще четыре мѣшка. Принесла молодуха четыре рваныхъ мѣшка, а работникъ и указываетъ ей:—я лягу отлохнуть, а ты въ то время зачини мѣшки.—Зачинила молодуха мѣшки, и пошла за лошалями, а работникъ сталъ мазать телѣгу. Спрашивалъ работникъ телѣгу, запрѣгъ лошадей, сложилъ мѣшки на телѣгу и поѣхалъ на мельницу. Удивляется молодуха работнику, что безъ ржи поѣхалъ на мельницу. Выѣхалъ работникъ за деревню, увидалъ вдали сосѣякъ, подѣхалъ къ нему и нагребъ всѣ шесть мѣшковъ пескомъ, а затѣмъ сѣлъ на мѣшки и съ пѣсенкой поѣхалъ дальше. Приѣхалъ на мельницу, свалилъ мѣшки въ амбаръ и спрашиваетъ мельника:—дойдетъ ли до него сегодня чередъ молотъ или нѣтъ. — А мельникъ отвѣтилъ:—пріѣзжай завтра, сегодня не слободно.—Работникъ распростился съ мельникомъ и поѣхалъ обратно въ деревню. Увидала молодуха работника и спрашиваетъ его:—что же ты безъ хлѣба пріѣхалъ и безъ мѣшковъ.—Онъ отвѣчаетъ ей:—не твое дѣло; сказано тебѣ, что я большой буду въ домѣ.—Вотъ завтра поѣду за мукой на мельницу, сегодня мельнику некогда (завозно), помельцевъ много.—На другой день работникъ всталъ пораньше и отправился на лошадей на мельницу. Тамъ онъ видитъ, что помольцевъ нѣтъ никого. Мельникъ пошелъ спускать воду, а работникъ сталъ насыпать хлѣбъ въ жернова. Лишь только спустилъ мельникъ воду, работникъ въ это время со всего размаху спустилъ мѣшокъ въ жерновъ и закричалъ:—запирай, мельникъ, воду! — Прибѣжалъ мельникъ на мельницу и заголосилъ: что у тебя случилось?—А потомъ, когда увидѣлъ въ жерновахъ песокъ закричалъ на него:—что же смѣешься надо мною. Развѣ съ пескомъ ѣздить на мельницу?—Работникъ сталъ увѣрять мельника, что мѣшки у него были съ хлѣбомъ, а кто вмѣсто хлѣба насыпалъ песку, онъ не знаетъ, можетъ быть, помельцы пошутили. Дай-ка я посмотрю остальные мѣшки, можетъ быть и тамъ песокъ.—Развязалъ работникъ мѣшки и точно—тамъ оказался тоже песокъ.

Мельникъ сталъ божиться, что онъ въ этомъ не виноватъ, можетъ это сдѣлалъ помольцы. А работникъ возражаетъ ему:—я не буду разыскивать помольцевъ; ты виноватъ, такъ ты и отвѣчай, а то я тебя въ Сибирь упеку.—Испугался мельникъ и сталъ упрашивать помольца, чтобы онъ никому не говорилъ объ этомъ, а что онъ за это уплатитъ своимъ хлѣбомъ. Высыпалъ мельникъ песокъ изъ мѣшковъ въ воду и насыпалъ четыре мѣшка ржаной муки, одинъ грешневой и одинъ житной. Работникъ—не будь глупъ—говоритъ мельнику:—теперь едва насыпалъ мой, хлѣбъ да за штрафъ прибавь деньжонокъ, иначе доведу дѣло до суда.—Отдалъ мельникъ 10 р. работнику, помогъ навалить мѣшки на телѣгу и, отправляя его, просилъ никому не говорить.

Обрадовался работникъ, что надулъ мельника, и съ пѣсенкой поѣхалъ въ деревню. Подѣхалъ къ избѣ и крикнулъ молодухѣ, чтобы отпирала амбаръ. Не утерпѣлось молодухѣ и спрашиваетъ работника:—гаѣ же ты взялъ столько муки?—Молчи, я тебѣ говорю, не твое дѣло! Теперь намъ до осени хватитъ хлѣба.

Такъ прожила молодуха съ работникомъ до сѣнокоса; къ этому времени прислалъ ей мужъ деньжонокъ изъ Питера для справки съ хозяйствомъ и просилъ ее, чтобы она напаяла кого-либо изъ сосѣдей спарить сѣнокосъ. Жена отвѣчала мужу, что у ней нанять еще съ весны работникъ на все лѣто за три копейки.

Наступила осень, мужъ приходитъ изъ Питера, сталъ разсчитывать работника и говорить ему:

— Много ли тебѣ, казакъ, слѣдуетъ отдать за лѣто?

— Да за что порядился, то и отдай: за три копейки я нанять твою хозяйкой, такъ три копейки и отдай.

— Да что ты, молодецъ, говоритъ хозяинъ, вѣдь за три копейки у насъ не найти подпаска, а ты все лѣто прожилъ и все хозяйство мѣя справилъ. На худой конецъ тебѣ слѣдуетъ дать рублей тридцать.

— Нѣтъ ужъ, за что порядился, то и подай; не надо мнѣ и двадцати рублей.

— Ну, возьми хоть 15 р., говоритъ хозяинъ.

— Сказано тебѣ, вторилъ работникъ, не надо мнѣ и 15, а отдай три коп., и то такъ, чтобъ три копейки были не виѣстъ, а по копеечкѣ.

Взялъ работникъ три копейки, положилъ ихъ въ рукавицу, распростился съ хозяевами и пошелъ домой, побрякивая эгими деньгами. Дорогою нагоняетъ онъ мужика слѣпого и спрашиваетъ: — что же ты, слѣпой, безъ водока? — Да, по памяти. Братецъ, деревни здѣсь недалеко другъ отъ друга, а ослѣпъ-то я недавно, такъ еще помню дорогу. — Вотъ они идутъ, а работникъ побрякиваетъ тремя копейками. Услыхалъ слѣпой, что деньги брячатъ и спрашиваетъ: — что это у тебя братецъ? — Деньги, кисета-то у меня нѣтъ, такъ я положилъ ихъ въ рукавицу. — Такъ давай, предложилъ слѣпой — я положу въ свой кисетъ, а то ты еще потеряешь. — А отдашь ты мнѣ ихъ? — А то какъ же, вотъ въ деревнѣ и отдамъ. — Идутъ они и разговариваютъ. Работникъ спрашиваетъ слѣпого, куда ходилъ, гдѣ бывалъ, кто у него былъ волокомъ. А слѣпой ему отвѣчаетъ: — былъ я съ водокомъ въ Лалогѣ, все лѣто ходилъ тамъ по-миру. За такими разговорами они подходятъ къ деревнѣ; работникъ и проситъ слѣпого — ну, теперь, дѣдушка, отдай же мнѣ три копейки. — А слѣпой отвѣтилъ: — я не для того бралъ, чтобы тебѣ отдавать, не отдамъ. — Ну, коли не отдашь, такъ Богъ съ тобой; драться съ тобой я не буду. — Слепой пошелъ на крылецъ, а работникъ сзади за нимъ. И сталъ слѣпой отворять дверь въ избу, какъ работникъ шмыкъ попередъ его въ избу и сѣлъ на лавку.

Вошелъ въ избу слѣпой и говоритъ своей старухѣ, тоже слѣпой: — бабка, дай-ко бочечку, что тамъ на печкѣ въ углу; тамъ до 700 рублей не хватаетъ трехъ копеекъ, такъ я доложу ихъ и будетъ 700 рублей. — Баба взяла бочку и, слѣзая съ печи, обращается къ мужу со словами: — на, возьми боченокъ! — Работникъ тотчасъ же подбѣжалъ напередъ старика, схватилъ боченокъ и сѣлъ на лавку, а слѣпой закричалъ: — что же ты, слѣпая, давай же бочку. — Да, вѣдь, я тебѣ подала, что ты, отвѣчала баба. — Да что ты, старуха, я не бралъ. Никакъ ты хочешь затантъ се отъ меня! — Заругались слѣпые между собой. Слепой, не долго думая, дернулъ старуху за руку, стащилъ съ печи и давай ее колотить. Слепая заревѣла во все горло. Услыхалъ ревъ другой братъ, тоже слѣпой, который тутъ же рядомъ жилъ, входитъ въ избу и спрашиваетъ, о чемъ они взлорятъ промежъ собою. Разсказалъ слѣпой, съ жалобой на свою старуху. О, Господи, да куда же твой боченокъ могъ лѣтѣся, кто его могъ взять! Вотъ хоть къ примѣру, у меня мѣшокъ съ деньгами въ карманѣ, а въ немъ 600 рублей; я его вытащу и положу на полъ, кто же его возьметъ. Пока онъ это говорилъ, да клалъ мѣшокъ съ 600-ми рублями на полъ, работникъ подошелъ тихонько, схватилъ мѣшокъ да и сѣлъ опять на лавку. Наклонился слѣпой за мѣшкомъ, не тутъ-то и было — мѣшка-то и нѣтъ. — (хъ, братецъ, никакъ и мой-то мѣшокъ съ деньгами она подхватила. — И давай слѣпые колотить старуху, а она еще пуще ревѣтъ. Услыхалъ третій слѣпой, тоже братъ, этотъ ревъ, идетъ съ дубиною, входитъ въ избу и спрашиваетъ: — что у васъ тутъ за драка? — Да вотъ такъ и такъ, братъ, слѣпая то у насъ у обоихъ подобрала деньги: у него боченокъ, а у меня мѣшокъ съ 600 рублями. — Что же за исторія у васъ — удивляется вопедшій, — кто можетъ взять, коли никого нѣтъ въ избѣ. У тебя боченокъ, а у него мѣшокъ утащили, вотъ коли я брошу палку на полъ, а въ ней 800 р., кто ее можетъ взять! — Билъ палку на полъ, а работникъ хватилъ ее, да вонъ за порогъ. Наклонился слѣпой за палкой, шарилъ, шарилъ — не нашелъ. — Охъ, братъ, да никакъ она мою-то палку подхватила. — И давай бить старуху втроемъ.

А работникъ на эти деньги выстроилъ себѣ домъ, открылъ лавочку, да и сталъ жить да поживать, да богатство наживать.

Въ одномъ селѣ жилъ баринъ съ барыней. Захворалъ баринъ, а барыня вышла отъ скуки пройтись по селу. Попадаетъ ей портной. Она и спрашиваетъ его: возьмешь ли ты сшить изъ одной бѣлки сапогъ, шляпку и штаны? Портной отвѣчаетъ: отчего, барыня, не сшить, только нужно прежде уговориться о цѣнѣ за работу.— А что же ты возьмешь?—Да за такую работу нужно взять по меньшей вѣрѣ 100 рублей.—А барыня прибавила:—а если ты, портной, бѣлку-то мнѣ стрaviшь и не сошьешь, то смотри, я съ тебя сто рублей.—Портной согласился.—Ну, пойдемъ теперь въ домъ—звала барыня—я дамъ тебѣ бѣлку. Вынесла барыня бѣлку, а портной беретъ бѣлочку, растягиваетъ на столѣ и выкраиваетъ. Отрѣзалъ голову, потребовалъ нитокъ, пошилъ ее немножко, подаетъ барынѣ и говоритъ:—это вотъ тебѣ, барыня, шляпа.— Затѣмъ, отрѣзалъ ножки и сшилъ штаны; а изъ середки бѣпочки сшилъ солопчикъ и отдалъ барынѣ. Теперь давай, барыня,—спросилъ портной, за работу 100 рублей. Жалко было барынѣ отдавать деньги, а дѣлать нечего, отдала и говоритъ:—вотъ ты, портной, такой хорошій мастеръ! У меня баринъ хвораетъ давно, не перешьешь ли ты его, авось онъ не будетъ хворать.—Отчего можно, барыня, но только опять дѣло въ цѣнѣ, я меньше двухъ сотъ взять не возьму. Вѣдь, не шутка, барыня, перешить твоего барина.—Ну, ладно, возьми 150 р., только опять, если ты не сдѣлаешь этого, то я съ тебя полтараста.—Веди барина, да давай ниточку и воск: мнѣ нужно его вымѣрить. Привели барина и хотѣли посадить, а портной попросилъ постоять, хоть и трудненько. Раздѣлъ барина, натеръ нитки воскомъ и сталъ его измѣрять. Цѣлый часъ мѣрилъ портной барина, а затѣмъ и говоритъ:—вотъ что, барыня, если я его перемѣрю, да раскрою и сошью, такъ нижніе подеѣски приходится на лбу. Не знаю, понравится ли тебѣ.—Нѣтъ, портной, говорить барыня, такъ не хорошо, некрасиво будетъ. Пусть будетъ ужъ по старому.—Ну, я согласенъ, барыня, если не велишь перешивать, такъ за работу всетаки денежки подай. вѣдь цѣлыхъ два часа мѣрилъ его.—Отдала барыня деньги да и думаетъ: вотъ такъ портной, я хотѣла его надуть, а между тѣмъ онъ меня надуетъ.

Сообщилъ *М. Синозерскій*.

Заговоръ для уничтоженія находящихся въ домѣ таракановъ, сверчковъ и мокрицъ.

(Записано въ Кубанской области).

Въ Великую субботу съѣсть верхомъ на старую люшню * и, сидя на ней, три раза обѣжать домъ, гдѣ водятся эти наѣкомыя. Потомъ, не сѣзавъ съ люшны, стать у дверей (входныхъ) и сказать: «да здравствуйте, тараканьевскіе! Люшневскіе, заходи! Тараканы, сверчки и мокрицы, вонъ выходи!» Сказавъ это, опять три раза обѣжать домъ, сидя на люшкѣ. Потомъ войти въ комнату; люшню поставить въ передвѣй (въ красный) уголъ, зажечь свѣчу передъ иконою и, когда пасхи начнутъ сажать въ печь, сказать три раза: «Святая пасха въ печь, а тараканы, сверчки и мокрицы выходи вонъ въ чисто поле, въ темные вертепы». Оборотаясь къ иконѣ, сдѣлать три земныхъ поклона.

В. Водарскій.

* Люшнѣй, и, женск. р. — изогнутая палка, однимъ концомъ привѣшенная къ боку телѣги, а другимъ къ оси, поверхъ колеса. Люшню препятствуетъ колесу соскочить.

Нѣкоторые слова и выраженія, записанныя въ Томской губерніи *).

Слова и выраженія:	Значеніе ихъ:	Гдѣ записано:	Слова и выраженія:	Значеніе ихъ:	Гдѣ записано:
Бѹлка — валунъ	}	всюду.	Зѣтесѣ — зарубка на деревѣ	}	д. Изылинская, Кузнецк. окр.
Бѹлочникъ — груда валуновъ			Колотливый — ухаби- стый		
Бучило — порогъ на рѣкѣ	}	д. Верхъ-Коенскій, Барнаульск. окр.	Кони — лошади	}	д. Боровлянка - Кокушкина, Томскаго окр.
Великія говины — Великій постъ			(слово лошадь совсѣмъ не употребительно)		
Верста — друга — верста — другая	}	всюду.	Копалуха — глухарка	}	всюду.
Вѣршныи — верховой (всадникъ)			Коробокъ — плетеная тележка		
Веселіе	}	д. Старо - Гутова, Кузнец. окр.	Круглый — квадратный	}	всюду.
веселѣйше			Лѣва — переходъ черезъ рѣку, вродъ мостика		
Вѣршдѣ — верелъ	}	д. Ересна, Томскаго окр.	Ланіеъ — въ прошломъ г.	}	д. Верхъ - Коенскій, Барнаульск. окр.
Громѹня — гармоника			Лѣсъ, состоя- щій изъ лѣс- твенны		
Дѣвно — много	}	д. Боровлянка - Кокушкина, Томскаго окр.	Лѣсика — дерево	}	всюду.
Дѣржитъ ко- ней			Мурѣшъ — муравей		
Дѣржи — держи	}	д. Георгіевскій при- искъ, Кузнецкаго окр.	Не убивали — не уби- вали	}	д. Усть-Чемъ, Барнаульск. окр.
Дѣрживалъ — держивалъ			во — да (утвердит.)		
Досѣривать — дособи- рать	}	всюду.	Неровныя мѣста на до- рогѣ, силь- ныя рыт- вины	}	д. Новый Икъ, Барнаульск. окр.
До увиданія — до свиданія			Опѣтъ — опять		
Жегчи — жечь	}	д. Старо - Гутова, Кузнец. окр.		}	д. Дѣвкена, Барнаульск. окр.

*) Именно въ Барнаульскомъ, Томскомъ и Кузнецкомъ округахъ.

Отно́жка — рукавъ (рѣка)	д. Боровлянка - Бокушкина, Том- скаго окр.	Стáржать — позвать	д. Полднѣвая, Ку- знец. окр.
Пакостить — пакостить	д. Желтоношва, Кузнец. окр.	Сдѣ́жить — выдержать	всюду.
Пара́ — пара	всюду.	Смирѣ́ный — смирный	д. Ново-Сосѣдова, Барнаульск. окр.
Пау́къ, } пау́ть } оводъ	всюду.	Сѣ́пка { всякая конусо- образная гора	всюду.
Пихта́чь { } пихто- } вы́й лѣсъ	всюду.	Сорова́тый — сорный	д. Верхніе Чѣмы, Барн. окр. (у пе- реселившихся 12 — 15 л. тому на- задъ изъ с. Весе- лаго, Моршанск. у. Тамбовск. губ.).
Поско́тина { } околица } и мѣсто } внутри			
Пошѣ́ркать — потереть	д. Ново-Сосѣдова, Барнаульск. окр.	Старикомъ } пахнѣть } вошелъ въ } пожилой } возрастъ	с. Легостаево, Бар- наульск. окр.
Причѣ́дно. } Причѣ́дный } странно, } странный	с. Легостаево, Барн. окр.	Стро́ка — маленькая оса	д. Изылинская, Кузн. окр.
Прода́вать } дрожжи } дрожать } отъ хо- } лода.	д. Верхніе-Чѣмы, Барн. окр.	Сѣ́сти — сѣсть	с. Кольчугино, Кузн. окр.
Прѣ́здивикъ — праздни́къ	с. Карпысакъ, Томск. окр.	У́лица — улица	д. Мосты, Бар- наульск. окр.
Пу́хта — иней	с. Койново, Бар- наульск. окр.	Ури́чище, } Урѣ́чище } урочище	с. Легостаево, Барн. окр.
Пучка } } зонтичное } растение— } angelica	Георгіевскій прі- искъ, Кузн. окр.	Хоро́мина — домъ	д. Старо-Гутова, Кузн. окр.
Разло́мъ — водораздѣ́ль	д. Желтоношна, Кузн. окр.	Чѣ́ — чего	всюду.
Рѣ́бить, } рѣ́бивали } работать, } работали	всюду.	Чимъ́ — чѣмъ	д. Ново-Сосѣдова, Барн. окр.
россе́йскій — русскій	всюду.	Шело́ма — горы	д. Желтоношна, Кузн. окр.
Рука́вь } } желѣзнодорожн. } вѣтъ	всюду.	Шербá — уха	д. Старо-Гутова, Кузн. окр.
Сарь — царь	Георгіевскій прі- искъ, Кузн. окр.	Шѣ́бка — очень ѣ́дь — поѣзжай	всюду. всюду.

Общее замѣчаніе. Въ сѣверной части Барнаульскаго округа говорятъ на о, а въ смежныхъ частяхъ Томскаго и Кузнецкаго округовъ — на а.

В. Семенова.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

Записаны въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ ¹.

I.

Архангельскій уѣздъ, деревни В. Валдушки и Луквино.

1.

Ты стоишь, моя сударыня, у печи у муравленой,
Ты стоишь, моя сударыня, у шесточка кирпичнаго,
Поджавъ ручки бѣлыя къ ретивому сердечушку.
Поступи, моя сударыня, по всесвѣтлымъ свѣтлицы,
Доступи, моя сударыня, до снарядна дубоваго стола,
Доступи, моя сударыня, до скатерти берчатая,
До хлѣба-кушанья сахарнаго, до питья разнолишняго,
Доступи, моя сударыня, до меня—Анны Николаевны,
Не убойся ты меня, моя сударыня:
Отъ меня—младой, безсчастной не пламя пашетъ,
Не огонь-пламя пашетъ а не съ лютыми морозами.
Ты сняла, моя сударыня, всю превольную волюшку,
Всю превольную волю, всю превѣжную нѣгу.
Ты сняла, моя сударыня, украшевну дѣвью красоту.
Ужъ какъ у тебя, моя сударыня, поднялись ручки бѣлыя,
Поднялись ручки бѣлыя на мою буйну голову,
На природну трубчату косу, на всю дѣвью красоту?
Лучше бы ты, сударыня, по плечамъ сняла мнѣ буйну голову.

2.

Что по за облакамъ, что по за облакамъ
Красно солнце катится,
Что по за полямъ не изюмъ растетъ—
Виноградъ распѣлъ,
Что по за столыю князья-бояре идутъ,
Молодую ведутъ первобрачную
Анну свѣтъ-Николаевну.
Ведетъ ее князь первобрачный
Иванъ сударь-Васильевичъ.
Тутъ ей подали ключи во бѣлыя ручки;
Воздымала ключи выше буйной головы;
Опускала ключи на дубовый столъ;

¹ Предлагаемыя пѣсни являются безъ сохраненія особенностей мѣстнаго говора, такъ какъ онѣ не предназначались къ печатанію; собирая ихъ, мы имѣли въ виду не языкъ ихъ, а единственно ихъ содержаніе.

Изъ собранныхъ пѣсенъ помѣщены здѣсь лишь тѣ, которыхъ мы не находимъ въ числѣ пѣсенъ, собранныхъ въ Архангельской губерніи г. Ефименкомъ и въ «Вологодскомъ Сборникѣ».

Сама ключамъ приговаривала:
— Ключи батюшкины, ключи матушкины!
Ужъ я этимъ ключамъ не ключница,
Кованымъ сундукамъ не сундучница,
Этому животу я не складчица,
Золотой казны я не счетчица.

Затѣмъ, пѣсня повторяется, молодой даются ключи ей мужа и она говорить

Этимъ ключамъ буду я ключница,
Кованымъ сундукамъ я — сундучница,
Этому животу буду складчица,
Золотой казны буду счетчица,
А тебѣ, молодцу, буду вѣрна слуга.

3.

Встану со кровати со тесовыя,
Встану со перины со пуховыя,
Я умоюся-снаряжуся,
Помолюся я Господу Богу,
Я спрошу васъ, честны родители:
— Каково спали вы, ночевали?
— Мнѣ, бѣдной-кручинной, не спалось,
А во снахъ-то много видѣлось,
Будто подошла подъ мою кровать,
Подошла подъ тесовую ключева вода,
Повесло меня во сине море,
Понесло меня за темны лѣса, дремучіе,
Я кричала, бѣдна-безсчастна, своихъ родителей,
Николая свѣтъ-Ивановича, да Марью свѣтъ-Григорьевну.
Не могла я, бѣдна, докричатися,
Докричалась я, бѣдна-кручинная,
До чужого чужанина со чужой дальнѣй стороны,
До Ивана свѣтъ-Васильевича.

4.

Что вы, бояры, не бѣлы наѣхали,
Не бѣлы, не бучены, на свѣгу не бѣлены,
А черны, какъ вороны, сизы, какъ голуби?
Поѣжайте, бояры, на высоки холomia,
Нарубите, бояры, вы частѣе сѣнничка,
Бѣлаго березничка и мелкаго осинничка,
Вы нажгите пепелу, наварите щелоку,
Истопите, бояры, парну банюшку,
Вы умойте, бояры, свои буйны головы,
Свои буйны головы и широки бороды,
Поѣжайте, бояры, ко Архангельску городу,
Вы купите, бояры, Перхачевски ¹ бороны,
Расчешите, бояры, свои буйны головы и широки бороды.

¹ Перхачево—деревня верстахъ въ 7—8 отъ Архангельска; въ ней дѣлаются бороны, которые расходятся по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ.

Пѣсня эта сложена по поводу известнаго обычая—пачкать сажей лица участвующихъ въ свадебныхъ прѣшествахъ.

5.

Что у Снаса на горѣ въ колоколъ ударили,
Въ большіе, въ малые и во всѣ середніе,
Подавали вѣсточку невѣстиной матушкѣ.
Невѣстина матушка ровно трижды всплакала:
Въ первый разъ всплакала—она дочь спородила,
Во второй разъ всплакала—высоконьку взростила,
Въ третій разъ всплакала—подъ вѣнецъ поставила.
Сама она говоритъ таковѣ слово:
— Отъ меня замѣнку ведутъ, отъ меня—услужную,
Отъ меня сундуки везутъ, отъ меня—окованные,
Отъ меня рубашки везутъ, отъ меня—полотняныя. —
Что у Снаса на горѣ въ колоколъ ударили,
Въ большіе въ малые и во всѣ середніе,
Подавали вѣсточку жениховой матушкѣ.
Женихова матушка ровно трижды взрадовалась:
Въ первый разъ взрадовалась—она сына спородила.
Во второй разъ взрадовалась—высоконька взростила,
Въ третій разъ взрадовалась—подъ вѣнецъ поставила.
Сама она говоритъ таково слово:
— Ко мнѣ замѣнку ведутъ, ко мнѣ—услужную,
Ко мнѣ сундуки везутъ, ко мнѣ—окованные,
Ко мнѣ рубашки везутъ, ко мнѣ—полотняныя.

6.

Золото съ золотомъ свивалося,
Серебро съ серебромъ сливалося,
Жемчугъ съ жемчугомъ скатался,
Иванъ съ Анной сходился,
За единый столъ становился.
Наше-то золото получше,
Наше-то серебро почище,
Нашъ-то жемчугъ покрупнѣе,
Наша-то Анна побѣлѣе,
Нашъ-отъ Иванъ поумнѣе.

7.

Вы, дружечки хорошія, двѣ вербы кудреватыя,
Вы, отцы—попы и дьяконы, напишите-тео грамотку,
Не на бумажкѣ пишните, а по алому бархату.
Вы, дружечки хорошія, двѣ вербы кудреватыя,
Отнесите грамоту къ отцу-батюшкѣ,
Отнесите къ родителю-матушкѣ.
Вы поили меня, кормили-жаловали
До срочныхъ да до двадцати годовъ,
До моего-то до суженаго
Ивана свѣтъ-Васильевича.

8.

До утыхъ заріи вечервеей,
До восхода красна солнышка
Приходилъ мой родитель-батюшка
Николай свѣтъ-Ивановичъ,
Приходилъ со грозою съ великою,
Съ тремя словечушками грубо-бранными,

Приказалъ мой желанный умыться,
Учесать мою буйну голову,
Уплести природну трубчату косу,
Наложить украшенну дѣвью красоту.
Береть меня желанный честной правой рукой,
Онъ ведетъ меня передъ чужымъ-чужаниномъ,
Благословляетъ меня родитель-батюшка
Прелѣ чужа-чужанина,
Ивана свѣтъ-Васильевна.

9.

Ты сидишь, моя сударыня, по честнѣ праву руку,
По честнѣ праву руку на брусчатой лавочкѣ.
Я накинѣ на тебя, сударыня, службу въ дружбу,
Сослужи, моя сударыня, въ останній разъ,
Расклади мою природну трубчату косу,
Природну трубчату косу по единой волосинокѣ,—
Пускай въ этомъ домѣ покрасуются
Во послѣдній разъ, въ останній.

10.

Принишу благодарность брату-родителю,
Что наколодъ мнѣ въ парну мыльну банюшку
Мелкихъ дровецъ во послѣдній, въ останній разъ.
Принишу благодарность дѣвицамъ, душамъ красивымъ,
Что вносили ключеной воды въ парну банюшку,
Что смыли мою всю превольную волюшку,
Всю пренѣжную нѣгу, всю дѣвью красоту,
Что намыли мнѣ, мои сударыни, бабью старость.
Срамота лицу бѣлому тягота буйной головѣ!
Послѣ моего быванья раскатися парна банюшка,
Раскатися парна банюшка по единому бревешечку,
Не собрать бы ихъ моимъ честнымъ родителямъ
Николаю свѣтъ-Ивановичу да Марѣ свѣтъ-Григорьевнѣ.

Вмѣсто «брата-родителя» можетъ быть упомянуть и кто-либо другой, наколон-
шій и наносившій дровъ для бани, которая бываетъ передъ такъ назыв. большимъ
смотрѣньемъ.

II.

Пинежскій уѣздъ, деревня Карпова-гора.

1.

Гай-гай-ляля, что изъ Устья Береза течетъ,
Что по той Березѣ-рѣкѣ ѣхали князя-бояре,
Бояре-князя молодого Ивана Васильевича.
Они спрашивали двора, спровѣдывали нова,—
Еще гдѣ стоитъ тестень дворъ, тестя любимаго.
Изъ высока, нова терема узрѣла-усмотрѣла
Первобрачная княгиня Анна Николаевна.
Она думу содумала, со думы слово молвила.
Боярамъ дивовалася, надъ большими надсмѣалася:
Ужъ вы, глупые бояре, неразумные-больше,
Ужъ вы какъ двора не знаете, высока, нова не вѣдаете,
Что знакомъ, знакомъ батюшковъ дворъ,

Что стоитъ дворъ среди волости славной горы Карповой,
Стоитъ дворъ-отъ отъ двора отсталъ,
Стоитъ новъ-отъ отъ нова отгилъ;
Около двора желѣзный тынъ;
Около тына муравѣ трава;
У двора были трои ворота:
Ворота были рѣшетчатые.
Други были стекольчатые,
Третьи были хрустального стекла;
У воротъ кольцо серебряное,
У другихъ позолоченое.
У третьихъ золото кольцо,
Въ избѣ грядочки брусчатые,
Въ избѣ лавицы дубовые;
Въ избѣ полъ хрустатой камки;
Въ избѣ околени стекльчатые.

2.

Славенъ городъ надъ Волгою...
Ѣздилъ въ городъ Иванъ свѣтъ-Васильевичъ,
Славенъ городъ повѣздилъ,
Звону на колокольнѣ наслушался,
Княгиню Анну повысмотрѣлъ,
На роду-то чья онъ повѣздалъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
— У добра отца сыновья добры,
У доброй матери дочери хороши,
Дочь-то Аннушка тонехонька.
Личикомъ красехонька, бѣленькимъ румянехонька,
Ясны очи у ней яснѣй сокола,
Черны брови у ней чернѣй соболя,
Рѣчь у ней лебединая,
А походка у ней павлиная —
Сватались на Аннѣ трои сватовья:
Первы сватовья — изъ Новѣ-города,
Вторые сватовья — изъ славной Москвы,
Третьи сватовья — изъ Карповой горы.
Новъ отъ-городъ — тѣмъ отказъ учиневъ,
Во славну Москву не издумали давать,
За князя Ивана отказать нельзя,
Да за Васильевича издумали отдать
Княгиню Анну свѣтъ-Николаевну.

3.

Ори-ли-ли — серели двора, двора батюшкова,
Тутъ росло дерево тонко-высоко,
Кипаристое, сердцевистое.
Что на то дерево тонко-высоко
Солетались гуси-лебеди, птица летная,
Крылье правала, крылье правое,
Перье рѣшила, перье сизое
На сыру землю, на шелкову траву,
На шелкову траву, на цвѣточки лазоревые.
Что подъ то дерево тонко-высоко
Съѣзжались князья-бояре, люди большіе.

Думу думали, думу крѣпкую,
Слово молвили, слово тайное:

Ужѣ какъ намъ быть, ужѣ какъ намъ взять
У Николая дочь у Ивановича большу. —
Какъ спроговорить молодѣ князь,
Что большой человекъ Иванъ Васильевичъ;
— Не тужите-тко, не печалуйтесь, князь-а-бояре, —
Намъ дають добромъ — мы добромъ возьмемъ,
Не дають добромъ — силой возьмемъ;
Хвалою повеземъ черезъ девять городовъ
На десятый городъ къ Божьей церкви,
Ко чудну кресту, къ золоту вѣвцу,
Повѣчаемся мы золотымъ вѣнцомъ,
Помѣняемся мы золотымъ кольцомъ.

4.

Раю раю-раю — на горы высокой, красы великой,
Тутъ стояла карета, карета золотая.
Что въ той во каретѣ, что въ той золотой
Тутъ сидѣла дѣвица — душа красная,
Первобрачная княгиня Анна свѣтъ-Николаевна.
Она слезво плачетъ, жалобно причитаешь:
— Миѣ у матушки воля, миѣ у батюшки нѣга,
Миѣ у братьевъцѣвъ нѣжная, миѣ у сестрицѣ похвальная. —
Кругъ той же кареты, кругъ той золотой
Не соколъ облетаетъ, молодецъ объѣзжаетъ
На колеса встаетъ, дѣвицу утѣшаетъ:
— Ты не плачь, не плачь, дѣвица-душа красная.
Первобрачная княгиня Анна свѣтъ-Николаевна,
Ужъ я дамъ тебѣ нѣгу, ужъ я дамъ тебѣ волю,
Ужъ я дамъ тебѣ волю — у жернова у ступы,
У поганого корыта, у бруснаго камня.

5.

Сказали про Ивана, что хитеръ-мудренъ.
А Иванъ князь ни хитеръ, ни мудренъ.
Онъ ходилъ-гулялъ по новымъ сѣнямъ,
Загулялъ въ нову горенку
Ко души, ко красной дѣвицѣ,
Первобрачной княгинѣ Аннѣ Николаевнѣ.
Онъ бралъ ей руку за руку,
Прижималъ онъ праву ко правой,
Изломалъ золочень перстень.
Что золочень перстень со вставочкой.
Какъ Анна-то расплакалась,
Свѣтъ-Николаевна раскалалась:
— Ужъ какъ я приду къ батюшкѣ,
Ужъ какъ я приду, какъ скажу родителю? —
Научалъ ее добрый молодецъ
Иванъ отъ-свѣтъ-Васильевичъ:
— Ты приди да скажи батюшкѣ,
Что отмыкала окованъ сундукъ,
Прижимала праву ручкушку,
Изломала тутъ золочень перстень

III.

Шенкурскій уѣздъ, села: Ледское, Шеговарское и Химановское.

1.

Ужъ вы, гуси, вы, лебеди,
Вы куда, гуси, летали?
Ой реди, ой реди, ой разо мое (припѣвъ).
— Ужъ мы летали, летали
Съ синя моря да на море. —
— Ужъ вы что, гуси, видѣли?
— Ужъ мы видѣли, видѣли
Съру утицу на водѣ.
— Для чего ея не взяли?
Ужъ мы взять ея не взяли,
Крылья-перья повыщипали
— Ужъ вы, князья, вы, бояра,
Вы куда, князья, ѣздили?
— Ужъ мы ѣздили, ѣздили
Изъ деревни въ деревнюшку.
— Ужъ вы что, князья, видѣли?
— Въ теремѣ красну дѣвицу.
— Для чего ея не взяли?
— Ужъ мы взять ея не взяли,
По рукамъ мы ударили,
Зелено вино выпили,
До субботы отерочили.
Отъ субботы до субботы,
Въ воскресенье дѣвичнику быть.
Въ поведѣльникъ къ вѣнцу ѣхати,
Подъ вѣнцомъ тяжело стоять,
Подъ вѣнцомъ голова болитъ,
Ручки ножки подломатся.

2.

Въ теремѣ дѣвицы првплакиваютъ,
Въ высокомъ красныя причитываютъ.
Сидите недолго, ложитесь спать.
Мнѣ ка, молодешенькѣ, вся почка не спать,
Вся почка не спать, кровать убирать.
Собравши кроваточку тесовенькую,
Постилать постелюшку пуховенькую,
Изголовье класти шелковеньное,
Одѣяло кутати соболениое.
Пославши постелюшку, сама легла спать.
Первый спень заснула—не чуть никого,
Второй спень заснула—свѣтъ бѣлый, заря.
Съ-по этой съ по зорюшкѣ мой милый идетъ,
Соболиная шубонька пошумливаетъ,
Смазные сапоженьки поскрипываютъ.
Мало по малу стукъ-брякъ у воротъ,
Стукнули воротца стекольчатые,
Брякнуло колечушко серебряное,
Дрогнуло сердечушко Аннушкино,
Дрогнуло ретивое свѣтъ-Николаевны.
Пошла наша Аннушка суженаго встрѣчать,
Пошла Николаевна ряженаго встрѣчать

Въ одной рубашечкѣ и безъ пояса,
Въ однихъ чулочкахъ и безъ башмачковъ,
Въ одной шамшурочкѣ¹ и та на боку.
Отворя воротца, поклонъ отдала,
Отворя широкія, выспрашивала:
— Гдѣ ты былъ, суженый, гдѣ спобывалъ,
Гдѣ спобывалъ, гдѣ ночью ночевалъ?
— Былъ я у тестя у ласковаго,
Былъ я у тещи у пріятливой,
Былъ я у шурьевъ, у ясныхъ соколовъ,
Былъ я у свестей², у бѣлыхъ лебедей. —
— Чѣмъ тебя, суженый, тестъ подарилъ? —
— Тестъ-то даруетъ сто рублей конемъ,
Теща даруетъ столокошъ трубой.
— Чѣмъ тебя, суженый, шурья даруютъ? —
— Шурья даруютъ кабардинскимъ сѣдомъ,
Свестя даруютъ шириночкою,
Шитою шириночкой чиста полотна,
А сватькѣхъ даруютъ свѣтъ-Аннушкой.

3.

Что рассыпались веревочки,
Растворились широки ворота,
Растворились стекольчатые,
Тутъ навѣхали князья да бояра.
Что большіе князья въ избу идутъ,
А меньшіе на новыхъ сѣняхъ стоятъ.
Что большіхъ-то въ большой уголъ садятъ,
А меньшихъ-то на скамеечку.
Что забѣжала Анна госпожа,
Что забѣжала Николаевна,
Она изъ горницы въ горницу,
Она изъ свѣтлицы во свѣтлицу.
Забѣжала-то Анна госпожа
Да во теплую шомушку
За камчатую за завѣсу,
За своихъ милыхъ подруженекъ.
— Ужъ вы, милые подруженьки,
Сберегите, сохраните вы меня.
Эвонъ ѣдетъ разоритель мой,
Эвонъ ѣдетъ погубитель мой,
Расшлести косу-дѣвъ сватьюшки,
Дѣвъ крестовыя матушки. —
Пронгралася Анна госпожа,
Пронграла дѣвѣю красету,
Жемчужный-отъ почелочекъ
Съ золотою повязочкой,
Съ самоцвѣтнымъ со камешкомъ.
Пронгрался тутъ Иванъ господинъ,
Пронгрался Васильевичъ,
Пронгралъ онъ свой алаченъ перстень
Съ дорогой любой вставочкой,
Съ самоцвѣтнымъ со камешкомъ.

¹ Платокъ ² Свояченицы

Нехорошъ, непригожъ, молодецъ,--
У тебя кудри солонешные,
Борода твоя лычаная,
Усы твои шишечаные,
У тебя брови совинныя,
А глаза ястребиныя.

4.

Сыру елью рѣка прошла,
Сыру елью быстра протекла,
Подо всѣ города подошла:
Подъ Москву, и подъ Вологду,
И подъ славный-отъ Шенкурско,
И подъ волость подъ Ледскую,
Подъ деревню Монастырскую,
И подъ тотъ подъ хорошій дворъ.
Изъ того изъ хорошаго двора
Выѣзжалъ удалой молодецъ
Да Иванъ-отъ Васильевичъ
На своемъ на добромъ конѣ,
На своемъ скороступчатомъ.
По чисту полю онъ въѣзживается,
Черной шанкой помахивается,
Шелковой плеткой наивыстываетъ,
Самъ коня оборачиваетъ,
Ко двору приворачиваетъ,
Тестева двора спрашиваетъ,
Тестева терема, тещина полога,
Шшто-брана Марьяна.
Хорошъ и пригожъ молодецъ:
Борода твоя шелковая,
Уста твои сахарныя.
Поглядка ясна сокола.

5.

Добрый молодецъ стоитъ,
Изъ поля лошадь въшеюмъ кознить,
Ключевой водою поить,
По крутымъ ребрамъ гладить.
— Ужь ты, конь, конь мой,
Конь, ты, добрый мой,
Ужь ты сбѣгай во царство,
Въ велико государство.
Вывези, конь, дѣвицамъ—дѣвицу,
Молодицамъ—молодицу,
Мнѣ-ка—служаночку.—
Она въ сани-то не идетъ.
— Эки сани худыя, эки кони сухіе,
На улицахъ суметно,
На сѣняхъ сорливо,
Въ терему грязливо.
На это бы суметье —
Березова лопата,
На эти бы сѣни—
Березовый вѣвникъ,

Въ этотъ бы теремъ —
Ключевая водица.—
Женихъ-отъ разсердился:
— А на эту бы молодку—
Шелковая бы плетка. —
Ужъ какъ плеточка свиснеть,
Молодушка взвизгнеть,
Горяча кровь пробрызгнеть.

6.

Сказали про князя, что на женитьбѣ бодерь.
Ой дидъ, ой ладо мое (припѣвъ).
— Еще чортъ не бодерь, на морозъ красенъ,
На морозъ красенъ, на вѣтръ цухолъ.
Только въ избу зашелъ какъ кислый разсолъ. —
Сказали, что на князѣ кафтанъ-отъ бодерь.
— Чортъ не бодерь, у него полы одѣ,
И то не свое, въ людяхъ прошеное,
Хожено, прошено по всей волости. —
Сказали, что на князѣ кушакъ-отъ бодерь.
— Чортъ не бодерь, отъ полола рубецъ.
И то не свое, въ людяхъ выпрошено,
Хожено, прошено по всей волости. —
Сказали, что у князя сапоги-то бодры.
— Чортъ не бодры, закаблучье одно... и т. д.
Сказали, что у князя шапка бодра.
— Чортъ не бодра, подкладка одна... и т. д.
Сказали, что у князя рукавицы бодры.
— Чортъ не бодры, затылки одни . и т. д.
Сказали, что на коняхъ сбруя бодра.
— Чортъ не бодра, шлея лычаная,
Гужи вичаные, и то не свои... и т. д.
Сказали, что у князя кони бодры.
— Чортъ не бодры, у нихъ ребра одни. . и т. д.
Сказали, что у князя сани бодры.
— Чортъ не бодры, копылье одно и т. д.
Сказали, что у князя поѣзжане бодры.
Чортъ не бодры, наголо—ликарй:
Они на мостъ идуть—столбу кланяются,
Думаютъ, что то батюшка стоитъ;
Въ избу идуть — Богу не молятся,
Богу не молятся, за столъ грабятъ;
Они вечи челомъ, печи никакій поклонъ,
Думаютъ, что то матушка стоитъ.
За столомъ сидятъ—въ шомушку глядятъ,
Въ шомушку глядятъ, пироговъ хотятъ.
— Чортъ вамъ, а не пироги,—
Вчера печены, вчера и съѣлены.
За столомъ сидятъ - въ печь глядятъ,
Въ печь глядятъ, каши хотятъ.
— Чортъ вамъ, а не каша. —
Вчера варена, вчера выхлебана.
За столомъ сидятъ—въ подполье глядятъ,

Въ подполье глядять, пива хотять.
— Чортъ вамъ, а не пиво, —
Вчера варено, вчера и выпито.
За столомъ сидять, по грядкамъ глядять,
По грядкамъ глядять, острешка ¹ хотять.
Сказали, что у князя дружка бодра.
— Чортъ не бодра, косые глаза.
Какъ на дружкѣ кафтанъ съ чорта содравъ,
Какъ на дружкѣ штаны съ самого сатаны,
Какъ на дружкѣ рукавицы съ пропащей телицы,
Какъ на дружкѣ сапожки съ пропащей кошки.
Сватовщикъ недороденъ привелъ жениха недорода,
Садилъ его съ огорода.
Подъ молодцемъ конь спотыкнулся,
И женихъ-отъ съ коня свернулся
Въ коровье . . . бородю.
Сватовщикъ сталъ гореваги,
Сватьюшка тосковати,
Какъ жениха замывати.
Мочили рубашку въ горшочкѣ,
Стирали рубашку въ ночевкахъ ²,
Колотили рубашку на порожкѣ,
На порожкѣ-то ложкой.
Сватьюшка-то плутовка,
Сушила рубашку на мутовкѣ,
На печи въ углу жениха снаряжала.
Сказали, что у князя сватья бодра.
— Чортъ не бодра, какъ корова ледра ³.
Сведь бы корову въ гуменище,
Привязалъ бы корову къ огородищу,
Надавалъ бы коровѣ ржаной соломы —
Ъшь, корова, не кртайся ⁴, не отвертывайся.

IV.

Яренскій уездъ, Вологодской губернии.

1.

Какъ на наши сѣны новыя
Налетѣли сизы голуби,
А началась всё голуби,
А вно всё князья-бояре.
Бояре всё незнамые,
Всё незнамые — незнакомые,
Не со здѣшняго и города,
Не отселява изъ Яренска —
Изъ Великаго изъ Устюга.
Что ларецъ, ларецъ, ты мой,
Окованая коробочка,
Златоверхая шкатулочка!
У тебя есть, у ларчика,
Есть четыре у тебя стороны,
Есть четыре у тебя сторожа.

¹ Остатокъ похѣна, котораго уже больше нельзя щипать на лучину, такъ какъ въ немъ много сучковъ. ² Деревянное корытце, въ которомъ окатываютъ небольшіе житные хлѣбцы. ³ Буря. ⁴ Не чванься.

У меня, у молодешеньки,
Есть братецъ, ясенъ соколъ.
Есть сестрицы голубушки.
Они прочь всѣ отступаются,
Выдаютъ меня, молодешеньку,
На чужую дальнюю сторовушку
Ко чужому свекру-батюшку.
Ко чужой свекрови-матушкѣ,
Ко чужому роду-племени,
Ко чужому чужанину
Ивану свѣтъ-Васильевичу.

2.

На бережку часовня стояла.
Никто вокругъ часовни не ходитъ.
Никто слѣдка не проложить.
Одна наша Анна ходила,
Одна Николаевна гуляла,
Одна Господу Богу молилась, —
За батюшка поклонъ положила,
За матушку другой положила,
За милую ладу — четыре.
За себя, молоденьку, всѣ десять.
Ували цвѣточки на землю,
Пошла наша Аннушка въ семью,
Пошла Николаевна въ большую.
Чѣмъ семью ударити,
Чѣмъ большую учестити?
Тафты-камки не родится,
Штофы съ золотомъ не ведесть, —
Одна наша Аннушка родилась,
Одна Николаевна родилась.
Ты пожалуй, пожалуйста, моя кумушка-голубушка,
Моя кумушка-голубушка. Анна Николаевна,
Ты во теплую парушку, во мыльную мыльвицу,
Со своей русой косынькой помыться-попариться.
Истопили теплу парушку мы безъ дровецъ осиновыхъ,
Мы безъ лыму кудряваго, безъ чаду синяго,
Наносили въ теплу парушку троя воды разныя:
Первая вода-ключевая, вторая — съ синя моря,
А третья вода — съ колодца дубоваго.
Ужъ мы не дали на воду ни вѣтрику винута,
Ни дождику канути, ни лихимъ людямъ взглянути.
Ты пожалуй, пожалуйста, во теплую парушку.
Наносили мы въ теплу парушку троя мыла разныя:
Первое мыло — сибирское, второе — устюжское,
А третье мыло — яренское.

У.

Устюжскій уѣздъ, Вологодской губернии, деревни Слобода в Кишкѣно.

1.

Какъ сидитъ моя красота поверхъ буйныя головы,
По конецъ русы косы за одинъ волосъ держится,
Ужъ какъ растутъ красота гусиный перышка,
Какъ сейчасъ хочеть красота спорхнути да улѣтъи.

Полетить моя красота кутнымъ окошечкомъ.
Посмотрите, подруженьки, на мою дѣвою красоту,
Попримѣтьте подруженьки, куда сядетъ красота,
На которое дерево во далекомъ чистомъ полѣ.
Буде сядетъ красота на ель на кудрявую,—
Тутъ мнѣ будетъ молодѣ житье да богатое.
Буде сядетъ красота на березу на бѣлую,—
Тутъ мнѣ будетъ молодѣ житье посереднее.
Буде сядетъ красота на осину на горькую,—
Тутъ мнѣ будетъ молодѣ житье горе-горькое.
Буде сядетъ красота на ольху на красную.
Тутъ мнѣ будетъ молодѣ житье-красованье.

2.

Прямъ Николаина двора—тамъ ограда широка.
Тутъ Анна гуляла, себѣ дружка выбирала,
Тутъ Николаевна ему напазывала:
На Аксентьевской горѣ ¹ не оставайся,
На Аксентьевскихъ дѣвицъ не засматривайся.—
Аксентьевски дѣвицы приманчивы да обманчивы,
Изъ-за пазушки прянички повыдергали,
Изъ платочка цвѣточки повытрясли,
У Иванушка ума повывѣдали,

3.

Наѣхали бояре на клюкахъ да на батогахъ.
Сказали, что у бояръ кони добры, а ребра одни.
Сказали, что у бояръ сани добры, а копылье одно.
Сказали, что у бояръ хомуты добры, а одно дерево.
Сказали, что у бояръ сѣдла добры, а кобылки однѣ.
Весь княжой поѣздъ по дворамъ насбираетъ.
Сидятъ бояре, натутрукались ², молотить варадились ³.
У моего-то батюшки наварено пиво пьяное,
Пиво пьяное въ молотильной во кадочкѣ.
Изопьешь-окрысишься, а еще того попуще—оскалишься.

(Принимаютъ подарки)

Наѣхали бояре со князьимъ-то со поѣздомъ,
Со князьимъ со поѣздомъ, со дороднымъ молодцемъ.
Молодцы все удалые, ровно грузди кудрявые;
У мѣстной-то у сватьюшки золотой кокошничекъ,
Золотой кокошничекъ на буйной головушкѣ,
На ея могучихъ плечахъ дорогой-отъ атласничекъ,
На ея-то на шейкѣ жемчужной наборошничекъ ⁴.

4.

Я учуяла-услышала звончаты колокольчики
Среди поля чистаго, средь широка улочки.
Задавило ретиво сердце, задрожали ножки рѣзвыя,
Отвалились бѣлы рученьки, приусмякло тѣло бѣлое.

¹ Аксентьевская гора—деревня, соседняя съ Кишкинымъ.

Эта пѣсня не имѣетъ, собственно, прямого отношенія къ свадьбѣ; въ числѣ свадебныхъ мы ее помѣщаемъ потому, что она почти всегда поется почему-то на свадьбахъ.

² Печальны. ³ Одѣты въ самое худое платьѣ, какое одѣвають обыкновенно, когда идутъ молотить. ⁴ Ожерелье.

Колотился лестливый свать подъ сутным¹ окошечкомъ.
Со первого колоченья—терема пошаталися,
Со другого колоченья—верхи повалилися,
Со третьяго колоченья—задавило ретиво сердце.
Схоже красное солнышко, мой родимый батюшка,
Не вставай-ка, батюшка, со высокїя лавочки,
Не ходи-ка, батюшка, во свой широкїй дворъ,
Не пускай-ка, батюшка, ты чужого чужанина
Со княжьимъ со повздомъ къ себѣ въ высокъ теремъ:
То не гости прїѣхали по меня, молоденьку.
Приставь-ка, батюшка, ко дверямъ придверничковъ,
Приставь-ка, батюшка, къ воротамъ приворотничковъ,
Ко кутной ко завѣсѣ да ко мнѣ, молодешенькѣ;
Откажи-ка, батюшка, чужому чужанину,
На меня бы онъ не надѣялся, а искалъ бы полородиѣ.
Ростомъ поизродиѣ, личикомъ поличистѣ;
У чужого чужанина—надо жить умѣючи,
У чужого чужанина—говорить разумѣючи
Надо глаза соколиные. надо силу звѣрїную.
Надо силу звѣрїную², а сытъ³ голубиную.

5.

Вы, связыя голубушки, любїя подруженькы,
Затопите парну батюшку, пропустите кудрявый дымъ,
Чтобы вышелъ кудрявый дымъ дальше до Устюга,
Чтобы вышелъ до Устюга, а кверху до Вологды.
Вы, связыя голубушки, любїя подруженьки,
Послушайтесь, милыя, меня, молодешеньку,
На вѣку не въ первый разъ, въ двѣй вѣкъ въ послѣдїй разъ:
Заплетите русу косу, вилетите алу ленточку,
Чтобы мнѣ съ милымъ вѣнчаться, съ молодымъ обручатися.

6.

Здыну я брови черныя. возведу очи кручинныя
По свѣлымъ свѣтлицы, по широкїя горницы.
Глядь есть⁴, какъ во теремѣ прибылъ асенъ соколъ
Со чужой дальнѣй стороны Иванъ съѣтъ-Васильевичъ.
Я вѣку тебя брателкою да не ради здарьца⁵,
Не ради здарьца, не ради приношеньца.
Мнѣ-ка хочется молодѣть тебя въ очи увидѣти,
Челомъ ударити, челобитьице справити.
Не изволь-ка ломатися, изволь подыматися,
Подойди ко мнѣ, поступи въ кутъ за занавѣсу
(Женихъ приходитъ и даетъ невѣстѣ деньги; если та довольна, то поетъ:)
Спасибо тебѣ, спасибо на гривнѣ на золотой,
На другой на серебряной, на третьей позолоченой.
(Если же невѣстѣ покажется мало, то поетъ:)
На могилѣ ты выплакалъ, Христа ради выпросилъ,
Христа-ради выпросилъ да и намъ привесъ.
Ужъ ты, сватушка, сватушка, возьми ты пестерище⁶,
Обойди волостище, привеси по кусочку.

¹ Сутный уголъ—большой уголъ. ² Звѣрїная—здѣсь въ смыслѣ медвѣжьей; см. медвѣдь въ Устюжскомъ узгдѣ говорятъ обыкновенно «звѣръ». ³ Аппетитъ. ⁴ Видно. ⁵ Подарокъ.
⁶ Кузовъ, сплетенный изъ береста.

7.

Я прошу у тебя, батюшка,
Благословенья великаго
Ко злату вѣнцу вѣхати.
Мнѣ не нужно, мой батюшка,
Ни злата, ни серебра,
Ни приданаго великаго.
Только дай мнѣ, батюшка,
Благословенье великое.
Твое благословеньице
Изъ синя моря вынесетъ,
Изъ темна лѣса выведетъ.

8.

Охти мнѣ угорѣлся,
Испить мнѣ захотѣлся.
 Попрошу у тебя, батюшка,
Выноси мнѣ, родимый мой,
Либо пива пьянаго,
Либо вина зеленаго.
Попою я, мой батюшка,
Своихъ милыхъ подруженекъ.
Ужъ я смыла, молода,
Честву дѣвью красоту,
Сполучила, молода,
Полувѣрье ¹ женское,
Грозу молодецкую

(Эта пѣсня поется послѣ бани).

9.

Посилите, подруженьки,
Посидите, голубушки,
У меня, молодешеньки.
Вы подите, подруженьки,
Въ лѣсъ по губки ², по ягодки,
По зеленые вѣнички.
Вы ходите, подруженьки,
По моей-то тропиночкѣ,
Вы вступайте, подруженьки,
Во мои во слѣдочки-то,
Не давайте, подруженьки,
Зарастать муравой травой,
Заполаскивать дождичку.
Не ломайте, подруженьки,
Моея-то березушки.
Моя-то березушка
И безъ вѣтра шатается,
Безъ дожда уливается,
По землѣ разстилается.

Михаилъ Протопоповъ.

¹ Подневолье. ² По грибы.

ЖИВАЯ СТАРИНА

периодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи И. Р. Географическаго Общества (заключаетъ въ себѣ отдѣлы: I. изслѣдованія, наблюденія, разсужденія; II. памятники языка, народной словесности, живой старины; III. критика и библіографія; IV. вопросы и отвѣты; V. смѣсь), подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи В. И. Ламанскаго, будетъ выходить въ 1904 г., по примѣру прежнихъ 14 лѣтъ, четырема выпусками въ годъ.

Подписка принимается въ квартирѣ И. Р. Географическаго Общества (у Чернышева моста, гдѣ 6-я гимназія). Годовая цѣна—въ Петербургѣ—**5 р.**, въ Имперіи—**5 р. 50 к.**, за границу—**6 р.** Книгопродавцамъ дѣлается скидка въ **40 к.** съ экземпляра.

Цѣна отдѣльной книжки «Живой Старины» **1 р. 50 к.** двойной (въ два выпуска)—**3 рубля**. Оглавленіе всѣхъ выпусковъ «Живой Старины» за истекшія двѣнадцать лѣтъ—**5 к.**

Въ Географическомъ Обществѣ книжки «Живой Старины», съ 1890—1897 гг. можно получать въ С.-Петербургѣ за **3 р.** въ Имперіи за **3½ р.** и за границу за **4 р.**, за 1898 по 1901 включительно—по **4 р.**, **4½ р.** и по **5 р.**